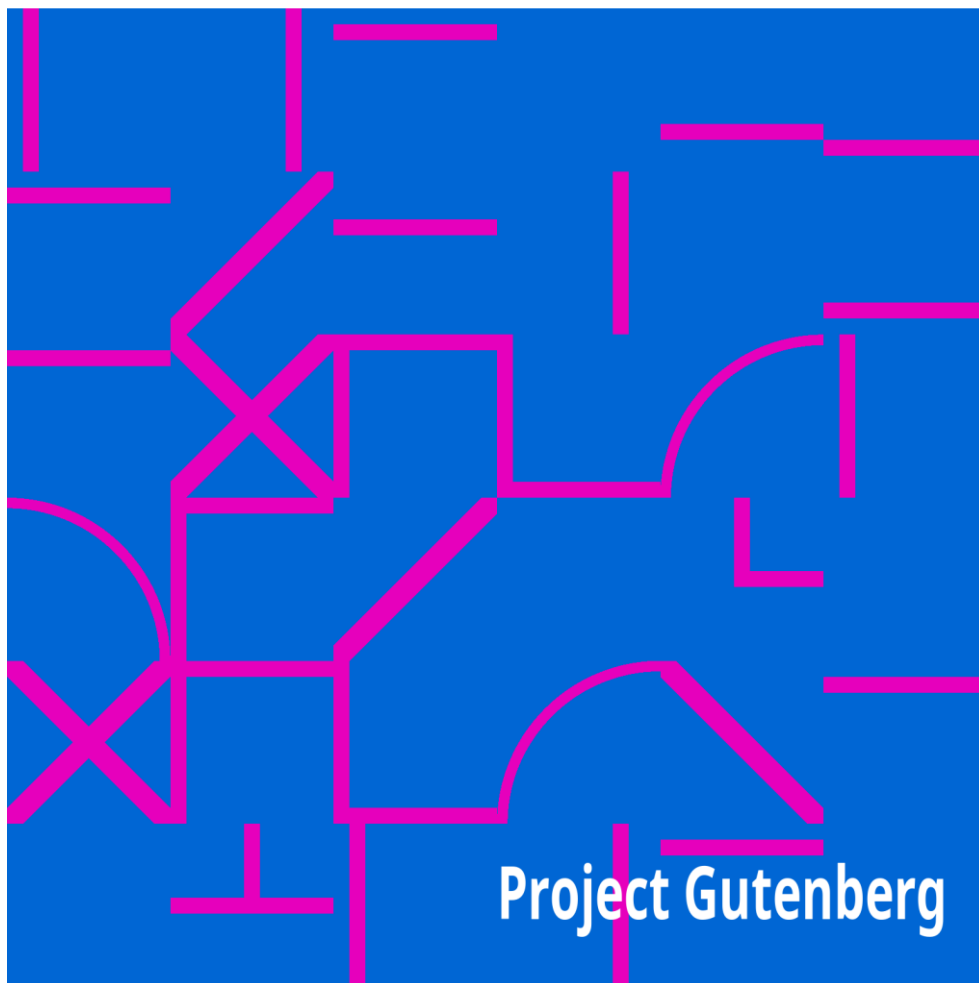

Истоки современной Франции, Том 2. Французская революция. Часть 1

Ипполит Тэн

The French Revolution - Volume 1

Hippolyte Taine

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Французской революции - Том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Французская революция - Том 1

Автор: Ипполит Тэн

Комментатор: Свен Ром

Переводчик: Джон Дюран

Дата выхода: 22 июня 2008 г. [Электронная книга № 2578]

Последнее обновление: 10 января 2013 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Свен Ром и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" - ТОМ 1 ***

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ, ТОМ 2

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 1.

Ипполит А. Тэн

Примечание переписчика текста: нумерация томов, Книг, глав и разделов такая же, как во французском, а не в американском издании.

Примечания переписчика инициализированы SR.

Свен Ром, апрель 2000 г.

HTML-код производителя **Примечание:** сноски, нумерация была изменена, чтобы включить в качестве префикса для оригинального номера сноски, книги и номера главы. Добавлено оглавление с активными ссылками.

Дэвид Уиджер, июнь 2008 г.

Содержание

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. СТИХИЙНАЯ АНАРХИЯ.

ГЛАВА I. ИСТОКИ АНАРХИИ.

- I.—Недостаток — первая причина.
- II.—Ожидания — вторая причина
- III.—Провинции в первые шесть месяцев 1789 г.
- IV.—Вмешательство негодяев и бродяг.
- V.—Влияние новых идей на население.
- VI.—Первая жакерия в провинции

ГЛАВА II. ПАРИЖ ДО 14 июля.

- I.—Поблизости новобранцы мафии
- II. Пресса.
- III.—Дело Ревийона.
- IV.—Пале-Рояль.
- V.—Народные толпы становятся политической силой.
- VI.—13 и 14 июля 1789 г.
- VII.—Убийства Фулона и Бертье.
- VIII.—Париж в руках народа.

ГЛАВА III.

- I.—Анархия с 14 июля по 6 октября 1789 г.
- II.—Провинции
- III.—Общественное мнение.—Голод
- IV.—Паника.
- V.—Нападения на государственных лиц и общественную собственность.
- VI.—Налоги больше не платятся.
- VII.—Нападения на частных лиц и частную собственность.

ГЛАВА IV. ПАРИЖ.

- I.—Париж.
- II.—Бедствие народа.
- III.—Новые народные лидеры.
- IV.—Вмешательство народных лидеров в правительство.
- V.—5 и 6 октября.
- VI.—Правительство и нация в руках революционной партии.

КНИГА ВТОРАЯ. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ТРУДОВ.

ГЛАВА I. УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ХОРОШИХ ЗАКОНОВ.

- I.—Эти условия отсутствуют в Ассамблее
- II.—Неадекватность ее информации.
- III.—Сила простых, общих идей.
- IV.—Отказ от снабжения министерства

ГЛАВА II. РАЗРУШЕНИЕ.

- I.—Два главных порока старого режима.
- II.—Природа обществ и принцип непреходящих конституций.
- III.—Сословия общества.
- IV.—Злоупотребления и тепловатость в 1789 году в церковных органах.

ГЛАВА III. КОНСТРУКЦИИ—КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА.

- I.—Полномочия центрального правительства.
- II.—Создание народной демократии.

- III.—Муниципальные королевства.
- IV.—О всеобщем избирательном праве.
- V.—Правящее меньшинство.
- VI.—Подведение итогов работы Учредительного собрания.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ПРИМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ.

ГЛАВА I.

- I.—Федерации.
- II.—Независимость муниципалитетов.
- III.—Независимые собрания.

ГЛАВА II. ВЛАДЫЧЕСТВО НЕОБУЗДАННЫХ СТРАСТЕЙ.

- I.—Старые религиозные обиды
- II.—Высшая страсть.
- III.—Эгоизм налогоплательщика.
- IV.—Алчность арендаторов.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ СТРАСТИ

- I.—Отношение знати. Их умеренное сопротивление.
- II.— Действия народного воображения по отношению к ним.
- III.—Посещения по месту жительства.
- IV.—Дворяне, вынужденные покинуть сельские округа.
- V.—Преследования в частной жизни.
- VI.—Поведение офицеров.
- VI.—Поведение офицеров.
- VII.—Эмиграция и ее причины.
- VIII.—Отношение священников, не являющихся юристами.
- IX.—Общее общественное мнение.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта вторая часть "Истоков современной Франции" будет состоять из двух томов. Народные восстания и законы Учредительного собрания заканчиваются уничтожением всего правительства во Франции; это составляет тему настоящего тома. — Партия возникает вокруг экстремистской доктрины, захватывает контроль над правительством и правит в соответствии со своей доктриной. Это станет темой второго тома.

Для критики и оценки исходного материала потребовался бы третий том. Мне не хватает необходимого места: я просто излагаю правило, которое я соблюдал. Самыми достоверными свидетельствами всегда будут показания очевидца, особенно

- * Когда этот свидетель является благородным, внимательным и умным человеком,
- * Когда он пишет на месте, в данный момент и под диктовку самих фактов,
- * Когда становится очевидным, что его единственной целью является сохранение или предоставление информации,
- * Когда его работа вместо полемической статьи, спланированной для нужд дела, или красноречивого выступления, подготовленного для массового эффекта, представляет собой официальное заявление, секретный отчет, конфиденциальную депешу, частное письмо или личный сувенир.

Чем ближе документ к этому типу, тем больше он заслуживает доверия и содержит превосходный материал. Я нашел много подобного в национальных архивах, главным образом в рукописной переписке министров, интендантов, заместителей делегатов, магистратов и других должностных лиц; военачальников, офицеров армии и жандармерии; королевских комиссаров и Ассамблеи; администраторов департаментов, округов и муниципалитетов, помимо лиц частной жизни, которые обращаются к королю, Национальной ассамблее или министерству. Среди них люди всех рангов, профессий, образования и партий. Они распределены сотнями и тысячами по всей территории. Они пишут порознь, не имея возможности консультироваться друг с другом и даже не зная друг друга. Никто не располагает такими возможностями для сбора и передачи точной информации. Никто из них не стремится к литературному эффекту и даже не воображает, что то, что они пишут, когда-нибудь будет опубликовано. Они делают свои заявления сразу, под непосредственным впечатлением от местных событий. Свидетельство такого характера, самого высокого порядка, полученное из первых рук, обеспечивает средства, с помощью которых должны быть проверены все остальные показания. — В сносках внизу страниц указаны состояние здоровья, должность, имя и адрес этих решающих свидетелей. Для

большей достоверности я как можно чаще приводил их собственные слова. Таким образом, читатель, знакомясь с текстами, может интерпретировать их для себя и составить собственное мнение; у него будут те же документы, что и у меня, для того чтобы прийти к своим выводам, и, если ему будет угодно это сделать, он может прийти к иным выводам. Что касается намеков, то, если он найдет таковые, он сам введет их, и если он применит их, он один несет за них ответственность. На мой взгляд, прошлое имеет свои особенности, и представленный здесь портрет напоминает только Францию прошлого. Я нарисовал это, не интересуясь текущими дискуссиями; я писал так, как если бы моей темой были революции во Флоренции или Афинах. Это история, и ничего больше, и, если я могу полностью выразиться, я слишком высоко ценю свое призвание историка, чтобы прикрывать его для кого-то другого. (Декабрь 1877 г.).

КНИГА ПЕРВАЯ. СПОНТАННАЯ АНАРХИЯ.

ГЛАВА I. ЗАРОЖДЕНИЕ АНАРХИИ.

Я. —Недостаток первой причины.

Неурожай. Зима 1788 и 1789 годов.—Высокая цена и низкое качество хлеба.—В провинциях.—В Париже.

В ночь с 14 на 15 июля 1789 года герцог де Ларошфуко-Лианкур разбудил Людовика XVI, чтобы сообщить ему о взятии Бастилии. "Значит, это восстание?" - воскликнул король. "Сир!" - ответил герцог. "Это революция!" Событие было еще более серьезным. Власть не только ускользнула из

рук короля, но и не перешла в руки Ассамблеи. Теперь он лежал на земле, готовый к рукам раскованного населения, буйной перевозбужденной толпы, черни, которые подобрали его, как какое-то оружие, выброшенное на улицу. Фактически, никакого правительства больше не существовало; искусственная структура человеческого общества полностью разрушалась; все возвращалось к естественному состоянию. Это была не революция, а роспуск.

Две причины возбуждают и поддерживают всеобщий переворот. Первая из них - это нехватка продовольствия, которая, будучи постоянной, длящейся в течение десяти лет и усугубляемая теми самыми беспорядками, которые она вызывает, вполне способна довести народные страсти до безумия и превратить весь ход Революции в серию судорожных спотыканий.

Когда ручей полон до краев, достаточно небольшого подъема, чтобы вызвать перелив. Так было и с чрезвычайными бедствиями восемнадцатого века. Бедный человек, которому трудно жить, когда хлеб дешев, видит смерть, смотрящую ему в лицо, когда он дорог. В этом состоянии страдания животный инстинкт восстает, и всеобщее повиновение, составляющее общественный мир, зависит в большей или меньшей степени от сухости или сырости, жары или холода. В 1788 году, в год сильной засухи, урожай был скудным. В дополнение к этому, накануне сбора урожая, в [1101 году](#), ужасная буря с градом разразилась над регионом вокруг Парижа, от Нормандии до Шампани, опустошив шестьдесят лье самой плодородной территории и причинив ущерб на сумму в сто миллионов франков. Наступила зима, самая суровая с 1709 года. В конце декабря Сена замерзла от Парижа до Гавра, а термометр показывал 180 градусов ниже нуля. В Провансе погибла треть оливковых деревьев, а остальные пострадали до такой степени, что считались неспособными плодоносить в ближайшие два года. Та же катастрофа постигла Лангедок. В Виваре и Севеннах погибли целые каштановые леса вместе со всеми зерновыми и травянистыми культурами на возвышенностях. На равнине Рона оставалась в состоянии разлива в течение двух месяцев. После весны 1789 года голод распространился повсюду, и он увеличивался из месяца в месяц подобно нарастающему наводнению. Напрасно правительство приказывало фермерам, собственникам и торговцам зерном обеспечивать рынки продовольствием. Напрасно она удвоила пошлины на импорт, прибегла ко всевозможным уловкам, погрязла в долгах и израсходовала более сорока миллионов франков на снабжение Франции пшеницей. Напрасно отдельные люди, принцы, дворяне, епископы, капитулы и общины умножают свои благотворительные пожертвования. Архиепископ Парижский задолжал 400 000 ливров, один богач раздал 40 000 франков на следующее утро после града, а монастырь бернардинок кормил тысячу двести бедняков в течение шести недель [1102](#). Но это было слишком разрушительно. Ни государственные меры, ни частная благотворительность не могли удовлетворить непреодолимую потребность. В Нормандии, где последний торговый договор положил конец производству льна и кружевной отделки, сорок тысяч рабочих остались без работы. Во многих приходах одна четвертая часть населения, [1103](#) человек, являются нищими. Здесь "почти все жители, не исключая фермеров и землевладельцев, едят ячменный хлеб и пьют воду"; там "многим беднякам приходится есть овсяной хлеб, а другим - размоченные отруби, что стало причиной смерти нескольких детей". "Прежде всего, — пишет парламент Руана, — пусть будет направлена помощь гибнущему народу ... Сир, большинство ваших подданных не в состоянии заплатить за хлеб, и хлеб выдается тем, кто его покупает" - Артур Янг, [1104](#) г., который в это время путешествовал по Франции, не слышал ни о чем, кроме высокой стоимости хлеба и бедственного положения народа. В Труа хлеб стоит четыре су за фунт, то есть восемь су по нынешним меркам; безработные ремесленники стекаются на благотворительные работы, где они могут

зарабатывать всего двенадцать су в день. В Лотарингии, по свидетельству всех наблюдателей, "люди полумертвы от голода". В Париже число нищих утроилось; только в Сент-Антуанском предместье их тридцать тысяч. В окрестностях Парижа не хватает зерна, или оно испорчено¹¹⁰⁵. В начале июля рынок в Монтеро пуст. "Пекари не смогли бы печь", если бы полицейские не повысили цену на хлеб до пяти су за фунт; рожь и ячмень, которые интендант может прислать, "самого плохого качества, гнилые и способны вызывать опасные заболевания. Тем не менее, большинство мелких потребителей вынуждены использовать это испорченное зерно". В Вильнев-ле-Руа, пишет мэр, "рожь из двух последних отправленных партий настолько черная и некачественная, что ее нельзя продавать в розницу без пшеницы". В Сенсе ячмень до такой степени "заплесневелый", что покупатели швыряют отвратительный хлеб, который он выпекает, в лицо заместителю делегата. В Шеврезе ячмень пророс и дурно пахнет; "бедняги, - говорит работник, - должно быть, мучаются от голода, чтобы мириться с этим". В Фонтенбло "из наполовину съеденного ячменя получается больше отрубей, чем муки, и, чтобы испечь из него хлеб, приходится несколько раз его перетирать". Этот хлеб, такой, каков он есть, является предметом дикой жадности; "дошло до того, что его невозможно раздавать иначе, как через калитки". И те, кто таким образом получает свой паек, "часто подвергаются нападению на дороге и отнимают его у более энергичных из голодающих людей". В Нангисе "магистраты запрещают одному и тому же человеку покупать более двух бушелей на одном рынке". Короче говоря, провизии так мало, что солдат трудно прокормить; министр одно за другим отправляет два письма с приказом скопить 250 000 бушелей ржи до сбора урожая¹¹⁰⁶. Таким образом, Париж, пребывающий в состоянии совершенного спокойствия, выглядит как истощенный голодом город, получивший паек в конце долгой осады, и в декабре 1870 года нехватка продовольствия не будет больше, чем в июле 1789 года.

"Чем ближе было 14 июля, - говорит очевидец,¹¹⁰⁷ г., - тем больше увеличивался дефицит. Каждая пекарня была окружена толпой, которой хлеб раздавали с самой неохотной экономией. Этот хлеб обычно был черноватым, землистым и горьким, вызывая воспаление горла и боли в кишечнике. Я видел муку отвратительного качества в военном училище и на других складах. Я видел куски его желтого цвета с неприятным запахом; некоторые образовывали блоки настолько твердые, что их приходилось разбивать на куски многократными ударами топора. Что касается меня, то, утомленный трудностями добывания этого жалкого хлеба и испытывая отвращение к тому, что мне предлагали в "табльдотах", я вообще избегал этой пищи. Вечером я пошел в Café du Caveau, где, к счастью, были настолько любезны, что заказали для меня две булочки, которые называются флейтами, и это единственный хлеб, который я ел за неделю".

Но этот ресурс предназначен только для богатых. Что касается людей, то, чтобы купить хлеб, пригодный для собак, они должны часами стоять в очереди. И вот они сражаются за это; "они вырывают еду друг у друга". Работы больше нет; "рабочие помещения опустели"; часто, прождав целый день, рабочий возвращается домой с пустыми руками. Когда он все-таки приносит четырехфунтовую буханку, это обходится ему в 3 франка 12 су, то есть 12 су за хлеб и 3 франка за потерянный день. В этой длинной очереди безработных, возбужденных людей, раскачивающихся взад-вперед перед дверью магазина, бродят мрачные мысли: "если пекари не найдут сегодня муки для выпечки, завтра нам нечего будет есть". Ужасающая идея, перед лицом которой вся власть правительства не слишком сильна, ибо для поддержания порядка в разгар голода нет ничего полезного, кроме вида вооруженной силы, ощутимой и угрожающей. При Людовике XIV и Людовике XV были еще большие голод и нищета; но вспышки, которые были грубо и быстро подавлены, были лишь частичными и преходящими беспорядками.

Некоторых бунтовщиков сразу повесили, а других отправили на галеры. Крестьянин или рабочий, убедившись в своей бессилии, сразу же вернулся к своему стойлу или плугу. Когда стена слишком высока, человек даже не думает о том, чтобы взобраться на нее.—Но теперь стена дает трещину — все ее хранители, духовенство, знать, Третье сословие, литераторы, политики и даже само правительство, делая брешь шире. Несчастные впервые обнаруживают проблему: они бросаются через нее, сначала по крупицам, затем всей массой, и бунт становится таким же всеобщим, каким было смирение в прошлом.

II.—Ожидания - вторая причина

Разделение и расхлябанность административных сил.— Расследования в отношении местных собраний. — Люди осознают свое положение.— Созыв Генеральных штатов.—Рождается надежда. Совпадение ранних Собраний с ранними трудностями.

Именно через эту брешь, подобно лучу света, пробивается надежда и постепенно находит свой путь вниз, в глубины. В течение последних пятидесяти лет он поднимался, и его лучи сначала осветили высший класс в их великолепных апартаментах на первом этаже, а затем средний класс в их антресолях и на первом этаже. Вот уже два года они проникают в подвалы, где трудятся люди, и даже в глубокие ямы и темные углы, где жулики, бродяги и злоумышленники, грязное и кишачье стадо, толпятся и прячутся от преследования закона.—К первым двум провинциальным ассамблеям, учрежденным Неккером в 1778 и 1779 годах, Ломени де Бриенн в 1787 году только что добавила девятнадцать других; под каждой из них находятся ассамблеи округа, под каждой ассамблеей округа находятся приходские ассамблеи¹¹⁰⁸. Таким образом, был изменен весь механизм управления. Именно новые собрания определяют налоги и контролируют их сбор; которые определяют все общественные работы и руководят ими; и которые образуют апелляционный суд последней инстанции в отношении спорных вопросов. Интендант, заместитель делегата, избранный представитель¹¹⁰⁹, таким образом, теряют три четверти своих полномочий. В результате возникают конфликты между соперничающими державами, границы которых четко не определены; командование меняется, и повиновение ослабевает. Субъект больше не ощущает на своих плечах властного веса одной руки, которая без возможности вмешательства или сопротивления удерживала его, подталкивала вперед и заставляла двигаться дальше. Между тем, в каждом собрании приходского округа и даже провинции плебеи, "мужеубийцы",¹¹¹⁰ и часто простые фермеры заседают рядом с лордами и прелатами. Они слушают и запоминают огромную цифру налогов, которые платят исключительно или почти исключительно они сами, — тайль и его принадлежности, подушный налог и дорожные сборы, и, конечно же, по возвращении домой они обсуждают все это со своим соседом. Все эти цифры напечатаны; деревенский прокурор обсуждает этот вопрос со своими клиентами, ремесленниками и крестьянами, в воскресенье, когда они уходят с мессы,

или вечером в большом общем зале таверны. Более того, эти небольшие собрания санкционируются и поощряются высшестоящими властями. В первые дни 1788 года провинциальные собрания приказали синдикам и жителям каждого прихода созвать комиссию по расследованию. Требуется подробное изложение их жалоб. Какая часть дохода приходится на каждого самозванца? Сколько должен платить культиватор и как сильно он страдает? Сколько привилегированных лиц проживает в приходе, каков размер их состояния, являются ли они постоянными жителями и каковы их льготы? Отвечая, юрист, который держит ручку, называет и указывает пальцем на каждого привилегированного человека, критикует его образ жизни и оценивает его состояние, подсчитывает ущерб, нанесенный деревне его иммунитетами, оскорбляет налоги и сборщиков налогов. Покидая эти собрания, сельский житель размышляет над тем, что он только что услышал. Он видит свои обиды уже не поодиночке, как раньше, а в массе и в сочетании с чудовищностью зла, от которого страдают его собратья. Кроме того, они начинают выяснять причины своего несчастья: король хороший — почему же тогда его сборщики забирают так много наших денег? Тот или иной каноник или дворянин не является недобрым — почему же тогда они заставляют нас платить вместо них?— Представьте себе, что внезапный проблеск разума должен позволить вьючному животному осознать контраст между видом лошадей и человечеством. Представьте, если сможете, каковы были бы его первые мысли по отношению к кучерам и извозчикам, которые его взнуздывают и хлещут кнутом, а также по отношению к добродушным путешественникам и чувствительным дамам, которые жалеют его, но которые к весу транспортного средства добавляют свой собственный и свой багаж.

Точно так же в сознании крестьянина, вопреки его растерянным размышлениям, медленно, мало-помалу развертывается новая идея: идея угнетенного множества, одним из которых он является, огромного стада, рассеянного далеко за видимым горизонтом, повсюду обиженного, уморенного голодом и ограбленного. К концу 1788 года мы начинаем улавливать в переписке интендантов и военных комендантов глухое всеобщее бормотание о грядущем гневе. Характеры мужчин, кажется, меняются; они становятся подозрительными и беспокойными.— И как раз в этот момент Правительство, бросив вожжи, призывает их взять себя в руки.¹¹¹¹ В ноябре 1787 года король объявил, что созовет Генеральные штаты. 5 июля 1788 года он запрашивает меморандумы (мемуары) по этому вопросу у каждого компетентного лица и органа. 8 августа он назначает дату заседания. 5 октября он созывает нотаблей, чтобы обсудить с ними этот вопрос. 27 декабря он предоставляет двойное представительство Третьему сословию, потому что "его дело связано с великодушными чувствами, и оно всегда будет пользоваться поддержкой общественного мнения". В тот же день он вводит в избирательные собрания духовенства большинство кюре¹¹¹², "потому что хорошие и полезные пастыри ежедневно и тесно связаны с нуждой людей", из чего следует, "что они гораздо лучше знакомы с их страданиями" и нуждами. 24 января 1789 года он предписывает порядок и методику проведения заседаний. После 7 февраля повестки рассылаются одна за другой. Восемь дней спустя каждое приходское собрание начинает составлять свой мемориал жалоб и приходит в восторг от подробного перечисления всех несчастий, которые оно излагает в письменном виде.— Все эти призывы и все эти действия - это так много штрихов, которые находят отклик в народном воображении. "Его Величество желает, - говорится в изданном приказе, - чтобы каждый человек на окраинах его королевства и в самых захолустных его деревушках был уверен в том, что его пожелания и протесты дойдут до него". Таким образом, все это совершенно верно: ошибки быть не может, дело ясное. Людей приглашают высказаться, их созывают, с ними советуются. Есть желание

облегчить их участь; отныне их страдания будут меньше; наступают лучшие времена. Это все, что они знают об этом. Несколько месяцев спустя, в июле 1113 г. единственный ответ, который крестьянская девушка может дать Артуру Янгу, звучит так: "Некоторые великие люди должны были что-то сделать для таких бедных, но она не знала, кто и как". Это слишком сложно, недоступно отупевшему и механическому мозгу. — Возникает только одна идея, надежда на немедленное облегчение. Убеждение в том, что человек имеет на это право, решимость помогать ему всеми возможными средствами. Следовательно, тревожное ожидание, готовый пыл, напряжение воли просто из-за ожидания возможности отпустить все и устремиться подобно неудержимой стреле к неизвестному концу, который внезапно раскроется. Голод заключается в том, чтобы выделить для них эту внезапную цель.

Рынок должен быть обеспечен пшеницей; фермеры и землевладельцы должны привозить ее; оптовым покупателям, будь то правительство или частные лица, не должно быть позволено отправлять ее куда-либо еще. Пшеница должна продаваться по низкой цене; цена должна быть снижена и зафиксирована, чтобы пекарь мог продавать хлеб по два су за фунт. Зерно, мука, вино, соль и провизия больше не должны облагаться пошлинами. Сеньориальные сборы и притязания, церковная десятина, королевские или муниципальные налоги больше не должны существовать. В связи с этой идеей в марте, апреле и мае со всех сторон вспыхнули беспорядки. Современники "не знают, что думать о таком бедствии; 1114 они не могут понять, как такое огромное количество преступников, не имеющих видимых лидеров, повсюду договариваются между собой совершать одни и те же бесчинства как раз в то время, когда Генеральные штаты собираются начать свои заседания". Причина в том, что при старом режиме пожар тлел в закрытом помещении; огромная дверь внезапно открывалась, поступал воздух, и пламя немедленно вырывалось наружу.

III. Провинции за первые шесть месяцев 1789 г.

Последствия массового голода.

Сначала возникают лишь периодические, изолированные возгорания, которые гаснут или гаснут сами по себе; но мгновение спустя в том же месте или совсем рядом с ним снова появляются искры. Их количество, как и их повторяемость, показывает обширность, глубину и жар горючей материи, которая вот-вот взорвется. За четыре месяца, предшествовавших взятию Бастилии, во Франции можно насчитать более трехсот вспышек. Они проходят из месяца в месяц и из недели в неделю в Пуату, Бретани, Турени, Орлеане, Нормандии, Иль-де-Франсе, Пикардии, Шампани, Эльзасе, Бургундии, Ниверне, Оверни, Лангедоке и Провансе. 28 мая парламент Руана объявляет о кражах зерна, "жестоких и кровавых беспорядках, в которых погибли люди с обеих сторон" по всей провинции, в Кане, Сен-Ло, Мортене, Гранвиле, Эвре, Берне, Пон-Андемере, Эльбефе, Лувье и в других районах. 20 апреля барон де Безенваль,

военный комендант Центральных провинций, пишет: "Я еще раз представил господину Неккеру картину ужасающего положения Турени и Орлеана. Каждое письмо, которое я получаю из этих двух провинций, — это рассказ о трех или четырех беспорядках, которые с трудом подавляются войсками и полицией", [1115 г.](#) - и на всей территории королевства наблюдается аналогичное положение вещей. Женщины, что естественно, обычно стоят во главе этих вспышек. Именно они в Монлери вскрывают мешки с зерном ножницами. Узнав каждую неделю, в базарный день, что цена буханки хлеба увеличивается на три, четыре или семь су, они раздражаются криками ярости: при таких ценах на хлеб, при маленьком жалованье мужчин, когда работа терпит неудачу, [1116](#) как можно прокормить семью? Толпы собираются вокруг мешков с мукой и дверей пекарен. Среди криков и упреков кто-то в толпе делает толчок; владельца или торговца толкают и сбивают с ног. Лавка захвачена, товар находится в руках покупателей и голодающих, каждый забирает себе, платят или не платят, и убегает с добычей. Иногда заранее составляется отряд [1117](#) 1 мая в Брей-сюр-Сен жители деревни на четыре лье вокруг, вооруженные камнями, ножами и дубинками, числом до четырех тысяч, принуждают метателей и фермеров, которые привезли с собой зерно, продавать его по 3 ливра вместо 4 ливров по 10 су за бушель. Они угрожают сделать то же самое в следующий базарный день, но фермеры не возвращаются, склад остается пустым. Теперь солдаты должны быть поблизости, иначе жители Брея будут разграблены. В Баньоле, в Лангедоке, 1 и 2 апреля крестьяне, вооруженные дубинками и собранные под барабанный бой, "ходят по городу, угрожая сжечь и уничтожить все, если им не дадут муки и денег". Они ходят по частным домам за зерном, делят его между собой по сниженной цене, "обещая заплатить, когда соберется следующий урожай", и заставляют консулов отпускать хлеб по два су за фунт и увеличивать дневную заработную плату на четыре су.— Действительно, сейчас это обычное дело; не люди подчиняются властям, а власти подчиняются людям. Консулы, шерифы, мэры, муниципальные служащие, городские клерки приходят в замешательство и колеблются перед лицом этого огромного шума; они чувствуют, что их, скорее всего, растопчут ногами или выбросят из окон. Другие, с большей твердостью, сознавая, что буйствующая толпа обезумела, и не решаясь проливать кровь, пока уступают, надеясь, что в следующий базарный день будет больше солдат и будут приняты лучшие меры предосторожности. В Амьене, "после очень сильной вспышки", [1118 г.](#) они решают забрать пшеницу, принадлежащую монахам-якобинцам, и под защитой войск продавать ее народу на треть ниже ее стоимости. В Нанте, где подверглась нападению ратуша, они вынуждены снизить цену на хлеб на одно су за фунт. В Ангулеме, чтобы избежать применения оружия, они просят графа д'Артуа отказаться от пошлин на муку на два месяца, снизить цены на хлеб и выплатить компенсацию пекарям. В Сетте с ними так жестоко обращаются, что они пускают все на самотек; люди разграбляют свои жилища и берут верх; они трубным звуком объявляют, что все их требования удовлетворены. В других случаях мафия отказывается от их услуг и действует сама по себе. Если на рыночной площади оказывается, что зерна нет, люди идут за ним везде, где только могут найти — к владельцам и фермерам, которые не могут привезти его из-за боязни разграбления; в монастыри, которые королевским указом обязаны всегда иметь в запасе годовой урожай; в зернохранилища, где правительство хранит свои припасы; и в автоколонны, которые интенданты отправляют на помощь голодающим городам. Каждый сам за себя — тем хуже для его ближнего. Жители Фужера избивают и изгоняют тех, кто приезжает из Эрне за покупками на их рынок; аналогичное насилие проявляется в Витре по отношению к жителям Мэна. [1119](#) В Сент-Леонаре люди останавливают зерно, отправленное в Лимож; в Босте - зерно, предназначенное для Орийяка; в Сен-Дидье - зерно, заказанное для Мулена; и в Турнусе - зерно, отправленное в Макон. Тщетно добавляется сопровождение к обозам; отряды мужчин и

женщин, вооруженные топорами и ружьями, устраивают засады в лесах вдоль дороги и хватают лошадей под уздцы; для обеспечения любого продвижения приходится пускать в ход саблю. Напрасны аргументы и добрые слова, "и напрасно даже пшеницу предлагают за деньги; они отказываются, крича, что колонна не пойдет дальше". Они заняли упрямую позицию, их решимость подобна решимости быка, поставленного посреди дороги и опускающего свои рога. Поскольку пшеница находится в округе, она принадлежит им; тот, кто уносит ее или удерживает у себя, является грабителем. Эту навязчивую идею невозможно изгнать из их умов. В Чант-нае, недалеко от Мана, ¹¹²⁰ они мешают мельнику отнести то, что он только что купил, на свою мельницу. В Мондрагоне, в Лангедоке, они побили камнями торговца в тот момент, когда он отправлял свой последний фургон с грузом в другое место. Во Тьере рабочие силой идут собирать пшеницу на полях; владелец, у которого ее находят, чуть не убит; они пьют вино в погребах и оставляют краны открытыми. В Невере, где пекари четыре дня не выставляли хлеб на прилавки, толпа захватывает зернохранилища частных лиц, торговцев и религиозных общин. "Перепуганные торговцы зерном расстанутся со своим зерном по любой цене; большая его часть крадется на глазах у стражи", и в суматохе этих обысков несколько домов разграблены. — В эти дни горе всем, кто связан с приобретением, торговлей и манипулированием зерном! Народному воображению нужны живые существа, которым оно может приписывать свои несчастья и на которых оно может изливать свое негодование. Для него все такие лица являются монополистами и, во всяком случае, врагами общества. Близ Анже бенедиктинский истеблишмент захвачен, его поля и леса опустошены. ¹¹²¹ В Амьене "люди собираются разграбить и, возможно, сжечь дома двух купцов, которые построили трудозатратные фабрики". Сдерживаемые солдатами, они ограничиваются битьем окон; но другие "группы приходят, чтобы разрушить или разграбить дома двух или трех человек, которых они подозревают в монополизме". В Нанте некий съер Жеслен, уполномоченный народом осмотреть дом и не обнаруживший пшеницы, поднимает шум, что он получатель, сообщник! Толпа бросается на него, и он ранен и почти разрублен на куски. — Совершенно очевидно, что во Франции больше нет безопасности; собственность, даже жизнь, в опасности. Основное достояние, продовольствие, нарушается в сотнях мест, и везде оно находится под угрозой. Местные власти повсюду взывают о помощи, объявляют полицию некомпетентной и требуют регулярных войск. И обратите внимание, как общественная власть, повсюду неадекватная, дезорганизованная и шатающаяся, обнаруживает, что против нее восстает не только слепое безумие голода, но, вдобавок, злые инстинкты, извлекающие выгоду из любого беспорядка, и закоренелые похоти, которые освобождает от ограничений каждое политическое волнение.

IV.—Вмешательство хулиганов и бродяг.

Мы видели, насколько многочисленными стали контрабандисты, торговцы контрабандной солью, браконьеры, бродяги, попрошайки и беглые каторжники¹¹²² человека, и как увеличивается их число с каждым годом голода. Все они - множество новобранцев для мафии, и независимо от того, происходят ли беспорядки или посредством беспорядков, каждый из них набивает свой кошелек. Вокруг Ко,¹¹²³ даже до окрестностей Руана, в Роншероле, Кевревильи, Пре, Сен-Жак и во всех прилегающих районах банды вооруженных бандитов врываются в дома, особенно в приходские дома, и прибирают к рукам все, что им заблагорассудится. К югу от Шартра "три или четыре сотни лесорубов из лесов Беллема рубят все, что им противостоит, и заставляют отдавать им зерно по их собственной цене". В окрестностях Этампа пятнадцать бандитов ночью проникают в фермерские дома и требуют за фермера выкуп, угрожая ему пожаром. В Камбрези они грабят аббатства Вошель, Верже и Гильман, замок маркиза де Бесселара, поместье г-на Дуази, две фермы, фургоны с пшеницей, идущие по дороге в Сен-Кантен, и, кроме того, семь ферм в Пикардии. "Очаг этого восстания находится в некоторых деревнях, граничащих с Пикардией и Камбрезисом, знакомых с контрабандными операциями и с лицензией на это занятие". Крестьяне позволяют бандитам увести себя. Человек быстро скатывается по склону нечестности; тот, кто наполовину честен и принимает участие в бунте непреднамеренно или вопреки себе; повторяет этот поступок, привлеченный безнаказанностью или выгодой. На самом деле, "ими движет не крайняя необходимость"; они спекулируют из корысти, это новый вид незаконной торговли. Старый солдат с саблей в руке, лесничий и "около восьми человек, достаточно слабосильных, становятся во главе четырехсот или пятисот человек и каждый день отправляются в три или четыре деревни. Здесь они заставляют всех, у кого есть пшеница, отдавать ее им за 24 ливра", и даже за 18 ливров - мешок. Те из группы, кто говорит, что у них нет денег, забирают свою долю без оплаты. Другие, заплатив столько, сколько им заблагорассудится, перепродают с прибылью, которая составляет даже 45 ливров за мешок. Это хороший бизнес, в котором жадность делает бедность своей сообщницей. Во время следующего сбора урожая искушение будет таким же: "они угрожали прийти и убрать урожай за нас, а также забрать наш скот и продавать мясо в деревнях по цене два су за фунт". — В каждом крупном восстании есть подобные злодеи и бродяги, враги закона, дикие, бесчинствующие головорезы, которые, подобно волкам, рыщут повсюду, где учуют добычу. Именно они служат руководителями и исполнителями общественной или частной злобы. Около Юзеса двадцать пять человек в масках, с ружьями и дубинками ворвались в дом нотариуса, выстрелили в него из пистолета, избили, разгромили помещение и сожгли его реестры вместе с документами о праве собственности, которые он хранил для графа де Рувра. Семеро из них арестованы, но люди на их стороне, они нападают на полицию и освобождают их.¹¹²⁴— Их знают по их поступкам, по их любви к разрушению ради разрушения, по их иностранному акценту, по их диким лицам и их лохмотьям. Некоторые из них приезжают из Парижа в Руан, и в течение четырех дней город находится в их власти.¹¹²⁵ Магазины взломаны, железнодорожные вагоны разгружены, пшеница растрочена впустую, а монастыри и семинарии разграблены. Они вторгаются в жилище генерального прокурора, который начал против них судебное разбирательство, и хотят разорвать его на куски. Они разбивают его зеркала и мебель, покидают помещение, нагруженные добычей, и отправляются в город и его окраины, чтобы разграбить мануфактуры и разбить или сжечь все оборудование.— Отныне они составляют новых лидеров: ибо в каждой толпе самые смелые и наименее щепетильные идут впереди и подают пример в разрушении. Пример заразителен: началом была жажда хлеба,

концом - убийства и поджоги; дикость, вырвавшаяся на свободу, добавляет свое безграничное насилие к ограниченному бунту необходимости.

V.—Влияние Новых идей на население.

Как бы плохо это ни было, эту дикость, возможно, можно было бы преодолеть, несмотря на нехватку продовольствия и разбойников; но что делает ее непреодолимой, так это вера в то, что она санкционирована теми, чей долг - подавлять ее. То тут, то там вырываются слова и действия, полные жестокой откровенности, и открывают за мрачным настоящим более угрожающее будущее — После 9 января 1789 года среди толпы, которая нападает на Отель-де-Вилль и осаждает булочные Нанта: "Да здравствует свобода!"¹¹²⁶ вперемешку с песнями "Да здравствует король!" они услышаны." Несколько месяцев спустя, в окрестностях Плоэрмеля, крестьяне отказываются платить десятину, утверждая, что решение суда их сенешаля требует ее отмены. В Эльзасе после марта происходит тот же самый отказ "во многих местах"; многие общины даже утверждают, что они больше не будут платить налоги до тех пор, пока их депутаты в Генеральных штатах не установят точную сумму общественных взносов. В Изере в результате судебного разбирательства, напечатанного и обнародованного, было принято решение о том, что "личные взносы" больше не должны выплачиваться, в то время как землевладельцы, пострадавшие от этого, не осмеливаются подавать иски в суды. В Лионе люди пришли к выводу, "что все сборы налогов должны прекратиться", и 29 июня, услышав о встрече трех орденов, "пораженные иллюминацией и признаками общественного ликования", они поверили, что настало подходящее время". Они думают заставить поставлять им мясо по четыре су за фунт и вино по той же цене. Мытари намекают им на предстоящую отмену октруа.¹¹²⁷ и что тем временем король, выступая за повторное собрание трех орденов, предоставил трехдневную свободу от всех обязанностей в Париже и что Лион должен пользоваться той же привилегией ". После этого толпа устремляется к барьерам, к воротам Сен-Клер и Перраш, а также к мосту Гильотьер, сжигает или разрушает конторы, уничтожает кассы, разоряет квартиры клерков, уносит деньги и расхищает вино, имеющееся на складе. Тем временем по стране распространился слух, что в город можно бесплатно въехать за любой провизией. В течение следующих дней крестьяне прибывают с огромными вереницами повозок, груженных вином и запряженных несколькими волами, так что, несмотря на восстановленную охрану, приходится пропускать их весь день без уплаты пошлины. Только 7 июля их снова можно будет забрать.— То же самое происходит в южных провинциях, где основные налоги взимаются с провизии. Там также сбор средств приостановлен от имени государственной власти. В Агде,^{1128 г.} "народ, принимая во внимание так называемую волю короля относительно равенства классов, достаточно глуп, чтобы думать, что он - все и может все". Таким образом, они по-своему и в своих собственных терминах истолковывают двойное представительство, предоставляемое Третьему сословию. Следовательно, они угрожают городу всеобщим разграблением, если цены на все съестные припасы не будут снижены и если провинциальные пошлины на вино, рыбу и

мясо не будут отменены. Они также хотят назначить консулов, которые выросли из их тела ". Епископ, владелец поместья, мэр и знать, против которых они насильно настраивают крестьянство в стране, обязаны трубным звуком провозгласить, что их требования будут удовлетворены. Через три дня они требуют уменьшения налога на помол наполовину и отправляются на поиски епископа, которому принадлежат мельницы. Большой прелат опускается на улице и садится на камень; его немедленно заставляют подписать акт об отречении, и, следовательно, "стоимость его мельницы, оцениваемой в 15 000 ливров, снижается до 7500 ливров". — В Лиму под предлогом поиска зерна они проникают в дома контролера и налоговых инспекторов, уносят их реестры и бросают их в воду вместе с мебелью их клерков.— В Провансе дело обстоит еще хуже, ибо совершенно несправедливо и по непостижимой неосторожности все налоги в городах взимаются с муки. Следовательно, именно этому самозванцу напрямую приписывается дороговизна хлеба. Следовательно, налоговый агент становится явным врагом, а бунты из-за голода превращаются в восстания против государства.

VI.—Первая жакерия в провинции

Слабость или неэффективность репрессивных мер.

Здесь, опять же, политические новшества - это искра, которая воспламеняет массу пороха. Повсюду народные восстания происходят в тот самый день, когда собирается избирательное собрание. Менее чем за две недели в провинциях происходит от сорока до пятидесяти беспорядков. Народное воображение, как у ребенка, сразу достигает цели. После того, как реформы были объявлены, люди считают их завершенными, и, чтобы быть уверенными в них, сразу же предпринимаются шаги по их реализации. Теперь, когда мы должны получить облегчение, давайте облегчимся сами. "Это не изолированный бунт, как обычно", - пишет командующий войсками; ¹¹²⁹ "здесь фракция объединена и руководствуется едиными принципами; одни и те же ошибки распространены во всех умах Принципы, внушаемые народу, заключаются в том, что король желает равенства. Больше никаких епископов или лордов, никаких ранговых различий, никакой десятины и никаких сеньориальных привилегий. Таким образом, эти введенные в заблуждение люди воображают, что они осуществляют свои права и повинуются воле короля". Эффект звучных фраз очевиден. Народу было сказано, что Генеральные штаты должны были осуществить "возрождение королевства", отсюда следует вывод, "что дата их собрания должна была ознаменовать полную и абсолютную перемену условий и судеб". Следовательно, "восстание против дворянства и духовенства столь же активно, сколь и широко распространено". "Во многих местах было ясно объявлено, что против землевладельцев и собственности объявлена своего рода война", и "как в городах, так и в сельских округах люди упорно заявляют, что они ничего не будут платить - ни налогов, ни

пошлин, ни долгов". — Естественно, первая атака направлена против *riquet*, или налога на муку. В Эксе, Марселе, Тулоне и более чем в сорока городах и рыночных поселках это в срочном порядке отменено; в Аупте и Люке от весовой не осталось ничего, кроме четырех стен. В Марселе разграблен дом подрядчика бойни, а в Бриньоле - дом директора кожевенного акциза. Решимость состоит в том, чтобы "очистить страну от акцизников". — Это только начало; хлеб и другие продукты питания должны подешеветь, и это без промедления. В Арле Корпорация моряков, возглавляемая консулом г-ном де Баррасом, только что избрала своих представителей. В заключение встречи они принимают резолюцию, настаивающую на том, чтобы г-н де Баррас снизил цены на все съестные припасы. В ответ на его отказ они "открывают окно, восклицая: "Мы держим его, и нам остается только выбросить его на улицу, чтобы остальные подобрали его". Уступка неизбежна. Глашатаи города провозглашают резолюцию, и при каждом удешевлении товара толпа кричит: "Да здравствует король, да здравствует господин Баррас!" — Приходится уступать грубой силе. Но неудобство велико, потому что из-за отмены налога на муку у городов больше нет дохода. С другой стороны, поскольку Тулон обязан возмещать убытки мясникам и пекарям, он, например, задолжал им 2500 ливров в день.

В этом состоянии беспорядка горе тем, кто находится под подозрением в том, что они прямо или косвенно способствовали злу, которое терпит народ! В Тулоне требуют голову мэра, который подписывает налоговую ведомость, и хранителя записей. Их топчут ногами, а их дома разоряют. В Маноске епископа Систеронского, посещающего семинарию, обвиняют в покровительстве монополисту. Когда он пешком идет к своему экипажу, его освистывают и угрожают. Сначала его забрасывают грязью, а затем камнями. Присутствующие консулы и заместитель делегата, которые приходят ему на помощь, получают увечья и отбрасываются. Тем временем несколько самых разъяренных начинают у него на глазах "рыть ров, чтобы похоронить его". Под защитой пяти или шести храбрых парней, под градом камней, раненный в голову и многие части тела, он добирается до своей кареты. В конце концов он спасается только потому, что лошади, которых тоже побили камнями, убегают. Иностранцы, итальянцы, бандиты смешиваются с крестьянами и ремесленниками, слышны выражения и видны действия, указывающие на жакерию.¹¹³⁰ "Самые взволнованные сказали епископу: "Мы бедны, а вы богаты, и мы хотим получить все ваше имущество"."¹¹³¹ В другом месте: "мятежная толпа требует жертвований от всех людей, находящихся в хороших обстоятельствах. В Бриньоле тринадцать домов разграблены сверху донизу, а тридцать других - частично наполовину.—При Ауте господин де Монферрат, защищаясь, был убит и "изрублен на куски".—В Ла Сейне толпа, возглавляемая крестьянином, собирается под бой барабана. Какие-то женщины приносят носилки и устанавливают их перед домом видного буржуа, говоря ему, чтобы он готовился к смерти и что "они будут иметь честь похоронить его". Он сбегает; его дом разграблен, как и управление налога на муку. На следующий день глава банды "обязывает основных жителей выдать ему денежную сумму для возмещения ущерба, как он утверждает, крестьянам, которые бросили свою работу", и посвятил день служению обществу. — В Пейнье президент де Пейнье, восьмидесятилетний старик, "осажден в своем замке бандой из ста пятидесяти ремесленников и крестьян", которые приводят с собой консула и нотариуса. С помощью этих двух функционеров они заставляют президента "принять закон, которым он отказывается от всех своих сеньориальных прав " — В Солье они уничтожают фабрики, принадлежащие месье де Форбен-Янсону. Они грабят дом его делового агента, грабят замок и сносят крышу, часовню, алтарь, перила и щиты. Они проникают в погреба, закупоривают бочки и уносят все, что можно унести, "перевозка занимает два дня", и все это наносит маркизу ущерб в размере ста тысяч крон.— В Рице они окружают епископский

дворец хворостом, угрожая сжечь его, "и идут на компромисс с епископом, пообещав пятьдесят тысяч ливров", и хотят, чтобы он сжег свои архивы. Короче говоря, крамола носит социальный характер, поскольку она выделяет для нападения всех, кто извлекает выгоду из установленного порядка вещей или стоит во главе него.

Видя, как они действуют таким образом, можно было бы сказать, что им была привита теория противоположного-Социального. Они обращаются с магистратами как с прислугой, издают законы и ведут себя как монархи. Они осуществляют общественную власть и устанавливают, кратко, произвольно и жестоко, все, что, по их мнению, соответствует естественному праву.— В Пейнье они требуют созыва второго избирательного собрания и, для себя, права голоса.— В Сен-Максимине они сами избирают новых консулов и судебных исполнителей.— В Соллиеэ они заставляют помощника судьи подать в отставку и сокращают штат его канцелярии.— В Баржоле "они используют консулов и судей как своих городских слуг, объявляя, что они хозяева и что они сами будут вершить правосудие". — На самом деле, они действительно вершат его так, как они это понимают, то есть посредством многочисленных поборов и грабежей! У одного человека есть пшеница; он должен поделиться ею с тем, у кого ее нет. У другого есть деньги; он должен отдать их тому, у кого их недостаточно, чтобы купить хлеб. Исходя из этого принципа, в Баржоле они облагают налогом монахинь-урсулинок в 1800 ливров, забирают пятьдесят возов пшеницы у Капитула, восемнадцать - у одного бедного ремесленника и сорок - у другого и принуждают каноников и бенефициариев выносить оправдательные приговоры своим фермерам. Затем, от дома к дому, с дубинкой в руках, они обязывают одних отдать деньги, других отказаться от претензий к своим должникам, "одного прекратить уголовное преследование, другого аннулировать полученное постановление, третьего возместить расходы по судебному иску, возбужденному много лет назад, отца дать согласие на женитьбу своего сына". — Вспоминаются все их жалобы, и все мы знаем живучесть крестьянской памяти. Став хозяином, он исправляет причиненные обиды, и особенно те, объектом которых он считает себя. Должно быть всеобщее возмещение; и в первую очередь, феодальных сборов, которые были собраны. Они забирают у делового агента месье де Монмейана все деньги, которые у него есть, в качестве компенсации за то, что он получил за пятнадцать лет работы нотариусом. Бывший консул Бриньоля в 1775 году наложил штрафы в размере 1500 или 1800 франков, которые были розданы бедным; эта сумма взята из его сейфа. Более того, если консулы и сотрудники правоохранительных органов являются правонарушителями, то документы о праве собственности, арендные ведомости и другие документы, с помощью которых они ведут свой бизнес, еще хуже. Предать огню все старые записи — не только конторские реестры, но также, в Йере, все бумаги в ратуше и у главного нотариуса.—Что касается документов, то хороши только новые — те, которые сообщают о каком-то освобождении от ответственности или обязательстве в интересах людей. В Бриньоле владельцы хрящевых мельниц вынуждены заключить договор купли-продажи, по которому они передают свои мельницы коммуне за вознаграждение в размере 5000 франков в год, выплачиваемых в течение десяти лет без учета процентов, — соглашение, которое их разоряет. Увидев подписанный контракт, крестьяне кричат и ликуют, и так велика их вера в этот лист гербовой бумаги, что они сразу же устраивают благодарственную мессу в Кордельерах. Это грозное предзнаменование! Которые отмечают внутреннюю цель, решительную волю и предстоящие деяния этой растущей силы. Если она восторжествует, ее первой работой будет уничтожение всех древних документов, всех документов о праве собственности, арендных ведомостей, контрактов и претензий, которые сила вынуждает ее предъявлять. Точно так же силой он будет привлекать других к своей выгоде, и писцы, которые

это сделают, будут его собственными заместителями и администраторами, которых он держит в своих грубых руках.

Те, кто занимает высокие посты, не встревожены; они даже находят, что в восстании есть что-то хорошее, поскольку оно вынуждает города отменить несправедливые налоги. ¹¹³² Новой марсельской гвардии, сформированной из молодых людей, разрешено отправиться в Обань, "чтобы настоять на том, чтобы господин лейтенант преступности и господин адвокат Руа освободили заключенных". Неповиновение Марселя, который отказывается принимать магистратов, присланных по патенту для дачи показаний, терпимо. И что еще лучше, несмотря на протесты парламента Экса, объявляется всеобщая амнистия; "никто не освобождается, кроме нескольких лидеров, которым позволена свобода покинуть королевство". Мягкость короля и военных властей достойна восхищения. Признается, что люди - дети, что они заблуждаются только по невежеству, что нужно верить в их раскаяние, и, как только они вернутся к порядку, их следует встречать с отеческими излияниями. — Правда в том, что ребенок - слепой Колосс, измученный страданиями. следовательно, все, за что он берется, разрушается — не только местные колеса в провинциях, которые, будучи временно выведенными из строя, можно отремонтировать, но даже стимул в центре, который приводит в движение все остальное и разрушение которого приведет в замешательство весь механизм.

1101 ([return](#))

[Marmontel, "Mémoires," II. 221.—Albert Babeau, "Histoire de la Révolution Française," I. 91, 187. (Письмо Юэза мэру Труа, 30 июля 1788 г.) — Национальный архив, H. 1274. (Letter by M. de Caraman, April 22, 1789.) H. 942 (Cahier des demandes des Etats de Languedoc).—Buche et Roux, "Histoire Parlementaire," I. 283.]

1102 ([возвращение](#))

[См. "Древний режим", стр.34. Альбер Бабо, I. 91. (Епископ Труа жертвует 12 000 франков, а капитул - 6000 на благотворительные мастерские.)]

1103 ([возвращение](#))

["Древний режим", 350, 387.—Флоке, "История парламента Нормандии", VII. 505-518. (Отчеты парламента Нормандии, 3 мая 1788 г. Письмо парламента королю, 15 июля 1789 г.)]

1104 ([возвращение](#))

[Артур Янг, "Путешествия по Франции", 29 июня, 2 и 18 июля — "Парижский журнал", 2 января 1789 г. Письмо кюре Святой Маргариты.]

1105 ([возвращение](#))

[Бюшез и Ру, IV. 79-82. (Письмо из посреднического бюро Монтеро, 9 июля 1789 г.; от мэра Вильнев-ле-Руа, 10 июля; от М. Бодри, 10 июля; от М. Приоро, 11 июля и т. Д.) —Монжуа, "История революции Франции", 2-я часть, глава XXI, стр. 5.]

1106 ([возвращение](#))

[Roux et Buchez, *ibid.* "Очень прискорбно, - пишет маркиз д'Отишан, - быть вынужденным срезать урожай, готовый к сбору, но опасно оставлять войска умирать с голоду".]

1107 ([return](#))

[Montjoie, "Histoire de la Révolution de France," ch. XXXIX, V, 37.—Де Гонкур, "La Société Французская революция", стр. 5 и 3.—Показания Майяра (Уголовное расследование Шатле в отношении событий 5 и 6 октября).]

1108 ([return](#))

[De Tocqueville, "L'Ancien Régime et la Révolution," 272-290. De Lavergne, "Les Assemblées provinciales," 109. Procès-verbaux des assemblées provinciales, *passim*.]

1109 ([возврат](#))

[Мировой судья, который выносит решение в суде низшей инстанции по делам, связанным с налогообложением. Эти термины сохранены, поскольку в английском языке нет эквивалентов. (Tr.)]

1110 ([возвращение](#))

["Чернорабочие" — этот термин в ту эпоху применяется к тем, кто возделывает свою землю. (Tr.)]

1111 ([возвращение](#))

[Дювержье. "Собрание Лоис и декретов", I. 1-23, и особенно стр. 15.]

1112 ([возвращение](#))

[Приходские священники. (СТАРШИЙ)]

1113 ([возвращение](#))

[Артуру Янгу, 12 июля 1789 г. (в Шампани).]

1114 ([возвращение](#))
[Монжуа, 1-я часть, 102.]

1115 ([return](#))
[Floquet, "Histoire du Parlement de Normandie," VII. 508.—" Archives Nationales," H. 1453.]

1116 ([возвращение](#))
[Артур Янг, 29 июня (в Нангисе).]

1117 ([возвращение](#))
["Национальные архивы", Н.1453. Письмо герцога де Мортемара, сеньора Брейского, 4 мая; от господина де Балленвилье, интенданта Лангедока, 15 апреля.]

1118 ([возвращение](#))
["Национальные архивы", Н.1453. Письмо интенданта г-на д'Агэ от 30 апреля; от муниципальных служащих Нанта от 9 января; от интенданта г-на Мелана д'Аблуа от 22 июня; от г-на де Балленвилье от 15 апреля.]

1119 ([возвращение](#))
["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо графа де Ланжерона, 4 июля; от г-на де Мелана д'Аблуа, 5 июня; "Протокол заседания маршала де Бост", 29 апреля. Письма г-на де Шазера от 29 мая; г-на де Безенваля от 2 июня; интенданта г-на Амело от 25 апреля.]

1120 ([возвращение](#))
["Национальные архивы", Н.1453. Письмо г-на де Безенваля от 27 мая; от г-на де Балленвилье от 25 апреля; от г-на де Фуллонда от 19 апреля.]

1121 ([возвращение](#))
["Национальные архивы", Н.1453. Письмо интенданта г-на д'Эйна от 12 марта; от г-на д'Агэ от 30 апреля; от г-на Амело от 25 апреля; от муниципальных властей Нанта от 9 января и т.д.]

1122 ([возвращение](#))
["Древний режим", стр. 380-389.]

1123 (возвращение)

[Флоке, VII. 508, (Отчет от 27 февраля).—Hirpeau, "La Gouvernement de Normandie," IV. 377. (Письмо М. Перро, 23 июня.) — "Национальный архив", Н. 1453. Письмо М. де Сент-Сюзанны, 29 апреля. Там же. F7, 3250. Письмо М. де Рошамбо, 16 мая Там же. F7, 3250. Письмо аббата Дюплаке, депутата Третьего сословия Сен-Кантена, 17 мая. Письмо трех земледельцев из окрестностей Сен-Кантена, 14 мая.]

1124 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо графа де Перигора, военного коменданта Лангедока, 22 апреля.]

1125 (возвращение)

[Флоке, VII. 511 (с 11 по 14 июля).]

1126 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо муниципальных властей Нанта от 9 января; заместителя делегата Плоэрмеля от 4 июля; там же. F7, 2353. Письмо посреднической комиссии Эльзаса, 8 сентября там же. F7, 3227. Письмо интенданта Казе де ла Бове, 16 июня; там же. Н. 1453. Письмо Терре, интенданта Лиона, 4 июля; от прево де Эшевен, 5 и 7 июля.]

1127 (возврат)

[(Налог на все товары, ввозимые в город. СР.)]

1128 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо мэра и муниципальных образований Агды от 21 апреля; от г-на де Перигора от 19 апреля, 5 мая.]

1129 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письма г-на де Карамана от 23, 26, 27, 28 марта; от сенешаля миссии от 24 марта; от мэра Йера от 25 марта и т.д.; там же. Н. 1274; от г-на де Монмайрана от 2 апреля; от г-на де Карамана от 18 марта, 12 апреля; от интенданта г—на де ла Тура от 2 апреля; от генерального прокурора г-на д'Антемана от 17 апреля и отчет от 15 июня; от муниципальных властей Тулона от 11 апреля; от заместитель делегата от Маноска, 14 марта; от месье де Сен-Тропе, 21 марта.-Протокол заседания, подписанный 119 свидетелями, о восстании в Эксе, 5 марта и т.д.]

1130 (возвращение)

[Восстание крестьян. Этот термин используется для обозначения сельской мафии в отличие от городской или поселковой мафии. - Тр.]

1131 (возвращение)

["Национальные архивы", Н.1274. Письмо г-на де ла Тура от 2 апреля (с подробным меморандумом и показаниями).]

1132 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1274. Письмо М. де Карамана, 22 апреля: "Из этого несчастья вытекает одно реальное благо ... Зажиточный класс получает возможность поддерживать то, что превышает силы бедных поденщиков. Мы видим, что дворяне и люди в хороших обстоятельствах немного внимательнее относятся к бедным крестьянам: теперь они привыкли говорить с ними более мягко." Господин де Караман был ранен, как и его сын, в Эксе, и если Солдаты, которых забрасывали камнями, в конце концов открыли огонь по толпе, он не отдавал приказа.— Там же, письмо г-на д'Антемана от 17 апреля; г-на де Барентена от 11 июня.]

ГЛАВА II. ПАРИЖ ДО 14 июля.

I.—Поблизости новобранцы мафии

Въезд бродяг.—Количество нищих.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, конвульсивные толчки сильнее всего ощущаются именно в центре. Нет недостатка ни в чем, чтобы обострить восстание, — ни в самой живой провокации, чтобы стимулировать его, ни в самых многочисленных бандах, чтобы осуществить его. Все окрестности Парижа поставляют рекрутов для этого; нигде нет такого количества несчастных, такого количества умирающих от голода и такого количества мятежных существ. Кражи зерна происходят повсюду — в Орлеане, в Косне, в Рамбуйе, в Жуи, в Пон-Сен-Максансе, в Брей-сюр-

Сен, в Сансе, в Нанжи. [1201](#) Пшеничной муки в Медоне так мало, что каждому покупателю приказано покупать одновременно равное количество ячменя. В Вирофлае тридцать женщин в сопровождении арьергарда мужчин останавливают на главной дороге повозки, которые, как они предполагают, загружены зерном. В Монлери камнями и дубинками разгоняют семь отрядов полиции. Огромная толпа из восьми тысяч человек, женщин и мужчин, снабженных мешками, набрасывается на зерно, выставленное на продажу. Они заставляют доставить им пшеницу стоимостью 40 франков по цене 24 франка, забирая половину ее и увозя без оплаты. "Полиция обескуражена, - пишет заместитель делегата. - решимость народа поразительна; я напуган тем, что я видел и слышал". — После 13 июля 1788 года, в день грозы с градом, отчаяние охватило крестьянство; какими бы благожелательными ни были владельцы, помочь им было невозможно. "Не открыто ни одной мастерской; [1202](#) дворяне и буржуа, вынужденные предоставлять отсрочки в выплате своих доходов, не могут дать никакой работы". Соответственно, "умирающие от голода люди готовы рисковать жизнью ради жизни", и они публично и смело ищут пищу везде, где ее можно найти. В Конфлан-Сент-Онорине, Эраньи, Невиле, Шеневьере, в Сержи, Понтуазе, Иль-Адане, Преле и Бомоне мужчины, женщины и дети из прихода хоул бродят по округе, расставляют силки и разрушают норы. "Ходят слухи, что правительство, проинформированное об ущербе, наносимом дичью земледельцам, разрешает ее уничтожение. . . и действительно, зайцы уничтожили примерно пятую часть урожая. Сначала были арестованы девять из этих браконьеров, но их отпустили, "приняв во внимание обстоятельства". В результате в течение двух месяцев во владениях принца де Конти и посла Мерси д'Аржанто идет бойня; за неимением хлеба они едят кроликов.— Наряду со злоупотреблением собственностью, естественный импульс побуждает их нападать на саму собственность. Недалеко от Сен-Дени леса, принадлежащие аббатству, опустошены. "Окрестные фермеры увозят грузы дров, запряженные четырьмя и пятью лошадьми"; жители деревень Виль-Паризи, Трамбле, Верт-Галан, Вильпент публично продают их и угрожают лесничим побоями. По состоянию на 15 июня ущерб уже оценивался в 60 000 ливров.—Не имеет большого значения, был ли владелец доброжелательным, как месье де Талару, [1203](#) г., который помогал бедным в своем поместье в Исси прошлой зимой. Крестьяне разрушают дамбу, по которой вода поступает на его коммунальную мельницу; парламент обязал их восстановить ее, и они заявляют, что не только не подчинятся. Если господин де Талару попытается восстановить его, они вернутся с тремя сотнями вооруженных людей и разнесут его во второй раз.

Для тех, кто наиболее скомпрометирован, Париж - ближайшее убежище. Для самых бедных и отчаявшихся дверь кочевой жизни широко открыта. Вокруг столицы возникают группы, как и в странах, где человеческое общество еще не сформировалось или прекратило свое существование. В течение первых двух недель мая [1204](#) года близ Вильжюифа банда из пятисот или шестисот бродяг пытается форсировать Бисетр и приблизиться к Сен-Клу. Они прибывают за тридцать, сорок и шестьдесят лье отсюда, из Шампани, из Лотарингии, со всей округи, опустошенной градом. Все они слоняются по Парижу и поглощены им, как сточной канавой, несчастные вместе с преступниками, одни в поисках работы, другие попрошайничают и скитаются по улицам под пагубным влиянием голода и слухов, гуляющих по общественным улицам. В последние дни апреля [1205](#) года служащие на контрольно-пропускных пунктах отмечают появление "ужасающего количества плохо одетых мужчин зловещего вида". В первые дни мая отмечается перемена во внешнем виде толпы. В нем смешивается "множество иностранцев из всех стран, большинство из них в лохмотьях, вооруженные большими палками,

и сам вид их говорит о том, чего от них следует опасаться". Уже перед этим последним наплывом общественная раковина переполнена. Подумайте о необычайном и быстром росте населения Парижа, о множестве ремесленников, привлеченных туда недавними сносами и постройками. Подумайте обо всех ремесленниках, которых застой мануфактур, увеличение урожая октрои, суровая зима и дороговизна хлеба довели до крайнего отчаяния. Помните, что в 1786 году "подсчитано двести тысяч человек, чье имущество, по общему мнению, не имеет внутренней стоимости в пятьдесят крон". Помните, что с незапамятных времен они находились в состоянии войны с городскими стражами. Помните, что в 1789 году в столице насчитывалось двадцать тысяч браконьеров и что для обеспечения их работой было признано необходимым создать национальные мастерские. Помните, "что двенадцать тысяч человек бесполезно заняты раскопками на холме Монмартр и им платят двадцать су в день. Помните, что ими покрыты пристани и причалы, что ими наводнен Отель-де-Виль и что вокруг дворца они кажутся упреком в бездействии обезоруженного правосудия". С каждым днем они ожесточаются и волнуются у дверей пекарен, где, заставленные долго ждать, не уверены, что получают хлеб. Вы можете себе представить, с какой яростью и силой они будут штурмовать любое препятствие, на которое может быть направлено их внимание.

II. Пресса.

Волнение прессы и общественного мнения.—Люди делают свой выбор.

На такое препятствие им указывали в течение последних двух лет, это министерство, Суд, Правительство, короче говоря, весь старый режим. За тем, кто протестует против этого в пользу народа, несомненно, последуют так далеко, а возможно, и даже дальше, чем он захочет вести.— В тот момент, когда парламент крупного города отказывается регистрировать фискальные указы, к его услугам - беспорядки. 7 июня 1788 года в Гренобле черепица дождем посыпалась на головы солдат, и военная сила оказалась бессильной. В Ренне, чтобы усмирить мятежный город, требуется армия, а затем постоянный лагерь из четырех полков пехоты и двух полков кавалерии под командованием маршала Франции. 1206— В следующем году, когда парламенты теперь встают на сторону привилегированного класса, снова начинаются беспорядки, но на этот раз против парламентов. В феврале 1789 года в Безансоне и Эксе на магистратов свистят, их преследуют на улицах, они осаждают ратушу и вынуждены скрываться или спасаться бегством.— Если такова диспозиция в столицах провинций, то какой она должна быть в столице королевства? Для начала, в августе месяце 1788 года, после отставки Бриенна и Ламуаньона, толпа, собравшаяся на площади Дофин, объявляет себя судьей, сжигает чучела обоих министров, разгоняет стражу и оказывает сопротивление войскам: такого кровавого мятежа, как этот, не было уже столетие. Два дня спустя бунт вспыхивает во второй раз; людьми овладевает решимость пойти и сжечь резиденции двух министров и резиденцию Дюбуа,

лейтенанта полиции.— Очевидно, что в невежественные и жестокие массы зародилось новое брожение, и новые идеи производят свое действие. Они долгое время незаметно просачивались вниз от слоя к слою. После того, как овладели аристократией, всей образованной частью Третьего сословия, юристами, школами, всей молодежью, они проникли капля за каплей и тысячью трещин в класс, который поддерживает себя трудом собственных рук. Аристократы в своих туалетах насмехались над христианством и отстаивали права человека перед своими камердинерами, парикмахерами, поставщиками и всеми теми, кто прислуживает им. Литераторы, юристы и поверенные повторяли в самом горьком тоне одни и те же обличительные речи и одни и те же теории в кофейнях и ресторанах, на прогулках и во всех общественных местах. Они выступали перед низшим классом так, как будто его здесь не было, и от всего этого красноречия, изливаемого без всяких предосторожностей, в мозгах ремесленника, трактирщика, посыльного, лавочника и солдата появляются пузырьки.

Следовательно, достаточно года, чтобы превратить немое недовольство в политическую страсть. С 5 июля 1787 года по приглашению короля, который созывает Генеральные Штаты и требует совета от всех, тон как речи, так и прессы меняется.¹²⁰⁷ Вместо общей беседы спекулятивного толка идет проповедь с целью достижения практического эффекта, внезапная, радикальная и находящаяся совсем рядом, проповедь пронзительная и волнующая, как звук трубы. Революционные памфлеты появляются в быстрой последовательности: "Что такое уровни?" Сийеса; "Памятная записка для французского народа" Черутти; "Соображения относительно взаимодействия уровней-Эта" Рабто Сент-Этьена; "Ма Петиция" Мишени; "Права этажей-генералов" М. д'Антрэга и, немного позже, "Свободная Франция" Камиля Демулена, и другие сотнями и тысячами.¹²⁰⁸ Все это повторяется и усиливается на избирательных собраниях, куда приходят новоиспеченные граждане, чтобы декламировать и усиливать собственное возбуждение.¹²⁰⁹ Единодушный, всеобщий и ежедневный крик перекачивается от эха к эху, в казармы и предместья, на рынки, в мастерские и на чердаки. В феврале месяце 1789 года Неккер признает, "что послушания нигде не найти и что нельзя полагаться даже на войска". В мае рыбацки, а затем зеленщицы с городских базаров приходят, чтобы рекомендовать выборщикам интересы народа и спеть стишки в честь Третьего сословия. В июне брошюры попадают во все руки; "даже лакеи изучают их у ворот отелей". В июле месяце, когда король подписывает приказ, патриотически настроенный камердинер встревоживается и читает его через его плечо.— Здесь нет никаких иллюзий; не только буржуазия выступает против законных властей и установленного режима. Это также весь народ. Ремесленники, лавочники и прислуга, рабочие всех мастей и степеней, толпа, стоящая за народом, бродяги, уличные бродяги и попрошайки, вся эта толпа, которая, связанная заботой о хлебе насущном, никогда не поднимала глаз, чтобы взглянуть на великий общественный строй, низшим слоем которого она является, и всю тяжесть которого она несет.

III. —Дело Ревейона.

Внезапно люди приходят в движение, и строительные леса шатаются. Это движение грубой натуры, доведенной до отчаяния нуждой и подозрительностью. — Неужели оплаченные руки, которые невидимы, подталкивали его снизу? Современники убеждены в этом, и, вероятно, так оно и есть. [1210 г.](#) Но шума, поднятого вокруг страдающего животного, было бы достаточно, чтобы заставить его застесняться и объяснить его возбуждение. — 21 апреля в Париже начались Избирательные собрания; по одному в каждом квартале, одно для духовенства, одно для знати и одно для Третьего сословия. Каждый день, в течение почти месяца, по улицам проходят вереницы избирателей. Лица первой степени продолжают встречаться после назначения лиц второй степени: нация должна следить за своими мандатами и сохранять свои неотъемлемые права. Если это осуществление их прав было делегировано им, они по-прежнему принадлежат нации, и она оставляет за собой привилегию вмешиваться, когда ей заблагорассудится. Претензии такого рода распространяются быстро; сразу же после Третьего Сословия Собраний они достигают Третьего сословия улиц. Нет ничего более естественного, чем желание вести за собой своих лидеров: при первом возникновении какого-либо недовольства они возлагают руки на тех, кто останавливается, и заставляют их идти дальше, как им приказано. В субботу, 25 апреля, [1211 г.](#) распространился слух, что Ревийон, выборщик и производитель обоев на улице Сент-Антуан, и Лера, комиссар, "плохо высказались" в Избирательном собрании Сент-Маргерит. Говорить плохо - значит плохо отзываться о народе. Что сказал Ревийон? Никто не знает, но народное воображение с его ужасной силой изобретательности и точности с готовностью фабрикует или приветствует убийственную фразу. Он сказал, что "рабочий с женой и детьми мог бы прожить на пятнадцать су в день". Такой человек - предатель, и от него нужно немедленно избавиться; "все его имущество должно быть предано огню и мечу". Следует отметить, что слух этот ложен. [1212](#) Ревейон платит своему самому бедному рабочему двадцать пять су в день, он обеспечивает работой триста пятьдесят человек, и, несмотря на пасмурный сезон предыдущей зимы, заработная плата у всех оставалась прежней. Он сам когда-то был рабочим, получил медаль за свои изобретения и пользуется благожелательностью и уважением всех уважаемых людей. — Все это ни к чему не приводит; банды бродяг и иностранцев, которые только что прошли через барьеры, не вникают так пристально в дела, в то время как подмастерья, возчики, сапожники, каменщики, жаровенники и камнерезы, к которым они приходят за помощью в свое жилье, такие же невежественные, как и они. Когда раздражение накопилось, оно вырывается бессистемно.

Как раз в это время парижское духовенство отказывается от своих привилегий в виде поборов, [1213 г.](#) и народ, принимая друзей за противников, добавляет в своих оскорблениях имя духовенства к имени Ревейона. В течение всего дня, а также в свободное от работы воскресенье, брожение усиливается; в понедельник 27-го, еще один день безделья и пьянства, оркестры начинают двигаться. Некоторые свидетели встречают одного из них на улице Сен-Северен, "вооруженного дубинками", и их так много, что они загораживают проход. "Магазины и двери закрыты со всех сторон, и люди кричат: "Вот и восстание!" Мятая толпа изрыгает проклятия и инвективы в адрес духовенства, "и, завидев аббата, кричат "Священник!" Другой оркестр выставляет напоказ чучело Ревейона, украшенное лентой ордена Святого Михаила, которое подвергается пародии на приговор и сжигается на Гревской площади, после чего они угрожают его дому. Оттесненные охраной, они вторгаются во владения производителя селитры, который является его другом, и сжигают и крушат его имущество и мебель. [1214](#) Только к

полуночи толпа рассеивается, и предполагается, что восстание закончилось. На следующий день все начинается снова, с еще большим насилием; ибо, помимо обычных стимуляторов страдания¹²¹⁵ и жажды вседозволенности, у них есть новый стимулятор в виде идеи дела, которое нужно защищать, убеждения, что они сражаются "за третье сословие". В таком деле, как это, каждый должен помогать себе; и все должны помогать друг другу. "Мы погибли бы, - воскликнул один из них, - если бы не поддерживали друг друга". Твердо веря в это, они трижды посылали депутации в предместье Сен-Марсо за новобранцами и по пути с поднятыми дубинками записывали, вольно или невольно, всех, с кем сталкивались. Другие у ворот Сент-Антуана арестовывают людей, возвращающихся со скачек, спрашивая у них, выступают ли они за дворян или за Третье сословие, и заставляют женщин выходить из своих экипажей и кричать "Да здравствуют эти ряды"¹²¹⁶. Тем временем толпа перед домом Ревейона увеличилась; тридцать человек на страже не могут сопротивляться; дом захвачен и разграблен сверху донизу; мебель, провизия, одежда, бухгалтерские книги, повозки, даже домашняя птица на заднем дворе - все брошено в пылающие костры, зажженные в трех разных местах; украдено пятьсот луидоров, наличные деньги и серебряная посуда. Некоторые бродят по подвалам, пьют ликер или лак наавось, пока не падают мертвецки пьяными или не умирают в конвульсиях. Против этой воющей орды приближается корпус стражи, конный и пеший;¹²¹⁷ г. также кавалерийская сотня "королевских хорватов", французская гвардия, а позже швейцарская гвардия. "Черепица и дымоходы сыплются дождем на солдат", которые отстреливаются четырьмя шеренгами одновременно. Бунтовщики, опьяненные бренди и яростью, отчаянно защищаются в течение нескольких часов; более двухсот человек убиты и почти триста ранены; их умиряет только артиллерийский огонь, в то время как толпа продолжает действовать далеко за полночь. — Ближе к восьми вечера на улице Вьей-дю-Тамплъ парижская гвардия продолжает наносить удары, чтобы защитить двери, которые негодяи пытаются взломать. В половине двенадцатого на улице Сентонж и на улице Бретань взломаны две двери: у торговца свининой и у булочника. Даже в этой последней волне вспышки, которая идет на убыль, мы можем различить элементы, которые вызвали восстание и которые вот-вот приведут к Революции. — Голодная смерть - одна из таких: на улице Бретань банда, ограбившая булочную, уносит хлеб женщинам, остановившимся на углу улицы Сентонж. Другой случай — разбой: посреди ночи шпионы г-на дю Шатле, пробираясь вдоль канавы, "видят группу головорезов", собравшихся за барьером дю Трон, их предводитель, взобравшись на небольшой холмик, убеждает их начать все сначала; а в последующие дни на больших дорогах бродяги говорят друг другу: "Мы больше ничего не можем сделать в Париже, потому что они слишком бдительны; давайте отправимся в Лион!" Есть, наконец, патриоты: в вечер восстания между мостом Менаж и мостом Мари полуголые оборванцы, перепачканные грязью, несущие свои ручные тележки, полностью привержены своему делу; они громко просят милостыню и протягивают шляпы прохожим, говоря: "Сжальтесь над этим бедным третьим сословием!" - Голодающие, негодяи и патриоты составляют одно целое, и отныне нищета, преступность, и общественный дух объединяются, чтобы обеспечить постоянно готовое восстание для агитаторов, которые желают его поднять.

IV.—Пале-Рояль.

Но агитаторы уже находятся на постоянном заседании. Пале-Рояль - это клуб под открытым небом, где весь день и даже далеко за полночь один возбуждает другого и подстрекает толпу к дракам. В это помещение, защищенное привилегиями Орлеанского дома, полиция не смеет входить. Свобода слова, и публика, пользующаяся этой свободой, кажется, намеренно избрана для злоупотребления ею. Публика и место приспособлены друг к другу.¹²¹⁸ Пале—Рояль, центр проституции, игр, безделья и распространения брошюр, привлекает все то оторванное от корней население, которое бродит по большому городу и которое, не имея ни занятий, ни дома, живет только ради любопытства или удовольствия - завсегдатаев кофеен, содержателей игорных залов, авантюристов и социальных изгоев, сбежавших детей или безнадёжных претендентов на литературу, искусство и адвокатуру, клерков адвокатов, студентов юридических факультетов. высшие учебные заведения, любопытные, бездельники, незнакомцы и обитатели меблированных комнат — всего их в Париже, как говорят, до сорока тысяч. Они заполняют сад и галереи"; вряд ли здесь можно было найти кого-то из так называемых "Шести тел",¹²¹⁹ осевшего буржуа, занятого своими делами, человека, которого бизнес и семейные заботы делают серьезным и влиятельным. Здесь нет места трудолюбивым и аккуратным пчелам; это место встречи политических и литературных трутней. Они стекаются в него со всех концов Парижа, и шумный, жужжащий рой покрывает землю, как перевернутый улей. "Десять тысяч человек, - пишет Артур Янг,¹²²⁰ - весь этот день находились в Пале-Рояле"; давка настолько велика, что яблоко, брошенное с балкона на движущийся этаж из голов, не долетело бы до земли. Можно себе представить состояние этих голов; они более свободны от балласта, чем любая другая голова во Франции, наиболее раздуты спекулятивными идеями, наиболее возбудимы и наиболее возбужденно настроены. В этой толпе импровизированных политиков никто не знает, кто говорит; никто не несет ответственности за то, что он говорит. Каждый здесь, как в театре, неизвестный среди неизвестных, требующий сенсационных впечатлений и сильных эмоций, жертва заразы окружающих его страстей, увлекаемый вихрем звучащих фраз, готовых новостей, растущих слухов и других преувеличений, с помощью которых фанатики продолжают превосходить друг друга. Раздаются крики, слезы, аплодисменты, топанье ногами и хлопки в ладоши, как при разыгрывании трагедии; тот или иной человек настолько распаляется и хрипит, что умирает на месте от лихорадки и истощения. Напрасно Артур Янг привык к суматохе политической свободы; он немеет от того, что видит.¹²²¹ По его словам, волнение "невероятное. . . . Иногда нам кажется, что магазины Дебретта или Стокдейла в Лондоне переполнены; но они просто пустыни по сравнению с магазином Десенна и некоторыми другими здесь, в которых едва можно протиснуться от двери к прилавку Каждый час выпускает свою брошюру; 13 вышло сегодня, 16 вчера и 92 на прошлой неделе. 95% этих постановок - за свободу"; а под свободой подразумевается упразднение привилегий, численный суверенитет, применение Контрсоциальности, "Республика", и даже больше того, всеобщее уравнивание, перманентная анархия и даже жакерия. Камиль Демулен, один из ораторов, обычно присутствующих здесь, объявляет об этом и настаивает на этом в точных выражениях:

"Теперь, когда животное в ловушке, пусть его забьют до смерти... У победителей никогда не будет более богатой добычи. Сорок тысяч дворцов, особняков и шато, две пятых собственности Франции, станут наградой за доблесть. Те, кто притворяется победителями, будут побеждены в свою очередь. Нация будет очищена".

Вот, заранее, программа Правления террора.

Теперь все это не только читается, но и декламируется, дополняется и находит практическое применение. Перед кофейнями "те, у кого громкие легкие, каждый вечер облегчают друг друга".¹²²² "Они забираются на стул или стол, они читают самые сильные статьи о текущих событиях ... то рвение, с которым их слушают, и гром аплодисментов, которые они получают за каждое высказывание, выходящее за рамки обычной жестокости или насилия против нынешнего правительства, трудно себе представить". "Три дня назад четырехлетнего ребенка, хорошо обученного и смышленного, прогуливали по саду средь бела дня по меньшей мере двадцать раз, его нес на плечах уличный носильщик, выкрикивая: "Вердикт французского народа: Полиньяк сослан на сто лье от Парижа; Конде тот же; Конти тот же; Артуа тот же; королева, я не смею этого писать". "Дощатый зал в центре Пале—Рояля всегда полон, особенно молодых людей, которые ведут свои обсуждения в парламентской манере: вечером президент приглашает всех желающих принять участие в обсуждении. зрители должны выйти вперед и подписать прошения, принятые в течение дня, оригиналы которых находятся в кафе Foy.¹²²³ Врагов страны можно пересчитать по пальцам "; и первые два королевских высочества (месье и граф д'Артуа), три Светлейших Высочества (принц де Конде, герцог де Бурбон и принц де Конти), одна фаворитка (мадам де Полиньяк), г-н де Вандрей, де ла Тремуаль, дю Шатле, де Вильдей, де Барентен, де ла Галезьер, Видо де ла Тур, Бертье, Фулон, а также месье Лингве". Вывешены плакаты с требованием выставить аббата Мори к позорному столбу на Пон-Неф. Один оратор предлагает "сжечь дом г-на д'Эспремения, его жену, детей и мебель, а также его самого: это принимается единогласно". — Возражения недопустимы. Один из присутствующих, выразивший некоторый ужас от таких кровавых действий, "схвачен за воротник, вынужден опуститься на колени, принести извинения и поцеловать землю. Наказание, которому подвергаются дети, достается ему; его несколько раз окунают в один из бассейнов фонтана, после чего передают толпе, которая вываливает его в грязи". На следующий день священнослужителя топчут ногами и перебрасывают из рук в руки. Через несколько дней, 22 июня, происходят два похожих события. Суверенная толпа выполняет все функции суверенной власти вместе с функциями законодателя и судьи, а функции судьи - вместе с функциями палача.— Его идола священный; если кто-либо не проявляет к ним уважения, он виновен в оскорблении величества и немедленно наказан. В первую неделю июля аббат, плохо отзывающийся о Неккере, подвергается порке; женщины, оскорбляющие бюст Неккера, раздеваются рыбачками и избиваются до тех пор, пока не покрываются кровью. Объявлена война подозрительным мундирам. "При появлении гусара, - пишет Демулен, - они кричат: "Вон идет Панч!" - и камнерезы швыряют в него камнями. Прошлой ночью два гусарских офицера, г-н де Сомбрей и г-н де Полиньяк, пришли в Пале-Рояль... В них швырнули стульями, и они были бы сбиты с ног, если бы не убежали. Позавчера они схватили полицейского шпиона и заставили его нырнуть в фонтан. Они загнали его, как оленя, теснили, забрасывали камнями, били палками, выбили один глаз из глазницы и, наконец, несмотря на его мольбы и мольбы о пощаде, во второй раз окунули в фонтан. Его мучения продолжались с полудня до половины шестого, и у него было около десяти тысяч палачей". — Подумайте о влиянии такого фокусного центра в такое время, как это. Наряду с юридическими властями возникла новая власть, законодательный орган на дорогах и общественных площадях, анонимный, безответственный, без ограничений. Его движут вперед теории кофейни, сильные эмоции и неистовство шарлатанов, в то время как голые руки, которые только что совершили разрушительную работу в Сент-Антуанском предместье, составляют его телохранителей и кабинет министров.

V.—Популярные толпы становятся политической силой.

Давление на Ассамблею.—Дезертирство солдат.

Это диктатура толпы, и ее действия, соответствующие ее природе, заключаются в актах насилия, и везде, где она встречает сопротивление, она наносит удары. Жители Версаля на улицах и у дверей Ассамблеи ежедневно "приходят и оскорбляют тех, кого они называют аристократами".¹²²⁴ В понедельник, 22 июня, "д'Эспремений едва спасается от того, что его сбивают с ног; аббат Мори ... обязан своим спасением силе кюре, который поднимает его на руки и бросает в карету архиепископа Арльского". 23-го: "Архиепископа Парижского и Хранителя печатей освистывают, поносят, глумятся до тех пор, пока они почти не тонут от стыда и ярости". Буря ярости, которой их встречают, настолько велика, что Пассере, королевский секретарь, сопровождающий министра, умирает от волнения в тот же день. 24-го числа епископа Бове чуть не сбивает с ног камень, попавший ему по голове. 25-го архиепископа Парижского спасает только быстрота его лошадей, толпа преследует его и забрасывает камнями. Его особняк осажден, все окна выбиты, и, несмотря на вмешательство французской гвардии, опасность настолько велика, что он вынужден пообещать, что присоединится к депутатам Третьего сословия. Вот каким образом грубая рука народа осуществляет воссоединение Орденов. Это ложится таким же тяжелым бременем на его собственных представителей, как и на его противников. "Хотя наш зал был закрыт для публики, - говорит Байи, - там всегда находилось более шестисот зрителей".¹²²⁵ Они были не почтительными и молчаливыми, а активными и шумными, смешивались с депутатами, поднимали руки для голосования во всех случаях, принимали участие в обсуждениях своими аплодисментами и шипением: второстепенное Собрание, которое часто навязывает свою волю другому. Они записывают имена своих оппонентов, передают их носильщикам кресел, стоящим у входа в зал, а от них - толпе, ожидающей ухода депутатов, эти имена отныне считаются именами врагов народа.¹²²⁶ Составлены и напечатаны списки, и вечером в Пале-Рояле они становятся списками запрещенных.— Именно под этим жестоким давлением были приняты многие декреты, и, среди них, тот, которым палата общин объявляет себя Национальным собранием и берет на себя верховную власть. Накануне вечером Малуэ предложил установить предварительным голосованием, на чьей стороне большинство. В одно мгновение вокруг него собрались все противники в количестве трехсот человек. "После чего из галереи выскакивает мужчина, набрасывается на него и хватает за шиворот, восклицая: "Придержи язык, фальшивый гражданин!" Малуэ освобождают, и вперед выходит охранник, "но ужас распространился по залу, раздаются угрозы в адрес противников, и на следующий день нас было всего девяносто". Более того, были распространены списки с их именами; некоторые из них, депутаты от Парижа, в тот же вечер отправились на встречу с Байи. Одному из них, "очень честному человеку и хорошему патриоту", сказали, что его дом будет подожжен. Теперь его жена только что родила

ребенка, и малейший переполох в доме стал бы фатальным. Такие аргументы являются решающими. Следовательно, три дня спустя, на теннисном корте, только один депутат, Мартин д'Ош, осмеливается написать слово "выступающий" после своего имени. Оскорбленный многими коллегами, "немедленно разоблаченный людьми, собравшимися у входа в здание, он вынужден бежать через боковую дверь, чтобы его не порезали на куски", и в течение нескольких дней держаться подальше от собраний. 1227— Благодаря этому вмешательству галерей радикальное меньшинство, насчитывающее около тридцати человек, 1228 возглавляет большинство, и они не позволяют им освободиться. 28 мая Малуэ, потребовав тайного заседания для обсуждения примирительных мер, предложенных королем, галерки улюлюкают в его адрес, и депутат, месье Бурш, обращается к нему в очень откровенных выражениях. "Вы должны знать, сэр, что мы совещаемся здесь в присутствии наших хозяев и что мы должны отчитываться перед ними за наше мнение". Это доктрина противоположного-Социального. Из-за робости, страха перед Двором и привилегированным классом, из-за оптимизма и веры в человеческую природу, из-за энтузиазма и необходимости придерживаться предыдущих действий депутаты, которые являются новичками, провинциалами и преданы теориям, не смеют и не знают, как спастись от тирании господствующей догмы.—Отныне это становится законом. Все Собрания, Учредительные, Законодательные, Конвент, 1229 полностью подчиняются ему. Публика на галереях - это допущенные представители народа, носящие тот же титул и даже более высокий, чем депутаты. Итак, эта публика - публика Пале-Рояля, состоящая из незнакомцев, бездельников, любителей новинок, парижских романистов, руководителей кофеен, будущих столпов клубов, короче говоря, необузданных энтузиастов из числа среднего класса, точно так же, как толпа, угрожающая дверям и бросающая камни, набирается из числа необузданных энтузиастов низшего класса. Таким образом, в результате произвольного отбора фракция, которая представляет собой общественную власть, состоит не из чего иного, как из жестоких умов и жестоких рук. Спонтанно и без предварительного согласования опасные фанатики объединяются с опасными негодьями, и в условиях растущего раздора между законными властями возникает незаконная лига, которая наверняка свергнет всех.

Когда командующий генерал заседает на совете со своими штабными офицерами и своими советниками и обсуждает план кампании, главный общественный интерес заключается в том, чтобы дисциплина оставалась нетронутой и чтобы незваные гости, солдаты или прислуга, не бросали груз своей буйности и безрассудства на чаши весов, которые должны осторожно и твердо держать их начальники. Это было прямое требование правительства; 1230 г. но требование не было рассмотрено; и против упорной узурпации масс ничего не остается, кроме применения силы. Но сама сила ускользает из его рук, в то время как растущее неповиновение, подобно заразе, завоевав народ, распространяется среди войск.—С 23 июня 1231 года две роты французской гвардии отказались нести службу. Запертые в своих казармах, они 27-го числа совершают побег, и с тех пор "каждый вечер их видят входящими в Пале-Рояль, марширующими двойной шеренгой". Они хорошо знают это место; это общее место встречи брошенных женщин, любовниками и паразитами которых они являются. 1232 "Все патриоты собираются вокруг них, угощают мороженым и вином и развращают их на глазах у своих офицеров". — К этому, кроме того, следует добавить тот факт, что их полковник, господин дю Шатле, долгое время был им ненавистен, что он утомлял их принудительными тренировками, беспокоил их и уменьшил количество их сержантов; что он закрыл школу для обучения детей. об их музыкантах; что он использует палку, наказывая мужчин, и затевает с ними ссоры по поводу их внешнего вида, их питания и одежды. Дисциплина в этом полку нарушена: в нем

образовалось тайное общество, и солдаты поклялись своим прапорщикам не выступать против Национального собрания. Таким образом, устанавливается конфедерация между ними и Пале-Роялем. — 30 июня одиннадцать их лидеров, отправленных в аббатство, пишут с просьбой о помощи. Молодой человек взбирается на стул перед кафе "Фой" и читает их письмо вслух; оркестр немедленно выступает, взламывает ворота кувалдой и железными прутьями, с триумфом возвращает заключенных, устраивает им пир в саду и выставляет охрану вокруг них, чтобы предотвратить повторное похищение.—Когда беспорядки такого рода остаются безнаказанными, порядок поддерживать невозможно; фактически, утром 14 июля пять из шести батальонов дезертировали.— Что касается других корпусов, то они ничем не лучше и тоже соблазнены. "Вчера, - пишет Демулен, - артиллерийский полк последовал примеру французской гвардии, одолев часовых и присоединившись к патриотам в Пале-Рояле. ... Мы не видим ничего, кроме сброда, привязывающегося к солдатам, с которыми они случайно сталкиваются. "Все, да здравствуют Тиры!" - и они уводят их в таверну, чтобы выпить за здоровье народа". Драгуны говорят офицерам, которые ведут их в Версаль: "Мы повинемся вам, но по прибытии вы можете сказать министрам, что, если нам прикажут применить малейшее насилие против наших сограждан, первый выстрел будет по вам". В доме инвалидов двадцать человек, которым приказано снять курки и шомполы с ружей, хранящихся в арсенале, которому угрожает опасность, посвящают шесть часов приведению в негодность двадцати ружей; их цель - сохранить их в целости для грабежа и вооружения народа.

Короче говоря, большая часть армии дезертировала. Каким бы добрым ни был вышестоящий офицер, тот факт, что он вышестоящий офицер, обеспечивает ему такое обращение с врагом. Губернатор, - сказал г-н де Сомбрейль, против которого эти люди не могли выдвинуть ни единого упрека, - скоро увидит, как его артиллеристы направляют свои орудия на его квартиру, и едва избежит того, чтобы их собственными руками повесили на железных перилах. Таким образом, силы, выдвигаемые для подавления восстания, служат лишь для того, чтобы снабжать его рекрутами. И что еще хуже, демонстрация оружия, на которое рассчитывали, чтобы сдержать толпу, послужила толчком к восстанию.

VI.—13 и 14 июля 1789г.

Роковой момент настал; это уже не правительство, которое падает, чтобы уступить место другому; это все правительства, которые прекращают свое существование, чтобы уступить место временному деспотизму, фракциям, слепо движимым энтузиазмом, доверчивостью, нищетой и страхом. ¹²³³ Подобно ручному слону, внезапно снова ставшему диким, толпа сбрасывает своего обычного погонщика, и новые проводники, которых она терпит сидящими у нее на шее, появляются просто для вида. В будущем он будет двигаться так, как ему заблагорассудится, свободный от контроля и предоставленный своим собственным чувствам, инстинктам и аппетитам.—По-видимому, не было никакого желания делать больше, чем

предвидеть его отклонения. Король запретил всякое насилие; командиры приказывают войскам не стрелять; [1234](#) но возбужденное и дикое животное принимает все меры предосторожности на случай оскорблений; в будущем оно намерено быть своим собственным проводником, и для начала оно топчет своих проводников ногами. 12 июля, около полудня [1235 года](#) при известии об увольнении Неккера в Пале-Рояле раздается крик ярости; Камиль Демулен, взобравшись на стол, объявляет, что Суд размышляет о "Святом Варфоломее патриотов". Толпа обнимает его, принимает предложенную им зеленую кокарду и обязывает танцевальные салоны и театры закрыться в знак траура: они спешат в резиденцию Курциуса, берут бюсты герцога Орлеанского и Неккера и с триумфом проносят их повсюду. Тем временем драгуны принца де Ламбеска, выстроившиеся на площади Луи-Квинз, находят баррикаду из стульев у входа в Тюильри, и их встречают градом камней и бутылок. [1236](#) В другом месте, на площади Луи—Квинз. На бульваре перед отелем "Монморанси" несколько французских гвардейцев, выбравшись из своих казарм, открыли огонь по верному отряду "Королевского Аллемана". - Со всех сторон звучит сигнал тревоги, магазины, где продается оружие, разграблены, а Ратуша захвачена; пятнадцать или шестнадцать благонамеренных избирателей, которые собираются там, приказывают округам собраться и вооружиться.— Новый государь, народ с оружием в руках и на улице, заявил о себе.

Отбросы общества сразу же выходят на поверхность. В ночь с 12 на 13 июля [1237 года](#) "все заграждения от предместья Сент-Антуан до предместья Сент-Оноре, кроме заграждений Сен-Марсель и Сен-Жак, взломаны и подожжены". Октября больше нет; город остался без доходов как раз в тот момент, когда он вынужден нести самые большие расходы; но это не имеет никакого значения для толпы, которая, прежде всего, хочет иметь дешевое вино. "Негодяи, вооруженные пиками и палками, несколькими группами идут сдаваться и грабить дома тех, кого считают врагами общественного блага". "Они ходят от двери к двери, крича: "Оружие и хлеб!" В течение этой страшной ночи буржуазия держала себя взаперти, каждый дрожал дома за себя и тех, кто ему принадлежит ". На следующий день, 13-го, столица, кажется, отдана бандитам и низшим из низших. Одна из банд вырубает ворота лазаристов, уничтожает библиотеку и прессы для одежды, картины, окна и лабораторию и устремляется в подвалы; где она запирается в бочки и напивается: через двадцать четыре часа после этого около тридцати из них найдены мертвыми и умирающими, утопленными в вине, мужчины и женщины, одна из которых находится при родах. Перед домом [1238](#) улица полна обломков и хулиганов, которые держат в руках, "одни, съестные припасы, другие кувшины, заставляя прохожих пить и разливая вино всем желающим. Вино стекает в канаву, и его запах наполняет воздух; " это попойка: тем временем они уносят зерно и муку, которые монахи держали под рукой в соответствии с законом, и пятьдесят две партии их везут на рынок. Другой отряд прибывает в Ла Форс, чтобы освободить заключенных за долги; третий врывается в Гард Мебле, унося ценное оружие и доспехи. Толпы собираются перед отелем мадам де Бретей и Бурбонским дворцом, которые они намерены разграбить, чтобы наказать их владельцев. Месье де Кросне, один из самых либеральных и уважаемых людей Парижа, но, к несчастью для него самого, лейтенант полиции, подвергается преследованию, с трудом убегает, и его отель разграблен.— В ночь с 13 на 14 мая разграблены булочные и винные лавки; "люди самого низкого пошиба, вооруженные ружьями, пиками и вертелами, заставляют людей открывать двери и дают им что-нибудь поесть и выпить, а также деньги и оружие". Бродяги, люди в лохмотьях, некоторые из них "почти голые", и "большинство из них вооружены как дикари и имеют отвратительную внешность"; они "такие, каких никто не помнит, чтобы видел среди бела дня"; многие из них незнакомцы, пришли

неизвестно откуда.¹²³⁹ Утверждается, что их было 50 000 человек и что они захватили главные караульные помещения.

В течение этих двух дней и ночей, говорит Байи, "Париж подвергался риску быть разграбленным, и только Национальная гвардия спасла его от мародеров". Уже на открытой улице,¹²⁴⁰ "эти существа срывали с женщин туфли и серьги", и грабители начинали пользоваться полным влиянием. К счастью, ополчение организовалось само, и основные жители и дворяне записались сами; 48 000 человек сформированы в батальоны и роты; буржуазия покупает у бродяг ружья по три ливра за штуку, а сабли или пистолеты - по двенадцать су. Наконец, некоторые из преступников повешены на месте, другие разоружены, и восстание снова становится политическим. Но, какова бы ни была его цель, он всегда остается диким, потому что находится в руках толпы. Дюсо, его панегирист, признается¹²⁴¹, что "он думал, что стал свидетелем полного распада общества". Нет лидера, нет управления. Избиратели, превратившиеся в представителей Парижа, кажется, командуют толпой, но это толпа командует ими. У одного из них, Леграна, чтобы спасти Отель-де-Виль, нет другого выхода, кроме как послать за шестью бочонками пороха и объявить нападавшим, что он собирается взорвать все на воздух. Комендант, которого они сами выбрали, г-н де Салль, в течение четверти часа приставляет к своей груди двадцать штыков, и не раз весь комитет оказывается на волосок от гибели. Пусть читатель представит себе в помещении, где проходят дискуссии и подаются петиции, "скопище из полутора тысяч человек, теснимых сотней тысяч других, которые пробивают вход", деревянные панели трескаются, скамейки опрокидываются одна на другую, ограждение бюро отодвигается к президентскому креслу, суматоха такая, что вызывает в памяти "судный день", предсмертные вопли, песни, вопли и "люди вне себя, по большей части не понимающие, где они находятся и чего хотят". - Каждый район также является небольшим центром, в то время как Пале—Рояль является главным центром. Предложения, "обвинения" и депутации кочуют туда-сюда от одного к другому вместе с человеческим потоком, который сталкивается с препятствиями или мчится вперед, не имея иного ориентира, кроме своей собственной склонности и шансов на пути. Одна волна собирается здесь, другая там, их стратегия состоит в том, чтобы подталкивать и быть подталкиваемыми. Тем не менее, их вход осуществляется только потому, что их впускают. Если они попадают в Инвалиды, то только благодаря попустительству солдат. — В Бастилии стреляют из огнестрельного оружия с десяти утра до пяти вечера по стенам высотой в сорок футов и толщиной в тридцать футов, и совершенно случайно один из выстрелов попадает в инвалида на башнях. С ними обращаются так же, как с детьми, которым хочется причинить как можно меньше боли. Губернатор при первом призыве сдаться приказывает отвести пушки от амбразур; он заставляет гарнизон поклясться не стрелять, если на него не нападут; он приглашает первую депутацию на обед; он позволяет посыльному, отправленному из Ратуши, осмотреть крепость; он получает несколько выстрелов, не отвечая на них, и позволяет снести первый мост без единого выстрела.¹²⁴² Когда, наконец, он все-таки стреляет, то это последний шаг, чтобы защитить второй мост, и после того, как он уведомил нападающих, что они готовы к нападению. он собирается это сделать. Короче говоря, его снисходительность и терпение чрезмерны, в соответствии с гуманностью того времени. Люди, в свою очередь, без ума от новых ощущений атаки и сопротивления, от запаха пороха, от азарта состязания; все, о чем они могут думать, - это броситься на каменную массу, их методы находятся на одном уровне с их тактикой. Пивовар воображает, что он может поджечь этот каменный блок, облив его шиповником и маковым маслом, смешанным с фосфором. Молодой плотник, имеющий некоторые представления об

археологии, предлагает сконструировать катапульту. Некоторые из них думают, что схватили дочь губернатора, и хотят сжечь ее, чтобы заставить отца сдаться. Другие поджигают выступающую массу зданий, набитых соломой, и таким образом заделывают проход. "Бастилия не была взята основными силами", - говорит храбрый Эли, один из участников сражения; "она сдалась еще до того, как на нее напали", 1243 г. капитуляцией с обещанием никому не причинять вреда. Гарнизон, находясь в полной безопасности, больше не решался стрелять по людям, при этом сам ничем не рискуя, 1244 и, с другой стороны, они были обескуражены видом огромной толпы. В нападении участвовало всего 1245 человек, большинство из которых были рабочими или владельцами магазинов, принадлежащих к предместью, портными, колесными мастерами, мерчантами и виноторговцами, смешанными с французской гвардией. Площадь Бастилии, однако, и все улицы в окрестностях были запружены любопытными, пришедшими поглазеть на это зрелище; "среди них, - говорит очевидец 1246 года, - было несколько светских дам очень приятной наружности, которые оставили свои экипажи на некотором расстоянии". Ста двадцати солдатам гарнизона, смотревшим вниз со своих парапетов, казалось, что против них выступил весь Париж. Именно они, также, опускают подъемный мост и представляют врага: все потеряли голову, как осажденные, так и осаждающие, последние в большей степени, потому что они опьянены чувством победы. Едва они вошли, как начинают разрушительную работу, и последние прибывшие стреляют наугад в тех, кто пришел раньше; "каждый стреляет, не обращая внимания на то, куда и в кого направлен его выстрел". Внезапное всемогущество и свобода убивать - вино, слишком крепкое для человеческой натуры; результатом является головокружение; люди видят красное, и их безумие заканчивается свирепостью.

Ибо особенность народного восстания в том, что никто никому не подчиняется; дурные страсти свободны так же, как и великодушные; герои не в состоянии обуздать убийц. Эли, который первым входит в крепость, Чолат, Хулин, храбрые парни, идущие впереди, французские гвардейцы, знающие законы войны, стараются сдержать свое честное слово; но толпа, напираящая на них сзади, не знает, кого бить, и они наносят удары наугад. Они щадят швейцарских солдат, которые стреляли в них и которые в своих синих халатах кажутся им пленниками; с другой стороны, в качестве компенсации они яростно набрасываются на инвалидов, открывших им ворота; человеку, помешавшему губернатору взорвать крепость, сабельным ударом отсекают запястье, дважды пронзают шпагой и вешают, а руку, спасшую один из районов Парижа, с триумфом прогуливают по улицам. Офицеров тащат за собой, и пятеро из них убиты, вместе с тремя солдатами, на месте или по дороге. В течение долгих часов стрельбы пробуждается инстинкт убийцы, и желание убивать, превратившись в навязчивую идею, распространяется далеко среди толпы, которая до сих пор оставалась бездействующей. Его убеждает собственный шум; шум и клич - это все, что ему сейчас нужно; в тот момент, когда кто-то наносит удар, все хотят нанести удар. "Те, у кого не было оружия, - рассказывает офицер, - бросали в меня камни; 1247 женщины скрипели зубами и грозили мне кулаками. Двое моих людей уже были убиты у меня за спиной. Наконец я оказался в нескольких сотнях шагов от Ратуши под всеобщие крики о том, что меня следует повесить, когда мне представили голову, насаженную на пику, на которую я мог смотреть, находясь в. в тот же момент мне сказали, что это письмо господина де Лоне, губернатора. Последний, выходя на улицу, получил удар шпагой в правое плечо; когда он достиг улицы Сент-Антуан, "все рвали его за волосы и били его". Под аркадой Сен-Жан он был уже "тяжело ранен". Вокруг него одни говорили: "ему следует отрубить голову", другие: "пусть его повесят", третьи: "его следует привязать к лошадиному хвосту". Затем, в отчаянии и желая положить конец своим мучениям, он закричал: "Убейте меня", - и,

вырываясь, ударил одного из державших его мужчин ногой в нижнюю часть живота. В тот момент, когда его протыкают штыками, тащат в канаву и, нанося удары по его труп, они восклицают: "Он цингующий негодяй (гале) и чудовище, предавшее нас; нация требует, чтобы его голова была выставлена на всеобщее обозрение", а человека, которого пнули, просят отрезать ее. — Этот человек, безработный повар, простак, который "пошел в Бастилию посмотреть, что происходит", считает, что, по общему мнению, этот поступок патриотичен, и даже считает, что он "заслуживает медали за уничтожение чудовище. Взяв саблю, которую ему одолжили, он наносит удар по обнаженной шее, но тупая сабля не делает своего дела, он достает из кармана маленький нож с черной ручкой и, "поскольку в качестве повара он знает, как резать мясо", успешно завершает операцию. Затем, насадив голову на конец трехзубых вил и сопровождаемый более чем двумя сотнями вооруженных людей, "не считая толпы", он марширует дальше, и на улице Сент-Оноре к голове прикреплены две надписи, безошибочно указывающие, чья это голова.—Они растут веселыми над ним: после подачи рядом с Пале-Рояль, процессия прибывает на Пон-Неф, где перед статуей Генриха IV., они склоняют головы в три раза, говоря: "приветствую твой хозяин!"—Это последняя шутка: его можно найти в каждой победы, и внутри мясника, Мы найдем разбойника.

VII.—Убийства Фулона и Бертье.

Тем временем в Пале-Рояле появились другие шуты, которые с легкомыслием сплетников забавляются жизнями так же свободно, как и словами. В ночь с 13 на 14 июля был опубликован список запрещений, копии которого разносятся повсюду. Позаботьтесь о том, чтобы адресовать по одному из них каждому из указанных лиц, графу д'Артуа, маршалу де Бройльи, принцу де Ламбеск, барону де Безенваль, г-ну де Бретей, Фулону, Бертье, Мори, д'Эспремению, Лефевру д'Амекуру и другим. ¹²⁴⁸ Тому, кто доставит их головы в кафе Каво, обещана награда. Вот имена для раскованной толпы; все, что сейчас необходимо, - это чтобы какая-нибудь банда встретила человека, на которого донесли; он дойдет до фонарного столба на углу улицы, но не дальше его.— В течение всего дня 14-го числа этот импровизированный трибунал проводит постоянное заседание и подкрепляет свои решения своими действиями. Месье де Флессель, глава купечества и президент выборщиков в Отель-де-Виль, проявив некоторую тепловатость, в ¹²⁴⁹ году Пале-Рояль объявляет его предателем и отправляет на повешение. По дороге молодой человек сбивает его с ног выстрелом из пистолета, другие падают на его тело, в то время как его голова, насаженная на пику, присоединяется к голове месье де Лоне. — Столь же смертоносные обвинения и столь же скорая казнь летят в воздухе со всех сторон. "По малейшему поводу, - говорит избиратель, - они доносили нам на тех, кого считали противниками Революции, что уже означало то же самое как на врагов государства. Без какого-либо расследования ходили только разговоры об аресте их лиц, разорении их домов и сносе их домов с лица земли. Один молодой человек воскликнул: "Немедленно следуйте за мной, давайте немедленно отправимся к Безенвалю!" — Их мозги настолько напуганы, а умы

настолько недоверчивы, что на каждом шагу на улицах "приходится называть свое имя, называть профессию, место жительства и намерения. ... Нельзя ни въехать в Париж, ни выехать из него, не будучи заподозренным в государственной измене". Принц де Монбарри, сторонник новых идей, и его жена остановлены в своей карете у барьера, и их вот-вот разорвут на куски. Депутата от знати, направлявшегося в Национальное собрание, сажают в карету и везут на Гревскую площадь; ему показывают труп г-на де Лоне и говорят, что с ним следует поступить таким же образом.— Каждая жизнь висит на волоске, и в последующие дни, когда король отослал свои войска, отправил в отставку своих министров, отозвал Неккера и предоставил все, что угодно, опасность остается столь же большой. Толпа, предоставленная революционерам и самой себе, продолжает те же кровавые выходки, в то время как муниципальные вожди¹²⁵⁰, которых она избрала, Байи, мэр Парижа, и Лафайет, командующий Национальной гвардией, вынуждены прибегать к хитрости, умолять, становиться между толпой и несчастными, которых они хотят уничтожить.

15 июля ночью во дворе Ратуши арестована женщина, переодетая мужчиной, и с ней так жестоко обращаются, что она теряет сознание; Байи, чтобы спасти ее, вынужден изобразить гнев против нее и немедленно отправить ее в тюрьму. С 14 по 22 июля Лафайет, рискуя своей жизнью, собственноручно спасает семнадцать человек в разных кварталах.¹²⁵¹—22 июля по доносам, которые множатся по Парижу, как шлейфы с порохом, арестованы два высокопоставленных администратора, господин Фулон, государственный советник, и господин Бертье, его зять, один близ Фонтенбло, а другой близ Компьеня. Господин Фулон, строгий хозяин,¹²⁵² но умный и полезный, прошлой зимой потратил шестьдесят тысяч франков на свое поместье, чтобы дать работу беднякам. Господин Бертье, трудолюбивый и способный человек, официально обследовал Иль-де-Франс и оценил его по достоинству, чтобы уравнивать налоги, и сократил завышенные квоты сначала на одну восьмую, а затем на четверть. Но оба этих джентльмена подробно рассказали о лагере, против которого восстал Париж; оба публично объявлены вне закона за восемь дней до этого Пале-Роялем, и среди людей, напуганных беспорядками, измученных голодом и одурманенных подозрительностью, обвиняемый считается виновным.—В отношении Фулона, как и в случае с Ревейоном, придумана история, отчеканенная на том же монетном дворе, своего рода валюта для массового обращения, которую сам народ изготавливает, облакая в одно трагическое выражение сумму своих страданий и мучительных воспоминаний:¹²⁵³ г. "Он сказал, что мы стоим не дороже его лошадей; и что если у нас не будет хлеба, нам придется питаться только травой".— Семидесятичетырехлетнего старика привозят в Париж с охапкой сена на голове, ошейником из чертополоха на шее, а рот у него закушен. набитый сеном. Тщетно избирательное бюро отдает приказ о его тюремном заключении, чтобы спасти его; толпа выкрикивает: "Приговорен и повешен!" - и авторитетно назначает судей. Напрасно Лафайет настаивает и трижды умоляет, чтобы приговор был вынесен должным образом и обвиняемый был отправлен в аббатство. Подходит новая волна людей, и один мужчина, "хорошо одетый", выкрикивает: "Зачем нужен приговор человеку, который был осужден на тридцать лет?" Фулона уносят; волокут через площадь и подвешивают к фонарному столбу. Шнур дважды обрывается, и дважды он падает на тротуар. Его снова подвешивают на новой веревке, а затем отрубают, отделяют голову от тела и насаживают на конец пики.¹²⁵⁴ Тем временем Бертье, которого муниципалитет отослал из Компьеня, опасаясь держать его в тюрьме, где ему постоянно угрожали, прибывает в кабриолете под конвоем. Люди несут вокруг него плакаты, полные оскорбительных эпитетов; меняя лошадей, они бросали в экипаж черствый черный хлеб, восклицая: "Вот, негодяй,

посмотри, какой хлеб ты заставил нас есть!" Когда он добрался до церкви Сен-Мерри, в его адрес разразилась страшная буря оскорблений. Его называют монополистом, "хотя он никогда не купил и не продал ни зернышка пшеницы". В глазах толпы, которая вынуждена объяснять зло тем, что оно вызвано каким-то злодеем, он является виновником массового голода. Отведенный в аббатство, его эскорт рассеивается, и его оттесняют к фонарному столбу. Затем, видя, что все потеряно, он выхватывает пистолет у одного из своих убийц и храбро защищается. Солдат "Королевских хорватов" наносит ему удар саблей поперек живота, а другой вырывает ему сердце. Поскольку повар, отрубивший голову месье де Лоне, случайно оказывается на месте, они вручают ему сердце для переноски, в то время как солдаты забирают голову, и оба идут в Отель-де-Виль, чтобы показать свои трофеи месье де Лафайету. По возвращении в Пале-Рояль, когда они сидят за столом в таверне, люди требуют эти два останка. Они выбрасывают их в окно и доедают свой ужин, в то время как сердце марширует внизу в букете белых гвоздик. — Вот какие зрелища представляет этот сад, куда год назад, выйдя из Оперы, приходило "хорошее общество в парадных одеждах", чтобы поболтать, часто до двух часов ночи, при мягком свете луны, слушая то скрипку Сен-Жоржа, то чарующий голос Гарата.

VIII.—Париж в руках народа.

Отныне ясно, что никто не находится в безопасности: ни нового ополчения, ни новых властей недостаточно для обеспечения соблюдения закона. "Они не посмели, - говорит Байи, [1255](#), - выступить против людей, которые за восемь дней до этого взяли Бастилию". — Напрасно после двух последних убийств Байи и Лафайет с негодованием угрожают уйти; они вынуждены остаться; их защита, какая бы она ни была, - это все, что осталось, и, если Национальная гвардия не в состоянии предотвратить каждое убийство, она предотвращает некоторые из них. Люди живут, как могут, в постоянном ожидании нового массового насилия. "Для каждого беспристрастного человека, - говорит Малуэ, - террор начался 14 июля". — 17-го, перед отъездом в Париж, король посещает причастие и составляет свое завещание в ожидании покушения. С 16 по 18 число Францию покидают двадцать высокопоставленных лиц, среди прочих большинство тех, за головы которых Пале-Рояль назначил награду: граф д'Артуа, маршал де Бройль, принцы де Конде, де Конти, де Ламбеск, де Водемон, графиня де Полиньяк и герцогини де Полиньяк и де Гиш. На следующий день после двух убийств г-н де Кросне, г-н Думере, г-н Суро, наиболее ревностные и ценные члены комитета по обеспечению пропитания, все те, кто был назначен делать покупки и присматривать за складами, спрятались или бежали. Накануне двух убийств парижским нотариусам под угрозой бунта пришлось выдать 45 000 франков, которые были обещаны рабочим Сент-Антуанского предместья; в то время как государственная казна, почти пустая, тратит 30 000 ливров в день, чтобы уменьшить стоимость хлеба. Личности и имущество, большие и малые, частные лица и государственные чиновники,

само правительство — все находится в руках толпы. "С этого момента, - говорит депутат от 1256 года, - свободы не существовало даже в Национальном собрании ... Франция безмолвствовала перед тридцатью фракционерами. Ассамблея стала в их руках пассивным инструментом, который они заставили служить им при выполнении своих проектов".—Сами они не руководят, хотя кажется, что руководят. Огромное животное, взявшее удила в пасть, держится за них, и его погружение становится все более яростным. Мало того, что оба стимула, которые сводили его с ума, я имею в виду стремление к инновациям и ежедневную нехватку продуктов питания, продолжают его раздражать. Но также и политические шершни, которые, увеличиваясь тысячами, жужжат вокруг его ушей. И распушенность, которой оно наслаждается впервые, в сочетании с расточаемыми ему аплодисментами, с каждым днем побуждает его двигаться вперед все яростнее. Восстание прославляется. Ни один из убийц не разыскивается. Именно против заговора министров Ассамблея проводит расследование. Победителям Бастилии вручаются награды; объявляется, что они спасли Францию. Все почести воздаются народу - за его здравый смысл, великодушие и справедливость. Этому новому суверену воздается должное: ему публично и официально заявляют, в Собрании и прессе, что он обладает всеми добродетелями, всеми правами и всеми полномочиями. Если он проливает кровь, то непреднамеренно, по провокации и всегда руководствуясь безошибочным инстинктом. Более того, говорит депутат, "эта кровь была такой чистой?" Больше число людей предпочитает теории, изложенные в их книгах, впечатлениям, которые они видят собственными глазами; они упорствуют в идиллии, которую сами для себя создали. В худшем случае их мечта, изгнанная из настоящего, находит убежище в будущем. Завтра, когда Конституция будет завершена, народ, осчастливленный, снова станет мудрым: давайте выдержим бурю, которая ведет нас в столь благородную гавань.

Между тем, за пределами Короля, инертного и безоружного, за пределами Собрания, непокорного или покорного, появляется настоящий монарх, народ — то есть толпа из ста, тысячи, ста тысяч индивидуумов, собранных вместе наугад, по импульсу, по тревоге, внезапно и непреодолимо превратившихся в законодателей, судей и палачей. Грозная сила, неопределенная и разрушительная, над которой никто не властен и которая вместе со своей матерью, воющей и уродливой Свободой, стоит на пороге Революции, как два призрака Мильтона у врат Ада.

... Перед воротами,
По обе стороны от них, стояли грозные фигуры;
Та, что казалась женщиной по пояс и светловолосой,
но закончила грязно во многих чешуйчатых складках
Объемная и необъятная, змеиная рука
Со смертельным жалом: примерно посередине ее туловища
Крик адских гончих, не перестающих лаять
С широко раскрытыми церберианскими пастьми, громкий и пронзительный
Отвратительный звон: и все же, когда они прислушиваются, заползают,
Если что-нибудь потревожит их шум, в ее утробу,
И тамошнюю конуру; и все же там все еще лают и воют
Внутри невидимые...
..... другая форма,
если это можно было бы назвать формой, у этой формы не было никакой
Различимый по члену, суставу или конечности,

Или субстанцией можно было бы назвать то, что казалось тенью

Ибо каждый казался либо тем, либо другим: черный он стоял, как ночь,
Свирепый, как десять фурий, ужасный, как ад,
И потрясал ужасным дротиком; что казалось его головой
На нем было что-то вроде королевской короны.

Монстр, двигавшийся вперед, приближался так же быстро,
ужасающими шагами; ад дрожал от его шагов.

1201 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо мсье Мирона, лейтенанта полиции, 26 апреля; от мсье Жолиде Флери, генерального прокурора, 29 мая; от мсье Марше и Бертье, 18 и 27 апреля, 23 марта, 5 апреля, 5 мая. — Артуру Янгу, 10 и 29 июня. "Национальные архивы", Письмо заместителя делегата Монлери Н. 1453, 14 апреля.]

1202 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо заместителя делегата Гобера от 17 марта; от офицеров полиции от 15 июня: "12, 13, 14 и 15 марта жители Конфлана в целом восстали против закона об охоте на кроликов".]

1203 (возвращение)

[Монжуа, 2-я часть, глава XXI. стр.14 (первая неделя июня). Монжуа - человек партийный; но он приводит даты и детали, и его показания, когда они подтверждаются в других местах, заслуживают того, чтобы их приняли.]

1204 (возвращение)

[Монжуа, 1-я часть, 92-101. — "Национальные архивы", Н. 1453. Письмо офицера полиции Сен-Дени: "Ежедневно прибывает много рабочих из Лотарингии, а также из Шампани", что повышает цены.]

1205 (возвращение)

[Де Безенваль, "Воспоминания", I.353. Ср. "Древний режим", стр.509.—Мармонтель, II, 252 и последующие страницы.—De Ferrières, I. 407.]

1206 (возвращение)

[Артур Янг, 1 сентября 1788 г.]

1207 ([return](#))

[Barrère, "Mémoires," I. 234.]

1208 ([возвращение](#))

[Смотрите в Национальной библиотеке длинный каталог тех, что сохранились.]

1209 ([возвращение](#))

[Малуэт, I. 255. Байи, I. 43 (9 и 19 мая).Д'Езек, "Сувениры пажа Людовика XV". 293.—Де Безенваль, I. 368.]

1210 ([возвращение](#))

[Мармонтель, II, 249.—Монжуа, 1—я часть, стр. 92.-Де Безенваль, I. 387: "Эти шпионы добавили, что были замечены люди, возбуждавшие беспорядки и раздававшие деньги".]

1211 ([возврат](#))

["Национальные архивы", Y.11441. Допрос аббата Руа, 5 мая.—Y.11033, Допросы (28 апреля и 4 мая) двадцати трех раненых, доставленных в Отель—Дье - Эти два документа имеют первостепенное значение для представления истинной стороны восстания; к ним следует добавить рассказ г-на де Безенваля, который в то время был комендантом вместе с г-ном де Шатле. Почти все остальные нарративы усиливаются или фальсифицируются из-за партийной предвзятости.]

1212 ([return](#))

[De Ferrières, vol. III. примечание A. (оправдательное объяснение Ревейона).]

1213 ([возвращение](#))

[Байи I. 25 (26 апреля).]

1214 ([возвращение](#))

[Гиппо, IV. 377 (Письма М. Перро, 29 апреля).]

1215 ([возвращение](#))

[Письмо королю от жителя Сент-Антуанского предместья: "Не сомневайтесь, сир, что наши недавние несчастья вызваны дороговизной хлеба"]

1216 ([возвращение](#))

[Дампмартен, "События, которые происходят после смерти вас" и т. Д. I. 25: "Мы повернули назад, и нас задержали небольшие группы негодяев, которые нагло предложили нам кричать "Да здравствует Неккер! Да здравствуют Тиры!" Двое его товарищей были рыцарями Людовика Святого, и их значки, казалось, вызывали "все возрастающую ненависть". "Значок вызвал грубое недовольство даже со стороны лиц, которые казались выше агитаторов".]

1217 ([возвращение](#))

[Дампмартен, там же, i. 25: "В этот самый день я обедал в отеле д'Эквилы на улице Сен-Луи". Он выходит из дома пешком и становится свидетелем беспорядков. "От пятнадцати до шестнадцати сотен негодяев, отбросов нации, униженных постыдными пороками, одетых влохмотья и объевшихся бренди, представляли собой самое отвратительное зрелище. Более ста тысяч человек обоего пола, всех возрастов и состояний сильно мешали действиям войск. Вскоре началась стрельба, и полилась кровь: рядом со мной были ранены два невинных человека".]

1218 ([return](#))

[De Goncourt, "La Société Française pendant la Révolution." Здесь насчитывается тридцать один игорный дом, а брошюра того времени озаглавлена "Конкурс двух центов в Пале-Рояле".]

1219 ([возвращение](#))

[Монжуа, 2—я часть, 144.-Байи, II, 130.]

1220 ([возвращение](#))

[Артур Янг, 24 июня 1789 г. —Монжуа, 2-я часть, 69.]

1221 ([возвращение](#))

[Артур Янг, 9, 24 и 26 июня. — "Свободная Франция", перевод К. Десмулена.]

1222 ([возвращение](#))

[К. Десмулен, письма своему отцу и Артуру Янгу, 9 июня.]

1223 ([возвращение](#))

[Монжуа, 2-я часть, 69, 77, 124, 144. К. Десмулен, письмо от 24 июня и следующих дней.]

1224 (возвращение)

[Этьен Дюмон, "Сувениры", стр.72.—С. Десмулен, письмо от; 24 июня.—Артур Янг, 25 июня.—Бюше и Ру, II. 28.]

1225 (возвращение)

[Байи, I. 227 и 179.—Монье, "Исследования причин" и т. Д. I. 289, 291; II.61;—Малуэ, I. 299; II. 10.—"Акты возмездия", V.43. (Письмо М. де Гильерми, 31 июля 1790 г.).—Мармонтель, I. 28: "Люди пришли даже на Собрание, чтобы подбодрить своих сторонников, выбрать и указать их жертвы". и запугать слабых ужасным испытанием открытого голосования".]

1226 (возврат)

[Рукописные письма М. Булле, депутата, муниципальным властям Понтиви с 1 мая 1789 г. по 4 сентября 1790 г. (передано М. Розенцвейгом, архивариусом в Ванне). 16 Июня 1789 года: "Толпа, собравшаяся вокруг зала ... в те дни составляла от 3000 до 4000 человек".]

1227 (возвращение)

[Письма М. Булле, 23 июня. "Какой величественный момент, когда мы с энтузиазмом связываем себя со страной новой клятвой! . . . Почему один из нас выбрал именно этот момент, чтобы опозорить себя? Его имя теперь опорочено по всей Франции. И у несчастного есть дети! Внезапно подавленный общественным презрением, он уходит и падает в обморок у двери, восклицая: "Ах! это будет моя смерть!" Я не знаю, что с ним стало с тех пор. Что странно, до этого времени он не вел себя плохо и голосовал за Конституцию".]

1228 (возвращение)

[Де Ферьер, I. 168.—Малуэ, I. 298 (по его словам, фракция насчитывала не более десяти членов), —там же II. 10.—Дюмон, 250.]

1229 (возвращение)

["Национальный конвент" правил Францией с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1796 года. Мы различаем три разных собрания: "Жирондистский конвент" 1792-93 гг., "Гора" 1793-94 гг. и "Термидориан" 1794-1795 гг. (SR).]

1230 (возвращение)

[Декларация от 23 июня, статья 15.]

1231 (возвращение)

[Монжуа, 2—я часть, 118.-С. Демулен, письма от 24 июня и следующих дней. Достоверный

рассказ М. де Сент-Фера, бывшего офицера французской гвардии, стр.9.—Де Безенваль, III, 413.—Бюше и Ру, II. 35.—"Сувениры", ПАСКЬЕ (Этьен-Деннис, герцог), канцлер Франции. в VI томах, Библиотека Плон, Париж, 1893 г.]

1232 (возвращение)

[Пеуше ("Методическая энциклопедия", 1789, цитируется Паран Дюшателе): "Почти все солдаты гвардии принадлежат к этому классу (сводники публичных женщин): многие, действительно, записываются в корпус только для того, чтобы жить за счет этих несчастных".]

1233 (возвращение)

[Губернатор Моррис, "Свобода теперь - общий клич; власть - это имя, а не реальность". (Переписка с Вашингтоном, 19 июля.)]

1234 (возвращение)

[Байи. I. 302. "Король был настроен очень благожелательно; его меры были направлены только на сохранение порядка и общественного спокойствия ... Факты вынудили Дю Шатле оправдать г-на де Безенваля за покушения на народ и страну". — Ср. Мармонтель, IV. 183; Мунье, II. 40.]

1235 (возвращение)

[Демулен, письмо от 16 июля. Бюше и Ру, II. 83.]

1236 (возвращение)

[Суд над принцем де Ламбеском (Париж, 1790), с восемьюдесятью тремя показаниями и обсуждением показаний.— Это толпа начала атаку. Войска стреляли в воздух. Но один человек, сьер Шовель, был легко ранен принцем де Ламбеском. (Показания М. Карбуара, стр.84, и капитана де Рейнака, стр. 101.) "М. принц де Ламбеск, верхом на сером коне с серым седлом без кобуры или пистолетов, едва успел въехать в сад, как дюжина человек ухватила за гриву и уздечку его коня и приложила все усилия, чтобы оттащить его. Невысокий мужчина в серой одежде выстрелил в него из пистолета . . . Принц изо всех сил пытался освободиться, и ему это удалось, заставив свою лошадь встать на дыбы и взмахнув мечом; однако до сих пор никого не ранив . . . Он утверждает, что видел, как принц ударил человека по голове плоской стороной сабли, который пытался перекрыть поворотный мост, который отрезал бы отступление его войскам. Войска не более чем пытались сдержать толпу, которая атаковала их камнями и даже огнестрельным оружием с вершины моста. террасы."—Человек, пытавшийся перекрыть мост, схватил лошадь принца одной рукой; полученная им рана представляла собой царапину длиной около 23 линий, которая была перевязана и залечена бинтом, смоченным бренди. Все подробности этого дела доказывают, что терпение и человечность офицера были чрезвычайными. Тем не менее "на следующий день, 13—го, кто-то вывесил на перекрестке Бюсси письменный плакат, рекомендуя гражданам Парижа немедленно схватить принца и четвертовать его". (Показания М. Коссона, стр.114.)]

1237 ([возвращение](#))

[Байи, I. 3, 6.—Мармонтель, IV. 310]

1238 ([возвращение](#))

[Монжуа, часть 3, 86. "Я разговаривал с теми, кто охранял замок Тюильри. Они не принадлежали Парижу. . . . Ужасная физиономия и отвратительная одежда". Монжуа, которому во многих местах недоверяют, заслуживает консультации по поводу небольших фактов, очевидцем которых он был.—Морелле, "Воспоминания", I. 374.—Дюсо, "Сентябрьский дневник", 352.—Revue Historique, март 1876. Допрос Десно. Его занятие 13 июля (опубликовано Гиффри).]

1239 ([возвращение](#))

[Матье Дюма, "Воспоминания", I. 531. "Мирные люди бежали при виде этих групп странных, обезумевших бродяг. Все закрыли свои дома. ... Когда я добрался домой, в квартал Сен-Дени, несколько из этих разбойников вызвали большую тревогу, стреляя в воздух из ружей".]

1240 ([возвращение](#))

[Дюсо, 379.]

1241 ([возвращение](#))

[Дюсо, 359, 360, 361, 288, 336. "В сущности, их мольбы напоминали приказы, и не раз сопротивляться им было невозможно".]

1242 ([возвращение](#))

[Дюсо, 447 (Депонирование инвалидов).— "Ретроспективное ревю", IV. 282 (Рассказ командира тридцати двух швейцарских гвардейцев).]

1243 ([возвращение](#))

[Мармонтель, IV. 317.]

1244 ([возвращение](#))

[Дюсо, 454. "Солдаты ответили, что они скорее смирятся с тем, что произойдет, чем станут причиной уничтожения такого большого числа своих сограждан".]

1245 ([возвращение](#))

[Дюсо, 447. Число участников боевых действий, искалеченных, раненых, погибших и живых, составляет 825 человек.—Мармонтель, IV. 320. "К числу победителей, которое было доведено до 800, были добавлены люди, которые никогда не были поблизости от этого места".]

1246 ([возвращение](#))

["Мемуары" ПАСКЬЕ (Этьен-Деннис, герцог, 1767-1862), канцлер Франции. в VI томах, Библиотека Плон, Париж, 1893. Том I. стр.52. Паскье был очевидцем. Он прислонился к ограде сада Бомарше и наблюдал за происходящим вместе с актрисой мадемуазель Конта, которая оставила свой экипаж на Королевской площади.—Marat, "L'ami du peuple," No. 530. "Когда неслыханное стечение обстоятельств привело к падению плохо защищенных стен Бастилии усилиями горстки солдат и отряда несчастных существ, в большинстве своем немцев и почти всех провинциалов, парижане сами осмотрели крепость, их привело туда только любопытство".]

1247 ([возвращение](#))

[Рассказ командира тридцати двух швейцарских.—Рассказ Чолата, виноторговца, одного из победителей.-Допрос Десно (который отрубил голову г—ну де Лоне).]

1248 ([возвращение](#))

[Монжуа, часть 3, 85.—Дюсо, 355, 287, 368.]

1249 ([возвращение](#))

[Больше ничего. Ни один свидетель не утверждает, что он видел фальшивую записку месье до Лоне. По словам Дюсо, у него не могло быть ни времени, ни средств, чтобы написать ее.]

1250 ([возвращение](#))

[Байи, II. 32, 74, 88, 90, 95, 108, 117, 137, 158, 174. "Я отдавал приказы, которым не подчинялись и к которым не прислушивались. . . . Они дали мне понять, что я не в безопасности". (15 июля.) "В эти печальные времена одного врага и одного клеветнического сообщения было достаточно, чтобы взбудоражить толпу. Все, кто раньше был у власти, все, кто раздражал или сдерживал повстанцев, были уверены, что будут арестованы".]

1251 ([return](#))

[M. de Lafayette, "Mémoires," III. 264. Письмо от 16 июля 1789 года. "Я уже спас жизни шести человек, которых вешали в разных местах".]

1252 (возвращение)

[Пужулат. "Histoire de la Révolution Française," p.100 (with supporting documents). Протокол провинциального собрания, Иль-де-Франс (1787), стр.127.]

1253 (возвращение)

[Например: "Он суров со своими крестьянами".— "Он не дает им хлеба, а потом хочет, чтобы они ели траву". "Он хочет, чтобы они ели траву, как лошади". — "Он сказал, что они вполне могли бы есть сено и что они ничем не лучше лошадей".— Та же история встречается во многих современных жакериях.]

1254 (возвращение)

[Байи, II. 108. "Люди, менее просвещенные и властные, как деспоты, не признают никаких положительных признаков хорошего управления, кроме успеха".]

1255 (возвращение)

[Байи, II, 108, 95.—Малуэ, II, 14.]

1256 (return)

[De Ferrières, I. 168.]

ГЛАВА III.

I. Анархия с 14 июля по 6 октября 1789 г.

Уничтожение правительства.— Кому принадлежит реальная власть?

Каким бы плохим ни было конкретное правительство, есть нечто еще худшее, и это подавление всего правительства. Ибо именно благодаря правительству человеческая воля формирует гармонию, а не хаос. Оно служит обществу так же, как мозг служит живому существу. Неспособный, невнимательный, экстравагантный, всепоглощающий, он часто злоупотребляет своим положением, перенапрягая или вводя в заблуждение тело, о котором он должен заботиться и которым он должен руководить. Но, принимая во внимание все обстоятельства, что бы это ни делало, пользы от этого больше, чем вреда, ибо благодаря этому тело выпрямляется, идет дальше и направляет свои шаги. Без этого невозможно организованное целенаправленное действие, полезное для всего организма. Только в нем мы находим всеобъемлющие взгляды, знание членов, из которых оно состоит, и их целей, представление о внешних взаимоотношениях, полную и точную информацию, короче говоря, высший интеллект, который понимает, что лучше для общих интересов, и приспособливает средства к целям. Если она колеблется и ей больше не повинуются, если ее принуждают и подталкивают извне под сильным давлением, она перестает контролировать общественные дела, и социальная организация на много шагов отступает назад. Через распад общества и изоляцию индивидов каждый человек возвращается к своему первоначальному немощному состоянию, в то время как власть переходит к преходящим совокупностям, которые подобно вихрям возникают из человеческой пыли.—Можно догадаться, как эта власть, которую наиболее компетентным трудно применить должным образом, осуществляется группами людей, появляющихся из ниоткуда. Это вопрос поставок, их имущества, цены и распределения. Это вопрос налогов, их пропорции, распределения и сбора; частной собственности, ее разновидностей, прав и ограничений; это проблема государственной власти, ее распределения и ее пределов; всех тех тонких шестеренок, которые, взаимодействуя друг с другом, составляют великую экономическую, социальную и политическую машину. Каждая группа в своем кантоне кладет свои грубые руки на колеса в пределах своей досягаемости. Они вырывают или ломают их бессистемно, под влиянием момента, беззаботно и безразлично к последствиям, даже когда завтрашняя реакция превращает их в руины, которые они вызывают сегодня. Так раскованные негры, каждый из которых тянет по-своему, берутся управлять кораблем, которым они только что овладели.— При таком положении вещей белые мужчины вряд ли стоят больше черных. Ибо не только группа, целью которой является насилие, состоит из самых обездоленных, с самым диким энтузиазмом и наиболее склонных к разрушению и вседозволенности. Но также, по мере того, как эта банда шумно осуществляет свои насильственные действия, каждый индивидум, самый жестокий, самый иррациональный и самый коррумпированный, опускается ниже самого себя, вплоть до темноты, безумия и дикости отбросов общества. На самом деле, человек, который при обмене ударами сопротивлялся бы возбуждению от убийства и не использовал бы свою силу, как дикарь, должен быть знаком с оружием. Он должен быть привычен к опасности, хладнокровен, жив к чувству чести и, прежде всего, чувствителен к тому суровому воинскому кодексу, который в воображении солдата всегда напоминает ему виселицу начальника полиции, на которую он обязательно попадет, если нанесет на один удар больше положенного. Если все эти ограничения, как внутренние, так и внешние, отсутствуют, человек погружается в бунт. Он новичок в актах насилия, которые он совершает. Он не боится закона, потому что он отменяет его. Начатое действие заводит его дальше, чем он намеревался. Опасность и сопротивление усиливают его гнев. Он подхватывает лихорадку от соприкосновения с теми, у кого лихорадка, и следует за грабителями, которые стали его товарищами.¹³⁰¹ Добавьте к этому шум, пьянство, зрелище разрушения, нервную дрожь тела, напряженного сверх всякой меры, и мы сможем понять, как из крестьянина, рабочего и буржуа, умиротворенных и

прирученных старой цивилизацией, мы видим, как внезапно вырастает варвар. Или, что еще хуже, примитивное животное, ухмыляющийся, кровожадный, распутный бабуин, который хихикает, убивая, и резвится над совершенным им разорением. Таково действительное правительство, которому отдана Франция, и после восемнадцатимесячного опыта самый квалифицированный, самый рассудительный и глубокий наблюдатель Революции не найдет ничего, с чем можно было бы сравнить, кроме вторжения в Римскую империю в четвертом веке. **1302 г.** "Гунны, герулы, вандалы и готы не придут ни с севера, ни с Черного моря; они находятся прямо среди нас".

II.—Провинции

Разрушение старых властей.—Неадекватность новых властей

Когда в здании прогибается основная балка, появляются трещины, которые множатся, а второстепенные балки рушатся одна за другой из-за отсутствия опоры, которая их поддерживала. Подобным образом подрывается авторитет короля, все полномочия, которые он делегировал, падают на землю. **1303** Интенданты, парламенты, военные коменданты, главные проректоры, административные, судебные и полицейские чиновники в каждой провинции и в каждом роде службы, которые поддерживают порядок и защищают собственность, чему научили убийство г-на де Лони, заключение в тюрьму г-на де Безенваля, бегство маршала де Бройля, убийства Фуллона и Бертье, знают, чего им стоит пытаться выполнять свои обязанности. Если об этом забудут, вмешаются местные восстания, и держите их в уме.

Командующий Бургундией офицер находится в плену в Дижоне, у его дверей стоит стража; и ему не разрешается ни с кем разговаривать без разрешения и в присутствии свидетелей. **1304** Комендант Кана осажден в старом дворце и капитулирует. Комендант Бордо сдает Шато-Тромпетт с его пушками и снаряжением. Комендант Меца, который остается непреклонным, терпит оскорбления и приказы населения. Комендант Бретани бродит по своей провинции "как бродяга", в то время как в Ренне его люди, мебель и столовое серебро хранятся в залог. Как только он ступает на территорию Нормандии, его окружают, и у его двери выставляют часового. Интендант Безансона обращается в бегство; интендант Руана видит, что его жилище разграблено сверху донизу, и убегает под крики толпы, требующей его головы.— В Ренне декан парламента арестован, с ним жестоко обращаются, держат в его комнате под охраной, а затем, несмотря на болезнь, высылают из города под конвоем.— В Страсбурге "тридцать шесть зданий магистратов разграблены". **1305**—В Безансоне председатель парламента вынужден выпустить из тюрьмы повстанцев, арестованных во время позднего побега, и публично сжечь все бумаги, принадлежащие обвинению.— В Эльзасе с начала смуты проректорам пришлось бежать, судебные приставы и судьи поместий попрятались, лесные инспекторы разбежались, а дома стражников были снесены. Одного мужчину, шестидесяти лет, жестоко избивают и гоняют по

деревне, а люди тем временем вырывают ему волосы; от его жилища не осталось ничего, кроме стен и части крыши. Вся его мебель и пожитки разбиты, сожжены или украдены. Его заставляют подписать вместе со своей женой акт, которым он обязуется возместить все нанесенные им штрафы и отказаться от всех требований о возмещении ущерба за травмы, которым он только что был подвергнут.—Во Франш-Конте власти не осмеливаются осуждать правонарушителей, а полиция не арестовывает их; военный комендант пишет, что "всякого рода преступления учащаются, и у него нет средств наказать их". Неподчинение постоянно во всех провинциях; одна из провинциальных комиссий с грустью констатирует:

"Когда все власти находятся в замешательстве и уничтожены, когда общественной силы больше не существует, когда все связи разорваны, когда каждый индивид считает себя освобожденным от всех видов обязательств, когда государственная власть больше не осмеливается давать о себе знать, а носить ее - преступление, чего можно ожидать от наших усилий по восстановлению порядка?"[1306](#)

Все, что осталось от этого великого разрушенного государства, - это сорок тысяч групп людей, каждая разрозненная и изолированная, в городах и маленьких рыночных поселках, где муниципальные органы, выборные комитеты и импровизированная национальная гвардия стремятся предотвратить худшие эксцессы.— Но эти местные вожди - новички; они люди, и они робки. Избранные путем всеобщего одобрения, они верят в права народа; в разгар беспорядков они чувствуют себя в опасности. Следовательно, они обычно подчиняются толпе.

"Редко, - говорится в одном из отчетов провинциальных комиссий, - муниципальные власти вызывают в суд; они скорее допускают величайшие эксцессы, чем возбуждают судебное преследование, за которое рано или поздно их могут привлечь к ответственности их сограждане Муниципальные органы больше не в силах чему-либо противостоять".

Особенно в сельских округах мэр или синдик, который является фермером, ставит своей главной целью не наживать врагов и ушел бы со своего поста, если бы это принесло ему какие-либо "неприятности". Его правление в городах, особенно в крупных, почти такое же слабое и более ненадежное, потому что здесь в гораздо большем количестве накапливается взрывоопасный материал, а муниципальные чиновники в своих креслах в ратуше сидят над миной, которая может взорваться в любой момент. Возможно, завтра какая-нибудь резолюция, принятая в таверне в пригороде, или какая-нибудь зажигательная газета, только что полученная из Парижа, послужат искрой. — Под рукой нет другой защиты от населения, кроме сентиментальных прокламаций Национального собрания, бесполезного присутствия войск, которые стоят и наблюдают, и ненадежной помощи Национальной гвардии, которая прибудет слишком поздно. Время от времени эти горожане, которые теперь являются правителями, издают крик отчаяния из-под рук властителей улицы, которые хватают их за горло. В Пюи-ан-Веле, [1307](#) году, городе с двадцатитысячным населением, президентский, [1308](#) комитет из двадцати четырех уполномоченных, отряд из двухсот драгун и восьмисот человек городской гвардии "парализован и совершенно одурманен подлым населением. Мягкое обращение только усиливает его неподчинение и наглость". Это население объявляет вне закона всех, кого ему заблагорассудится, и шесть дней назад воздвигнутая его руками виселица возвестила новым магистратам об ожидающей их участи.

"Что будет с нами этой зимой, - восклицают они, - в нашей нищей стране, где нет хлеба! Мы станем добычей диких зверей!"

III.—Общественное мнение.—Голод

Эти люди, по правде говоря, голодны, и после Революции их страдания усилились. Вокруг Пюи-ан-Веле страна опустошена, и почва разрушена ужасной бурей, яростным градом и проливным дождем. На юге урожай оказался умеренным и даже недостаточным.

"Проследить картину состояния Лангедока, - пишет интендант в 1309 году, - значило бы дать отчет о всевозможных бедствиях. Паника, которая царит во всех сообществах и которая сильнее всех законов, останавливает движение транспорта и может вызвать голод даже в разгар изобилия. Товары чрезвычайно дороги, а наличных денег не хватает. Общины разоряются из-за огромных расходов, которым они подвергаются: оплата услуг депутатов при дворе сенешаля, создание гражданской гвардии, гауптвахт для этого ополчения, покупка оружия, униформы и расходы на формирование коммун и постоянных советов. К этому следует добавить расходы на всевозможную типографию и публикацию тривиальных обсуждений. Кроме того, потеря времени из—за беспорядков, вызванных этими обстоятельствами, и полный застой мануфактур и торговли". Все эти причины вместе взятые "довели Лангедок до крайнего положения". - В Центре и на Севере, где хороший урожай, провизия не менее скудна, потому что пшеница не поступает в обращение и хранится в тайне.

"За пять месяцев, - пишет муниципальное собрание Лувье, 1310 г., - ни один фермер не появился на рынках этого города. О таком обстоятельстве раньше никто не знал, хотя время от времени высокие цены преобладали в значительной степени. Напротив, рынки всегда были хорошо обеспечены пропорционально высоким ценам на зерно".

Напрасно муниципалитет приказывает окружающим сорока семи приходам обеспечить их пшеницей. Они не обращают внимания на мандат; каждый за себя и каждый за свой дом; интенданта больше нет, чтобы заставить местные интересы уступить место общественным.

"В окружающих нас пшеничных районах, - говорится в письме из одного из бургундских городов, - мы не можем рассчитывать на возможность совершать бесплатные закупки. Специальные правила, поддерживаемые гражданской гвардией, препятствуют отправке зерна и прекращают его оборот. Соседние рынки для нас бесполезны. Уже около восьми месяцев на наш рынок не завозили ни одного мешка зерна".

В Труа хлеб стоит четыре су за фунт, в Бар-сюр-Об и в окрестностях - четыре с половиной су за фунт. Безработный ремесленник теперь зарабатывает двенадцать су в день на вспомогательных работах, и, отправляясь в деревню, он видит, что урожай зерна хороший. К какому выводу он может прийти, кроме как к тому, что в недостатке виноваты монополисты, и что если бы он умер от голода, то только потому, что эти негодяи заморили его голодом?—В силу этого рассуждения, кто бы ни имел отношение к этим положениям, будь то собственник, фермер, торговец или администратор, все они считаются предателями. Очевидно, что существует заговор против

народа: правительство, королева, духовенство, знать - все являются участниками этого заговора; а также магистраты и богатые среди буржуазии и богачей. По Иль-де-Франсу ходят слухи, что в Сену бросают мешки с мукой и что кавалерийских лошадей специально заставляют есть незрелую пшеницу в стеблях. В Бретани утверждается, что зерно экспортируется и хранится за границей. В Турени наверняка тот или иной оптовый торговец позволяет ему прорасти в своих зернохранилищах, а не продавать его. В Труа ходит слух, что другой человек отравил свою муку квасцами и мышьяком по заказу пекарей. — Представьте себе, какое влияние оказывают подобные подозрения на страдающую толпу! Волна ненависти поднимается от пустого желудка к больному мозгу. Люди повсюду преследуют своих воображаемых врагов, бросаясь вперед с закрытыми глазами, независимо от того, на кого или на что, не просто всей тяжестью своей массы, но и всей энергией своей ярости.

IV.—Паника.

Общее вооружение.

С первых же недель они уже были встревожены. Привыкшее к тому, что им руководят, человеческое стадо боится быть предоставленным самому себе; оно скучает по своим вожакам, которых оно растоптало; сбросив с себя их оковы, оно лишило себя их защиты. Он чувствует себя одиноким в незнакомой стране, подверженным опасностям, о которых он ничего не знает и от которых он не в состоянии защититься. Теперь, когда пастухи убиты или обезоружены, предположим, что неожиданно появятся волки!— И есть волки - я имею в виду бродяг и преступников, — которые только что вышли из темноты. Они грабили и жгли, и их можно встретить при каждом восстании. Теперь, когда полиция больше не подавляет их, они проявляют себя, вместо того чтобы прятаться. Им стоит только затаиться в засаде и выступить группой, и жизнь и имущество будут в их власти. — Глубокая тревога, смутное чувство страха распространяется как по городу, так и по сельской местности: к концу июля паника, подобная ослепляющему, удушающему вихрю пыли, внезапно проносится на сотни лиг территории. Разбойники приближаются! Они сжигают посевы! Они всего в шести лигах отсюда, и то всего в двух — беженцы, спасшиеся от беспорядков, доказывают это.

28 июля **1311 года** в Ангулеме около трех часов пополудни раздается набатный колокол; барабаны призывают к оружию, а на крепостных валах установлены пушки. Город должен быть приведен в состояние обороны от 15 000 бандитов, которые приближаются, и со стен с ужасом обнаруживается облако пыли на дороге. Оказывается, это почтовая повозка, направляющаяся в Бордо. После этого число разбойников сокращается до 1500, но нет никаких сомнений в том, что они опустошают страну. В девять часов вечера 20 000 человек находятся при оружии, и так

они проводят ночь, постоянно прислушиваясь и ничего не слыша. Ближе к трем часам ночи раздается еще один сигнал тревоги, звонят церковные колокола, и люди выстраиваются в боевой порядок. Они убеждены, что разбойники сожгли Рюффек, Вернениль, Ларошфуко и другие места. На следующий день сюда стекаются соотечественники, чтобы оказать помощь в борьбе с бандитами, которые все еще отсутствуют. "В девять часов, - говорит свидетель, - у нас в городе было 40 000 человек, которым мы выразили нашу благодарность". Поскольку бандиты не показываются, это, должно быть, потому, что они прячутся; сотня всадников и большое количество пеших людей отправляются прочесывать Браконский лес и, к своему великому удивлению, ничего не находят. Но ужас не утихает; "в течение следующих дней выставляется охрана, и среди горожан набираются роты", в то время как Бордо, должным образом проинформированный, отправляет курьера, чтобы предложить поддержку в 20 000 и даже 30 000 человек. "Что удивительно, - добавляет рассказчик, - так это то, что на расстоянии десяти лиг по соседству, в каждом приходе, произошли подобные беспорядки и примерно в тот же час". — Все, что требуется, это чтобы девушка, возвращающаяся ночью в деревню, встретила двух мужчин, которые не принадлежат к этому району. То же самое происходит и в Оверни. Целые приходы, исходя из этого, уходят ночью в леса, бросая свои дома и унося с собой мебель; "беглецы вытапывали и уничтожали свой собственный урожай; беременные женщины были ранены в лесах, а другие потеряли рассудок". Страх придает им крылья. Два года спустя мадам Кампан показали скалистую вершину, на которой укрылась женщина и с которой ее пришлось спускать на веревках.— Люди, наконец, возвращаются в свои дома и возвращаются к своим обычным делам. Но такие большие массы не могут оставаться безнаказанными; беспорядки, подобные этому, сами по себе являются живым источником тревоги. Когда страна действительно поднялась, это, должно быть, произошло из-за угрожавшей опасности, и если опасность была вызвана не разбойниками, то она, должно быть, пришла с какой-то другой стороны. Артур Янг в Дижоне и Эльзасе, ¹³¹² год, слышит за обеденным столом, что королева организовала заговор с целью подорвать Национальное собрание и устроить резню во всем Париже. Позже его арестовывают в деревне недалеко от Клермона и допрашивают, потому что он, очевидно, сговорился с королевой и графом д'Антрэгом взорвать город и отправить выживших на галеры.

Никакие аргументы, никакой опыт не имеют никакого эффекта против множасьихся призраков перевозбужденного воображения. Отныне каждая коммуна и каждый мужчина должны обеспечивать себя оружием и держать его готовым к употреблению. Крестьянин обыскивает свой клад и "находит от десяти до двенадцати франков на покупку ружья". "Национальное ополчение находится в самой бедной деревне". Городская стража и роты добровольцев патрулируют все города. Военные командиры доставляют оружие, боеприпасы и снаряжение по требованию муниципальных органов, в то время как в случае отказа арсеналы разграбляются, и, добровольно или насильно, таким образом, четыреста тысяч ружей переходят в руки народа за шесть месяцев. ¹³¹³ Не довольствуясь этим, они должны иметь пушки. Брест потребовал двух, и каждый город Бретани делает то же самое; на карту поставлена их самооценка, а также потребность чувствовать себя сильными.—Теперь им ничего не нужно, чтобы стать хозяевами. Вся власть, вся сила, все средства принуждения и устрашения находятся в их руках, и только в их; и в этих суверенных руках нет ничего, что могло бы направлять их в этом фактическом междоусобице всех законных властей, кроме диких или убийственных внушений голода или недоверия.

V.—Нападения на публичных лиц и общественную собственность.

В Страсбурге.—В Шербуре.—В Моберж.—В Руане.—At Besançon.— В Труа.

Потребовалось бы слишком много места, чтобы перечислять все акты насилия, которые были совершены: аресты автоколонн, разграбление зерна, повешение, обезглавливание, резня мукомолов и торговцев зерном, призывы фермеров под угрозой смертной казни отдать даже семена, предназначенные для посева, выкуп владельцев и разграбление домов.¹³¹⁴ Эти безобразия, безнаказанные, терпимые и даже оправдываемые или жестоко подавляемые, постоянно повторяются и, поначалу, направлены против общественных деятелей и общественной собственности. Как это обычно бывает, чернь возглавляет шествие и определяет характер всего восстания.

19 июля в Страсбурге, в связи с известием о возвращении Неккера к исполнению своих обязанностей, оно по-своему интерпретирует всеобщую радость, свидетелем которой оно является. Пятьсот или шестьсот нищих,¹³¹⁵ человек, число которых вскоре увеличилось за счет мелких торговцев, устремляются к ратуше, магистраты успевают вылететь только через заднюю дверь. Солдаты, со своей стороны, с оружием в руках позволяют всему этому продолжаться, в то время как некоторые из них подстегивают нападающих. Окна разбиты вдребезги под градом камней, двери взломаны железными ломami, и толпа входит под взрыв одобрительных возгласов зрителей. Сразу же, через каждое отверстие в здании, фасад которого имеет восемьдесят футов, "хлынул ливень из ставен, створок, стульев, столов, диванов, книг и бумаг, а затем еще один - из плитки, досок, балконов и фрагментов деревянных изделий". Государственные архивы развеяны по ветру, и ими завалены окрестные улицы; грамоты о предоставлении избирательных прав, хартии привилегий, все подлинные акты, которые со времен Людовика XIV гарантировали городские свободы, сгинули в огне. Кое-кто из черни в подвалах копается в бочках с драгоценным вином; пятнадцать тысяч мер его пропадают, образуя бассейн глубиной в пять футов, в котором несколько человек тонут. Другие, нагруженные добычей, уходят на глазах у солдат, не будучи арестованными. Опустошение продолжается в течение трех дней; ряд домов, принадлежащих некоторым магистратам, "разграблены от чердака до подвала". Когда честные граждане наконец добывают оружие и восстанавливают порядок, они довольствуются повешением одного из грабителей; хотя, чтобы угодить народу, меняются судьи и снижаются цены на хлеб и мясо.— Неудивительно, что после такой тактики и с такими наградами бунт должен распространиться по окрестностям далеко и близко: фактически, начиная со Страсбурга, он захватывает Эльзас, в то время как в деревне, как и в городе, всегда найдутся пьяницы и негодяи, способные возглавить его.

Независимо от того, где это происходит, будь то на Востоке, на Западе или на Севере, зачинщики всегда такого рода. В Шербуре 21 июля¹³¹⁶ года два лидера бунта - "разбойники с большой дороги", которые ставят себя во главе женщин пригородов, иностранных моряков,

населения гавани, включая солдат в рабочих халатах. Они силой выдают ключи от складов с зерном и разрушают жилища трех богатейших купцов, в том числе и господина де Гаранто, заместителя делегата: "Все записи и бумаги сожжены; только у господина де Гаранто убытки оцениваются по меньшей мере в 100 000 крон". — Повсюду преобладает тот же инстинкт разрушения, своего рода завистливая ярость против всех, кто чем-либо владеет, командует или наслаждается. В Мобеже, 27 июля, на самом собрании представителей коммуны, 1317 г., чернь вмешивается напрямую в своей обычной манере. Банда гвоздильщиков и оружейников захватывает ратушу и обязывает мэра снизить цены на хлеб. Почти сразу после этого следует другая банда, издающая предсмертные крики и разбивающая окна, в то время как гарнизон, которому было приказано покинуть город, спокойно созерцает нанесенный ущерб. Смерть мэру, всем руководителям и всем служащим! Бунтовщики силой открывают тюрьмы, освобождают заключенных и нападают на налоговые инспекции. Офисы *ostroi* снесены сверху донизу: они сносят портовые офисы и выбрасывают весы в реку. Все таможенные и акцизные запасы унесены, и чиновники вынуждены выдавать знакомых. Дома регистратора и шерифа, а также налогового контролера, расположенные в двухстах ярдах от города, разграблены; двери и окна разбиты, мебель и постельное белье разорваны в клочья, а посуда и драгоценности выброшены в колодцы. Такой же хаос творится в городском доме мэра, а также в его загородном доме в лиге отсюда. "Не сохраняется ни одно окно, ни одна дверь, ни один предмет или съедобное"; более того, их работа выполняется добросовестно, не останавливаясь ни на минуту, "с десяти вечера до десяти утра следующего дня". В дополнение к этому мэр, проработавший тридцать четыре года, покидает свой пост по просьбе благожелательно настроенных, но запуганных людей и покидает страну. — В Руане после 24 июля 1318 года письменный плакат показывает по орфографии и стилю, какого рода умы составили его и какие действия должны последовать за ним:

"Нация, вам нужно снести четыре головы: Понкарри (первому президенту), Моссиону (интенданту), Годару де Бельбефу (генеральному прокурору) и Дюрану (поверенному короля в городе). Без этого мы пропали, и если вы этого не сделаете, люди примут вас за бессердечную нацию".

Ничто не могло быть более явным. Муниципальный орган, однако, которому парламент денонсирует этот список запрещений, отвечает со своим вынужденным оптимизмом, что

"ни один гражданин не должен считать себя или быть объявленным вне закона; он может и должен считать себя в безопасности в своем собственном жилище, будучи уверен, что в городе нет человека, который не бросился бы ему на помощь".

Это равносильно сообщению населению, что оно свободно поступать, как ему заблагорассудится. Исходя из этого, лидеры беспорядков работают в режиме безопасности в течение десяти дней. Один из них - человек по имени Журден, юрист из Лизье и, как большинство его собратьев, принципиальный демагог; другой - бродячий актер из Парижа по имени Бордье, известный по роли арлекина, 1319 хулигана в доме с дурной славой, "ночного бродяги и пьяницы, который, не боясь ни Бога, ни дьявола", воспыал патриотизмом и приезжает в провинцию, чтобы разыграть трагедию, и притом трагедию в реальной жизни. Пятый акт начинается ночью 3 августа, с Бордье и Журденом в качестве главных действующих лиц, а за ними толпа вместе с несколькими группами свежих добровольцев. Раздаются крики: "Смерть монополистам! смерть Мауссиону! мы должны получить его голову!" Они грабят его

отель: многие из них напиваются и засыпают в его подвале. Налоговые органы, городские пошленные ворота, акцизная контора, все здания, в которых собираются королевские доходы, разрушены. На улицах и на старой рыночной площади зажигаются огромные костры; мебель, одежда, бумаги, кухонная утварь - все валяется в беспорядке, а экипажи вытаскивают и сбрасывают в Сену. Только когда ратуша подвергается нападению, Национальная гвардия, начиная беспокоиться, принимает решение схватить Бордые и некоторых других. Однако на следующее утро по приказу Карбо под предводительством Журдена тюрьма взята, Бордые освобождены, а резиденция интенданта с его офисами разграблена во второй раз. Когда, наконец, двух негодяев хватают и ведут на эшафот, население настолько настроено в их пользу, что требует направить на них заряженные пушки, чтобы усмирить их. В Безансоне, 1320 г., 13 августа, вожаки состоят из слуги экспонента диких животных, двух голов, из которых один уже был заклемен в результате бунта, и нескольких "жителей с дурной репутацией", которые к вечеру распространились по городу вместе с солдатами. Артиллеристы оскорбляют офицеров, которых встречают, хватают их за горло и хотят бросить в Яму. Другие идут в дом коменданта, г-на де Ланжерона, и требуют у него денег; когда он отказывается их отдать, они срывают со своих кокарды и восклицают: "Мы тоже принадлежим к третьему сословию!" другими словами, что они хозяева; впоследствии они требуют, чтобы глава интендантства, г-н де Комартен, насильно вошел в его жилище и разломал его мебель. На следующий день чернь и солдаты заходят в кофейни, монастыри и гостиницы и требуют, чтобы им подавали вина и съестных припасов столько, сколько они пожелают, а затем, разгоряченные выпивкой, они сжигают акцизные конторы, силой открывают несколько тюрем и выпускают на свободу всех контрабандистов и дезертиров. Чтобы положить конец этим сатурналиям, предлагается грандиозный банкет под открытым небом, на котором Национальная гвардия должна побрататься со всем гарнизоном; но банкет превращается в попойку, целые компании остаются под столами мертвецки пьяными; другие компании уносят с собой четыре бочки вина, а остальные, оказавшись в беде, рассеиваются за стенами, чтобы ограбить погреба соседних деревень. На следующий день, воодушевленные поданным им примером, часть гарнизона в сопровождении нескольких рабочих повторила поход за город. Наконец, после четырех дней этой оргии, чтобы предотвратить бесконечное обращение с Безансоном и его окрестностями как с завоеванной страной, гражданская гвардия в союзе с оставшимися верными солдатами восстает против мятежа, отправляется на поиски мародеров и вешает двоих из них в тот же вечер. — Таковы беспорядки! 1321 г. вторжение грубой силы, которая, будучи выпущена на волю в жилищах людей, не может ничего сделать, кроме как объедаться, опустошать, ломать, разрушать и наносить ущерб самой себе; и если мы проследим за деталями местной истории, мы увидим, что в наши дни подобных вспышек насилия можно ожидать в любое время.

В Труа, 1322 г. 18 июля, в базарный день, крестьяне отказываются платить вступительную пошлину; поскольку октрой был подавлен в Париже, его следовало бы подавить и в Труа. Население, возбужденное этим первым актом беспорядков, собирается в толпу с целью поделить зерно и оружие между собой, и на следующий день ратуша захвачена семью или восемью тысячами человек, вооруженных дубинками и камнями. На следующий день появляется набранный в окрестных деревнях отряд, вооруженный цепями, лопатами и вилами, под предводительством столяра, который марширует во главе его с обнаженной саблей; к счастью, "все честные люди из числа горожан" немедленно формируются в Национальную гвардию, и эта первая попытка жакерии пресекается. Но агитация продолжается, и ложные слухи постоянно поддерживают ее. — 29 июля, после распространения сообщения о том, что

пятьсот "разбойников" покинули Париж и идут разорять страну, в деревнях звучит сигнал тревоги, и крестьяне выходят вооруженными. Отныне смутное представление о какой-то надвигающейся опасности заполняет все умы; сохраняется необходимость обороны и ограждения от врагов. Новые демагоги пользуются этим, чтобы сохранить свою власть над народом и, когда придет время, использовать это против своих вождей. Бесполезно уверять людей, что последние патриоты; что недавно Неккера приветствовали восторженными криками; что священники, монахи и каноники первыми приняли национальную кокарду; что дворяне города и его окрестностей самые либеральные во Франции; что 20 июля городская гвардия спасла город; что все богатые жертвуют на национальные мастерские; что мэр Юэз, "почтенный и честный судья", является благодетелем бедных и всего общества. Все старые лидеры являются объектами недоверия.—8 августа толпа требует распустить драгун, выдать оружие всем добровольцам, хлеб по два су за фунт и свободу всем заключенным. 19 августа Национальная гвардия отвергает своих старых офицеров как аристократов и выбирает новых. 27 августа толпа врывается в ратушу и раздает оружие между собой. 5 сентября двести человек во главе с Трюэлем, президентом нового комитета, захватывают склад соли и доставляют им соль по шесть су за фунт. Тем временем в самых бедных кварталах города сочиняется история о том, что если пшеницы не хватает, то это потому, что Юэз, мэр, и месье де Сен-Жорж, старый комендант, монополисты, и теперь они говорят о Юэзе то же, что за пять недель до этого говорили о Фулоне: "он хочет заставить людей есть сено". Многоголовый зверь свирепо рычит и собирается прыгнуть. Как обычно, вместо того, чтобы сдерживать его, они пытаются управлять им.

"Вы должны на мгновение отложить в сторону свою власть, - пишет депутат Труа шерифам, - и относиться к людям как к друзьям; будьте с ними так же нежны, как если бы вы были с равными себе, и будьте уверены, что они способны отреагировать на это".

Так поступает Хьюз, и он делает даже больше, не обращая внимания на их угрозы, отказываясь обеспечивать собственную безопасность и почти принося себя в жертву.

"Я никому не причинил зла, - воскликнул он. - почему кто-то должен испытывать ко мне недоброжелательство?"

Его единственная мера предосторожности - позаботиться о чем-нибудь для несчастных бедняков, когда его не станет: в своем завещании он завещает бедным 18 000 ливров, а накануне своей смерти отправляет 100 крон в бюро благотворительности. Но что толку от самоотречения и благодеяния против слепой, безумной ярости! 9 сентября, когда три партии муки оказались невывезенными, люди собрались и закричали:

"Долой торговцев мукой! Долой технику! Долой мэра! Смерть мэру, и пусть на его место поставят Труэль!"

Хьюза, выходящего из зала суда, сбивают с ног, убивают пинками, душат, тащат в зал приемов, бьют по голове деревянным башмаком и сбрасывают с парадной лестницы. Муниципальные служащие тщетно пытаются защитить его; ему на шею надевают веревку и начинают тащить его за собой. Священник, который умоляет позволить ему хотя бы спасти его душу, получает отвращение и избиение. Женщина прыгает на распростертого старика, бьет его по лицу и несколько раз тычет ножницами ему в глаза. С веревкой на шее его волокут до моста Сель и

бросают в соседний брод, а затем вытаскивают и снова волокут по улицам и сточным канавам с пучком сена, набитым в рот. [1323](#)

Тем временем его дом, а также дом лейтенанта полиции, дом нотариуса Гийо и дом господина де Сен-Жоржа разграблены; грабеж и разрушение продолжаются четыре часа; в доме нотариуса выпито или унесено шестьсот бутылок вина; ценные вещи поделены, а остальное, вплоть до железного балкона, снесено или сломано; уходя, бунтовщики кричат, что им еще предстоит сжечь двадцать семь домов и отрубить двадцать семь голов. "Никто в Труа не ложился спать в ту роковую ночь". — В последующие дни, в течение почти двух недель, общество, кажется, распалось. Плакаты, расклеенные по улицам, запрещают муниципальным чиновникам, каноникам, священнослужителям, привилегированным лицам, видным торговцам и даже дамам милосердия; последние настолько напуганы, что бросают свои должности, в то время как некоторые уезжают за город; другие забаррикадировались в своих домах и открывают двери только с саблей в руке. Только 26-го класс организованности сплотится в достаточной степени, чтобы возобновить господство и арестовать негодяев. Такова общественная жизнь во Франции после 14 июля: магистраты в каждом городе чувствуют, что они находятся во власти банды дикарей, а иногда и каннибалов. Жители Труа только что пытали Юэза на манер гуронов, в то время как жители Кана поступали хуже; майор де Бельзанс, не менее невинный и находившийся под защитой присяги, в [1324 году](#) был разрублен на куски, как Лаперуз на островах Фиджи, и женщина съела его сердце.

VI.—Налоги больше не платятся.

Опустошение лесов.—Новые законы игры.

При таких обстоятельствах можно предсказать, поступят ли налоги и будут ли муниципалитеты, которые прислушиваются к каждому народному порыву, иметь полномочия собирать отвратительные доходы.— Ближе к концу сентября [1325 года](#) я нахожу список из тридцати шести комитетов или муниципальных органов, которые в радиусе пятидесяти лье от Парижа отказываются обеспечивать сбор налогов. Один из них терпимо относится к продаже контрабандной соли, чтобы не спровоцировать беспорядки. Другой принимает меры предосторожности, разоружая сотрудников акцизного департамента. В третьей муниципальные служащие первыми обеспечили себя контрабандной солью и контрабандным табаком.

В Перонне и Хаме, после того как поступил приказ восстановить сборные пункты, жители разрушают солдатские казармы, уводят всех служащих по домам и приказывают им покинуть их в течение двадцати четырех часов под страхом смертной казни. После двадцатимесячного сопротивления Париж доведет дело до конца, вынудив Национальное собрание уступить и добившись окончательного подавления его восстания. [1326 г.](#)— Из всех кредиторов, руку

которых каждый ощущал на своих плечах, казначейство было самым тяжелым, а теперь оно самое слабое; следовательно, это первый, от чьей хватки следует избавиться; нет никого, кого бы так искренне ненавидели или с кем обращались бы более сурово. В особенности всеобщая ярость направлена против сборщиков соляного налога, таможенников и акцизных инспекторов. Они повсюду, [1327](#) находятся в опасности для своей жизни и вынуждены летать. В Фалезе, в Нормандии, люди угрожают "разрезать на куски директора акцизного управления". В Бене, в Сентонже, его дом разорен, его бумаги и имущество сожжены; они приставили нож к горлу его сына, шестилетнего ребенка, сказав: "Ты должен погибнуть, чтобы больше не было представителей твоего рода". В течение четырех часов клерков готовы разорвать на куски; по мольбам владельца поместья, который видит нацеленные на его собственную голову косы и сабли, их отпускают только при условии, что они "откажутся от своей работы". — И снова в течение двух месяцев после взятия Бастилии сотни людей, подобно мушкетерскому залпу, восстают против косвенного налогообложения. От 23 июля интендант Шампани сообщает, что "восстание носит всеобщий характер почти во всех городах, находящихся под его командованием". На следующий день интендант Алансона пишет, что в его провинции "королевские взносы больше нигде выплачиваться не будут". 7 августа г-н Неккер заявляет Национальному собранию, что в двух интендантских округах Кана и Алансона было необходимо снизить цену на соль наполовину; что "в бесконечном количестве мест" сбор акциза прекращен или приостановлен; что контрабанда соли и табака осуществляется "конвоями и открытой силой" в Пикардии, Лотарингии и в Труа-Эвеше; что косвенный налог не поступает, что генеральные приемщики и приемщики тайля находятся "в постоянном напряжении". Залив" и больше не могут выполнять свои обязательства. Общественный доход уменьшается из месяца в месяц; в общественном организме сердце, и без того такое слабое, падает в обморок; лишенное крови, которая больше не поступает к нему, оно перестает направлять к мышцам животительный ток, который восстанавливает их отходы и добавляет им энергии.

"Всякая контролирующая власть ослабла, - говорит Неккер, - все становится жертвой страстей отдельных людей". Где сила, способная ограничить их и обеспечить государству его долги? Духовенство, дворяне, богатые горожане и некоторые отважные ремесленники и фермеры, несомненно, платят, и даже иногда делают пожертвования спонтанно. Но в обществе те, кто обладает умом, кто находится в благоприятных обстоятельствах и добросовестен, образуют небольшой избранный класс; большая масса эгоистична, невежественна и нуждается и отпускает свои деньги только по принуждению; есть только один способ собирать налоги, и это вымогательство. С незапамятных времен прямые налоги во Франции взимались только судебными приставами и наложением ареста, что неудивительно, поскольку они забирают добрую половину чистого дохода. Теперь, когда крестьяне каждой деревни вооружены и образуют банду, пусть придет сборщик налогов и произведет конфискацию, если он осмелится!" Сразу же после указа о равенстве налогов, — пишет провинциальная комиссия Эльзаса, [1328 г.](#), - люди обычно отказывались производить какие-либо платежи, пока те, кто был освобожден от уплаты налогов и пользовался привилегиями, не были внесены в местные списки". Во многих местах крестьяне угрожают добиться возмещения своих взносов в рассрочку, в то время как в других они настаивают на том, что указ должен иметь обратную силу и что новые плательщики должны платить за прошлый год. "Ни один сборщик налогов не смеет посылать чиновника на произвол судьбы; никто из посланных не смеет выполнять свою миссию". — "Это не добрые буржуа, "которых боятся", а чернь, которая заставляет последних и всех остальных бояться их"; сопротивление и беспорядки повсюду исходят от "людей, которым

нечего терять". — Они не только уклоняются от налогов, но и узурпируют собственность и заявляют, что, поскольку они Нация, все, что принадлежит Нации, принадлежит им. Леса Эльзаса опустошены, как сеньориальные, так и общинные, и бессмысленно уничтожаются с расточительностью детей или маньяков. "Во многих местах, чтобы избежать хлопот по вывозке леса, его сжигают, и люди довольствуются тем, что уносят пепел". — После указов от 4 августа и вопреки закону, который разрешает владельцу охотиться только на его собственной территории, желание нарушить закон становится непреодолимым. Каждый, кто может раздобыть оружие, начинает действовать; ¹³²⁹ урожай, который все еще стоит, топчут ногами, вторгаются в резиденции лордов и взламывают ограды; самого короля в Версале будят выстрелы в его парке. Оленей, олений, косуль, диких кабанов, зайцев и кроликов убивают тысячами, готовят из украденных дров и съедают на месте. По всей Франции уже более двух месяцев идет постоянная ружейная стрельба, и, как в американских прериях, каждое живое животное принадлежит тому, кто его убьет. В Шуазеле, в Шампани, не только истреблены все зайцы и куропатки баронства, но и в прудах не осталось рыбы; даже проникают во двор замка, чтобы обстрелять голубятню и уничтожить голубей, а затем голубей и рыбу, которых у них слишком много, предлагают владельцу на продажу - Эту вылазку совершают "патриоты" деревни вместе с "контрабандистами и дурными личностями", живущими по соседству; их видят в первых рядах при каждом акте насилия, в том числе при нападении. и нетрудно предвидеть, что под их руководством за нападениями на государственных лиц и общественную собственность последуют нападения на частных лиц и частную собственность.

VII.—Нападение на частных лиц и частную собственность.

Аристократы, объявленные народу своими врагами. — Влияние новостей из Парижа.— Влияние деревенских адвокатов.— Отдельные акты насилия.—Всеобщее восстание крестьянства на востоке.—Война против замков, феодальных поместий и собственности.— Подготовка к другим жакериям.

Действительно, объявленный вне закона класс уже существует, их называют "аристократами". Этот смертоносный термин, применявшийся сначала к дворянам и прелатам Генеральных штатов, которые отказались принять участие в воссоединении трех орденов, расширяется, чтобы охватить всех, чьи титулы, должности, союзы и образ жизни выделяют их из толпы. То, что давало им право на уважение, - это то, что выделяет их как объекты недоброжелательства; в то время как людей, которые, хотя и страдали от своих привилегий, не относились к ним лично с ненавистью, теперь учат считать их своими врагами. Каждый в своем поместье несет ответственность за злые замыслы, приписываемые его собратям в Версале, и, получив ложное сообщение о заговоре в центре, крестьяне причисляют его к числу заговорщиков. ¹³³⁰ Так начинается крестьянская жакерия, и фанатики, которые раздули пламя в Париже, должны

сделать то же самое в провинциях. "Вы хотите знать авторов агитации, - пишет разумный человек в комитет по расследованию, - вы найдете их среди депутатов Третьего сословия", и особенно среди адвокатов. "Они рассылают зажигательные письма своим избирателям, которые получают муниципальные органы, в равной степени состоящие из адвокатов.... их зачитывают вслух на общественных площадях, а их копии распространяются по всем деревням. В этих деревнях если кто и умеет читать, кроме священника и владельца поместья, так это практикующий юрист, "прирожденный враг владельца поместья, на место которого он претендует, тщеславный своими ораторскими способностями, озлобленный своей властью и никогда не упускающий случая все очернить". 1331 Весьма вероятно, что именно он составляет и распространяет плакаты, призывающие народ от имени короля прибегнуть к насилию. В Секондиньи, в Пуату, 23 июля 1332 г. лесные рабочие получают письмо, "в котором их призывают нападать на всех окрестных сельских жителей и безжалостно убивать всех, кто отказывается отказаться от своих привилегий.... обещая им, что их преступления не только останутся безнаказанными, но даже будут вознаграждены". Г—на Депре-Монпеза, корреспондента депутатов знати, хватают и тащат вместе с его сыном в жилище фискала-прокурора, чтобы тот "наказал их". заставьте его поставить свою подпись; жителям запрещено оказывать ему помощь "под страхом смерти и пожара". "Подпишите, - восклицают они, - или мы вырвем ваше сердце и подожжем этот дом!" В этот момент появляется соседний нотариус, который, несомненно, является его сообщником, с гербовой бумагой и говорит ему: "Месье, я только что приехал из Ниора, где Третье сословие проделало то же самое со всеми дворянами города; один из отказавшихся был изрублен на куски у нас на глазах". — "Мы вынуждены подписать отказ от наших привилегий и дать согласие на одно и то же налогообложение, как будто дворяне уже этого не сделали". Группа уведомляет, что будет действовать таким же образом во всех замках поблизости, и terror предшествует им или следует за ними. "Никто не осмеливается писать, — шлет сообщение месье Депре. - Я пытаюсь это сделать, рискуя своей жизнью". - Дворяне и прелаты повсюду становятся объектами подозрений; деревенские комитеты вскрывают их письма, и им приходится терпеть обыск в своих домах. 1333 Их заставляют принять новую кокарду: быть джентльменом и не носить ее - значит заслуживать повешения. В Мамерсе, штат Мэн, месье де Бовуар отказывается носить его, и его вот-вот поставят к позорному столбу и повалят на землю. Недалеко от Ла-Феша арестован месье де Бриссак, и в Париж отправлено сообщение, чтобы узнать, доставят ли его туда, "или тем временем обезглавят". Два депутата от дворянства, г-н де Монтессон и де Вассе, которые приехали просить согласия своих избирателей на их присоединение к Третьему сословию, признаны близкими людьми; их благородные угрызания совести и их обещания избирателям не имеют значения, как и даже тот шаг, который они сейчас предпринимают для их выполнения; достаточно того, что они голосовали против Третьего сословия в Версале; чернь преследует их, ломает их экипажи и грабит их сундуки. — Горе дворянам, особенно если они принимали какое-либо участие в местном правлении и если они выступают против народной паники! Месье Кюро, заместитель мэра Мана, в 1334 г. издавал приказы во время голода и, удалившись в свой замок Нуай, сказал крестьянам, что объявление о приходе разбойников было ложной тревогой; он считал, что нет необходимости бить в набатный колокол, и все, что было необходимо, - это сохранять спокойствие. Соответственно, он обвиняется в сговоре с разбойниками, и, кроме того, он монополист и скупщик урожая на корню. Крестьяне уводят его вместе с его зятем, господином де Монтессоном, в соседнюю деревню, где есть судьи. По дороге "они волочили свои жертвы по земле, избивали их, топтали, плевали им в лица и пачкали их грязью". Мсье де Монтессон застрелен, а мсье Кюро убит постепенно; плотник отрубает двум головы

обоюдоострым топором, и дети несут их под звуки барабанов и скрипок. Тем временем местные судьи, привлеченные силой, составляют официальный отчет, в котором говорится об обнаружении тридцати луидоров и нескольких векселей Коммерческого банка в карманах г-на де Кюро, при обнаружении которых раздается крик триумфа: это доказательство доказывает, что они собирались скупить стоящую пшеницу!— Таков ход народного правосудия. Теперь, когда Третье сословие стало нацией, каждая толпа думает, что у нее есть право выносить приговоры, которые она приводит в исполнение, в отношении жизней и имущества.

Эти взрывы единичны в западных, центральных и южных провинциях; однако на востоке пожар носит повсеместный характер. На полосе земли шириной от тридцати до пятидесяти лиг, простирающейся с крайнего севера вплоть до Прованса. Эльзас, Франш-Конте, Бургундия, Маконе, Божоле, Овернь, Вьеннуа, Дофини - вся эта территория напоминает сплошную мину, которая взрывается одновременно. Первый столб пламени, который вспыхивает, находится на границах Эльзаса и Франш-Конте, в окрестностях Бельфора и Везуля, феодального округа, в котором крестьянин, чрезмерно обремененный налогами, несет более тяжелое ярмо с большим нетерпением. Инстинктивный спор происходит в его голове без его ведома. "Доброе Собрание и добрый король хотят, чтобы мы были счастливы, предположим, мы поможем им! Они говорят, что король уже освободил нас от налогов, предположим, мы освободим себя от уплаты арендной платы! Долой дворян! Они ничем не лучше сборщиков налогов!" - 16 июля разграблен замок Санси, принадлежащий принцессам де Бофремон, а 18 июля — замок Люр, Битен и Молан.¹³³⁵ 29 июля несчастный случай, произошедший с несколькими поджигателями на популярном празднике в доме Месме, заставляет низший класс поверить, что приглашение, направленное им, было ловушкой, и что от них хотели избавиться предательством.¹³³⁶ Охваченные яростью, они были убиты. подожгите замок и в течение следующей недели¹³³⁷ разрушите три аббатства, разорите одиннадцать замков и разграбьте другие. "Все записи уничтожены, реестры и судебные ведомости унесены; а депозиты нарушены". - Начиная с этого места, "ураган восстания" охватывает весь Эльзас от Хунинге до Ландау.¹³³⁸ Повстанцы вывешивают плакаты с подписью Людовика, в которых говорится, что по истечении определенного срока им разрешается самим вершить правосудие, а в Сундгау хорошо одетый ткач, украшенный синим поясом, выдает себя за принца, второго сына короля. Они начинают с того, что набрасываются на евреев, своих наследственных пиявок; они разоряют их жилища, делят их деньги между собой и охотятся на них, как на лань. Говорят, что только в Бале прибыло тысяча двести этих несчастных беглецов со своими семьями.—Расстояние между евреем-кредитором и христианином-собственником невелико, и это вскоре устраняется. Ремонирование спасено только отрядом драгун. Восемьсот человек атакуют замок Убербрюнн. Аббатство Нойбург взято штурмом. 31 июля в Гебвиллере пятьсот крестьян, подданных аббатства Мурбах, штурмуют дворец аббата и дом каноников. Шкафы, сундуки, кровати, окна, зеркала, рамы, даже черепица на крыше и петли оконных рам разрублены на куски: "Они разжигают костры на красивых инкрустированных полах квартир, и там сгорают библиотека и документы о праве собственности". Великолепная карета аббата так разбита, что не осталось ни одного целого колеса. "Вино течет рекой по погребам. Одна бочка в тысячу шестьсот мер наполовину потеряна; посуда и полотно унесены". — Общество, очевидно, низвергается, в то время как вместе с властью переходит из рук в руки собственность.

Это сами их слова. Во Франш-Конте¹³³⁹ году жители восьми коммун приходят и заявляют бернардинцам из Грас-Дье и Лью-Круассана, "что, поскольку они принадлежат к третьему сословию, пришло время народу управлять аббатами и монахами, учитывая, что господство

последних длилось слишком долго", и вслед за этим они забирают все права собственности и арендную плату, принадлежащие аббатству в их коммуне. В Верхнем Дофини, во время разрушения замка месье де Мюрата, человек по имени Ферреоль бил по мебели большой палкой, восклицая: "Эй, вот и все для тебя, Мюрат; ты долгое время был хозяином, теперь наша очередь!"¹³⁴⁰ Те, кто устраивает перестрелки в домах и ворует, как разбойники с большой дороги, думают, что защищают правое дело, и отвечают на вызов: "Кто туда идет?" "Мы за разбойничье Третье сословие!" — Повсюду преобладает вера в то, что они облечены властью, и они ведут себя как орда завоевателей, подчиняющаяся приказам отсутствующего генерала. В Ремиремонне и Люксее они издают указ, в котором говорится, что "весь этот разбой, мародерство и разрушения" разрешены. В Дофини главари банд говорят, что у них есть приказ короля. В Оверни "они следуют императивным приказам, поскольку им сообщили, что такова воля его величества". Нигде мы не видим, чтобы восставшая деревня осуществляла личную месть своему господину. Если люди стреляют в дворян, с которыми сталкиваются, это не из личной ненависти. Они уничтожают класс, а не преследуют отдельных людей. Они ненавидят феодальные привилегии, держателей хартий, проклятые пергаменты, в силу которых их заставляют платить, но не дворянина, который, когда он живет дома, имеет гуманные намерения, сострадателен и даже часто приносит пользу. В Люксее аббат, которого заставили с поднятым топором подписать отказ от своих сеньориальных прав на двадцать три поместья, прожил среди них сорок шесть лет и был всецело предан им.¹³⁴¹ г. В кантоне Кремье, "где опустошение огромно", все дворяне, пишут муниципальные чиновники, "патриоты и доброжелатели". В Дофини инженеры, магистраты и прелаты, чьи замки были разграблены, были первыми, кто встал на защиту народа и общественных свобод против министров. В Оверни сами крестьяне "проявляют большое отвращение к подобным действиям против таких добрых хозяев". Но это должно быть сделано; единственная уступка, на которую можно пойти в знак доброты, оказанной им, - это не сжигать замок дам де Ван, которые были так милосердны; но они сжигают все свои документы о праве собственности и трижды в разное время пытаются делового агента огнем, чтобы заставить его выдать документ, которого у него нет; они только тогда вытаскивают его из огня полусжаренным, потому что дамы на коленях молят о пощаде для него. Они подобны солдатам в походе, которые послушно выполняют приказы, для которых необходимость - единственное оправдание, и которые, не считая себя разбойниками, совершают разбойничьи действия.

Но здесь ситуация более трагична, ибо это война посреди мира, война грубой и варварской толпы против высокообразованных, доброжелательных и доверчивых людей, которые не ожидали ничего подобного, которые даже не мечтали о самозащите и у которых не было защиты. Граф де Куртиврон со своей семьей остановился на озере Люксе у своего дяди, аббата Клермон-Тоннерского, старика семидесяти лет. 19 июля пятьдесят крестьян из Фужероля врываются в дома швейцара и сборщика акцизов и крушат все подряд. Вслед за этим мэр города сообщает дворянам и магистратам, которые принимают воды, что им лучше покинуть дом в течение двадцати четырех часов, поскольку "ему сообщили о намерении сжечь дома, в которых они остановились", и он не хотел, чтобы Люксей подвергнулся такой опасности из-за их присутствия там. На следующий день стражник, столь же услужливый, как и мэр, разрешает оркестру войти в город и захватить аббатство: следуют обычные события, отречения вымогаются, пластинки и подвалы разграблены, тарелки и другие вещи украдены. Месье де Куртиврон убегает со своим дядей ночью, звучит сигнал тревоги, их преследуют, и они с трудом находят убежище в Пломбьере. Однако пломбьерская буржуазия, опасаясь скомпрометировать

себя, вынуждает их уехать. По дороге двести повстанцев угрожают убить их лошадей и разбить карету, и только в Порентруи, за пределами Франции, они наконец обретают безопасность. По возвращении г-н де Куртиврон подвергается обстрелу со стороны банды, которая только что разграбила аббатство Люр, и они кричат ему, когда он проходит мимо: "Давайте перебьем дворян!" Тем временем замок Вовилье, куда перевезли его больную жену, опустошен сверху донизу; толпа ищет ее повсюду, и ей удается спастись, только спрятавшись на сеновале. Обоим не терпится поскорее улететь в Бургундию, но им сообщают, что в Дижоне "дворяне блокированы народом" и что в сельской местности они угрожают поджечь свои дома.— У них нет убежища ни в их собственных домах, ни в домах других людей, ни в местах вдоль дорог, беглецов останавливают во всех маленьких деревнях и рыночных городках. В Дофине [1342 г.](#) "Аббатиса Сен-Пьер-де-Лион, одна из монахинь, г-н де Перротен, г-н де Беллегард, маркиз де ла Тур-дю-Пен и шевалье де Муадье, арестованы в Шампье вооруженным населением, доставлены на Кот-Сент-Андре, заключены в ратуше, откуда они направляются в Гренобль за помощью", и, чтобы освободить их, Гренобльский комитет вынужден направить уполномоченных. Их единственное убежище - в крупных городах, где существует некое подобие ненадежного порядка, и в рядах городской стражи, которая марширует из Лиона, Дижона и Гренобля, чтобы сдерживать наводнение. Разбросанные по всей стране замки поглощаются народным приливом, и, поскольку феодальные права часто находятся в руках плебеев, он незаметно выходит за пределы своего первого прилива.— Восстанию против собственности нет предела. Этот простирается от аббатств и замков до "домов буржуазии". [1343](#) Сначала недовольство касалось только владельцев хартий; теперь оно распространяется на всех, кто чем-либо владеет. Зажиточные фермеры и священники бросают свои приходы и бегут в города. За путешественников требуют выкуп. Воры, разбойники и вернувшиеся каторжники во главе вооруженных банд захватывают все, что попадает им под руку. Такие примеры разжигают алчность; в пустынных и пребывающих в состоянии замешательства владениях, где ничто не указывает на присутствие хозяина, первому встречному кажется, что все рушится. Мелкий фермер по соседству унес вино и возвращается на следующий день в поисках сена. Вся мебель из замка в Дофине вывозится, даже с петель дверей, большим количеством тележек. — "Это война бедных против богатых", - говорит депутат, - "и 3 августа Комитет по отчетам заявляет Национальному собранию, "что не пощадили ни одного вида имущества". Во Франш-Конте "почти сорок замков и сеньориальных особняков были разграблены или сожжены". [1344 г.](#) От Улан до Серых примерно три из пяти замков разграблены. В Дофине сожжено или разрушено двадцать семь монастырей; пять в небольшом округе Вена, и, кроме них, все монастыри - по крайней мере, девять в Оверни, семьдесят два, как говорят, в Маконе и Божоле, не считая монастырей в Эльзасе. 31 июля Лалли-Толлендаль, войдя в "трибюн", обнаруживает, что его руки полны писем с жалобами, содержащих список тридцати шести замков, сожженных, разрушенных или разграбленных в одной провинции, и подробности еще более страшного насилия над людьми: [1345 г.](#)

"в Лангедоке месье де Баррас изрублен на куски в присутствии своей жены, которую вот-вот посадят в тюрьму и которая вследствие этого мертва; в Нормандии парализованного джентльмена бросили на горящую кучу и сняли с нее с обожженными руками; во Франш-Конте мадам де Батийи топором по голове заставили отказаться от своего титула и даже от своего поместья; мадам де Листене заставили сделать то же самое, приставив вилы к ее шее, а двух ее дочерей - в обмороке у ее ног; графа де Батийи заставили отказаться от своего титула и даже от своего состояния. Монжюстен с женой, у горла которых в течение трех часов приставлен

пистолет; и обоих вытаскивают из кареты, чтобы сбросить в пруд, где их спасает проходящий мимо полк солдат; барон де Монжюстен, один из двадцати двух популярных дворян, подвешен на час в колодце, слушая спор о том, следует ли его сбросить вниз или он должен умереть каким-либо другим способом; шевалье д'Амбли, которого вырвали из его замка и голым притащили в деревню, положили на навозную кучу после того, как ему вырвали брови и все волосы. , в то время как толпа продолжала танцевать вокруг него".

Посреди распавшегося общества, находящегося лишь под видимостью правительства, очевидно, что идет вторжение, вторжение варваров, которое террором завершит то, что было начато насилием, и которое, подобно вторжениям норманнов в десятом и одиннадцатом веках, закончится завоеванием и лишением собственности целого класса. Напрасно Национальной гвардии и другим оставшимся верными войскам войскам удастся остановить первый поток; напрасно Ассамблея прокладывает для него русло и стремится ограничить его установленными границами. Декреты от 4 августа и последующие за ними постановления - это всего лишь паутина, протянутая через поток. Более того, крестьяне, по-своему интерпретируя декреты, превращают новые законы в авторитет для продолжения их действия или начала заново. Никакой больше ренты, какой бы законной она ни была!

"Вчера, - 1346 г. пишет дворянин из Оверни, - нас уведомили, что десятина с фруктов (персьер) больше выплачиваться не будет, и что примеру других провинций только следуют, которые больше не платят десятину, даже по королевскому приказу". Во Франш-Конте "многочисленные общины удовлетворены тем, что они больше ничего не должны ни королю, ни своим сеньорам . . . Деревни делят между собой поля и леса, принадлежащие знати". —

Следует отметить, что хартия и феодальные титулы все еще сохраняются в трех четвертях Франции, что крестьянин заинтересован в том, чтобы обеспечить их исчезновение, и что он всегда вооружен. Чтобы обеспечить новую вспышку жакерийства, необходимо только, чтобы центральный контроль, уже приведенный в беспорядок, был снят. Это работа Версаля и Парижа; и там, как в Париже, так и в Версале, одни из—за недостатка предвидения и увлечения, а другие из—за слепоты и нерешительности - последние из-за слабости, а первые из-за насилия - все трудятся, чтобы выполнить это.

1301 ([возвращение](#))

[Дюсо, 374. "Я заметил, что если в то время среди людей было несколько человек, которые осмеливались совершить преступление, то было и несколько тех, кто желал этого, и что все терпели это". — "Национальный архив", DXXIX, 3. (Письмо муниципальных властей Кремье, Дофини, 3 ноября 1789 г.) "Только забота о том, чтобы сначала отвести их в подвалы и напоить, может дать представление о невероятных проявлениях ярости, которым они предавались, разграбляя и сжигая замки".]

1302 ([return](#))

[Mercure de France, January 4, 1792. ("Revue politique de l'année 1791," by Mallet du Pan.)]

1303 (возвращение)

[Альбер Бабо, I. 206. (Письмо депутата Камузе де Беломбре от 22 августа 1789 г.)
Исполнительная власть сегодня полностью утрачена". — Губернатор Моррис, письмо от 31 июля 1789 г.: "Эта страна сейчас настолько близка к состоянию анархии, насколько это возможно для общества без распада".]

1304 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письмо М. Амело, 24 июля; Н. 784, М. де Ланжерона, 16 и 18 октября.—К. К. 1105. переписка М. де Тиара, 7 и 30 октября, 4 сентября.—Флоке, VII. 527, 555.—Гваде, "История жирондистов" (29 июля 1789 г.).]

1305 (возвращение)

[М. де Рошамбо, "Воспоминания", I. 353 (18 июля).—Sauzay, "Histoire de la Persécution Révolutionnaire dans le Département de Doubs," I. 128 (July 19th.)—"Archives Nationales," F7, 3253. (Письмо депутатов провинциальной комиссии Эльзаса, 8 сентября.) D. XXIX. I. записка М. де Латур-дю-Пена, 28 октября 1789 г. —Письмо М. де Ланжерона, 3 сентября; Брейтмана, гард-марто, Валь-Сент-Амарин (Верхний Эльзас), 26 июля.]

1306 (return)

[Léonce de Lavergne, 197. (Письмо промежуточной комиссии Пуату, последний месяц 1789 г.) — ср. Бриссо ("Французский патриот", август 1789 г.). "Всеобщее неповиновение преобладает в провинциях, потому что ограничения исполнительной власти больше не ощущаются. Какими еще недавно были гарантии этой власти? Интенданты, трибуналы и армия. Интенданты ушли, трибуналы молчат, а армия выступает против исполнительной власти и на стороне народа. Свобода - это не пища для неподготовленных желудков".]

1307 (возвращение)

["Национальный архив", D. XXIX. I. (Письмо духовенства, консулов, президентских советников и главных купцов Пюи-ан-Веле, 16 сентября 1789 г.). — Н. 1453. (письмо интенданта из Алансона, 18 июля). "Я не должен оставлять вас в неведении о множющихся вспышках, которые мы наблюдаем во всех частях моей юрисдикции. Безнаказанность, которой они тешат себя, потому что судьи боятся раздражать народ примерами строгости, только подбадривает их. Злоумышленники, смешанные с честными людьми, распространяют ложные слухи о конкретных лицах, которых они обвиняют в сокрытии зерна или в том, что они не принадлежат к Третьему сословию, и под этим предлогом они грабят их дома, забирая все, что могут найти, а владельцы спасаются от смерти только бегством".]

1308 (возвращение)

[Группа магистратов, образующих один из судов низшей инстанции.]

1309 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 942. (Наблюдения г-на де Балленвилье, 30 октября 1789 г.)]

1310 (возвращение)

["Национальные архивы", D, XXIX. 1. Письмо муниципального собрания Лувье, конец августа 1789 г. —Письмо муниципального собрания Сен-Бри (округ Осер), 25 сентября.—Письмо муниципальных служащих Риси-О, близ Бар-сюр-Сен, 25 августа; шевалье д'Аллювиля, 8 сентября.]

1311 (возвращение)

["Национальный архив", D, XXIX. I. Письмо М. Бриана-Делессара (Ангулем, 1 августа). —М. Брета, генерал-лейтенанта администрации Мардони, 5 сентября.— Шевалье де Кастелласа (Оверг), 15 сентября (относящееся к ночи со 2 на 3 августа).— Мадам Кампан, II. 65.]

1312 (возвращение)

[Артур Янг, "Путешествия по Франции", 24 и 31 июля, 13 и 19 августа.]

1313 (return)

[De Bouillé, 108.—"Archives Nationales," KK. 1105. Корреспонденция М. Детиара от 20 сентября 1789 г. (по поводу ста пушек, подаренных городу Сен-Брие). "От них нет ни малейшей пользы, но эта страсть к оружию - временная эпидемия, которой нужно дать утихнуть самой. Люди полны решимости верить в разбойников и врагов, тогда как ни того, ни другого не существует". — 25 сентября: "Ими движет только тщеславие, и гордость за то, что у них есть пушки, является их единственным мотивом".]

1314 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453. Письма М. Амело от 17 и 24 июля. "Несколько богатых частных лиц города (Оксон) были вынуждены заплатить выкуп этой бандой, большая часть которой состоит из негодяев". — Письмо девяти земледельцев Бретея (Пикардия) от 23 июля (их зернохранилища были разграблены до последнего зерна накануне вечером). "Они угрожают разграбить наш урожай и поджечь наши амбары, как только они будут полны. Население посетило нотариуса месье Тассара в его доме, и его жизни угрожала опасность". Письмо Моро, королевского прокурора при дворе сенешаля в Бар-ле-Дюке, 15 сентября 1789 г., D, XXIX, 1. "27 июля народ восстал и самым жестоким образом убил купца, торговавшего пшеницей. 27-го и 28-го числа его дом и дом другого человека были разграблены" и т.д.]

1315 (возвращение)

[Хроника Доминика Шмуца ("Revue d'Alsace", V. III. 3-я серия). Это его собственные выражения: Gesindel, Люмпен-gesindel.—Де Рошамбо, "Воспоминания", I. 353.—Артур Янг (очевидец), 21 июля.-Из Дампмартена (очевидец), I. 105. М. де Рошамбо проявляет обычную нерешительность и недостаток энергии: пока толпа грабит дома и выбрасывает вещи из окон, он проходит перед своими полками (8000 человек), подготовленными к бою, и говорит: "Друзья мои, мои добрые друзья, вы видите что происходит. Какой ужас! Увы! это ваши документы, ваши титулы и титулы ваших родителей". Солдаты улыбаются этому сентиментальному лепету.]

1316 (возвращение)

[Дюмурье (очевидец), книга III. гл. 3. - Начался судебный процесс, и решение вынесли двенадцать адвокатов и ассессор, которых вооруженный народ назначил сам.— Гиппо, IV. 382.]

1317 (возврат)

["Национальные архивы", F7 3248. (Письмо мэра месье Пуссиода де Тьерри от 11 сентября.)]

1318 (возвращение)

[Флоке, VII. 551.]

1319 (return)

[De Goncourt, "La Société française pendant la Révolution," 37.]

1320 (возвращение)

["Национальные архивы", D. XXIX. 1. Письмо должностных лиц бейливика Дол, 24 августа.— Саузей И. 128.]

1321 (возврат)

[Похожий случай произошел в Страсбурге, через несколько дней после разграбления ратуши. Муниципалитет выдал каждому солдату гарнизона по двадцать су, и солдаты покидают свой пост, освобождают заключенных на мосту Кувер, публично пируют на улицах с женщинами, выпущенными из тюрьмы, и заставляют владельцев гостиниц и питейных заведений сдавать свои припасы. Все магазины закрыты, и в течение двадцати четырех часов офицерам не подчиняются. (Де Дампмартен, I. 105.)]

1322 (возвращение)

[Альбер Бабо, I. 187-273.—Moniteur, II. 379. (Выдержка из приговора городского головы от 27 ноября 1789 г.)]

1323 (возвращение)

[Moniteur, там же. Пикар, главный убийца, признался, "что заставил его сильно страдать; что упомянутый сьер Юэз умер только тогда, когда они подошли к гостинице "Шодрон"; что он, тем не менее, намеревался заставить его страдать еще больше, нанося ему удары ножом в шею на углу каждой улицы, (и) подстроив это так, чтобы он мог делать это часто, пока в нем была жизнь; что в день смерти мсье Юэза он получил десять франков вместе с шейной пряжкой мсье Хьюза, найденной при нем, когда он был задержан во время побега".]

1324 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 26 сентября 1789 года. Письма офицеров бурбонского полка и членов генерального комитета Кана.—Флоке, VII. 545.]

1325 (возвращение)

["Национальные архивы", Н. 1453.—Там же. D. XXIX. I. Записка М. де ла Тур-дю-Пена от 28 октября.]

1326 (возвращение)

[Указ от 5 февраля 1789 г., вступил в силу 1 мая следующего года.]

1327 (возвращение)

["Национальные архивы", D. XXIX. I. Письмо графа де Монтозье от 8 августа с пометками М. Паулиана, директора акцизного управления (замечательное письмо, скромное и либеральное, заканчивающееся требованием помилования для людей, введенных в заблуждение).—Н. 1453. Письмо прокурора избирательного округа Фалез от 17 июля и т.д.—Moniteur, I. 303, 387, 505 (заседания от 7 и 27 августа и от 23 сентября). "Королевские доходы неуклонно сокращаются".—Бюшез и Ру, III. 219 (заседание 24 октября 1789 г.). Выступление депутации из Анжу: "Шестьдесят тысяч человек вооружены; заграждения разрушены, лошади чиновников проданы с аукциона; служащим приказано покинуть провинцию в течение восьми дней. Жители заявили, что не будут платить налоги до тех пор, пока существует налог на соль.]

1328 (возврат)

["Национальный архив", F7 3253 (Письмо от 8 сентября 1789 г.).]

1329 (возвращение)

[Артур Янг, 30 сентября. "Говорят, что каждое ржавое ружье в Провансе работает, убивая всевозможных птиц; пуля пять или шесть раз попала в мою карету и около моих ушей". —Беньо, I.142. — "Национальный архив", D. XXIX. I. Письмо шевалье д'Аллонвиля, 8 сентября 1789 г. (близ Бар-сюр-Об). "Крестьяне вооруженными бандами отправляются в леса, принадлежащие аббатству Труа-Фонтен, которые они вырубает. Они распиливают дубы и перевозят их на повозках в Пон-Сен-Дизье, где продают. В других местах они ловят рыбу в прудах и разрушают насыпи".]

1330 (возвращение)

["Национальные архивы", D. XXIX. 1. Письмо асессора полиции Сен-Флура от 3 октября 1789 года. 31 июля распространяется слух, что приближаются разбойники. 1 августа крестьяне вооружаются. "Они развлекаются выпивкой в ожидании прибытия разбойников; возбуждение возрастает до такой степени, что заставляет их поверить, что господин граф д'Эспиншаль переодетым прибыл накануне вечером в Массиак, что он был виновником беспорядков, охвативших провинцию в это время, и что он скрывался в своем замке". На основании этого в окна стреляют, проводятся обыски и т.д.]

1331 (возвращение)

["Национальные архивы", D, XXIX, I, Письмо Этьена Фермье, Навенн, 18 сентября (возможно, автор из осторожности взял вымышленное имя).Рукописная переписка месье Булле, депутата от Понтиви, со своими избирателями является разновидностью этого декламационного и зажигательного письма.Письмо консулов, священников и купцов Пюи-ан-Веле, 16 сентября. — "Древний режим", стр. 396.]

1332 (возвращение)

["Национальные архивы", D. XXIX. 1. Письмо М. Депре-Монпеза, бывшего артиллерийского офицера, от 24 июля (с несколькими другими подписями). В тот же день в пятидесяти деревнях забили тревогу в связи с распространившимся слухом о том, что 7000 разбойников, англичан и бретонцев, вторглись в страну.]

1333 (возвращение)

["Национальный архив", D. XXIX. I. Письмо Бриана-Делессара от 1 августа (посещения кармелиток Ангулема по месту жительства, где утверждается, что мадам де Полиньяк только что прибыла.—Беньо, I. 140.—Артур Янг, 20 июля и т. Д.—Бюшез и Ру, IV. 166. Письмо от Мамерса, 24 июля; от Мана, 26 июля.]

1334 ([возвращение](#))

[Монжуа, глава LXXII, стр. 93 (согласно судебнo-процессуальным актам). В оркестре был солдат, служивший под началом месье де Монтессона и желавший отомстить за наказания, которым он подвергся в полку.]

1335 ([возвращение](#))

[Меркюр де Франс, 20 августа (Письмо от Везуля, 13 августа).]

1336 ([возвращение](#))

[Позже М. де Мемме доказал свою невиновность и был реабилитирован публичным решением после двухлетнего разбирательства (сессия от 4 июня 1791 г.; Меркюр от 11 июня).]

1337 ([return](#))

[Journal des Débats et Décrets, I. 258. (Письмо муниципалитета Везуля, 22 июля.—Выступление г-на де Тулужона, 29 июля.)]

1338 ([return](#))

[De Rochambeau, "Mémoires," I. 353.—"Archives Nationales," F7, 3253. (Письмо М. де Рошамо, 4 августа.) —Хроника Шмуца (там же), стр. 284. "Национальный архив", D. XXIX. I. (Письмо мадам. Ферретт из Ремиремона, 9 августа.)]

1339 ([возвращение](#))

[Саузай, I. 180. (Письма монахов, 22 и 26 июля.)]

1340 ([возвращение](#))

["Национальный архив", D. XXIX. I. (Письмо М. де Бержерона, адвоката президента Валенсии, 28 августа, с изложением подробностей приговора.) Официальный отчет лионского ополчения, направленный председателю Национального собрания, 10 августа. (Экспедиция в Серьер, в Дофини, 31 июля.)]

1341 ([возвращение](#))

[Письмо графа Куртиврона, заместителя заместителя (очевидца). — "Национальный архив", D. XXIX. I. Письмо муниципальных служащих Кремье (Дофини), 3 ноября. Письмо виконта де Карбоньер (Овернь), 3 августа. — Артур Янг, 30 июля (Дижон) говорит по поводу благородной семьи, спасшейся почти голой из своего горящего замка: "соседи уважали их; их добродетели должны были вызывать любовь бедняков, для негодования которых не было причин".]

1342 (возвращение)

["Национальные архивы", XXIX. I. (Письмо комиссии штатов Дофини от 31 июля.)]

1343 (return)

["Désastres du Mâconnais," by Puthod de la Maison-Rouge (August, 1789). "Опустошители Маконе". —Артур Янг, 27 июля.—Бюшез и Ру, IV. 215, 214. —Меркюр де Франс, 12 сентября 1789 г. (Письмо добровольца из Орлеана.) "15 августа восемьдесят восемь головорезов, называющих себя жнецами, явились в Баскон, в Босе, а на следующий день - в замок по соседству, где в течение часа требуют голову сына владельца поместья, господина Тассена, который может искупить свою вину только контрибуцией в 1600 ливров и разграблением его погребов.]

1344 (возвращение)

[Письмо графа де Куртиврона.—Артур Янг, 31 июля.—Бюше и Ру, II. 243.—Меркюр де Франс, 15 августа 1789 г. (заседание 8-го, выступление депутата от Дофине.)—Мерме, "История города Вены", 445—"Национальный архив", там же. (Письмо комиссии штатов Дофини от 31 июля.) — "Список сожженных или разоренных замков огромен". Комитет уже приводит шестнадцать из них.—Путь из Мезон-Руж, там же: "Если бы нужно было упомянуть все опустошенные места, необходимо было бы упомянуть всю провинцию" (Письмо Макона). "Тем не менее они разрушили большинство замков и буржуазных жилищ, либо сожгли их, либо снесли".]

1345 (возвращение)

[Лалли-Толлендал, "Второе письмо моим избирателям", 104.]

1346 (возвращение)

[Дониоль, "Революция и феодализм", стр.60 (через несколько дней после 4 августа). — "Национальные архивы", Н. 784. Письма М. де Ланжерона, военного коменданта в Безансоне, 16 и 18 октября.—Там же. , D. XXIX. I. То же самое письмо, 3 сентября. —Артуру Янгу (в Провансе, в доме барона де ла Тур д'Аинь). "Барон сильно пострадал от Революции; значительная часть страны, которая принадлежала по абсолютному праву его предкам, была предоставлена в качестве арендной платы, сеи и других феодальных платежей, так что нет никакого сравнения между сохраненными землями и теми, которые таким образом были предоставлены его семье Солидные выплаты, которые Ассамблея объявила подлежащими выкупу, с каждым часом превращаются в ничто, без тени компенсации Положение дворянства в этой стране плачевно; они опасаются, что им ничего не оставят, кроме просто таких домов. поскольку толпа позволяет стоять несгоревшим; что мелкие фермеры сохраняют свои фермы, не выплачивая землевладельцу его половину произведенной продукции; и что в случае такого отказа фактически нет ни закона, ни власти в стране, чтобы предотвратить это. Этот замок, великолепный даже в руинах, с состоянием и жизнями владельцев, находится во власти вооруженного сброда".]

ГЛАВА IV. ПАРИЖ.

Я.—Париж.

Бессилие и раздоры властей.—Народ, король.

Действительно, беспомощность глав правительства и отсутствие дисциплины среди всех его подчиненных гораздо сильнее ощущаются в столице, чем в провинциях. В Париже есть мэр Байи; но "с первого дня и самым простым из возможных", 1401 года его муниципальный совет, то есть "собрание представителей коммуны", привык осуществлять управление в одиночку, совершенно не обращая на него внимания". Существует центральная администрация, муниципальный совет, возглавляемый мэром; но "в настоящее время власть распространяется повсюду, за исключением тех мест, где должна быть преобладающая власть; округа делегировали ее и в то же время сохранили за собой"; каждый из них действует так, как если бы он был единственным и верховным. Существуют второстепенные силы, окружные комитеты, каждый со своим председателем, своим клерком, своими канцеляриями и комиссарами; но уличные толпы маршируют дальше, не ожидая их приказов; в то время как люди, крича под их окнами, навязывают им свою волю; короче говоря, снова говорит Байи, "все умели командовать, но никто не умел повиноваться".

"Представьте себе, - пишет сам Лустало 1402 г., - человека, у которого ноги, кисти и конечности обладали бы собственным разумом и волей, чья одна нога хотела бы ходить, когда другая хотела отдохнуть, чье горло сжималось бы, когда желудок требовал еды, чей рот пел бы, когда веки были отягощены сном; и вы получите поразительную картину состояния дел в столице"

В Париже "шестьдесят республик" 1403 года; каждый округ представляет собой независимую, изолированную власть, которая не принимает никаких приказов без их критики, всегда в несогласии и часто в конфликте с центральной властью или с другими округами. Он получает доносы, заказывает визиты по месту жительства, направляет делегации в Национальное собрание, принимает резолюции, публикует свои законопроекты не только в своем квартале, но и по всему городу, а иногда даже расширяет свою юрисдикцию за пределы Парижа. Все входит в его компетенцию, и особенно то, что не должно этого делать.—18 июля округ Пти-Огюстен 1404 года "издает указ от своего имени о создании мировых судей" под названием

"трибуны" и сразу приступает к своим собственным выборам, выдвигая актера Моле. 30-го Оратория аннулирует амнистию, объявленную представителями коммуны в Ратуше, и приказывает двум своим членам отправиться за тридцать лье, чтобы арестовать г-на де Безенваля. 19 августа администрация Назарета отдает приказ изъять и доставить в Париж оружие, хранящееся в надежных местах. С самого начала каждое подразделение отправлялось в Арсенал от своего имени и "получало столько патронов и пороха, сколько желало". Другие претендуют на право внимательно следить за Ратушей и делать выговор Национальному собранию. Оратория постановляет, что представители коммуны должны быть приглашены для публичного обсуждения. Сен-Никола де Шан обсуждает возможность вето и просит Ассамблею приостановить голосование.— Это странное зрелище, когда все эти различные авторитеты противоречат друг другу и уничтожают друг друга. Сегодня Отель-де-Виль присваивает пять партий ткани, отправленных правительством, а округ Сен-Жерве выступает против решения Отель-де-Виль. Завтра Версаль перехватывает зерно, предназначенное для Парижа, в то время как Париж угрожает, если оно не будет восстановлено, двинуться на Версаль. Я опускаю смешные случаи: [1405 г.](#) анархия по своей сути трагична и гротескна, и в этом всеобщем разрушении столица, как и королевство, напоминает медвежий сад, когда не напоминает Вавилонскую башню.

Но за всеми этими несогласованными властями очень скоро становится очевидным истинный властелин, которым является толпа. — 15 июля она по собственной воле предпринимает снос Бастилии, и этот народный акт санкционирован; ибо необходимо соблюдать приличия; даже отдавать приказы после нанесения удара и следовать за ним, когда руководить невозможно. [1406](#) Вскоре после этого приказано возобновить сбор октроев у заграждений; однако сорок вооруженных человек появляются в своем районе и говорят, что если на октябрьских станциях выставлена охрана, "они будут сопротивляться силе силой и даже пустят в ход свои пушки". — На основании ложного слуха о том, что в аббатстве Монмартр спрятано оружие, аббатису мадам де Монморанси обвиняют в предательстве, и двадцать тысяч человек вторгаются в монастырь. Командующий Национальной гвардией и мэр постоянно ожидают беспорядков; они вряд ли осмелятся отлучиться на день, чтобы присутствовать на празднике короля в Версале. Как только толпа сможет собраться на улицах, взрыв неминуем. "В дождливые дни, - говорит Байи, - я был совершенно спокоен". — Именно под этим постоянным давлением работает правительство; и избранники народа, самые уважаемые магистраты, те, кто пользуется наилучшей репутацией, находятся во власти толпы, которая шумит у их дверей. В округе Сен-Рок, [1407 г.](#) после многих бесполезных отказов Генеральная ассамблея, несмотря на все упреки своей совести и сопротивление своего разума, вынуждена вскрыть письма, адресованные месье, герцогу Орлеанскому, а также военному, иностранным и морскому министрам. В комитете по пропитанию г-н Серро, который незаменим и который утвержден публичным заявлением, подвергается доносу, угрозам и принуждению покинуть Париж. Г-н де ла Саль, один из самых ярых патриотов среди дворян, находится на грани убийства за то, что подписал приказ о перевозке пороха; [1408](#) толпа, преследуя его, привязывает веревку к ближайшему уличному фонарю, обыскивает Ратушу, взламывает все двери, взбирается на колокольню и ищет предателя даже под прикрытием огня. ковер у президиума и между ног избирателей, и только прибытие Национальной гвардии удерживает их на месте.

Народ не только выносит приговор, но и приводит его в исполнение, причем, как это всегда бывает, вслепую. В Сен-Дени, Шатель, помощник мэра, в обязанности которого входит раздача муки, снизил цены на хлеб за свой счет: 3 августа в два часа ночи его дом взломали, и он

укрылся на колокольне; толпа преследует его, перерезает ему горло и волочит голову по улицам.— Люди не только казнят, но и милуют — и с такой же разборчивостью. 11 августа в Версале, когда отцеубийцу вот-вот вздернут на колесовании, толпа требует его освобождения, бросается на палача и освобождает человека. ¹⁴⁰⁹ Поистине, это суверенная власть, подобная власти восточного монарха, который произвольно присуждает к жизни или смерти! Женщину, протестующую против этого скандального помилования, хватают и чуть не вешают; ибо новый монарх считает преступлением все, что оскорбляет его новое величество. И снова он получает публичное и смиренное почтение. Премьер-министр, умоляя о помиловании г-на де Безенваля в Ратуше в присутствии избирателей и общественности, выразил это соответствующими словами:

"Я падаю ниц перед самым неизвестным, самым безвестным гражданином Парижа, у ног которого я преклоняю колени".

За несколько дней до этого в Сен-Жермен-ан-Ле и в Пуасси депутаты Национального собрания не только на словах, но и на самом деле, и в течение длительного времени, преклоняют колени на тротуаре улицы и с плачем протирают руки, чтобы спасти две жизни, из которых им дарована только одна.—Узрите монарха по этим блестящим знакам! Молодежь, страстно подражающая всем модным поступкам, уже подражает им в миниатюре; в течение месяца, следующего за убийством Бертье и Фулона, Байи сообщают, что по улицам разгуливают гаминьоны с головами двух кошек, насаженными на концы двух шестов. ¹⁴¹⁰

II.—Бедствие народа.

Нехватка работы.—Как нанимаются люди с руководящими способностями.

Жалкий монарх, чей признанный суверенитет делает его еще более несчастным, чем он был раньше! Хлеба всегда не хватает, и очередь ожидающих перед дверями пекарни не уменьшается. Напрасно Байи проводит свои ночи в комитете по снабжению; они всегда находятся в состоянии ужасной тревоги. Каждое утро в течение двух месяцев запасается мукой только на один-два дня, и часто вечером ее не хватает на следующее утро. ¹⁴¹¹ Жизнь столицы зависит от обоза, который находится в десяти, пятнадцати, двадцати лье отсюда и который может никогда не прибыть: один обоз из двадцати повозок разграблен 18 июля на руанской дороге; другой - 4 августа в окрестностях Лувье. Если бы не швейцарский полк Салиса, который с 14 июля по конец сентября днем и ночью марширует в качестве эскорта, ни один корабль с зерном не добрался бы из Руана в Париж. ¹⁴¹²— Комиссарам, которым поручено осуществлять закупки или руководить экспедициями, угрожает опасность. Те, кого отправляют в провинции, схвачены, и для их доставки должна быть отправлена колонна из четырехсот человек с пушками. Тот, кого отправляют в Руан, узнает, что его повесят, если он осмелится войти туда. В

Манте толпа окружает его кабриолет, люди считают любого, кто приезжает туда с целью вывоза зерна, общественным вредителем; он с трудом выбирается через черный ход и возвращается пешком в Париж. — С самого начала, согласно универсальному правилу, страх перед нехваткой продовольствия способствует усилению голода. Каждый запасается на несколько дней; однажды на чердаке у старой женщины нашли шестнадцать буханок по четыре фунта каждая. Следовательно, выпечка, которая оценивается в соответствии с количеством, необходимым на один день, становится недостаточной, и последние из тех, кто ждет хлеба в булочных, возвращаются домой с пустыми руками. — С другой стороны, ассигнования, выделяемые городом и государством на снижение цен на хлеб, просто служат для удлинения рядов тех, кто его ждет; сельские жители стекаются туда и возвращаются домой нагруженными в свои деревни. В Сен-Дени хлеб подешевел до двух су за фунт, и у жителей ничего не осталось. К этой постоянной тревоге добавьте безработицу. Мало того, что нет уверенности в том, что хлеб будет у пекарей в течение следующей недели, но многие знают, что на следующей неделе у них не будет денег, чтобы купить хлеб. Теперь, когда безопасность исчезла и права собственности пошатнулись, работы не хватает. Богатые, лишенные своих феодальных оброков и, в дополнение к ним, арендной платы, сократили свои расходы; многие из них, которым угрожал комитет по расследованию, которых они навещали по месту жительства и на которых могли донести их слуги, эмигрировали. В сентябре месяце Неккер сетует на выдачу шести тысяч паспортов за пятнадцать дней самым богатым жителям. В октябре высокопоставленные дамы, беженки в Риме, присылают известие, что их прислугу следует уволить, а их дочерей поместить в монастыри. До конца 1789 года в Швейцарии было так много беглецов, что дом, как говорят, приносил арендную плату больше, чем он стоил в качестве капитала. С этой первой эмиграцией, которая была эмиграцией главных расточителей, графа д'Артуа, принца де Конти, герцога де Бурбона и многих других, уехали богатые иностранцы, и во главе их герцогиня де л'Инфантадо, тратившая 800 000 ливров в год. В Париже всего три англичанина.

Раньше это был город роскоши, европейская оранжерея дорогих и утонченных удовольствий, но как только разбивается стекло, нежные растения погибают, их любовники уходят, и теперь нет работы для бесчисленных рук, которые их выращивали. Счастливы те, кто на благотворительных работах получает ничтожную сумму, берясь за кирку! "Я видел, - говорит Байи, - мерчантов, ювелиров и коммерсантов, умоляющих о милости наняться на работу за двадцать су в день". Перечислите, если можете, по одному или двум признанным профессиям руки, которые ничего не делают: 1413 1200 парикмахеров держат около 6000 подмастерьев; 2000 других выполняют ту же работу в частных домах; 6000 лакеев мало что делают, кроме этой работы. Штат портных состоит из 2800 мастеров, у которых в подчинении 5000 рабочих. "Добавьте к этому количество частных работников — беженцев в привилегированных местах, таких как аббатства Сен-Жермен и Сен-Марсель, обширная ограда Тампля, аббатство Святого Иоанна Латеранского и предместье Сент-Антуан, и вы обнаружите, что по меньшей мере 12 000 человек кутят, подгоняют и шьют". Сколько людей в этих двух группах сейчас простаивают! Сколько других людей ходят по улицам, таких как обойщики, кружевницы, вышивальщицы, изготовители вееров, позолотчики, резчики, переплетчики, граверы и все остальные производители парижских сувениров! Для тех, кто все еще на работе, сколько дней теряется у дверей пекарен и в патрулировании в качестве национальной гвардии! Собрания проводятся, несмотря на запреты Отель-де-Виль, 1414 г., и толпа открыто обсуждает свое жалкое положение: 3000 подмастерьев-портных возле Колоннады, столько же подмастерьев-сапожников на площади Людовика XV, подмастерья-парикмахеры на Елисейских полях, 4000 слуг без мест на

подступах к Лувру, — и их предложения соответствуют уровню их интеллекта. Слуги требуют изгнания из Парижа савояров, которые вступают с ними в соперничество. Подмастерья-портные требуют, чтобы дневная заработная плата была установлена в размере сорока су и чтобы торговцам старой одеждой не разрешалось шить новую. Подмастерья-сапожники заявляют, что те, кто делает обувь ниже установленной цены, будут изгнаны из королевства. Каждая из этих раздраженных и возбужденных толп содержит в себе зародыш эпидемии — и, по правде говоря, эти микробы встречаются на каждом тротуаре Парижа: на благотворительных мероприятиях, которые на Монмартре собирают 17 000 нищих; на рынке, где пекари хотят повесить комиссаров по муке, и у дверей пекарей, из которых двоих 14 сентября и 5 октября подвели к фонарному столбу, и они едва спаслись. В этой страдающей, нищенствующей толпе предприимчивых людей становится с каждым днем все больше: они состоят из дезертиров, причем из каждого полка; они достигают Парижа группами, часто по 250 человек в один день. Там, "обласканные и накормленные до отвала", в 1415 г. получившие от Национального собрания по 50 ливров каждый, содержимые королем на аванс, угощаемые округами, из которых только один задолжал им 14 000 ливров за вино и сосиски, "они приучают себя к большим расходам", к большей распущенности, и за ними следуют их товарищи. "В ночь на 31 июля французские гвардейцы, несущие службу в Версале, покидают охрану короля и отправляются в Париж без своих офицеров, но со своим оружием и багажом", чтобы "они могли принять участие в приветствии, которое город Париж оказывает их полку". На начало сентября насчитывается 16 000 дезертиров этого типа. 1416 Сейчас среди тех, кто совершает убийства, они стоят в первом ряду; и это неудивительно, если мы в наименьшей степени учитываем их прошлое, образование и привычки. Это был солдат "Королевского хорвата", который вырвал сердце Бертье. Это были трое солдат прованского полка, которые ворвались в дом Шателя в Сен-Дени и протащили его голову по улицам. Это швейцарские солдаты в Пасси сбивают с ног представителей полиции из своего оружия. Их штаб-квартира находится в Пале-Рояле, среди женщин, орудиями которых они являются, и среди агитаторов, от которых они получают приказы. Отныне все зависит от этого слова, и нам стоит только взглянуть на новых народных лидеров, чтобы понять, каким оно будет.

III.—Новые народные лидеры.

Их господство.—Их образование.—Их чувства. —Их ситуация.—Их советы.— Их доносы.

Администраторы и члены районных собраний, агитаторы в казармах, кофейнях, клубах и на общественных улицах, авторы брошюр, разносчики денег размножаются так же быстро, как жужжащие насекомые вылупляются душной ночью. После 14 июля тысячи рабочих мест стали доступны для высвобожденных амбиций; "адвокаты, клерки нотариусов, художники, торговцы, лавочники, комики и особенно адвокаты; 1417 г. каждый хочет быть либо офицером, либо

директором, либо советником, либо министром нового правления; в то время как журналы, которые учреждаются десятками, [1418 г.](#) образуют постоянную трибуну, куда приходят ораторы, чтобы обхаживать людей в своих личных интересах". Философия, попавшая в такие руки, кажется пародией на саму себя; и ничто не сравнится с ее пустотой, если только это не ее озорство и успех. Юристы в шестидесяти избирательных округах излагают высокопарные догмы революционного катехизиса. Тот или иной, переходя от вопроса о партийной перегородке к конституированию империй, становится импровизированным законодателем, тем более неистощимым и тем более одобряемым, что поток его слов, изливаемый на слушателей, доказывает им, что все способности и все права принадлежат им естественно и законно.

"Когда этот человек открыл рот, - говорит хладнокровный свидетель, - мы были уверены, что его засыпят цитатами и сентенциями, часто по поводу уличных фонарных столбов или прилавка торговца травами. От его зычного голоса зазвенели своды; и после того, как он говорил в течение двух часов и его дыхание совершенно иссякло, восхищенные и восторженные крики, которые приветствовали его, доходили почти до исступления. Таким образом, оратор воображал себя Мирабо, в то время как зрители воображали себя Учредительным собранием, решающим судьбу Франции".

Журналы и брошюры написаны в одном стиле. Каждый мозг наполнен парами тщеславия и громких слов; лидер толпы - это тот, кто бредит больше всех, и он направляет дикий энтузиазм, который сам усиливает.

Давайте рассмотрим наиболее популярных из этих вождей; они являются зелеными или сухими плодами литературы и адвокатуры. Газета - это киоск, где каждое утро их продают, и если они нравятся перевозбужденной публике, то просто из-за их кислого или горького вкуса. Их пустые, неопытные умы полностью лишены политических концепций; у них нет ни способностей, ни практического опыта. Демулену двадцать девять лет, Лустало двадцать семь, и их интеллектуальный балласт состоит из воспоминаний о колледже, сувениров с юридических факультетов и общих мест, подобранных в домах Рейналя и его компаньонов. Что касается Бриссо и Марата, которые являются показными гуманистами, то их знания о Франции и зарубежных странах заключаются в том, что они видели через слуховые окна своих мансард и через утопические очки. В умах, подобных этим, опустошенных или сбитых с толку, Контрсоциальность не могла не стать евангелием; ибо она сводит политическую науку к строгому применению элементарной аксиомы, которая освобождает их от всякого изучения и отдает общество на произвол народа, или, другими словами, передает его в их собственные руки.— Следовательно, они разрушают все, что осталось от социальных институтов, и настаивают на уравнивании, пока все не будет сведено к одному уровню.

"С моими принципами, - пишет Демулен [в 1419 году](#), - связано удовлетворение от того, что я нахожусь там, где мое место, от того, что я показываю свою силу тем, кто меня презирал, от того, что опускаю до своего уровня всех, кого судьба поставила выше меня: мой девиз - девиз всех честных людей: "Никаких начальников!"

Таким образом, под великим именем Свободы каждый тщеславный дух ищет своей мести и находит себе пищу. Что может быть приятнее и естественнее, чем оправдывать страсть теорией, быть фракционером в вере, что это патриотизм, и прикрывать интересы честолюбия интересами человечества?

Давайте представим себе этих вершителей общественного мнения такими, какими они были тремя месяцами ранее: Демулен, адвокат без судимостей, живущий в меблированной квартире с мелкими долгами и на несколько луидоров, полученных от своих родственников. Лустало, еще более неизвестный, в прошлом году был принят в парламент Бордо и перебрался в Париж в поисках карьеры. Дантон, еще один второсортный юрист, вышедший из лачуги в Шампани, занял денег, чтобы оплатить свои расходы, в то время как его скудное хозяйство поддерживается только на один луидор, который еженедельно выдает ему его тесть, владелец кофейни. Бриссо, бродячий богемец, бывший сотрудник "литературных пиратов", пятнадцать лет скитался по миру, не привезя с собой ни из Англии, ни из Америки ничего, кроме распущенного на локтях пальто и ложных идей; и, наконец, Марат, писатель, на которого свистнули, несостоявшийся ученый и философ, искажающий свой собственный опыт, пойманный натурфилософом Шарлем на месте совершения научного мошенничества и упавший с вершины своего непомерного честолюбия на второстепенную должность врача в конюшнях графа д'Артуа. В настоящее время Дантон, президент Кордельеров, может арестовать в своем районе любого, кого ему заблагорассудится, и его бурные жесты и громоподобный голос обеспечивают ему, пока не подвернется что-нибудь получше, власть в его районе города. Одно слово Марата только что привело к убийству майора Бельзунса в Кане. Демулен объявляет с торжествующей улыбкой, что "значительная часть столицы считает его одним из главных зачинщиков Революции, и что многие даже заходят так далеко, что называют его ее автором". Следует ли предполагать, что, вознесенные так высоко таким внезапным ударом судьбы, они хотят снова пустить все на самотек и спуститься? и разве не ясно, что они будут всеми силами способствовать восстанию, которое вознесет их к самым высоким вершинам? Более того, на такой высоте мозг приходит в движение; внезапно взлетев в воздух и чувствуя, что все вокруг шатается, они издают возгласы негодования и ужаса, они видят заговоры со всех сторон, представляют, как невидимые нити тянутся в противоположном направлении, и они призывают людей перерезать их. Со всей тяжестью своей неопытности, неспособности и непредусмотрительности, своих страхов, доверчивости и догматического упрямства они призывают к массовым нападениям, и все их газетные статьи или выступления сводятся к следующим фразам:

"Сограждане, у вас, людей низшего сословия, у вас, кто слушает меня, есть враги при Дворе и в аристократии. Отель-де-Виль и Национальное собрание - ваши слуги. Хватай своих врагов сильной рукой и вешай их, и пусть твои слуги знают, что они должны ускорить свои шаги!"

Демулен называет себя "окружным прокурором виселицы", [1420 г.](#) и если он вообще сожалеет об убийствах Фулона и Бертье, то это потому, что это слишком поспешное судебное решение привело к гибели доказательств заговора, тем самым спасая жизнь ряду предателей: сам он упоминает двадцать из них случайно, и его мало волнует, допускает ли он ошибки.

"Мы находимся в темноте, и хорошо, что верные собаки лают даже на всех, кто проходит мимо, чтобы не бояться грабителей".

С этого времени Марат [1421](#) года называет короля, министров, администрацию, судебную коллегия, адвокатуру, финансовую систему и академии "подозрительными"; во всяком случае, люди страдают только из-за них.

"Правительство монополизирует зерно, чтобы заставить нас платить бешеные деньги за ядовитый хлеб".

Правительство, опять же, посредством нового заговора собирается ввести блокаду Парижа, чтобы с большей легкостью уморить его голодом. Высказывания такого рода в такое время - это головни, подброшенные в страх и голод, чтобы разжечь пламя ярости и жестокости. Этой напуганной и голодающей толпе агитаторы и газетчики продолжают повторять, что она должна действовать, и действовать бок о бок с властями, а если понадобится, то и против них. Другими словами, мы будем делать все, что нам заблагорассудится; мы являемся единственными законными хозяевами;

"в хорошо организованном правительстве народ как единое целое является настоящим сувереном: наши делегаты назначаются только для выполнения наших приказов; какое право имеет глина бунтовать против горшечника?"

В силу таких принципов шумный клуб, занимающий Пале-Рояль, заменяет собой Версальское собрание. Разве это не все названия для этого учреждения? Пале-Рояль "спас нацию" 12 и 13 июля. Пале-Рояль "через своих представителей и брошюры" сделал всех и даже солдат "философами". Это дом патриотизма, "место встречи избранных среди патриотов", будь то провинциалы или парижане, всех, кто обладает избирательным правом и кто не может или не хочет воспользоваться им в своем собственном округе. "Это экономит время, если прийти в Пале-Рояль. Там нет необходимости обращаться к Президенту за правом высказаться или ждать своего времени пару часов. Оратор предлагает свое предложение и, если оно находит сторонников, садится на стул. Если ему аплодируют, оно приводится в надлежащий вид. Если на него освистывают, он уходит. Таков был путь римлян". Узрите настоящее Национальное собрание! Это превосходит другое полуфеодалное мероприятие, обремененное "шестьюстами депутатами от духовенства и знати", среди которых так много незваных гостей и которых "следовало бы выслать на галереи".— Следовательно, чистое Собрание управляет нечистым Собранием, и "Кафе Фуа предъявляет претензии правительству Франции".

IV.—Вмешательство народных лидеров в работу правительства.

Их давление на Ассамблею.

30 июля арлекин, возглавлявший восстание в Руане, был арестован, "в Пале-Рояле открыто предлагается¹⁴²² выступить всем скопом и потребовать его освобождения". — 1 августа Туре, которого умеренная партия Собрания только что назначила президентом, вынужден уйти в отставку; Пале-Рояль угрожает прислать банду и убить его вместе с теми, кто за него голосовал, и начинают распространяться списки проскрипций, в которых фигурируют несколько депутатов.—С этого времени по всем важным вопросам - об упразднении феодальной системы, отмене десятины, декларации прав человека, споре о палатах, праве короля налагать вето,¹⁴²³ г. давление извне склоняет чашу весов: таким образом, Декларация прав, отвергнутая на

тайном заседании двадцатью восемью бюро из тридцати, проталкивается трибунами на открытом заседании и принимается большинством. - Точно так же, как до 14 июля, и в еще большей степени, два вида принуждения влияют на ход выборов. голоса, и это всегда правящая фракция, которая использует обе руки, чтобы задушить своих оппонентов. С одной стороны, эта фракция занимает посты на галереях группами, состоящими почти всегда из одних и тех же лиц, "пятисот или шестисот постоянных действующих лиц", которые кричат в соответствии с понятными сигналами и по команде.¹⁴²⁴ Многие из них - французские гвардейцы в гражданской одежде, сменяющие друг друга: ранее они спрашивали своего любимого депутата, "в котором часу они должны прийти, все ли идет хорошо, и доволен ли он этими дураками из священников (калотенов) и аристократов". Другие состоят из низших женщин под командованием Тереньи де Мерикур, куртизанки-вираго, которая определяет им их положение и подает сигнал к улюлюканью или аплодисментам. Публично и при полном составе заседания по случаю дебатов о вето "трибуны аплодируют или оскорбляют депутатов в зависимости от того, произносят ли они слово "приостановленный" или слово "бессрочный". "Угрозы, - говорит один из них, - распространялись; я слышал их со всех сторон вокруг меня". Эти угрозы повторяются при выходе на улицу: "Слуги, уволенные своими хозяевами, дезертиры и женщины в лохмотьях, угрожают непокорным фонарным столбом" и тычут им кулаками в лицо. В самом зале, и гораздо аккуратнее, чем до 14 июля, записываются их имена, а списки, переданные населению, "отправляются в Пале-Рояль, откуда они рассылаются в корреспонденции и газетах по провинциям".¹⁴²⁵ г.— Таким образом, мы видим второе средство принуждения; каждый депутат отвечает за свой голос в Париже собственной жизнью, а в провинции - жизнью своей семьи. Представители бывшего Третьего сословия заявляют, что они отказываются от идеи двух палат, потому что "они не расположены к тому, чтобы им перерезали горло их женам и детям". 30 августа Сен-Юруг, самый шумный из зазывал Пале-Рояля, марширует в Версаль во главе 1500 человек, чтобы завершить преобразование Ассамблеи. Этот садовый клуб действительно, с высоты своей большой образованности, честности и безупречной репутации, решает, что от невежественных, коррумпированных и сомнительных депутатов необходимо избавиться ". То, что они таковы, не подлежит сомнению, потому что они защищают королевскую санкцию; их более 600 и более, 120 - депутаты коммун, которые для начала должны быть изгнаны, а затем должны предстать перед судом.¹⁴²⁶ Тем временем им сообщают, а также епископу Лангрского, президенту Национального собрания, что "15 000 человек готовы поджечь их замки и, в частности, ваш, сэр". Чтобы избежать всякой ошибки, секретари Собрания письменно уведомлены, что в провинции будут разосланы "2000 писем", в которых народу будет предъявлено обвинение в поведении злобных депутатов: "Ваши дома находятся в залоге за ваши мнения: имейте это в виду и спасайтесь сами!" Наконец, утром 1 августа пять депутатий от Пале-Рояля, одну из которых возглавлял Лустало, по очереди направляются к Ратуше, настаивая на том, чтобы забили в барабаны и созвали граждан для изменения состава депутатов или их инструкций и предписания Национальному собранию приостановить обсуждение вопроса о праве вето до тех пор, пока округа и провинции не смогут выразить свою волю: по сути, только народ, будучи суверенным и единственно компетентным, всегда имеет право увольнять или давать новые указания своим слугам, депутатам. На следующий день, 2 августа, чтобы внести ясность, новые делегаты из того же Пале-Рояля обмениваются жестами со словами; они прикладывают два пальца к горлу, когда представляются представителям коммуны, как намек на то, что, если последние не подчинятся, они будут повешены.

После этого Национальному собранию бесполезно проявлять какое-либо возмущение, заявлять, что оно презирует угрозы, и протестовать против своей независимости; впечатление уже произведено. "Более 300 членов коммун, - говорит Мунье, - решили поддержать абсолютное вето". По истечении десяти дней большинство из них перешли на сторону короля, некоторые из них из-за привязанности к королю, потому что боялись "всеобщего восстания" и "не желали подвергать опасности жизни королевской семьи". Но подобные уступки только провоцируют новые случаи вымогательства. Уличные политики теперь на собственном опыте знают, как жестокое насилие влияет на законную власть. Ободренные успехом и безнаказанностью, они подсчитывают свою силу и слабость последней. Еще один удар, и они бесспорные хозяева. Кроме того, эта проблема уже очевидна для дальновидных мужчин. Когда агитаторы на общественных улицах и носильщики на углах улиц, убежденные в своей высшей мудрости, навязывают указы силой своих легких, своих кулаков и своих копий, в этот момент опыт, знание, здравый смысл, хладнокровие, гениальность и рассудительность исчезают из человеческих дел, и все возвращается к хаосу. Мирабо, выступавший за пожизненное вето, видел, как толпа со слезами на глазах умоляла его изменить свое мнение:

"Господин граф, если король получит это право вето, какая польза будет от Национального собрания? Мы все будем рабами" ["1427](#)

Подобным вспышкам нельзя сопротивляться, и все потеряно. Уже ближе к концу сентября применимо замечание, которое Мирабо делает графу де ла Марку:

"Да, все потеряно; король и королева будут сметены, и вы увидите, как народ топчет их безжизненные тела".

Через восемь дней после этого, 5 и 6 октября, вспыхивает восстание против короля и королевы, против Национального собрания и правительства, против всего нынешнего и грядущего правительства; партия насилия, правящая в Париже, завладевает высшими должностными лицами Франции, чтобы держать их под строгим наблюдением и оправдывать свои периодические бесчинства одним постоянным бесчинством.

V. —5 и 6 октября.

И снова два разных течения сливаются в один поток, чтобы подтолкнуть толпу вперед к общей цели. —С одной стороны, тошнотворные позы желудка и женщины, возбужденные голодом:

"Теперь, когда в Париже нет хлеба, давайте отправимся в Версаль и потребуем его там; когда среди нас будут король, королева и дофин, они будут вынуждены кормить нас"; мы вернем

"Пекаря, Продавщицу и подручного булочника". — С другой стороны, есть фанатизм и люди, которых подталкивает потребность доминировать.

"Теперь, когда вон те наши вожди не повинуются нам, давайте пойдем и заставим их повиноваться нам немедленно; король придирается к Конституции и Правам человека — заставьте его одобрить их; его гвардейцы отказываются носить нашу кокарду — заставьте их принять ее; они хотят увезти его в Мец — заставьте его приехать в Париж, здесь, на наших глазах и в наших руках, он, а также хромая Ассамблея пройдут прямо и быстро, нравится им это или нет, и всегда по правильной дороге". — Под этим слиянием идеи организации экспедиции. ¹⁴²⁸ г. За десять дней до этого об этом публично упоминают в Версале. 4 октября в Париже женщина предлагает это в Пале-Рояле; Дантон рычит на Кордельеров; Марат, "один, производит столько шума, сколько четыре трубы в Судный день". Лустало пишет, что необходим второй революционный пароксизм. "День проходит, - говорит Демулен, - в проведении советов в Пале-Рояле и в Сент-Антуанском предместье, на концах мостов и на набережных... в снятии кокард только одного цвета.... Их срывают и топчут ногами с угрозами забить фонарный столб в случае нового проступка; солдат, который пытается снова застегнуть свой, меняет свое решение, увидев сотню поднятых против него палок". ¹⁴²⁹ Это предвестники кризиса; в этом лихорадочном, страдающем теле образовалась огромная язва, и она вот-вот лопнет.

Но, как это обычно бывает, это гнойная концентрация самых ядовитых страстей и самых подлых побуждений. В этом были замешаны самые подлые мужчины и женщины. Деньги распределялись свободно. Было ли это сделано интригующими младшими офицерами, которые, играя на устремлениях герцога Орлеанского, вытянули из него миллионы под предлогом присвоения ему звания генерал-лейтенанта королевства? Или это из-за фанатиков, которые с конца апреля объединились, чтобы развращать солдат и подстрекать шайку головорезов с целью сравнять с землей и разрушить все вокруг? ¹⁴³⁰ На больших дорогах и в домах с дурной славой всегда найдутся Макиавелли, готовые возбудить низость обоих полов. В первый же день, когда фламандский полк переходит в гарнизон Версаля, предпринимается попытка развратить его деньгами и женщинами. Для этой цели из Парижа присылают шестьдесят брошенных женщин, в то время как французские охранники приезжают и лечат своих новых товарищей. Последних угощали в Пале-Рояле, а трое из них в Версале восклицают, показывая несколько коронных изделий стоимостью в шесть ливров: "Какое удовольствие побывать в Париже! человек всегда возвращается с деньгами!" Таким образом, сопротивление преодолевается заранее. Что касается атаки, то женщины должны быть авангардом, потому что солдаты постесняются стрелять в них; однако их ряды будут усилены несколькими мужчинами, переодетыми женщинами. При ближайшем рассмотрении их легко узнать, несмотря на румянец, по плохо выбритым бородам, а также по голосам и походке. ¹⁴³¹ Не составило труда найти мужчин и женщин среди проституток Пале-Рояля и военных дезертиров, которые служат им хулиганами. Вполне вероятно, что первые одалживали своим возлюбленным старые платья, которые у них были в запасе. Ночью все снова встретятся на обычном месте встречи, на скамьях Национального собрания, где они чувствуют себя как дома. ¹⁴³² — В любом случае, первый оркестр, который марширует, именно этого типа, демонстрируя наряды и веселье профессии; "большинство из них молоды, одеты в белое, с напудренными волосами и жизнерадостным видом"; многие из них "смеются, поют и пьют", как они это делали бы, отправляясь на пикник за город. Трое или четверо из них известны по имени — один размахивает мечом, а другой, небезызвестный Теройн. Мадлен Шабри Луизон, выбранная для обращения к королю, - хорошенькая гризетка, которая продает цветы и, без сомнения, что-то еще в Пале-Рояле.

Некоторые, по-видимому, принадлежат к высшему разряду по своему призванию и обладают тактом и светскими манерами — предположим, например, что Шампфор и Лакло прислали своих любовниц. К ним следует добавить прачек, нищенок, босоногих женщин и рыбниц, завербованных за несколько дней до этого и получивших соответствующее вознаграждение. Это первое ядро, и оно продолжает расти; ибо по принуждению или согласию отряд включает в себя по мере прохождения всех встречаемых женщин — швей, привратниц, домработниц, и даже респектабельных женщин, в жилища которых входят с угрозами отрезать им волосы, если они не войдут. К ним следует добавить бродяг, уличных бродяг, хулиганов и грабителей — парижский осадок, который накапливается и выходит на поверхность каждый раз, когда происходит волнение: их можно найти уже в первый час, за толпой женщин в Ратуше. Другие должны последовать за нами вечером и ночью. Другие ждут в Версале. Многие, как в Париже, так и в Версале, не получают жалованья: один, в грязном белесом жилете, позвякивает в руке золотыми и серебряными монетами.— Такова грязная пена, которая как спереди, так и сзади катится вместе с народным приливом; что бы ни делалось, чтобы остановить этот поток, он расширяется и оставит свой след на каждой стадии своего разлива.

Первый отряд, состоящий из четырехсот или пятисот женщин, начинает операцию, оттесняя охрану Ратуши, которая не желает пускать в ход свои штыки. Они рассредоточиваются по комнатам и пытаются сжечь все письменные документы, которые могут найти, заявляя, что с начала революции не было ничего, кроме каракулей.¹⁴³³ Толпа мужчин следует за ними, взламывает двери и грабит склад оружия. Двести тысяч франков казначейскими билетами крадутся или исчезают; несколько негодяев поджигают здание, в то время как другие вешают аббата. Аббат зарублен, и пожар потушен как раз вовремя: таковы интерлюдии популярной драмы. Тем временем толпа женщин на Гревской площади увеличивается, всегда с одним и тем же непрекращающимся криком: "Хлеба!" и "За Версаль!" Один из завоевателей Бастилии, билетер Майяр, предлагает себя в качестве лидера. Его принимают, и он стучит в свой барабан; покидая Париж, он берет с собой семь или восемь тысяч женщин и, вдобавок, несколько сотен мужчин; с помощью увещаний ему удастся поддерживать какое-то подобие порядка среди этого сброда вплоть до Версаля.—Но, несмотря на это, это сброд и, следовательно, столько грубой силы, одновременно анархической и властной. С одной стороны, каждый, и худший из них, делает то, что ему заблагорассудится, что будет совершенно очевидно уже сегодня вечером. С другой стороны, его тяжеловесная масса сокрушает всякую власть и отменяет все правила и предписания — что сразу становится очевидным по прибытии в Версаль. — Допущенные в Ассамблею, сначала в небольшом количестве, женщины толпятся у дверей, врываются врывом, заполняют галереи, затем зал, мужчины вместе с ними, вооруженные дубинками, алебардами и пиками, все скопом, бок о бок с депутатами, занимают их скамьи, голосуют вместе с ними и собираются вокруг президента, который, окруженный, запуганный и оскорбленный, наконец, покидает зал. покидает позицию, в то время как его кресло занимает женщина.¹⁴³⁴ Женщина-рыба командует на галерее, и около сотни женщин вокруг нее кричат или молчат по ее приказу, в то время как она перебивает и оскорбляет депутатов:

"Кто там говорит? Заставьте замолчать этого болтуна; он не знает, о чем говорит. Вопрос в том, как достать хлеб. Пусть скажет папа Мирабо — мы хотим его услышать."

После принятия декрета о прожиточном минимуме лидеры требуют кое-чего дополнительно; им должно быть разрешено посещать все места, где, по их подозрению, происходит какая-либо

монополизация, и цена на "хлеб должна быть установлена в размере шести су за четыре фунта, а на мясо - в размере шести су за фунт".

"Вы не должны думать, что мы дети, с которыми можно играть. Мы готовы нанести удар. Делайте, что вам прикажут".

Все их политические предписания исходят из этой центральной идеи. И далее:

"Отправьте обратно фламандский полк — нужно прокормить еще тысячу человек, а они вынимают хлеб у нас изо рта". — "Накажите аристократов, которые мешают пекарям печь".

"Долой тюбетейку; священники - причина наших бед!" — "Месье Мунье, почему вы выступали за это злодейское вето? Остерегайтесь фонарного столба!"

Под этим давлением депутация Собрания во главе с Президентом отправляется пешком, по грязи, под дождем, под присмотром ревущего эскорта женщин и мужчин, вооруженных пиками: после пяти часов ожидания и мольб она добивается от короля, помимо указа о пропитании, с которым не было никаких трудностей, принятия в чистом виде Декларации прав и его санкции на статьи конституции. Такова независимость короля и Собрания. [1435 г.](#) Так устанавливаются новые принципы правосудия, грандиозные очертания Конституции, абстрактные аксиомы политической истины под диктатурой толпы, которая не только слепо требует, но и наполовину осознает свою слепоту.

"Господин президент, - говорят некоторые женщины Мунье, который возвращается с королевской санкции, - будет ли от этого какая-нибудь реальная польза для нас? дадут ли это беднякам хлеб в Париже?"

Тем временем вокруг замка бурлит нечисть; и брошенные женщины, получающие субсидии в Париже, продолжают следовать своему призванию. [1436](#) Они проскальзывают в ряды полка, выстроенного на площади, невзирая на часовых. Теройн в красном жилете амазонки раздает им деньги.

"Встаньте на нашу сторону, - говорят некоторые солдатам. - Мы скоро разобьем королевских гвардейцев, сорвем с них прекрасные мундиры и продадим их".

Другие лежат, растянувшись на земле, соблазняя солдат, и делают такие предложения, что один из них восклицает: "Мы собираемся весело провести время!" Еще до конца дня полк был соблазнен; женщины, по их собственному мнению, действовали из благих побуждений. Когда политическая идея проникает в такие головы, вместо того, чтобы облагораживать их, она там деградирует; ее единственным результатом является высвобождение пороков, которые остатки скромности все еще держат в повиновении, и полная игра дается роскошным или свирепым инстинктам под прикрытием общественного блага. Более того, страсти усиливаются из-за их взаимного взаимодействия; толпа, шум, беспорядок, страстные желания и голодание приводят к состоянию исступления, из которого не может выйти ничего, кроме головокружительного безумия и ярости. Это безумие начало проявляться по дороге. Уже в пути какая-то женщина воскликнула:

"Мы вернем голову королевы на конце пики!" [1437](#)

Подъехав к Севрскому мосту, другие добавили:

- Давайте перережем ей горло и сделаем кокарды из ее внутренностей!

Идет дождь; они замерзли, устали и проголодались, и им нечего есть, кроме куска хлеба, который с трудом раздают в поздний час на площади Армии. Одна из банд разделяет зарезанную лошадь, жарит ее и употребляет наполовину сырой, по обычаю дикарей. Неудивительно, что под лозунгами патриотизма и "справедливости" в их умах зарождаются дикие идеи против "членов Национального собрания, которые не разделяют принципов народа", против "епископа Лангрского, Мунье и остальных". Один мужчина в поношенном старом красномсюртуке заявляет, что "у него должна быть голова аббата Мори, чтобы играть ею в кегли". Но это особенно направлено против королевы, которая женщина, и, как видно, женское воображение наиболее возбуждено.

"Она одна является причиной зла, которое мы терпим.... Она должна быть убита и четвертована". Наступает ночь; происходят акты насилия, а насилие порождает насилие.

"Как бы я был рад, - говорит один мужчина, - если бы только мог дотронуться до этой дьяволицы и срубить ей голову о первый же бордюрный камень!"

Ближе к утру кто-то кричит:

- Где эта проклятая кошка? Мы должны съесть ее сердце... Мы оторвем ей голову, вырежем сердце и поджарим печень! С первыми убийствами проснулась жажда крови; женщины из Парижа говорят, что "они привезли бадьи, чтобы унести обрубки королевских гвардейцев", и при этих словах другие хлопают в ладоши. Кое—кто из сброда в толпе рассматривает веревку, прикрепленную к фонарному столбу во дворе Национального собрания, и, сочтя ее недостаточно прочной, желает заменить ее другой, "чтобы повесить архиепископа Парижского Мори и д'Эспремения". - Эта кровожадная, плотоядная ярость проникает даже в тех, в чьи обязанности входит поддержание порядка, слышно, как один из национальных гвардейцев сказал, что "телохранители должны быть перебиты до последнего человека, а их сердца вырваны на завтрак".

Наконец, ближе к полуночи прибывает Национальная гвардия Парижа; но это только добавляет одно восстание к другому, поскольку она также взбунтовалась против своих вождей. [1438](#)

"Если господин де Лафайет не расположен сопровождать нас, - говорит один из гренадеров, - мы возьмем своим командиром старого гренадера".

Придя к этому решению, они обратились к генералу в Отель-де-Виль, и делегаты шести рот сообщили ему свои инструкции.

"Генерал, мы не верим, что вы предатель, но мы думаем, что правительство предает нас.... Комитет по прожиточному минимуму обманывает нас и должен быть устранен. Мы хотим отправиться в Версаль, чтобы уничтожить телохранителей и фламандский полк, которые растоптали национальную кокарду. Если король Франции слишком слаб, чтобы носить свою корону, пусть он снимет ее; мы коронуем его сына, и дела пойдут лучше".

Напрасно Лафайет отказывается и обращается к ним с речью на Гревской площади; напрасно он сопротивляется часами, то обращаясь к ним, то заставляя замолчать. Вооруженные банды, прибывающие из предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо, заполняют толпу; они целятся в него;

другие готовят фонарный столб. Затем он спешивается и пытается вернуться в Отель-де-Виль, но дорогу ему преграждают гренадеры:

- Морблеу, генерал, вы останетесь с нами, вы нас не покинете!

Поскольку он их вождь, совершенно очевидно, что он должен следовать за ними; таково же мнение представителей коммуны в Отель-де-Виль, которые посылают ему свое разрешение и даже приказ выступить, "видя, что он не может отказаться".

Таким образом, пятнадцать тысяч человек достигают Версаля, а впереди и вместе с ними тысячи негодяев, защищенных темнотой. С этой стороны Национальная гвардия Версаля, размещенная вокруг замка, вместе с жителями Версаля, которые преграждают путь транспортным средствам, перекрыли все выходы.¹⁴³⁹ Король находится в плену в своем собственном дворце, он и его окружение, со своими министрами и своим двором, без всякой защиты. Ибо, со своим обычным оптимизмом, он доверил внешние посты замка солдатам Лафайета, и из человеколюбивого упрямства, которое он должен поддерживать до последнего, в ¹⁴⁴⁰ году он запретил своей собственной охране стрелять в толпу, так что они находятся там только для вида. С общим правом в его пользу, законом и присягой, которую Лафайет только что обязал возобновить свои войска, чего ему было бояться? Что может быть эффективнее для людей, чем доверие к ним и благоразумие? А играя роль овцы, можно быть уверенным в приручении животных!

С пяти часов утра они рыщут вокруг ограды дворца. Лафайет, измученный усталостью, отдохнул час,¹⁴⁴¹ этого часа им вполне достаточно.¹⁴⁴² Толпа, вооруженная пиками и дубинками, мужчины и женщины, окружает отряд из восьмидесяти восьми национальных гвардейцев, заставляет их стрелять по королевской гвардии, взламывает дверь, хватает двух стражников и отрубает им головы. Палач, который является студийной моделью, с густой бородой, протягивает свои окровавленные руки и торжествует при этом; и это производит такое сильное впечатление на Национальную гвардию, что они отходят; из чувства долга, чтобы не быть свидетелями подобного зрелища: таково сопротивление! Тем временем толпа врывается на лестницы, избивает и топчет стражников, с которыми сталкивается, и распахивает двери с проклятиями в адрес королевы. Королева убегает; как раз вовремя, в нижнем белье; она находит убежище у короля и остальных членов королевской семьи, которые напрасно забаррикадировались в эйль-де-Беф, дверь которого взломана: здесь они стоят, ожидая смерти, когда прибывает Лафайет со своими гренадерами и спасает все, что можно спасти — их жизни, и ничего больше. Ибо из толпы, собравшейся на мраморном дворе, раздается крик: "В Париж с королем!" - приказ, которому король подчиняется.

Теперь, когда великий заложник у них в руках, снизойдут ли они до принятия второго? Это сомнительно. Когда королева приближается к балкону со своим сыном и дочерью, раздается вопль "Никаких детей!" Они хотят держать ее одну под прицелом своих пушек, и она это понимает. В этот момент мсье де Лафайет, прикрывая ее щитом своей популярности, появляется на балконе рядом с ней и почтительно целует ей руку. Реакция этой перевозбужденной толпы мгновенна. И мужчины, и особенно женщины, находясь в таком состоянии нервного напряжения, с готовностью бросаются из одной крайности в другую, впадая в ярость, граничащую со слезами. Привратнице, компаньонке Майяра,¹⁴⁴³ г., кажется, что она слышит, как Лафайет обещает от имени королевы "любить свой народ и быть к нему так же привязанной, как Иисус Христос к своей Церкви". Люди рыдают и обнимают друг друга; гренадеры сдвигают

фуражки с голов телохранителей. Все будет хорошо: "народ вернул своего Короля". — Теперь ничего не остается, как радоваться, и кортеж движется дальше. Королевская семья и сотня депутатов в экипажах образуют центр, затем следует артиллерия с несколькими женщинами, сидящими верхом на пушках; далее следует обоз с мукой. Кругом стоят королевские гвардейцы, за каждым из которых на коне Национальная гвардия; затем идет Национальная гвардия Парижа, а за ними мужчины с пиками и женщины пешком, верхом, в кэбах и на телегах; впереди идет оркестр с двумя отрубленными головами на концах двух шестов, который останавливается у парикмахерской в Севре, чтобы напудрить и завить эти головы; ¹⁴⁴⁴ их заставляют кланяться в знак приветствия, и они с ног до головы намазаны кремом; раздаются шутки и взрывы смеха; народ шумит. останавливаются по дороге, чтобы поесть и выпить, и заставляют стражников чокнуться с ними; они кричат и дают ружейные залпы; мужчины и женщины держат друг друга за руки, поют и танцуют в грязи. Таково новое братство: похоронная процессия законных властей, триумф жестокости над разумом, кровавый политический Марди-гра, устрашающий маскарад, которому предшествуют знаки отличия смерти, увлекающие за собой глав Франции, короля, министров и депутатов, чтобы оно могло принуждать их править до тех пор, пока не придет в неистовство, чтобы оно могло держать их под своими копьями, пока ему не захочется их убить.

VI. Правительство и нация в руках революционной партии.

На этот раз ошибки быть не может: царство террора полностью и прочно установилось. В этот самый день толпа останавливает автомобиль, в котором она надеется найти г-на де Вирье, и заявляет, обыскав его, что "они ищут депутата, чтобы расправиться с ним, а также с другими, список которых у них есть". ¹⁴⁴⁵ Два дня спустя аббат Грегуар сообщает Национальному собранию, что в Париже не проходит и дня без оскорблений духовенства и преследования с "ужасными угрозами". Малуэ предупреждают, что "как только оружие будет роздано ополченцам, первое, что от него потребуется, - это избавиться от тех депутатов, которые являются плохими гражданами", и, среди прочих, от аббата Мори. "В тот момент, когда я вышел на улицу, - пишет Мунье, - за мной начали публично следить. Появляться в моей компании было преступлением. Куда бы мне ни довелось пойти вместе с двумя или тремя моими спутниками, везде говорилось, что формируется собрание аристократов. Я стал объектом такого ужаса, что они пригрозили поджечь загородный дом, в котором я провел сутки; и, чтобы успокоить их, пришлось дать обещание, что ни я, ни мои друзья больше не будем приняты в нем ". За одну неделю пятьсот или шестьсот депутатов получили свои паспорта ¹⁴⁴⁶ года и были готовы к отъезду. В течение следующего месяца сто двадцать человек подадут в отставку или больше не появятся в Ассамблее. Мунье, Лалли-Толлендаль, епископ Лангрский, и другие, кроме него, покинули Париж, а затем и Францию. Малле дю Пан пишет: "Общественное мнение теперь диктует свое решение со сталью в руке. Верь или умри - вот анафема, которую провозглашают

неистовые духи, и это во имя Свободы. Умеренность стала преступлением ". После 7 октября Мирабо говорит графу де ла Марку:

"Если у вас есть какое-либо влияние на короля или королеву, убедите их, что они и Франция потеряны, если королевская семья не покинет Париж. Я занят разработкой плана, как их увести".

Он предпочитает нынешней ситуации все, "даже гражданскую войну", ибо "война, по крайней мере, оживляет душу", в то время как здесь, "под диктатурой демагогов, мы тонем в грязи". Предоставленный самому себе, Париж через три месяца "несомненно, превратится в больницу и, возможно, в театр ужасов". Для борьбы с чернью и ее лидерами важно, чтобы король немедленно объединился "со своим народом", чтобы он отправился в Руан, обратился с призывом к провинциям, стал Центром общественного мнения и, при необходимости, прибегнул к вооруженному сопротивлению. Малуэ, со своей стороны, заявляет, что "революция, начавшаяся 5 октября", приводит в ужас всех здравомыслящих людей и каждую партию, но что она полна и непреодолима". Таким образом, три лучших ума, связанных с Революцией, — те, чьи проверенные пророчества свидетельствуют о гениальности или здравом смысле; единственные, кто в течение двух или трех лет и из недели в неделю всегда мудро предсказывали и кто использовал разум в своих доказательствах, — эти трое, Малле дю Пан, Мирабо, Мабуэт, согласны в своей оценке события и в оценке его последствий. Нация катится вниз по склону, и ни у кого нет средств или силы, чтобы остановить это. Король не может этого сделать: "нерешительный и невыразимо слабый, его характер напоминает смазанные шарики из слоновой кости, которые тщетно пытаются удержать вместе".^{1447 г.} А что касается Собрания, ослепленного, поруганного и побуждаемого провозглашаемой им теорией и поддерживающей ее фракцией, то каждый из его великих декретов только ускоряет его падение.

1401 ([return](#))

[Bailly, "Mémoires," II. 195, 242.]

1402 ([возвращение](#))

[Элизе Лустало, журналистка, редактор газеты "Парижские революции", была молодым юристом, проявившим природный талант к новаторской журналистике. Он должен был умереть уже в 1790 году. (СТАРШИЙ)]

1403 ([возвращение](#))

[Монжуа, гл. LXX, стр. 65.]

1404 ([возвращение](#))

[Байи, II. 74, 174, 242, 261, 282, 345, 392.]

1405 ([возвращение](#))

[Например, посещения по месту жительства и аресты, очевидно, произведенные сумасшедшими. ("Archives de la Préfecture de Police de Paris.")—And Montjoie, ch. LXX. p.67. Экспедиция Национальной гвардии против воображаемых разбойников, которые вырубают урожай в Монморанси, и залп, произведенный в воздух. — Завоевание Иль-Адама и Шантийи.]

1406 ([возвращение](#))

[Байи, II. 46, 95, 232, 287, 296.]

1407 ([возвращение](#))

["Архив префектуры полиции", протокол заседания секции Бют-де-Мулен, 5 октября 1789 г.]

1408 ([возвращение](#))

[Байи, II. 224.—Дюсо, 418, 202, 257, 174, 158. Перевозимый порох назывался poudre de traite (транспорт); люди понимали это как poudre de traître (предатель). Господин де ла Саль был близок к смерти из-за добавления буквы r. Именно он принял командование Национальной гвардией 13 июля.]

1409 ([возвращение](#))

[Флоке, VII. 54. Та же сцена происходит в Гранвиле, в Нормандии, 16 октября. Женщина убила своего мужа, в то время как солдат, который был ее любовником, является ее сообщником; женщину собирались повесить, а мужчину разбить на колесовании, когда толпа с криком "Нация имеет право на прощение" опрокинула эшафот и спасла двух убийц.]

1410 ([возвращение](#))

[Байи, II. 274 (17 августа).]

1411 ([возвращение](#))

[Байи, II, 83, 202, 230, 235, 283, 299.]

1412 ([возврат](#))

[Меркюр де Франс, номер за 26 сентября. — Де Гонкур, стр. 111.]

1413 (возвращение)

[Мерсье, "Парижская картина", I, 58; X. 151.]

1414 (возвращение)

[Де Ферьер, I. 178.—Бюше и Ру, II. 311, 316.—Байи, II. 104, 174, 207, 246, 257, 282.]

1415 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 5 сентября 1789 года. Письма Горация Уолпола, 5 сентября 1789 г. — М. де Лафайет, "Воспоминания", I. 272. В течение недели, последовавшей за 14 июля, 6000 солдат дезертировали и перешли на сторону народа, кроме 400 и 800 швейцарских гвардейцев и шести батальонов французской гвардии, которые остались без офицеров и делают все, что им заблагорассудится. Сюда стекаются бродяги из соседних деревень, и в Париже насчитывается более "30 000 незнакомцев и бродяг".]

1416 (возвращение)

[Байи, II. 282. Толпа дезертиров была так велика, что Лафайету пришлось выставить охрану у заграждений, чтобы не дать им въехать в город. "Без этой меры предосторожности сюда вошла бы вся армия".]

1417 (возвращение)

[Де Ферьер, I. 103.—Де Лавалетт, I. 39.—Байи, I. 53 (об адвокатах). "Можно сказать, что успех Революции обусловлен этим классом". — Мармонтель, II. 243 "Со времени первых выборов в Париже в 1789 году я заметил, - говорит он, - эту разновидность неугомонных интриганов, борющихся друг с другом за то, чтобы их услышали, стремящихся заявить о себе prominent....It хорошо известно, какой интерес был у этого органа (юристов) превратить реформу в революцию, монархию в Республику; целью было организовать для себя вечную аристократию". —Бюше и Ру, II. 358 (статья К. Демулена). "В округах каждый тратит свои легкие и свое время, пытаясь стать президентом, вице-президентом, секретарем или вице-секретаршей"]

1418 (return)

[Eugène Hatin, "Histoire de la Presse," vol. V. p. 113. "Французский патриот" Бриссо, 28 июля 1789 г. — "Любовь народа" Марата, 12 сентября 1789 г. — "Анналы патриотизма и литературы" Карры и Мерсье, 5 октября 1789 г. — "Парижские революции" главного редактора Лустало, 17 июля 1789 г. — "Трибуна народа", письма (середина 1789 г.). — "Революции Франции и Брабанта" К. Демулен, 28 ноября 1789 г.; его "Свободная Франция" (я полагаю, августовского месяца, и его "Беседы о фонарях" сентябрьского месяца). — "Монитор" выходит только 24 ноября 1789 г. В последующих семидесяти номерах, вплоть до 3 февраля 1790 года, дебаты Ассамблеи были впоследствии выписаны, дополнены и облечены в драматическую форму. Все номера, предшествовавшие 3 февраля 1790 года, являются результатом компиляции, выполненной в

четвертом году. Повествовательная часть о первых шести месяцах революции не имеет никакой ценности. Отчет о заседаниях Ассамблеи является более точным, но его следует пересматривать заседание за заседанием и беседу за беседой для получения подробной истории Национальной ассамблеи. Главными авторитетами, которые действительно являются современными, являются "Отель Меркюр де Франс", "Парижский журнал", "Точка зрения" Баррера, "Версальский курьер" Горсаса, "Прованский курьер" Мирабо, "Журнал дебатов и декрета", официальные отчеты Национального собрания, "Бюллетень Национального собрания" Марата, помимо упомянутых выше газет за период после 14 июля и речей, которые печатаются отдельно.]

1419 (возвращение)

[К. Десмулен, письма от 20 сентября и последующих дат. (Он цитирует отрывок из Лукана в указанном смысле).Бриссо, "Воспоминания", *passim*.—Биография Дантона Робине. (См. Показания мадам Ролан и Русселин де Сент-Альбен.)]

1420 (return)

["Discours de la Lanterne." Смотрите эпитафия к гравюре.]

1421 (возвращение)

[Бучез и Ру; III. 55; статья Марата, первое октября. "Выгоните всех подозреваемых из Ратуши Сократите число депутатов коммун до пятидесяти; не позволяйте им оставаться на своих постах более месяца или шести недель и заставьте их вести дела только публично". - И II. 412, еще одна статья Марата.—Там же. III. 21. Статья Лустало.—К. Десмулен, "Беседы о фонарях", *passim*.—Bailly, II. 326.]

1422 (return)

[Mounier, "Des causes qui ont empêché les Français d'être libre," I. 59.—Lally-Tollendal, second letter, 104.—Bailly, II. 203.]

1423 (возвращение)

[Де Буйе, 207.—Лалли-Толлендаль, там же, 141, 146.—Мунье, там же, 41, 60.]

1424 (возвращение)

[Меркюр де Франс, 2 октября 1790 г. (статья Малле дю Пана: "Я видел это"). Уголовное производство в Шатле по событиям 5 и 6 октября. Показания М. Фейделя, депутата, № 178.-Де Монлозье, i. 259.—Десмулен (La Lanterne). "Некоторые члены коммун постепенно завоевываются пенсиями, планами разбогатеть и лестью. К счастью, неподкупные галереи всегда на стороне патриотов. Они представляют народных трибунов, сидящих на скамье,

присутствовавших на заседаниях Сената и имевших право вето. Они представляют метрополию, и, к счастью, конституция разрабатывается именно под руководством метрополии". (К. Демулен, простодушный политик, всегда выпускает кота из мешка.)]

1425 ([return](#))

["Procédure du Châtelet," Ibid. Показания г-на Малуэ (№ 111). "Я получал каждый день, как и г-жи Лалли и Мунье, анонимные письма и списки запрещений, в которые мы были вписаны. В этих письмах объявлялась скорая и насильственная смерть каждому депутату, отстаивающему власть короля".]

1426 ([возвращение](#))

[Бюшез и Ру, I. 368, 376.--Байи, II. 326, 341.—Мунье, там же, 62, 75.]

1427 ([возвращение](#))

[Этьен Дюмон, 145.—Переписка между графом де Мирабо и графом де ла Марком.]

1428 ([return](#))

["Procédure criminelle du Châtelet," Deposition 148.—Buche and Roux, III. 67, 65. (Рассказ Демулена, статья Лустало.) "Меркюр де Франс", номер за 5 сентября 1789 года. "Воскресным вечером, 30 августа, в Пале-Рояле было выдвинуто требование об исключении нескольких депутатов всех сословий, и особенно некоторых из них из Дофини... Они говорили о том, чтобы привезти в Париж короля и дофина. Всем добродетельным гражданам, каждому неподкупному патриоту было рекомендовано немедленно отправиться в Версаль".]

1429 ([возвращение](#))

[Эти акты насилия не были репрессиями; ничего подобного на банкете телохранителей (1 октября) не произошло. "Среди всеобщего веселья, - рассказывает очевидец, - я не слышал оскорблений ни в адрес Национального собрания, ни в адрес народной партии, ни в адрес кого бы то ни было. Единственными криками были "Да здравствует король! Vive la Reine! Мы будем защищать их до смерти!" (Мадам де Ларошжаклен, стр.40. —Там же. Мадам Кампан, еще одна очевидица.) — Однако представляется несомненным, что молодые члены Национальной гвардии в Версале повернули свои кокарды так, чтобы быть похожими на других людей, и также вероятно, что некоторые из дам раздали белые кокарды. Остальное - история, придуманная до и после события, чтобы оправдать восстание. —Ср. Лероль, "История Версаля", II. 20-107. Там же, стр. 141. "Что касается запрета национальной кокарды, все свидетели отрицают это". Автором клеветы является Горсас, редактор "Версальского курьера".]

1430 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 88, 110, 120, 126, 127, 140, 146, 148.— Мармонтель, "Воспоминания", беседа с Шампфортом в мае 1789 г.—Морелле, "Воспоминания", I. 398. (Согласно свидетельству Гарата, Шампфор отдал все свои сбережения, 3000 ливров, на покрытие расходов, связанных с маневрами, подобными этому описанию.)Малуэ (II. 2). знал четырех депутатов, "которые принимали непосредственное участие в этом заговоре".]

1431 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." 1st. О фламандских солдатах. Показания 17, 20, 24, 35, 87, 89, 98.— 2-е. О мужчинах, переодетых женщинами. Показания 5, 10, 14, 44, 49, 59, 60, 110, 120, 139, 145, 146, 148. Прокурор назначает изъятие шести из них.—3-е место. Осостоянии женщин экспедиции. Показания 35, 83, 91, 98, 146, и 24.—4. О распределенных деньгах. Показания 49, 56, 71, 82, 110, 126.]

1432 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показание 61. "Ночью между этими людьми происходили сцены, не очень пристойные, о которых свидетель счел бесполезным рассказывать".]

1433 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 35, 44, 81.—Бюше и Ру, III. 120. (Протокол заседания Коммуны, 5 октября.) Парижский журнал, 12 октября. Несколько дней спустя мсье Пик, секретарь прокурора, принес "пачку в 100 000 франков, которую он спас из рук врагов", и еще одна пачка банкнот была найдена брошенной в суматохе в ящик для чеков.]

1434 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Depositions 61, 77, 81, 148, 154.—Dumont, 181.—Mounier, "Exposé justificatif," and specially "Fait relatif à la dernière insurrection."]

1435 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 168. Свидетель видит, как, выходя из апартаментов короля, "несколько женщин, одетых как жены рыбаков, у одной из которых, с миловидным лицом, в руке бумага, и она восклицает, поднимая ее: "Он! Черт возьми, мы заставили парня подписать".]

1436 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 89, 91, 98. "Обещают все, даже приподнимают перед ними нижние юбки".]

1437 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet," Depositions 9, 20, 24, 30, 49, 61, 82, 115, 149, 155.]

1438 ([return](#))

[Procédure criminelle du Châtelet." Depositions 7, 30, 35, 40.—Cf. Lafayette, "Mémoires," and Madame Campan, "Mémoires."]

1439 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показание 24. Несколько мальчишек-мясников бегут за экипажами, выезжающими с Пти-Экюри, выкрикивая: "Не дайте этим псам сбежать!"]

1440 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 101, 91, 89 и 17. Месье де Миомандр, телохранитель, мягко говорит негодяям, поднимающимся по лестнице: "Друзья мои, вы любите своего короля, и все же вы досаждаете ему даже в его дворце!"]

1441 ([возвращение](#))

[Малюэ, II. 2. "Я не чувствовал недоверия", - говорит Лафайет в 1798 году; "люди обещали сохранять спокойствие".]

1442 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Chatelet." Свидетельские показания 9, 16, 60, 128, 129, 130, 139, 158, 168, 170.— Месье дю Ремонер, телохранитель, стоит на страже у ограды с двух часов ночи, человек просовывает пикку сквозь прутья со словами: "Ты вышел б ..., скоро придет твоя очередь". Месье де Ремонер "удаляется в будку часового, не сказав этому человеку ни слова, учитывая отданный приказ не действовать".]

1443 ([return](#))

["Procédure Criminelle du Châtelet." Показания 82, 170 —мадам Кампан. II. 87.—De Lavalette, I.33.—Cf. Bertrand de Molleville, Mémoires.]

1444 ([возвращение](#))

[Дюваль, "Сувениры земли", I. 78. (Сомнительно почти во всем, но здесь он очевидец. Он обедал напротив парикмахерской, у ограды парка Сен-Клу.) — Второе письмо г-на де Лалли-Толлендаля к другу. "В тот момент, когда король въехал в свою столицу в сопровождении двух епископов своего собора в карете, раздался крик: "К фонарному столбу с епископами!"]

1445 ([возвращение](#))

[Де Монлозье, I. 303.—Moniteur, заседания 8, 9 и 10 октября.—Малуэ, II. 9, 10, 20.—Мунье, Исследования причин и т. Д. И "Обращение к дофину".]

1446 ([return](#))

[De Ferrières, I. 346. (9 октября 300 участников уже забрали свои паспорта.) "Меркюр де Франс", № от 17 октября. Переписка Мирабо и М. де ла Марка, I. 116, 126, 364.]

1447 ([возвращение](#))

[Переписка Мирабо и М. де ла Марка, I.175. (Слова месье, обращенные к месье де ла Марку.)]

КНИГА ВТОРАЯ. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ТРУДОВ.

ГЛАВА I. УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ХОРОШИХ ЗАКОНОВ.

Одним из самых сложных начинаний в этом мире является разработка национальной конституции, особенно если речь идет о полной и всесторонней работе. Заменить старые структуры, внутри которых жил великий народ, новым, иным, подходящим и долговечным набором законов, применить форму из ста тысяч отсеков к жизни двадцати шести миллионов человек, построить ее так гармонично, адаптировать ее так хорошо, так близко, с таким точным пониманием их потребностей и способностей, чтобы они вошли в нее сами и двигались по ней без столкновений, и чтобы их спонтанная активность сразу обрела легкость знакомой рутины, — это экстраординарное предприятие и, вероятно, за пределами возможностей человеческого разума. В любом случае, разуму требуются все его силы, чтобы выполнить это начинание, и он не может достаточно тщательно защитить себя от всех источников беспокойства и ошибок.

Собрание, особенно Учредительное, требует внешней безопасности и независимости, внутренней тишины и порядка и в целом спокойствия, здравого смысла, практических способностей и дисциплины под руководством компетентных и признанных лидеров. Находим ли мы что-нибудь из всего этого в Учредительном собрании?

I.—Эти условия отсутствуют в Сборке

Причины беспорядков и иррациональности — Место проведения собрания — Большое количество депутатов — Вмешательство галерей — Отсутствие, дефектность или игнорирование правил процедуры. — Парламентские лидеры — Восприимчивость и перевозбуждение Ассамблеи — Ее пароксизмы энтузиазма. — Ее склонность к эмоциям. — Он поощряет театральную демонстрацию — Изменения, которые эти демонстрации вносят в его благие намерения.

Нам стоит только взглянуть на это внешне, чтобы у нас возникли некоторые сомнения по этому поводу. В Версале, а затем в Париже сеансы проводятся в огромном зале, способном вместить 2000 человек, в котором самый мощный голос должен быть напряжен, чтобы быть услышанным. Он не рассчитан на умеренный тон, подходящий для обсуждения деловых вопросов; оратор вынужден кричать, и напряжение голоса само передается в сознание; само место предполагает декламацию; и это тем более легко, что собрание состоит из 1200 человек, то есть толпы, почти черни. "В настоящее время (1877 г.) в наших собраниях, состоящих из пятисот или шестисот депутатов, постоянно происходят перерывы и неумолчный гул; нет ничего более редкого, чем самообладание и твердая решимость уделить час внимания дискурсу, противоположному мнению слушателей. — Что здесь можно сделать, чтобы добиться тишины и терпения? Артур Янг в разных случаях видит "сотню участников на полу одновременно", кричащих и жестикулирующих. "Джентльмены, вы меня убиваете!" - говорит однажды Байи, падая от изнеможения. Другой президент в отчаянии восклицает: "Двести выступающих одновременно не могут быть услышаны; неужели вы сделаете невозможным восстановление порядка в Ассамблее?" Грохочущий, нестройный гул еще больше усиливается шумом галерей.²¹⁰¹

"В британском парламенте, - пишет Малле дю Пан, - я видел, как в мгновение ока очистили галереи, потому что герцогиня Гордон случайно слишком громко рассмеялась".

Здесь собравшаяся и выстроившаяся в шеренгу толпа зрителей, стрингеров, делегатов из Пале-Рояля, солдат, переодетых горожанами, и проституток аплодирует, хлопает в ладоши, топает и улюлюкает в свое удовольствие. Это доведено до такой степени, что месье де Монлозье иронически предлагает "предоставить галереям право голоса в обсуждениях".²¹⁰² Другой член комиссии желает знать, так ли много представителей - актеров, которых нация отправляет туда, чтобы они терпели шипение парижской публики. Перерывы, по сути, происходят как в театре, и часто, если участники не получают удовлетворения, они вынуждены прекратить. С другой

стороны, депутаты, пользующиеся популярностью у этой энергичной аудитории, за которой они следят, являются актерами перед рампой: они невольно поддаются ее влиянию и преувеличивают свои идеи, а также свои слова, чтобы быть с ней в унисон. Беспорядки и насилие при таких обстоятельствах становятся само собой разумеющимся делом, и шансы Собрания действовать мудро уменьшаются наполовину; превращаясь в клуб агитаторов, оно перестает быть конклавом законодателей.

Давайте войдем и посмотрим, как продвигается это мероприятие. При таком обременении, при таком окружении и волнении оно принимает по крайней мере те меры предосторожности, без которых ни одно собрание людей не может управлять собой. Когда несколько сотен человек собираются вместе для обсуждения, очевидно, что необходима какая-то внутренняя полиция; прежде всего, какой-то кодекс принятых обычаев, какие-то письменные прецеденты, с помощью которых ее действия могут быть подготовлены и определены, детально рассмотрены и должным образом приняты. Лучший из этих кодексов у нас наготове: по просьбе Мирабо Ромийи прислал регламент английской палаты общин.²¹⁰³ Но с самонадеянностью новичков они не обращают внимания на этот кодекс; они воображают, что для них это излишне; они ничего не будут заимствовать у иностранцев; они не доверяют опыту и, не довольствуясь отказом от форм, которые он предписывает, "с трудом можно заставить их следовать какому бы то ни было правилу". Они оставляют поле деятельности открытым для импульсивности отдельных людей; любой вид влияния, даже депутата, даже избранного ими самими, вызывает у них подозрение; отсюда их выбор нового президента каждые две недели.— Они не подчиняются никаким ограничениям или контролю, ни юридическому авторитету парламентского кодекса, ни моральному авторитету руководителей парламента. В них нет ничего подобного; они не организованы в партии; ни с одной, ни с другой стороны не найден признанный лидер, который назначает время, организует дебаты, составляет предложение, распределяет роли и дает поводья своим сторонникам или сдерживает их. Мирабо - единственный, кто способен добиться такого господства; но при открытии Собрания он дискредитирован дурной славой своих пороков, а ближе к концу скомпрометирован своими связями при дворе. Никто другой не обладает достаточной известностью, чтобы иметь какое-либо влияние; слишком много среднего и слишком мало выдающегося таланта.— Более того, их самооценка еще слишком сильна, чтобы допустить какие-либо уступки. Каждый из этих импровизированных законодателей пришел к удовлетворению своей собственной системой, и подчиниться лидеру, которому он доверил бы свою политическую совесть, сделать из него то, чем должны быть трое из четырех этих депутатов, машину для голосования, потребовало бы осознания опасности, некоторого болезненного опыта, вынужденной капитуляции, которую он далек от осознания.²¹⁰⁴ По этой причине, за исключением партии насилия, каждый действует как свой собственный вождь, в соответствии с импульсом момента, и можно представить себе путаницу. Незнакомые люди, ставшие свидетелями этого, поднимают руки в знак жалости и удивления. "Они ничего не обсуждают на своем Собрании, - пишет губернатор Моррис,²¹⁰⁵ - Большая часть времени тратится на освящение и рыдания.... Каждый человек, которому разрешено говорить, сообщает результат своей Смазки "среди этого шума, занимая свою очередь, как указано, не отвечая своему предшественнику и не получая ответа от своего преемника, никогда не встречая аргумента за аргументом; так что, пока стрельба не прекращается, "все их выстрелы делаются в воздух". Прежде чем об этом "ужасном грохоте" можно будет сообщить, газеты дня обязаны сделать всевозможные сокращения, убрать

"бессмыслицу" и уменьшить "надутый и напыщенный стиль". Болтовня и шум - вот и вся суть большинства этих знаменитых заседаний.

"Вы слышали бы, - говорит журналист, - больше криков, чем речей; заседания, казалось, скорее закончатся драками, чем указами... Двадцать раз, уходя, я говорил себе, что если что-то и могло остановить и переломить ход Революции, то это была бы картина этих собраний, нарисованная без осторожности или адаптации... Поэтому все мои усилия были направлены на то, чтобы представить правду, не делая ее отталкивающей. Из того, что было просто ссорой, я состряпал сцену... Я выражал все свои чувства, но не всегда одними и теми же словами. Я переводил их крики в слова, их яростные жесты - в позы, а когда мне не удавалось внушить уважение, я старался пробудить эмоции".

От этого зла нет лекарства; ибо, помимо отсутствия дисциплины, существует внутренняя и фундаментальная причина беспорядка. Эти люди слишком восприимчивы. Это французы, и французы восемнадцатого века; воспитанные в самых изысканных условиях, привыкшие к почтительным манерам, постоянному доброму вниманию и взаимным обязательствам, они настолько пропитаны инстинктом хорошего воспитания, что их разговор посторонним кажется почти пресным.²¹⁰⁶— И вдруг они оказываются на тернистой почве политики, подвергаются оскорбительным дебатам, откровенным противоречиям, ядовитым обвинениям, постоянному умалению достоинства и открытым оскорблениям; вовлечены в битву, в которой используются все виды оружия, свойственные парламентской жизни, и в которой победители сражаются друг с другом. Самые выносливые ветераны едва ли способны сохранять хладнокровие. Судите сами, как все это действует на неопытных, с сильно натянутыми нервами, на светских людей, привыкших к приспособлению и дружелюбию всеобщей вежливости. Они сразу же выходят из себя.— И тем более что они никогда не ожидали битвы, а, напротив, праздника, грандиозной и очаровательной идиллии, на которой все, взявшись за руки, соберутся в слезах вокруг трона и спасут страну во взаимных объятиях. Неккер сам устраивает, подобно театру, зал, в котором должны проводиться заседания Ассамблеи.²¹⁰⁷ "Он не был расположен рассматривать Ассамблею Генеральных штатов иначе, как мирное, внушительное, торжественное, величественное зрелище, которым наслаждался бы народ"; и когда идиллия внезапно превращается в драму, он так напуган, что ему кажется, будто произошел оползень, который ночью угрожал разрушить каркас здания.— Во время заседания Генеральных Штатов все в восторге; все воображают, что вот-вот войдут в землю обетованную. Во время шествия 4 мая

"слезы радости, - говорит маркиз де Ферьер, - наполнили мои глаза... В состоянии сладостного восторга я увидел Францию, поддерживаемую Религией", призывающей всех нас к согласию. "Священные церемонии, музыка, благовония, священники в своих жертвенных одеждах, это возвышение, этот шар, сияющий драгоценными камнями. .. Я вспомнил слова пророка... Мой Бог, моя страна и мои соотечественники - все были едины со мной!"

Подобные эмоции неоднократно вспыхивали в ходе сессии и привели к принятию законов, которые никто не мог себе представить.

"Иногда, -²¹⁰⁸ пишет американский посол, - оратор встает посреди обсуждения, произносит прекрасную речь на другую тему и завершает ее милой небольшой резолюцией, которая принимается на ура. Таким образом, при рассмотрении плана национального банка, предложенного господином Неккером, одному из них пришлось в голову предложить, чтобы

каждый член пожертвовал свои серебряные пряжки, что было немедленно согласовано, и почетный инициатор положил свои на стол, после чего дело продолжилось снова".

Таким образом, перевозбужденные, они утром не знают, что будут делать днем, и оказываются во власти любых неожиданностей. Когда ими овладевают эти приступы энтузиазма, увлечение охватывает все скамьи; благоразумие уступает место, всякая предусмотрительность исчезает, и все возражения пресекаются. В ночь на 4 августа 2109 года "никто не является хозяином самому себе. Собрание представляет собой зрелище пьяной толпы в магазине ценной мебели, ломающей по своему желанию все, что попадется под руку".

"То, что потребовало бы года забот и размышлений, - говорит компетентный иностранец, - было предложено, обсуждено и принято всеобщим одобрением. Отмена феодальных прав, титулов, привилегий провинций - трех статей, которые сами по себе охватывали целую систему юриспруденции и государственного управления, - были приняты вместе с десятью или двенадцатью другими мерами за меньшее время, чем требуется английскому парламенту для первого чтения важного законопроекта".

"Таковы наши французы, - снова говорит Мирабо, - они проводят месяц в спорах о слогах и в одну ночь ниспровергают всю установленную систему монархии!" 2110

Правда в том, что они демонстрируют нервозность женщин, и от одного конца Революции к другому эта возбудимость продолжает возрастать.

Они не только возбуждены, но и уровень возбуждения должен поддерживаться, и, подобно пьянице, который, однажды возбужденный, снова прибегает к крепким напиткам, можно было бы сказать, что они тщательно пытаются изгнать последние остатки спокойствия и здравого смысла из своих мозгов. Они наслаждаются напыщенными фразами, высокопарной риторикой, декламационно-сентиментальными штрихами красноречия: таков стиль почти всех их речей, и у них настолько сильный вкус, что они не удовлетворены речами, произносимыми между собой. Лалли и Неккер произнесли "трогательные и возвышенные" речи в Ратуше, Ассамблея желает, чтобы они были повторены перед ними: 2111 поскольку это сердце Франции, ему подобает отвечать на благородные чувства всех французов. Пусть это сердце продолжает биться, и как можно сильнее, ибо таково его назначение, и день ото дня оно получает свежие импульсы. Почти все заседания начинаются с зачитывания лестных обращений или угрожающих обвинений. Просители часто являются лично и зачитывают свои восторженные излияния, свои властные советы, свои доктрины роспуска. Сегодня это Дантон от имени Парижа, с его бычьим лицом и голосом, который кажется набатом восстания; завтра - победители Бастилии или какой-нибудь другой отряд с музыкальным оркестром, который продолжает играть даже в зале. Собрание — это не деловая конференция, а патриотическая опера, где эклога, мелодрама, а иногда и маскарад смешиваются с радостными возгласами и хлопками в ладоши. 2112- В коллегия адвокатов Собрания приводят крепостного из Юры в возрасте ста двадцати лет, и один из членов кортежа, "М. Бурбон де ла Кроснер, директор патриотической школы, просит разрешения взять на себя заботу о почтенном старике, чтобы ему прислуживали молодые люди всех рангов, и особенно дети тех, чьи отцы погибли при штурме Бастилии." 2113 Велик шум и возбуждение. Сцена, похоже, сделана в подражание Беркену, 2114, с дополнительным усложнением в виде корыстных соображений.

Но мелкие вопросы не рассматриваются пристально, и Собрание, под давлением галерей, опускается до представлений, подобных тем, которые проводятся на ярмарках. Шестьдесят бродяг, которым платят по двенадцать франков за голову, в костюмах испанцев, голландцев, турок, арабов, триполитанцев, персов, индусов, монголов и китайцев под предводительством пруссака Анахарсиса Клутца входят под титулом послов Рода Человеческого, чтобы выступить с речью против тиранов, и их допускают к почестям заседания. В данном случае маскарад - это ход, придуманный для ускорения и вымогательства отмены дворянства.²¹¹⁵ В других случаях в нем мало или вообще нет цели; его смехотворность невыразима, ибо фарс разыгрывается так же серьезно, как при вручении деревенских призов. В течение трех дней детей, принявших свое первое причастие в присутствии конституционного епископа, прогуливали по улицам Парижа; в якобинском клубе они декламировали бессмыслицу, которую запомнили; а на четвертый день, допущенный в коллегию адвокатов Собрания, их представитель, бедняжка двенадцати лет, повторяет тираду, похожую на тираду попугая. Он заканчивает привычной клятвой, на которую все остальные выкрикивают своими пронзительными голосами: "Мы клянемся!" В кульминационный момент президент Трейлхард, трезвый юрист, отвечает маленьким гейменам с совершенной серьезностью в том же духе, используя метафоры, персонификации и все остальное, что входит в арсенал педанта на его платформе:

"Вы заслуживаете доли во славе основателей свободы, поскольку готовы пролить свою кровь за нее".

Оглушительные аплодисменты "левых" и галерей, а также указ, предписывающий печатать речи как президента, так и детей. Дети, вероятно, предпочли бы выйти поиграть; но, вольно или невольно, они получают или терпят почести, связанные с заседанием.²¹¹⁶

Таковы уловки сцены и платформы, с помощью которых здешние менеджеры управляют своими политическими марионетками. Эмоциональная восприимчивость, однажды признанная законной силой, таким образом, становится инструментом интриг и принуждения. Ассамблея, принимавшая театральные представления, когда они были искренними, вынуждена терпеть их, когда они становятся просто притворством и буффонадой. На этом обширном национальном банкете, на котором оно намеревалось председательствовать и на который, широко распахнув двери, пригласило всю Францию, его первое опьянение было вызвано вином благородного качества; но оно чокнулось с народом и постепенно, под давлением своих единомышленников, опустилось до фальсифицированных и обжигающих напитков, до гротескного нездорового опьянения, которое тем более гротескно и нездорово, что оно упорно считает себя разумом.

II.—Неадекватность его информации.

Его состав — Социальное положение и культура большого числа — Их недееспособность. Их самонадеянность — Бесплодные советы компетентных людей.— Дедуктивная политика — Партии —

меньшинство; их ошибки — большинство; их догматизм.

Если бы разум только мог возобновить свое господство в периоды просветления! Но разум должен существовать, прежде чем он сможет управлять, и ни в одном французском собрании, за исключением двух следующих за этим, никогда не было меньше политических интеллектуалов. Строго говоря, при тщательном поиске, несомненно, можно было бы найти во Франции в 1789 году пятьсот или шестьсот опытных людей, таких как интенданты и военные командиры каждой провинции; рядом с ними прелаты, администраторы крупных епархий, члены местных "парламентов", суды которых давали им влияние и которые, помимо судебных функций, обладали частью административной власти; и, наконец, главные члены провинциальных собраний, все они были влиятельными и разумными людьми, которые осуществляли контроль над людьми и делами, одновременно гуманными, либеральными, умеренными и способными понять трудности, а также те, кто был вовлечен в процесс. как необходимость великой реформы; действительно, их переписка, полная фактов, изложенных с точностью и рассудительностью, по сравнению с доктринерским мусором Ассамблеи представляет собой сильнейший из возможных контрастов.—Но большая часть этих светильников остается под спудом; лишь немногие из них попадают в Собрание; они горят, не зажигая света, и вскоре гаснут во время бури". I. Достопочтенного Машо там нет, как и Мальзерб; нет никого из старых министров или маршалов Франции. Там нет ни одного интенданта, кроме Малуэ, и по превосходству этого человека, самого рассудительного в Собрании, можно судить об услугах, которые оказали бы его коллеги. Из двухсот девяноста одного члена духовенства в 2117 году действительно сорок восемь епископов или архиепископов и тридцать пять аббатов или каноников, но, будучи прелатами и обладая большими дарованиями, они вызывают зависть своего ордена и являются генералами без солдат. Такое же зрелище мы наблюдаем и среди дворян. Большинство из них, провинциальное дворянство, были избраны в противовес придворным вельможам. Более того, ни придворные вельможи, преданные мирским занятиям, ни провинциальная знать, замкнутая на частной жизни, практически не знакомы с государственными делами. Небольшая группа среди них, двадцать восемь магистратов и около тридцати высших должностных лиц, которые занимали командные должности или были связаны с администрацией, вероятно, имеют некоторое представление об опасности, грозящей обществу; но именно по этой причине они, по-видимому, отстали от возраста и остаются без влияния. В Третьем сословии из пятисот семидесяти семи членов только десять выполняли какие-либо важные функции: интенданта, государственного советника, генерального распорядителя, лейтенанта полиции, директора монетного двора и других лиц той же категории. Подавляющее большинство состоит из неизвестных юристов и людей, занимающих низшие должности в профессии, нотариусов, королевских поверенных, регистрационных комиссаров, судей и ассессоров; президента, судебных приставов и лейтенантов бейлики, простых практиков, с юности прикованных к узкому кругу низшей юрисдикции или к рутинному писанию, от которого нет спасения, кроме философских экскурсий в воображаемом пространстве под руководством Руссо и Рейналя. В этом классе насчитывается триста семьдесят три человека, к которым можно добавить тридцать восемь фермеров и землепашцев, пятнадцать врачей, а среди фабрикантов, торговцев и капиталистов примерно пятьдесят или шестьдесят равных им по образованию и политическим способностям. Здесь едва ли сто пятьдесят собственников из среднего класса. 2118 К этим четырестам пятидесяти депутатам, чье состояние, образование, выучка и кругозор позволяют

им быть хорошими клерками, видными деятелями коммуны, почтенными отцами семейства или, в лучшем случае, провинциальными академиками, прибавьте двести восемь равных им кюре; это составляет шестьсот пятьдесят из тысячи ста восемнадцати депутатов, образующих положительное большинство, которое, опять же, дополняется примерно пятьюдесятью философствующими аристократами, не считая слабых, которые следуют течению, и амбициозных, которые позиционируют себя на стороне сильных. —Мы можем догадаться, на что способна палата, сформированная таким образом, и те, кто знаком с подобными вещами, предсказывают, что она сделает.²¹¹⁹

"В Национальном собрании есть несколько способных людей, - пишет американский министр, - но лучшие головы среди них не пострадали бы от опыта, и, к сожалению, есть большое количество людей, у которых много воображения, но мало знаний, суждений или рефлексии".

Было бы столь же разумно отобрать тысячу сто знатных людей из внутренней провинции и поручить им ремонт старого фрегата. Они добросовестно разобьют судно, и фрегат, который они построят на его месте, затонет еще до того, как покинет порт.

Если бы они только посоветовались с пилотами и профессиональными судостроителями!— Вокруг них есть несколько таких, кого они не могут заподозрить, ибо большинство из них - иностранцы, родившиеся в свободных странах, беспристрастные, сочувствующие и, более того, единомышленники. Министр Соединенных Штатов пишет за два месяца до созыва Генеральных Штатов:²¹²⁰

"Я, республиканец и, так сказать, справедливый выходец из Собрания, сформировавшего одну из самых республиканских конституций республики, — я непрестанно проповедую уважение к монарху, внимание к правам дворянства и умеренность не только в достижении цели, но и в стремлении к ней".

Джефферсон, демократ и радикал, выражает себя точно так же. Во время принесения присяги на Теннисном корте он удваивает свои усилия, чтобы побудить Лафайета и других патриотов заключить какое—либо соглашение с королем, чтобы обеспечить свободу прессы, вероисповедания, свободу суда присяжных, хабеас корпус и национальное законодательное собрание, — вещи, которые его, безусловно, можно было бы заставить принять, - а затем уйти в частную жизнь и позволить этим институтам воздействовать на положение людей до тех пор, пока они не сделают его способным к дальнейшему прогрессу, с уверенностью, что у них не будет недостатка в возможностях добиться еще большего.

"Это было все, - продолжает он, - что, как я думал, ваши соотечественники способны перенести трезво и с пользой".

Артур Янг, который так добросовестно изучает нравственную жизнь Франции и который так сурово описывает старые злоупотребления, не может понять поведение Палаты общин.

"Отказаться от практики ради теории ... отстаивая интересы великого королевства, обеспечивая свободу 25 000 000 человек, кажется мне верхом неосторожности, квинтэссенцией безумия".

Несомненно, теперь, когда Ассамблея стала всемогущей, следует надеяться, что она будет разумной:

"Я ни на минуту не позволю себе поверить, что представители народа могут настолько забыть о своем долге перед французской нацией, человечеством и своей собственной славой, чтобы терпеть какие—либо чрезмерные и невыполнимые взгляды — любые дальновидные или теоретические системы - ... отказываться от своей безопасности, которая находится в их руках, возлагать на случай общественных волнений и гражданской войны бесценные блага, которые, безусловно, в их власти. Я не могу представить себе, что люди, у которых в руках вечная слава, поставят богатое наследство на жребий и, проиграв это предприятие, будут прокляты среди худших и самых распутных авантюристов, которые когда-либо позорили человечество".

По мере того, как их план становится более определенным, возражения становятся более решительными, и все опытные судьи указывают им на важность колес, которые они умышленно ломают.

Поскольку они [2121](#) до сих пор остро ощущали власть, осуществляемую над ними от имени их князей, любое ограничение этой власти кажется им желательным. Никогда не испытывая на себе зла слишком слабой исполнительной власти, беспорядки, которые можно ожидать от анархии, пока не производят впечатления" — "Они хотят американскую Конституцию, [2122](#) но с королем вместо президента, не задумываясь о том, что у них нет американских граждан, которые поддержали бы эту Конституцию... Если у них хватит здравого смысла предоставить дворянам, как дворянам, некоторую часть национальной власти, эта свободная конституция, вероятно, сохранится, но в противном случае она выродится либо в чистую монархию, либо в обширную республику, либо в демократию. Продлится ли последнее? Я сомневаюсь в этом. Я уверен, что этого не произойдет, если не изменится вся нация".

Немного позже, когда они отказываются от парламентской монархии, чтобы поставить на ее место "королевскую демократию", им сразу же объясняют, что подобный институт, применяемый во Франции, не может породить ничего, кроме анархии, и в конечном итоге закончиться деспотизмом.

"Нигде [2123](#) свобода не доказывала своей стабильности без принесения в жертву своих излишеств, без какого-либо барьера для ее собственного всемогущества ... При этом жалком правительстве... народ, вскоре уставший от бурь и оставленный без юридической защиты своими соблазнителями или угнетателями, разобьет руль или передаст его в руки какой-нибудь дерзкой руки, готовой его захватить".

Из месяца в месяц происходят события во исполнение этих предсказаний, и предсказания становятся все мрачнее и мрачнее. Это стая диких птиц: [2124](#)

"Очень трудно угадать, где поселится стая, когда она летает так дико... Эта несчастная страна, сбита с толку в погоне за метафизическими прихотями, представляет с нашей моральной точки зрения страшную развалину. Ассамблея, одновременно хозяин и раб, новая во власти, дикая в теории, грубая на практике, поглощающая все функции, не имея возможности выполнять ни одну, освободила этот свирепый народ от всяких ограничений религии и уважения... . Такое положение вещей не может продолжаться долго... Великолепная возможность упущена, и, по крайней мере, на этот раз Революция провалилась".

Из ответов Вашингтона мы видим, что он придерживается того же мнения. По другую сторону Ла-Манша Питт, самый способный практик, и Берк, самый способный теоретик политической свободы, высказывают такое же суждение. Питт после 1789 года заявляет, что французы

превзошли свободу. После 1790 года Берк в работе, которая является не только шедевром, но и пророчеством, указывает на военную диктатуру как на завершение революции, "самую полностью произвольную власть, которая когда-либо появлялась на земле". Ничто не имеет никакого эффекта. За исключением небольшой бессильной группы вокруг Малуэ и Мунье, предупреждения Морриса, Джефферсона, Ромилли, Дюмона, Малле дю Пана, Артура Янга, Питта и Берка, все они люди, имеющие опыт работы в свободных институтах, воспринимаются с безразличием или отвергаются с презрением. Наши новые политики не только неспособны, но и считают себя противоположными, и их некомпетентность усугубляется их увлечением.

"Я часто говорил, - пишет Дюмон,²¹²⁵ - что если бы сто человек были случайно остановлены на улицах Лондона и сто - на улицах Парижа и им было сделано предложение возглавить правительство, девяносто девять человек приняли бы это в Париже и девяносто девять отказались бы от этого в Лондоне... Француз считает, что все трудности можно преодолеть, проявив немного сообразительности. Мирабо согласился на должность репортера в Комитете по горным разработкам, не имея ни малейшего представления об этом предмете".

Короче говоря, большинство из них приходят в политику "подобно джентльмену, который, когда его спросили, умеет ли он играть на клавесине, ответил: "Не могу сказать, я никогда не пробовал, но я посмотрю".

"Ассамблея была настолько высокого мнения о себе, особенно ее левая часть, что охотно взялась бы за разработку Свода законов для всех наций... Никогда еще не видели столько людей вместе, воображающих, что все они законодатели и что они здесь для того, чтобы исправить все ошибки прошлого, исправить все ошибки человеческого разума и обеспечить счастье на все грядущие века. Сомнению не было места в их умах, и непогрешимость всегда руководила их противоречивыми решениями". —

Это происходит потому, что у них есть теория и потому, что, согласно их представлению, эта теория делает ненужными специальные знания. В этом они совершенно искренни, и поставленной целью является то, что они меняют все обычные способы процедуры. До этого времени конституцию приводили в порядок или ремонтировали, как корабль. Время от времени проводились эксперименты или бралась модель с судов по соседству; первой целью было заставить корабль плавать; его конструкция была подчинена его работе; он был изготовлен тем или иным способом в соответствии с имеющимися материалами; начало было положено с изучения этих материалов и попытки оценить их жесткость, вес и прочность.— Все это реакционно; наступил век Разума, и Ассамблея слишком просвещена, чтобы тащиться по накатанной колее. В соответствии с модой того времени, он работает путем дедукции, по методу Руссо, в соответствии с абстрактным понятием права, государства и общественного договора.²¹²⁶ Согласно этому процессу, только благодаря политической геометрии у них будет совершенное судно, и поскольку оно совершенное, из этого следует, что оно будет плавать, и это намного лучше, чем любое эмпирическое судно.— Они принимают законы в соответствии с этим принципом, и можно представить характер их дискуссий. Нет ни убедительных фактов, ни весомых аргументов; никто никогда бы не подумал, что выступающие собрались вместе для ведения реального бизнеса. Речь за речью бесконечно обновляются цепочки пустых абстракций, как на собрании студентов-риториков с целью практики или в обществе старых книжных червей для их собственного развлечения. По вопросу о праве вето "каждый оратор по очереди, вооружившись своим портфелем, зачитывает диссертацию, которая не имеет

никакого отношения" к предыдущей, что превращает "своего рода академическую сессию",²¹²⁷ череду брошюр, свежих каждое утро в течение нескольких дней. По вопросу о правах человека в списке значатся пятьдесят четыре оратора.

"Я помню, - говорит Дюмон, - эту долгую дискуссию, длившуюся неделями, как период смертельной скуки, — напрасные споры из-за слов, метафизическую неразбериху и самую скучную болтовню; собрание превратилось в лекционный зал Сорбонны", и все это в то время, как горели замки, разграблялись ратуши, суды не осмеливались больше созывать присяжных, в то время как раздача пшеницы была прекращена, а общество находилось на грани распада. Точно так же богословы Пасхальной Римской империи продолжали свои споры о нетварном свете горы Фавор, в то время как Магомет II разрушал стены Константинополя из своих пушек. — Наши, конечно, люди другого сорта, юные в чувствах, искренние, полные энтузиазма, даже щедрые, и, кроме того, более преданные, трудолюбивые, а в некоторых случаях наделенные редким талантом. Но ни усердие, ни труд, ни талант бесполезны, если они не используются на службе здоровой идее; а если на службе ложной, то чем они больше, тем больше вреда они приносят.

К концу 1789 года в этом не может быть сомнений; и сформированные партии обнаруживают свою самонадеянность, непредусмотрительность, неспособность и упрямство. "Это Собрание, — пишет американский посол,²¹²⁸ - может быть разделено на три партии; -

та, что называется аристократами, состоит из высшего духовенства, судей парламента и тех представителей знати, которые считают, что им следует образовать отдельный орден ". Это партия, которая оказывает сопротивление безрассудствам и ошибкам, но с почти столь же большими безрассудствами и заблуждениями. Вначале "прелаты,²¹²⁹ вместо того, чтобы примирить кюре, держали их на унижительном расстоянии, демонстрируя различия, требуя уважения", и в их собственном зале "рассаживались на отдельные скамьи". Дворяне, с другой стороны, чтобы еще больше оттолкнуть народ, начали с того, что обвинили их в "бунте, предательстве и государственной измене" и потребовали применения против них военной силы. Теперь, когда победоносное Третье сословие снова одолело их и превосходит численностью, они становятся еще более неумелыми и ведут оборону гораздо менее эффективно, чем нападение. "В Собрании, - говорит один из них, - они не слушают, а смеются и громко разговаривают"; они изо всех сил стараются озлобить своих противников и публику своей дерзостью. "Они покидают зал заседаний, когда президент ставит вопрос, и приглашают депутатов своей партии следовать за ними или призывают их не принимать участия в обсуждении: благодаря этому дезертирству клубисты становятся большинством и издают все, что им заблагорассудится". Именно таким образом назначение судей и епископов отнимается у короля и возлагается на народ. И снова, после возвращения из Варенна, когда Собрание обнаруживает, что результат его трудов невыполним, и хочет сделать его менее демократичным, вся правая сторона отказывается участвовать в дебатах и, что еще хуже, голосует вместе с революционерами за исключение членов Учредительного собрания из Законодательного собрания. Таким образом, он не только отказывается от своего собственного дела, но и совершает саморазрушение, и его дезертирство заканчивается самоубийством. -

Остается вторая партия, "средняя партия",²¹³⁰ которая состоит из людей с благими намерениями из всех классов, искренних сторонников хорошего правительства; но, к сожалению, они почерпнули свои идеи о правительстве из книг и достойны восхищения на

бумаге. Но поскольку так случилось, что люди, живущие в мире, сильно отличаются от воображаемых людей, обитающих в головах философов, не стоит удивляться, что системы, взятые из книг, пригодны только для того, чтобы быть опрокинутыми другой книгой. Интеллекты такого типа являются естественной добычей утопистов. Лишенные балласта опыта, они увлекаются чистой логикой и служат пополнению плеяды теоретиков. Последние образуют третью партию, которая называется "энраге" (дикари) и которая по истечении шести месяцев оказывается "самой многочисленной из всех".

"Она состоит, - говорит Моррис, - из того класса, который в Америке известен под названием юристов-обманщиков, вместе с сонмом викариев и многими из тех людей, которые во время всех революций стремятся к переменам, потому что им плохо.²¹³¹ Эта последняя партия находится в тесном союзе с населением и пользуется благодаря этому обстоятельству очень большим авторитетом".

Все сильные страсти на его стороне, не только раздражение людей, измученных нищетой и подозрительностью, не только амбиции и самоуважение буржуа, восстающих против старого режима, но также застарелая горечь и навязчивые идеи стольких страдающих умов и стольких раскольнических интеллектуалов, протестантов, янсенистов, экономистов, философов, людей, которые, подобно Фрето, Рабу-Сент-Этьену, Волне, Сийесу, копят давние обиды или надежды и которые только и ждут возможности навязать свою систему со всей нетерпимостью к догматизму и вере. Для умов такого склада прошлое - мертвая буква; пример не имеет значения; реальности не имеют значения; они живут в своей собственной Утопии. Сийес, самый важный из них, считает, что "вся английская конституция - шарлатанство, предназначенное для навязывания народу";²¹³² он рассматривает англичан "как детей в вопросе конституции" и думает, что он способен дать Франции гораздо лучшую конституцию. Дюмон, который видит первые комитеты в домах Бриссо и Клавьера, уходит с таким же беспокойством, как и "отвращением".

"Невозможно, - говорит он, - изобразить путаницу идей, разгул воображения, пародию на популярные представления. Можно было бы подумать, что они видели перед собой мир на следующий день после Сотворения Мира".

Они, похоже, действительно думают, что человеческого общества не существует и что они призваны его создавать. Точно так же могли бы послы "враждебных племен с различными интересами взяться за то, чтобы устроить свою общую судьбу так, как будто ничего раньше не существовало". Колебаний нет. Они удовлетворены тем, что это легко сделать и что, обладая двумя или тремя аксиомами политической философии, первый попавшийся человек может овладеть ею. Неумеренное самомнение такого рода среди опытных людей показалось бы смешным; в этом собрании новичков это сила. Сбившаяся с пути стая следует за теми, кто, кажется, продвигается вперед; они самые иррациональные, но они самые уверенные в себе, и в Палате представителей, как и в стране, лидерами становятся смельчаки.

III. —Сила простых, общих идей.

Господство революционной партии—Теория в ее пользу— Ограничение, таким образом, налагаемое на умы людей—Апелляция к страстям—Грубая сила на стороне партии—Она извлекает из этого выгоду—Угнетение меньшинства.

Два преимущества дают этой партии преимущество, и эти преимущества настолько важны, что отныне тот, кто ими обладает, уверен в том, что он хозяин.— Во-первых, преобладающая теория на стороне революционеров, и только они, во-вторых, полны решимости тщательно применять ее. Таким образом, эта партия - единственная, которая последовательна и популярна перед лицом непопулярных и непоследовательных противников. Почти все последние, действительно, защитники старого режима или сторонники ограниченной монархии, также проникнуты абстрактными принципами и философскими спекуляциями. Самые непокорные дворяне отстаивали права человека в своих мемориалах. Мунье, главный противник демагогов, был лидером палаты общин, когда они провозгласили себя Национальным собранием.²¹³³ Этого достаточно: они вступили в узкое ущелье, ведущее в пропасть. С самого начала они понятия не имели об этом, но один шаг ведет за собой другой, и, желая или не желая, они идут дальше, или их подталкивают. Когда пропасть становится видна, уже слишком поздно; их загнали туда логические результаты их собственных уступок; они не могут сделать ничего, кроме как стать красноречивыми и возмущенными; покинув свою выгодную позицию, они не видят, где остановиться.— В общих идеях заключена огромная сила, особенно если они просты и вызывают к страстям. Нет ничего проще этих, поскольку они сводятся к аксиоме, которая предполагает права человека и подчиняет им все институты, старые или новые. Ничто лучше не способно разжечь чувства, поскольку доктрина ставит себе на службу человеческое высокомерие и гордыню и во имя справедливости освящает все требования независимости и господства. Подумайте о трех четвертях депутатов, незрелых и предубежденных, не обладающих никакой информацией, кроме нескольких формул современной философии, не имеющих никакой нити, которой они могли бы руководствоваться, кроме чистой логики, предоставленных декламации юристов, диким высказываниям газет, побуждениям самолюбия, сотням тысяч языков, которые со всех сторон, в адвокатуре Собрания, на трибуне, в клубах, на улицах, про себя единодушно повторяют им каждый день одну и ту же лесть:

"Ты суверен и всемогущ. Право принадлежит тебе одному. Король существует только для того, чтобы исполнять твою волю. Каждый орден, каждая корпорация, каждая власть, каждое гражданское или церковное объединение являются незаконными и недействительными в тот момент, когда вы заявляете об этом. Вы можете даже преобразовать религию. Вы - отцы страны. Вы спасли Францию, вы возродите человечество. Весь мир смотрит на вас с восхищением; завершайте свою славную работу — вперед, всегда вперед".

Только высший здравый смысл и укоренившиеся убеждения могли бы устоять против этого потока соблазнов и домогательств; но колеблющиеся и заурядные люди увлекаются им. В нарастающей гармонии аплодисментов они не слышат грохота производимых ими разрушений. В любом случае, они затыкают уши и избегают воплей угнетенных; они отказываются признать,

что их работа могла привести к дурным результатам; они принимают софизмы и неправду, которые оправдывают ее; они позволяют клеветать на убитых, чтобы оправдать убийц; они прислушиваются к Мерлену де Дуэ, который после трех или четырех жакерий, когда грабежи, поджоги и убийства происходят во всех провинциях, только что заявил от имени Комитета по феодализму²¹³⁴, что "закон должен быть принят". представлен народу, справедливость которого может заставить замолчать феодальных эгоистов, которые в течение последних шести месяцев так неприлично протестуют против грабежа; мудрость которого может вернуть чувство долга крестьянину, который на мгновение сбился с пути из-за своего негодования по поводу длительного угнетения ". И когда Рейналь, выживший патриарх философской партии, однажды, как ни странно, берет с собой на трибуну простую истину, они возмущаются его прямоотой как оскорблением и оправдывают ее исключительно на основании его идиотизма. Всемогущий законодатель не может принижать себя; подобно королю, он обречен на самолюбование своим общественным положением. "Среди нас не было тридцати депутатов, - говорит свидетель, - которые думали иначе, чем Рейналь", но "в присутствии друг друга заслуга Революции, перспектива ее благословений были предметом веры, в который нужно было верить"; и, вопреки собственному разуму, вопреки своей совести, умеренные, пойманные в сети собственных действий, присоединяются к революционерам, чтобы завершить Революцию.

Если бы они отказались, они были бы вынуждены; ибо, чтобы получить власть, Ассамблея с самого начала либо терпела уличное насилие, либо поощряла его. Но, принимая повстанцев в свои союзники, она делает их хозяевами, и отныне в Париже, как и в провинции, незаконная и грубая сила становится главной силой государства. "Победа была достигнута благодаря народу; с ним невозможно было быть суровым";²¹³⁵ следовательно, когда нужно было подавить восстания, у Собрания не хватило ни мужества, ни силы. "Они обвиняют ради приличия; они строят свои поступки исходя из целесообразности". и, в свою очередь, справедливо подвергаются давлению, которое они сами санкционировали в отношении других. Только три или четыре раза большинство, когда восстание становится слишком смелым — после убийства булочника Франсуа, мятежа швейцарской гвардии в Нанси и взрыва на Марсовом поле, — чувствует, что им самим угрожает опасность, голосует за введение военного положения и отражает силу силой. Но, в общем, когда деспотизм народа применяется только против роялистского меньшинства, он позволяет угнетать своих противников и не считает себя затронутым насилием, которое обрушивается на партию "правых": они враги и могут быть отданы на растерзание диким зверям. В соответствии с этим "левые" приняли свои меры; их фанатизм не знает угрызений совести; на карту поставлен принцип, абсолютная истина; это должно восторжествовать любой ценой. Кроме того, могут ли быть какие-либо колебания в обращении к народу за помощью в деле самого народа? Небольшое принуждение поможет благому делу, и поэтому осада Ассамблеи постоянно возобновляется. Так уже практиковалось в Версале до 6 октября, в то время как сейчас, в Париже, это практикуется более активно и с меньшей маскировкой.

В начале 1790-го,²¹³⁶ года наемный оркестр состоял из семисот пятидесяти боеспособных людей, в большинстве своем дезертиров или солдат, уволенных из своих полков, которым платили сначала пять франков, а затем сорок су в день. Их дело выдвигать или поддерживать движения в кофейнях и на улицах, смешиваться со зрителями на заседаниях секций, с группами в Пале-Рояле и особенно на галереях Национального собрания, где они должны улюлюкать или аплодировать по заданному сигналу. Их предводитель - шевалье де Сен-Луи, которому они присягают в повиновении и который получает приказы от Комитета якобинцев. Его первым

помощником в Ассамблее является некий месье Сауле, "толстый, маленький, чахлый старик, в прошлом обойщик, затем шарлатан, разносчик четырехпенсовых коробок сала (изготовленного из жира тех, что были повешены - для лечения болезней почек) и всю свою жизнь пьяница который благодаря довольно визгливому голосу, который всегда был хорошо увлажнен, приобрел некоторую репутацию в галереях Ассамблеи". Фактически, он подделал входные билеты, и его выгнали; его вынудили возобновить "употребление мази и один или два месяца путешествовать по провинции с литератором в качестве компаньона". Но по возвращении "по протекции придворного конюха он раздобыл участок земли для кофейни у стены сада Тюильри, почти рядом с Национальным собранием", и теперь именно дома, в его кофейне, за его прилавком, работники галерей "приходят к нему узнать, что они должны сказать, и узнать порядок дня в отношении аплодисментов". Кроме того, он присутствует там сам; "именно он в течение трех лет должен регулировать общественные настроения в вверенных его попечению галереях, и за его полезные и удовлетворительные услуги Учредительное собрание назначит ему вознаграждение", к которому Законодательное собрание добавит "пенсию в шестьсот ливров, не считая жилья в квартире Фейянов".

Мы можем догадаться, как люди такого склада, получившие такое вознаграждение, выполняют свою работу. С верхних этажей галерей²¹³⁷ они заглушают требования "правых" силой своих легких; тот или иной указ, как, например, об отмене дворянских титулов, разносится "не криками, а ужасающим воем".²¹³⁸ При получении известия о разграблении чернью отеля Кастри они аплодируют. Отвечая на вопрос о том, будет ли преобладать католическая вера, "они кричат, что всех аристократов нужно повесить, и тогда все пойдет хорошо". Их бесчинства не только остаются безнаказанными, но и поощряются: тот или иной дворянин, который жалуется на их улюлюканье, призывается к порядку, в то время как их вмешательство и крики, их оскорбления и угрозы с этого времени вводятся в качестве одного из постоянных механизмов законодательной деятельности. За пределами Зала давление еще сильнее.²¹³⁹ Ассамблея вынуждена несколько раз удваивать охрану. 27 сентября 1790 года 40 000 человек окружают здание, добиваясь отставки министров, и под окнами звучат "ходатайства об убийстве". 4 января 1791 года, в то время как по призыву палаты представителей церковные депутаты по очереди проходят к трибуне, чтобы принести присягу гражданскому уставу духовенства или отказаться от нее, в Тюильри поднимается яростный шум и даже проникает в Зал заседаний. - К фонарному столбу вместе со всеми, кто откажется! 27 сентября 1790 года мсье Дюпон, экономист, выступивший против ассигнаций, был окружен при выходе из Зала заседаний, его освистывали, толкали, толкали к бассейну Тюильри, в который его бросили, когда охранник спас его. 21 июня 1790 года г-н де Казалес едва не "был растерзан народом на куски".²¹⁴⁰ Депутатам "правых" снова и снова угрожают жестами на улицах и в кофейнях; их изображения с веревками на шее выставлены публично. Аббат Мори несколько раз был на волосок от повешения: однажды он спасся, предъявив пистолет. В другой раз виконту де Мирабо приходится обнажить шпагу. Господин де Клермон-Тоннер, проголосовавший против присоединения графства к Франции, подвергается нападению со стульями и дубинками в Пале-Рояле, его преследуют до комнаты привратника, а оттуда до его жилища; ревушая толпа ломится в двери, и их с большим трудом оттесняют. Для членов "правых" невозможно собраться вместе; их "забрасывают камнями" в церкви капуцинов, затем во Французском салоне на Королевской улице, а затем, в довершение всего, постановление новых судей закрывает их зал и наказывает их за насилие, которому они вынуждены подвергаться.²¹⁴¹ Короче говоря, они находятся во власти толпы. Самый умеренный, самый либеральный и самый мужественный как

сердцем, так и умом Малуэ заявляет, что "отправляясь в Ассамблею, он редко забывал прихватить с собой пистолеты".²¹⁴² "В течение двух лет, - говорит он, - после бегства короля мы ни на минуту не наслаждались свободой и безопасностью".

"Заходя на бойню, - пишет другой депутат, - вы видите у входа животных, которым осталось жить совсем немного, пока не придет час их разделки. Таково было впечатление, которое собрание дворян, епископов и парламентариев²¹⁴³ с правой стороны производило на меня каждый раз, когда я входил в Собрание, а палачи с левой стороны позволяли им дышать немного дольше".

Их оскорбляют и бесчинствуют даже на их скамьях; "поставленные между опасностью внутри и опасностью снаружи, между враждебностью галерей",²¹⁴⁴ и воплями у входа, "между личными оскорблениями и аббатством Сен-Жермен, между взрывами хохота, прославляющими сожжение их замков, и криками, которые тридцать раз за четверть часа выкрикивают их мнения", они сдаются "десяти тысячам церберов" из газет и улиц, которые преследуют их. они со своими воплями и "прикрывают их своим работником". Для подавления их оппозиции достаточно любого средства, и в конце сессии, в полном составе Собрания, им угрожают "рекомендацией департаментам", что означает возбуждение беспорядков и постоянной жакерии провинций против них в их собственных домах. Парламентская стратегия такого рода, применявшаяся непрерывно в течение двадцати девяти месяцев, в конце концов дает свой результат. Многих слабых можно перехитрить;²¹⁴⁵ даже людьми с твердым характером овладевает страх; тот, кто шел под огнем с гордо поднятой головой, содрогался при мысли о том, что чернь утащит его в канаву; жестокость черни всегда оказывает материальное влияние на тонко натянутые нервы. 12 июля 1791 года, ²¹⁴⁶ созыв палаты представителей, вынесенный в отношении отсутствующих, доказывает, что сто тридцать два депутата больше не появляются на своих местах. За одиннадцать дней до этого, среди тех, кто больше не принимает участия в разбирательстве. Таким образом, до завершения работы над Конституцией вся оппозиция, более четырехсот членов, то есть более трети Собрания, вынуждена бежать или замолчать. С помощью угнетения революционная партия избавилась от всякого сопротивления, в то время как насилие, которое дало ей господство на улицах, теперь дает ей равное влияние в стенах парламента.

IV.—Отказ от поставок министерству

Последствия этой ошибки —Неправильное понимание ситуации—Следственный комитет—Постоянные тревоги—Влияние невежества и страха на работу Учредительного собрания.

Обычно во всемогущем собрании, когда партия берет на себя инициативу и формирует большинство, она обеспечивает Министерство; и этого факта достаточно, чтобы придать или

вернуть ему некоторый проблеск здравого смысла. Ибо его лидеры, взяв правительство в свои руки, становятся ответственными за него, и когда они предлагают или принимают закон, они обязаны предвидеть его действие. Редко военный министр или военно-морской флот принимает военный кодекс, направленный на установление постоянного неповиновения в армии или на флоте. Министр финансов редко предлагает расходы, для покрытия которых не имеется достаточного дохода, или систему налогообложения, которая не приносит прибыли. Находясь там, где можно получить полную информацию, ежедневно информируемые о каждой детали, окруженные умелыми советниками и опытными клерками, лидеры большинства, которые таким образом становятся главами администрации, немедленно переходят от теории к практике; и пары политических спекуляций должны быть довольно плотными в их умах, если они исключают многократно увеличивающиеся лучи света, которые опыт постоянно проливает на них. Пусть самый упрямый из теоретиков встанет у штурвала корабля, и, каким бы упрямством ни были его принципы или его предрассудки, он никогда, если только он не слеп или его не ведут слепые, не будет упорно рулить всегда вправо или всегда влево. Точно так же после бегства в Варенн, когда Ассамблея, полностью овладев исполнительной властью, непосредственно контролирует министерство, она приходит к осознанию того, что ее конституционная машина не будет работать иначе, как путем разрушения; и именно главные революционеры, Барнав, Дюпор, Ламеты, Шапелье и Туре,²¹⁴⁷ которые берутся внести изменения в механизмы, чтобы уменьшить трение. Однако этот источник знаний и разума, к которому они на мгновение вынуждены прибегнуть, вопреки себе и слишком поздно, был отключен ими самими с самого начала. 6 ноября 1789 года, из уважения к принципам и опасаясь коррупции, Ассамблея объявила, что ни один из ее членов не должен занимать министерский пост. В результате мы видим, что она лишена всякого обучения, которое приходит от непосредственного контакта с делами, сдалась без какого-либо противовеса соблазнам теории, низведена по собственному решению до уровня простой академии законодательства.

Нет, что еще хуже, из-за другого следствия той же ошибки оно своими собственными действиями обрекает себя на постоянные приступы паники. Ибо, позволив власти, которую он не желал брать на себя, перейти в равнодушные или подозрительные руки, он всегда испытывает беспокойство, и все его указы несут на себе одинаковую печать не только умышленного невежества, в рамках которого он себя ограничивает, но также преувеличенных или химерических страхов, в которых проходит его жизнь.— Представьте себе корабль, перевозящий компанию юристов, литераторов и других пассажиров, которые при поддержке мятежной и плохо накормленной команды берут на себя полное командование, но отказываются выбрать кого-либо из своих в качестве пилота или вахтенного офицера. Бывший капитан продолжает назначать их; из-за сильного стыда и потому, что он хороший человек, его титул остается за ним, и он остается для передачи приказов. Если эти приказы абсурдны, тем хуже для него; если он сопротивляется им, новый мятеж вынуждает его уступить; и даже когда они не могут быть выполнены, он должен ответить за их выполнение. Тем временем в комнате между палубами, вдали от штурвала и компаса, наш клуб любителей обсуждает равновесие плавающих тел, принимает решение о новой системе навигации, выбрасывает балласт за борт, толпится на всех парусах и с изумлением обнаруживает, что корабль кренится на бок. Вахтенный офицер и лоцман, очевидно, плохо справились с маневром. Соответственно, их увольняют, а на их место ставят других, в то время как корабль кренится еще сильнее и начинает давать течь во всех соединениях. Достаточно: это вина капитана и старого состава офицеров,

они не расположены к добру; ибо такая прекрасная система навигации, как эта, должна работать хорошо; и если она этого не делает, то это потому, что кто-то вмешивается в нее. Совершенно очевидно, что некоторые из этих людей, принадлежащих к бывшему режиму, должны быть предателями, которые предпочли бы, чтобы корабль пошел ко дну, чем покорился; они враги общества и чудовища. Они должны быть схвачены, разоружены, взяты под наблюдение и наказаны. Таковы доводы Ассамблеи. Очевидно, чтобы успокоить его, достаточно было бы письма от министра внутренних дел, выбранного Собранием, лейтенанту полиции, которого он назначил приходить к нему в кабинет каждое утро. Но оно лишено этого простого ресурса своими собственными действиями и не имеет другого выхода, кроме как назначить комиссию по расследованию для раскрытия преступлений, связанных с "государственной изменой против нации".²¹⁴⁸ Что может быть более расплывчатым, чем такой термин? Что может быть более пагубным, чем такое учреждение? Обновляемый каждый месяц, лишенный специальных агентов, состоящий из доверчивых и неопытных депутатов, этот комитет, поставленный выполнять работу Ленуара или Фуше, восполняет свою неспособность насилием, и его действия предвосхищают действия якобинской инквизиции.²¹⁴⁹ Паникующий и подозрительный, он поощряет обвинения и, за неимением заговоров, которые можно раскрыть, изобретает их. Склонности, в его глазах, означают действия, а плавающие проекты становятся совершенным безобразием. На доносе прислуги, подслушивавшей под дверью, на сплетнях прачки, нашедшей клочок бумаги в халате, на ложном толковании письма, на неясных указаниях, которые оно дополняет и подправляет силой своего воображения, оно готовит государственный переворот, проводит допросы, наносит визиты по месту жительства, устраивает ночные сюрпризы и аресты;²¹⁵⁰ оно преувеличивает, очерняет и выступает на публичном заседании, чтобы донести обо всем этом Национальному Собранию. Сначала идет заговор бретонской знати с целью сдачи Бреста англичанам;²¹⁵¹ затем заговор с целью найма разбойников для уничтожения урожая; затем заговор 14 июля с целью поджога Парижа; затем заговор Фавра с целью убийства Лафайета, Неккера и Байи; затем заговор Ожара с целью похищения короля и многие другие, неделя за неделей, не считая тех, которые роятся в мозгах журналистов и которые Демулен, Фрерон и Марат раскрывают под звуки труб в каждом из них. из их публикаций.

"Все эти сигналы тревоги ежедневно раздаются на улицах, как кочаны капусты и репы, и добрые жители Парижа вдыхают их вместе с гнилостными парами нашей грязи".²¹⁵²

..... Итак, в этом аспекте, как и во многих других, Собрание - это народ; удовлетворенное тем, что оно в опасности,²¹⁵³ оно издает законы, пока первые устраивают свои восстания, и защищает себя законодательными актами, как первые защищают себя ударами пики. Не сумев ухватиться за моторную пружину, с помощью которой он мог бы направлять государственную машину, он не доверяет всем старым и всем новым колесам. Старые кажутся ему препятствием, и вместо того, чтобы использовать их, он разрушает их один за другим — парламенты, провинциальные штаты, религиозные ордена, церковь, знать и королевские семьи. Новые подозрительны, и вместо того, чтобы привести их в соответствие, это заранее выводит их из строя — исполнительную власть, административные органы, судебные органы, полицию, жандармерию и армию.²¹⁵⁴ Благодаря этим мерам предосторожности ни один из них не может быть обращен против самого себя; но, также, благодаря этим мерам предосторожности, ни один из них не может выполнять свои функции.²¹⁵⁵

Как в созидании, так и в разрушении у Ассамблеи было два плохих советника: с одной стороны, страх, с другой - теория; и на руинах старой машины, которую она разрушила без разбора, новая машина, которую она построила без прогноза, будет работать только до своего собственного разрушения.

2101 ([возвращение](#))

[Артур Янг, 15 июня 1789 г.—Байи, *passim*,—Moniteur, IV. 522 (2 июня 1790 г.).—Меркюр де Франс (11 февраля 1792 г.).]

2102 ([возвращение](#))

[Moniteur, v. 631 (12 сентября 1790 г.) и 8 сентября (то, что сказал аббат Мори).—Мармонтель, книга XIII. 237.—Малуэ, I. 261.—Байи, I. 227.]

2103 ([возвращение](#))

[Сэр Сэмюэл Ромилли, "Воспоминания", I. 102, 354.—Дюмон, 158. (Официальные правила игры датированы 29 июля 1789 года.)]

2104 ([возвращение](#))

[Ср. Ферьер, I. 3. Его раскаяние трогательно.]

2105 ([возвращение](#))

[Письмо Морриса в Вашингтон, 24 января 1790 г. См. стр. 382, "Дневник французской революции", Гринвуд Пресс, Вестпорт, Коннектикут, 1972.—Дюмон 125—Гарат, письмо Кондорсе.]

2106 ([возвращение](#))

[Артур Янг, I. 46. "Ручная и элегантная, неинтересная и вежливая, смешанная масса передаваемых идей не способна ни оскорбить, ни наставить..... Кажется, что вся сила мысли исключена из выражения..... Там, где много блеска характера, мало аргументации ". — Кабинет министров. Посмотрите гравюры того времени Моро, Приера, Моне, изображающие открытие Генеральных штатов. Все фигуры имеют грациозный, элегантный и благородный вид.]

2107 ([возвращение](#))

[Мармонтель, книга XIII. 237.—Малуэ, I. 261.—Ферьер, I. 19.]

2108 (возвращение)

[Губернатор Моррис, 24 января 1790 г. —Аналогично (Де Ферьер, I.71) указ об отмене дворянства не был в порядке вещей и был принят неожиданно.]

2109 (возвращение)

[Ферьер, I. 189.—Дюмон, 146.]

2110 (возвращение)

[Письмо Мирабо Сийесу, 11 июня 1790 г. "Наша нация обезьян с глотками попугаев". — Дюмон, 146. "Сийес и Мирабо всегда были презрительного мнения об Учредительном собрании".]

2111 (возвращение)

[Moniteur, I, 256, 431 (16 и 31 июля 1789 г.).—Журнал дебатов и декрета, 105, 16 июля "Член требует, чтобы г-н де Лалли изложил свою речь в письменном виде. Вся Ассамблея повторила эту просьбу".]

2112 (возвращение)

[Монитор. (11 марта 1790 года). "Монахиня Сен-Манде, привлеченная к суду палаты представителей, благодарит Ассамблею за постановление, которым открываются монастыри, и осуждает уловки, интриги и даже насилие, применяемые в монастырях с целью воспрепятствовать исполнению постановления". — Там же. 29 марта 1790 года. Посмотрите различные адреса, которые можно прочесть. "В Ланьоне мать семейства собрала своих десяти детей и поклялась вместе с ними и от их имени быть верной нации и королю". — Там же. 5 Июня 1790 г. "Г-н Шамбру читает письмо таможенного инспектора Ланьона, что в Бретани, священнику, члену Национального собрания. Он умоляет свое влияние добиться принятия его гражданской присяги и присяги всей его семьи, готовый взять в руки кадило, тележку, весы, меч или перо". При чтении ряда этих обращений кажется, что Ассамблея является приложением к Petites Affiches (небольшому рекламному журналу в Париже).]

2113 (возвращение)

[Moniteur, 23 октября 1789 г.]

2114 (возвращение)

[Известный автор детских рассказов.- 21тр.]

2115 (возвращение)

[Ферьер, II. 65 (10 июня 1790 г.). —Де Монлозье, I. 402. "Одна из этих марионеток пришла на

следующий день, чтобы забрать свои деньги у графа де Бийанкура, приняв его за герцога де Лианкура. "Сударь, - говорит он, - я тот человек, который вчера играл халдея".]

2116 ([возвращение](#))

[Бюшез и Ру, X. 118 (16 июня 1791 г.).]

2117 ([возврат](#))

[Смотрите распечатанный список депутатов с указанием их должности, качества, состояния и профессии.]

2118 ([возвращение](#))

[Де Буйе, 75. — Когда король впервые увидел список депутатов, он воскликнул: "Что бы сказал народ, если бы я сформировал свой совет или нотаблей таким образом?" (Бюшез и Ру, IV. 39.)]

2119 ([возвращение](#))

[Губернатору Моррису, 31 июля 1789 г.]

2120 ([возвращение](#))

[Гувернер Моррис, 25 февраля 1789 г. —Лафайет, "Воспоминания", Т. 492. Письмо Джефферсона, 14 февраля 1815 г.—Артуру Янгу, 27 и 29 июня 1789 г.]

2121 ([возвращение](#))

[Моррису, 1 июля 1789 г.]

2122 ([возвращение](#))

[Моррису, 4 июля 1789 г.]

2123 ([возвращение](#))

[Малле-дю-Пан, Меркюр, 26 сентября 1789 г.]

2124 ([возвращение](#))

[Губернатору Моррису, 24 января 1790 г.; 22 ноября 1790 г.]

2125 ([возвращение](#))

[Дюмон, 33, 58, 62.]

2126 ([возвращение](#))

[Сэр Сэмюэл. Ромилли, "Воспоминания", I. 102. "Сначала это был их постоянный курс - установить принцип и оставить разработку того, что они таким образом решили (или, как они это называли, la rédaction) на потом. Удивительно, какое большое влияние это оказало на их дебаты и меры".—Там же. I. 354. Письмо Дюмона, 2 июня 1789 г. "Они предпочитают свою собственную глупость всем результатам британского опыта. Они возмущаются идеей заимствования чего-либо у нашего правительства, которое здесь высмеивается как одно из беззаконий человеческого разума; хотя они признают, что у вас есть два или три хороших закона; но то, что вы предполагаете наличие конституции, недопустимо ".]

2127 ([возвращение](#))

[Дюмон, 138, 151.]

2128 ([возвращение](#))

[Моррису, 24 января 1790 г.]

2129 ([возвращение](#))

[Мармонтель, XII. 265.—Ферьер, I. 48 II. 50, 58, 126.—Дюмон, 74.]

2130 ([возвращение](#))

[Губернатору Моррису, 24 января 1790 г. — По словам Ферьера, в эту партию входило около трехсот членов.]

2131 ([возвращение](#))

[Здесь посол Моррис описывает тип человека, который должен составить костяк всех последующих революций, будь то коммунистические или фашистские. (старший)]

2132 ([возвращение](#))

[Дюмон, 33, 58, 62.]

2133 ([return](#))

[De Lavergne, "Les Assemblées Provinciales," 384. Обсуждение штатов Дофини, составленное

Морнье и подписанное двумя сотнями джентльменов (июль 1788 г.). "Права человека проистекают только из природы и не зависят от общепринятых конвенций".]

2134 (возвращение)

[Отчет Мерлена де Дуэ, 8 февраля 1790 г., стр.2.—Малуэ, II, 51.]

2135 (возвращение)

[Дюмон, 133.—Де Монлозье, I, 355, 361.]

2136 (возвращение)

[Бертран де Моллевиль, II. 221 (согласно полицейскому отчету).—Schmidt, "Tableaux de la Révolution," I. 215. (Отчет агента Дютара, 13 мая 1793 г.) —Лакретель, "Дикс и д'Эпрев", стр.35. "Было около полуночи, когда мы вышли под дождем, слякотью и метелью, на пронизывающий холод, к церкви Фейян, чтобы занять места для галерей Собрания, которые мы не должны были занимать до полудня следующего дня. Более того, мы были вынуждены бороться за них с толпой, одушевленной страстями и даже интересами, сильно отличающимися от наших собственных. Вскоре мы поняли, что значительная часть галерей была платной и что сцены жестокости, причинявшие нам боль, доставляли им радость. Я не могу выразить, какой ужас я испытал, услышав, как эти женщины, которых с тех пор называют трикотезками, восторгаются и без того смертоносными доктринами Робеспьера, наслаждаются его резким голосом и не сводят глаз с его уродливого лица, живого воплощения зависти ". (Первые месяцы 1790 г.)]

2137 (возвращение)

[Moniteur, V. 237 (26 июля 1790 г.); V. 594. (8 сентября 1790 г.); V. 631 (12 сентября 1790 г.); VI. 310 (6 октября 1790 г.). (Письмо аббата Перетти.)]

2138 (return)

[De Ferrières, II. 75.—Moniteur, VI. 373 (September 6, 1790).—M. de Virieu. "Те, кто оскорбляет определенных членов парламента и препятствует свободе дебатов улюлюканьем или аплодисментами, должны замолчать. Кто будет нашими судьями - триста зрителей или нация?" Месье Шассе, президент: "Месье сторонник общественного мнения, я призываю вас к порядку. Вы говорите о препятствиях свободному голосованию; в этой Ассамблее никогда не было ничего подобного".]

2139 (возвращение)

[Саузей, I 140. Письмо М. Ломпре, депутата-либерала, М. Сегену, шануан (ближе к концу ноября 1789 г.). "Служба с каждым днем становится все труднее; мы стали объектами народного гнева, и, когда у нас не осталось другого способа избежать бури, кроме как избавиться от дарований

духовенства, мы уступили силе. Это стало насущной необходимостью, и мне было бы жаль, если бы вы все еще были здесь, подвергаясь безобразиям и насилию, которыми мне неоднократно угрожали".]

2140 ([возврат](#))

[Отель Mercure de France, № от 15 января 1791 г.; 2 октября 1790 г.; 14 мая 1791 г. —Buche and Roux, V. 343 (13 апреля 1790 г.); VII. 76 (2 сентября 1790 г.); X. 225 (21 июня 1791 г.).—Де Монлозье, I. 357.—Moniteur, IV, 427.]

2141 ([возвращение](#))

[Архивы полиции, раскрытые Комитетом округа Сен-Рош. Решение Полицейского трибунала от 15 мая 1790 г.]

2142 ([возвращение](#))

[Малуэ, II. 68.—Де Монлозье, II. 217, 257 (Речь М. Лави, 18 сентября 1791 г.).]

2143 ([возвращение](#))

[Т.е. члены старых местных парламентов.]

2144 ([возвращение](#))

[Меркюр, 1 октября 1791 года. (Статья Малле дю Пана.)]

2145 ([возвращение](#))

[Малуэт II. 66. "Только те, кого не запугали ни оскорблениями, ни угрозами, ни настоящими ударами, могли выступить в качестве противников".]

2146 ([возвращение](#))

[Бюшез и Ру, X. 432, 465.]

2147 ([возвращение](#))

[Малуэт, II, 153.]

2148 ([возвращение](#))

[Указы от 23 и 28 июля 1789 г. — "Национальный архив". Документы Следственного комитета,

passim. Среди других дел см. дело мадам де Персан (Moniteur, V. 611, заседание от 9 сентября 1790 г.) и дело Малуэ ("Воспоминания", II. 12).]

2149 (возвращение)

[Бюшез и Ру, IV. 56 (Отчет Гаран де Кулона); V. 49 (Решение Следственного комитета от 28 декабря 1789 г.).]

2150 (возврат)

(Аресты г-на де Риоля, г-на де Бюсси и др., г-жи де Жюмильяк, двух других дам, одной в Бар-ле-Дюке, другой в Нанси и т.д.)

2151 (возвращение)

[Заседание от 28 июля 1789 г., речи Дюпора и Ребелла и др. — Mercure, № от 1 января 1791 г. (статья Малле дю Пэна). Бюшез и Ру, ст. 146l "Посмотрите на пять или шесть последовательных заговоров — заговор мешков с мукой, заговор мешков с деньгами и т.д." (Статья Камиля Демулена.)]

2152 (return)

["Archives de la Préfecture de Police." Выдержка из протоколов заседаний Генерального совета округа Сен-Рош, 10 октября 1789 г.: Постановление: просить всех мужчин коммуны посвятить себя, со всей осмотрительностью, активностью и силой, на которые они способны, раскрытию, разоблачению и обнародованию ужасных заговоров и адского предательства, которые постоянно замышляются против жителей столицы; публично разоблачить авторов, подстрекателей и сторонников указанных заговоров, независимо от их рангабыть; обеспечить безопасность граждан. их личности и обеспечить их наказание со всей строгостью, которой требуют преступления подобного рода. Командир батальона и окружные капитаны ежедневно приходят проконсультироваться с комитетом. "Пока длится тревога, первый этаж каждого дома ночью должен быть освещен лампами: всех жителей района просят быть дома не позднее десяти часов вечера, если только они не на дежурстве... . Всем гражданам предлагается сообщать все, что они могут узнать или обнаружить в связи с отвратительными заговорами, которые тайно совершаются в столице".]

2153 (возвращение)

[Письмо М. де Гильерми от 31 июля 1790 г. ("Акты апологии", Ст. 56). "В течение этих двух ночей (13 и 14 июля 1789 г.), когда мы продолжали заседать, я слышал, как один депутат пытался убедить всех в том, что артиллерийскому корпусу было приказано направить свои орудия против нашего зала; другой - что он был подорван и должен был быть взорван; третий зашел так далеко, что заявил, что почувствовал запах пороха, на что граф де Вирье ответил, что электричество не имеет запаха, пока его не сожгут".]

2154 (возвращение)

[Дюмон, 351. "Каждый конституционный закон был партийным триумфом".]

2155 (возвращение)

[Здесь Тэн указывает, как подрывные партии могут действовать, чтобы ослабить нацию до своего захвата. (СТАРШИЙ)]

ГЛАВА II. РАЗРУШЕНИЕ.

I.—Два главных порока старого режима.

Две основные реформы, предложенные королем и привилегированными классами.—Их достаточно для реальных нужд.— Неосуществимо, если продолжать дальше.

В структуре старого общества было два фундаментальных порока, которые требовали проведения двух реформ соответствующей важности.²²⁰¹

Во-первых, те, кто пользовался привилегиями, перестали оказывать услуги, за которые преимущества, которыми они пользовались, составляли их компенсацию, и их привилегии больше не были ничем иным, как безвозмездной платой, налагаемой на одну часть нации в пользу другой. Отсюда необходимость их подавления.

Во-вторых, правительство, будучи абсолютным, использовало общественные ресурсы так, как если бы они были его собственной частной собственностью, произвольно и расточительно;²²⁰² поэтому было необходимо наложить на него некоторые эффективные и регулярные ограничения.

Сделать всех граждан равными перед налогообложением, передать кошелек налогоплательщиков в руки их представителей - такова была двойная операция, которая была проведена в 1789 году; и привилегированный класс, а также король охотно согласились на это.

В этом отношении не только мемориалы знати и духовенства находились в совершенной гармонии, но и сам монарх; в своей декларации от 23 июня 1789 года он утвердил эти две статьи. Отныне каждый налог или ссуда должны были получать согласие Генеральных штатов; это согласие должно было возобновляться на каждом новом собрании штатов; государственные сметы должны были ежегодно публиковаться, обсуждаться, уточняться, распределяться, голосоваться и проверяться Штатами; не должно было быть произвольных начислений или использования государственных средств; пособия должны были специально назначаться для всех отдельных служб, включая королевский двор. В каждой провинции или генеральном округе должно было быть выборное Провинциальное собрание, наполовину состоящее из духовенства и знати, а другая половина - из представителей третьего сословия, для распределения общих налогов, управления местными делами, постановлений и руководства общественными работами, управления больницами, тюрьмами, работными домами и продолжения своей деятельности в перерывах между сессиями через посредническую комиссию, избираемую ею самой; таким образом, помимо основного контроля центра, на концах должны были находиться тридцать подчиненных контролирующих органов. Больше не должно было быть никаких исключений или различий в налогообложении; дорожный сбор (совее) должен был быть отменен, а также право французского феода,²²⁰³ наложенное на плебеев; права посмертного владения,²²⁰⁴ подлежащие возмещению, и внутренние таможенные пошлины. Предполагалось сокращение должностей капитанов, изменение налога на соль и акцизов, преобразование гражданского правосудия, слишком дорогостоящего для бедных, и уголовного правосудия, слишком сурового для более скромных классов. Здесь мы имеем дело, помимо основной реформы, с уравниванием налогов; это начало и стимул к более совершенной операции, которая должна сбросить последние феодальные оковы. Более того, шесть недель спустя, 4 августа, привилегированные в порыве великодушия по собственной воле выходят вперед, чтобы отрезать или уничтожить их все целиком. Таким образом, эта двойная реформа не встретила препятствий, и, как сообщил своим друзьям Артур Янг, для ее принятия потребовался всего один голос.²²⁰⁵

Этого было достаточно, ибо теперь все реальные потребности были удовлетворены. С одной стороны, благодаря отмене льгот в области налогообложения бремя крестьянина и, в целом, мелкого налогоплательщика уменьшилось наполовину, а может быть, и на две трети; вместо того чтобы платить пятьдесяттрех франков со ста франков чистого дохода, он платил не более двадцати пяти или даже шестнадцати;²²⁰⁶ огромное облегчение, которое в сочетании с предлагаемым пересмотром акцизов и пошлин на соль полностью изменило его положение. Добавьте к этому постепенное погашение церковных и феодальных повинностей: и через двадцать лет крестьянин, уже владеющий пятой частью земли, во всяком случае, без насильственных событий Революции достиг бы той же степени независимости и благосостояния, которой он должен был достичь, пройдя через это. С другой стороны, благодаря ежегодному голосованию по налогам не только были положены конец расточительству и произволу в использовании государственных средств, но и были заложены основы парламентской системы правления: тот, кто распоряжается кошельками, является или становится хозяином всего остального; отныне для содержания или учреждения любой службы было необходимо согласие штатов. Итак, в трех палатах, которые отныне должны были образовать три сословия, было две, в которых преобладали плебеи. Более того, общественное мнение было на их стороне, в то время как король, истинный конституционный монарх, отнюдь не обладавший властной непреклонностью деспота, теперь не обладал инициативой обычного

человека. Таким образом, перевес перешел к коммунам, и они могли легально, без каких-либо столкновений, проводить, множить и завершать, с помощью принца и через него, все полезные реформы.²²⁰⁷— Этого было достаточно; ибо человеческое общество, подобно живому организму, сотрясается в конвульсиях, когда оно подвергается операциям слишком большого масштаба, и это, хотя и ограниченное, было, вероятно, всем, что могла вынести Франция в 1789 году. Справедливая реорганизация заново всей системы прямого и косвенного налогообложения; пересмотр, переделка и перенос таможенных тарифов на границы; подавление посредством переговоров и контрибуций феодальных и церковных притязаний было операцией величайшего масштаба и столь же сложной, сколь и деликатной. Все могло быть удовлетворительно устроено только путем тщательных расспросов, выверенных расчетов, длительных эссе и взаимных уступок. В Англии в наши дни потребовалось четверть века, чтобы провести меньшую реформу, преобразование десятины и поместных прав; и нашим Собраниям также потребовалось время, чтобы усовершенствовать свое политическое образование,²²⁰⁸ разобраться в своих теориях, усвоить, соприкасаясь с практическим бизнесом и изучая детали, расстояние, отделяющее умозрение от практики; обнаружить, что новая система институтов хорошо работает только благодаря новой системе привычек, и что издавать постановления о новой системе привычек равносильно попытке построить старый дом.—Однако такова работа, за которую они берутся. Они отвергают предложения короля, ограниченные реформы, постепенные преобразования. По их словам, это их право и их долг - перестроить общество сверху донизу. Таково повеление чистого разума, который открыл Права Человека и условия Общественного договора.

II—Природа обществ и принцип незыблемости конституций.

Применяйте Общественный договор, если хотите, но применяйте его только к тем, для кого он был составлен. Это были абстрактные существа, не принадлежащие ни к какому периоду, ни к какой стране, совершенные создания, вылупившиеся по мановению волшебной палочки метафизика. На самом деле они возникли, удалив все характеристики, отличающие одного человека от другого,²²⁰⁹ француза от папуаса, современного англичанина от британца времен Цезаря, и сохранив только ту часть, которая является общей для всех.²²¹⁰ Полученная таким образом сущность является чрезвычайно скудной, бесконечно сокращенной частью человеческой природы, то есть, выражаясь современным языком,

"СУЩЕСТВО С ЖЕЛАНИЕМ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ И СПОСОБНОСТЬЮ РАССУЖДАТЬ",

ничего больше и ни о чем другом. По этой схеме было подготовлено несколько миллионов индивидуумов, все совершенно одинаковые, в то время как посредством второго упрощения, столь же экстраординарного, как и первое, предполагается, что все они свободны и все равны, без прошлого, без родства, без ответственности, без традиций, без обычаев, подобно множеству математических единиц, все они делимы и все эквивалентны, а затем

представляется, что, впервые собравшись вместе, они приступают к своей примитивной сделке. Исходя из характера, которым они, как предполагается, обладают, и ситуации, в которой они находятся, нетрудно вывести их интересы, их волю и контракт между ними. Но если этот контракт устраивает их, из этого не следует, что он устраивает других. Напротив, если следует, что это не устраивает других; неудобство становится чрезвычайным, когда оно навязывается живому обществу; мерой этого неудобства будет необъятность расстояния, которое отделяет пустую абстракцию, философский фантом, пустой невещественный образ от реального и целостного человека.

В любом случае мы здесь рассматриваем не образец, настолько уменьшенный и изуродованный, что представляет собой лишь очертания человеческого существа; нет, мы, напротив, рассматриваем французов 1789 года. Только для них создается конституция; следовательно, только с ними следует считаться; они явно люди особого вида, обладающие своим особым темпераментом, своими особыми способностями, своими наклонностями, своей религией, своей историей, все это складывается в ментальную и моральную структуру, наследственную и глубоко укоренившуюся, завещанную им коренным населением, и к которой каждое великое событие, каждая политическая или литературная фаза на протяжении двадцати веков добавляли рост, трансформацию или обычай. Это подобно дереву уникального вида, ствол которого, утолщенный с возрастом, сохраняет в своих годовых кольцах и в своих узлах, ветвях и изгибах отложения, образованные его соком, и отпечаток бесчисленных сезонов, через которые оно прошло. Использование философского определения, столь расплывчатого и банального, по отношению к такому организму - всего лишь ребяческий ярлык, ничему нас не учащий. — И тем более потому, что на этом чрезвычайно сложном фоне проявляются крайние различия и неравенство — по возрасту, образованию, вере, классу и богатству; и их необходимо принимать во внимание, поскольку они способствуют формированию интересов, страстей и склонностей. Если взять только самые важные из них, то ясно, что, согласно среднему показателю продолжительности человеческой жизни, 2211 лет, половину населения составляют дети, и, кроме того, половину взрослого населения составляют женщины. Из каждых двадцати жителей восемнадцать - католики, из которых шестнадцать - верующие, по крайней мере, в силу привычки и традиции. Двадцать пять из двадцати шести миллионов французов не умеют читать, самое большее миллион способен к этому; а в политических вопросах компетентны всего пятьсот или шестьсот человек. Что касается положения каждого класса, его идей, настроений, его типа и степени культуры, то нам пришлось бы посвятить большой том простому описанию их.

Есть еще одна особенность, и самая важная из всех. Эти мужчины, которые так отличаются друг от друга, далеки от того, чтобы быть независимыми или впервые заключить контракт вместе. Они и их предки на протяжении восьмисот лет образуют национальное тело, и именно потому, что они принадлежат к этому телу, они живут, размножаются, трудятся, делают приобретения, становятся просвещенными и цивилизованными и накапливают огромное наследие комфорта и интеллекта, которыми они сейчас пользуются. Каждый член этого сообщества подобен клетке организованного организма; несомненно, тело - это всего лишь скопление клеток, но клетка рождается, существует, развивается и достигает своих индивидуальных целей только при условии здорового состояния всего организма. Его главный интерес, соответственно, заключается в процветании всего организма, а фундаментальным требованием всех маленьких фрагментарных жизней, знают они это или нет, является сохранение великой тотальной жизни, в которую они включены, как музыкальные ноты в концерте. — Для них это не только

необходимость, но и обязанность. Мы все рождаемся с долгом перед нашей страной, и этот долг увеличивается по мере того, как мы взрослеем; именно с помощью нашей страны, под защитой закона, поддерживаемого властями, наши предки и родители дали нам жизнь, имущество и образование. Способности, идеи, установки каждого человека, все его моральное и физическое существо - это продукты, в создание которых сообщество внесло свой вклад, прямо или косвенно, по крайней мере, в качестве наставника и опекуна. В силу этого государство является его кредитором, точно так же, как обездоленный отец является кредитором своего трудоспособного сына; оно может претендовать на питание, услуги и заслуженно требует доли во всех силах или ресурсах, которыми оно располагает. — Это он знает и чувствует, понятие страны глубоко укоренилось в нем, и, когда того потребует случай, оно проявится в пылких эмоциях, подпитывающих постоянные жертвы и героические усилия. — Таковы настоящие французы, и мы сразу видим, насколько они отличаются от простых, неразличимых, обособленных монад, которыми философы настаивают заменить их. Их ассоциацию не нужно создавать, ибо она уже существует; на протяжении восьми столетий у них есть "общее благо" (*la chose publique*). Безопасность и процветание этого общего блага - это одновременно и их интерес, и их потребность, и их долг, и даже их самое сокровенное желание. Если здесь можно говорить о контракте, то их квазиконтракт заключается и улаживается за них заранее. Первая статья, во всяком случае, предусмотрена, и она преобладает над всеми остальными. Нация не должна быть распущена. Соответственно, государственные органы должны существовать, и их необходимо уважать. Если их несколько, то они должны быть настолько определены и сбалансированы, чтобы оказывать взаимную помощь, а не нейтрализовывать друг друга своим противостоянием. Какое бы правительство ни было избрано, оно должно передать дела в руки, наиболее квалифицированные для их ведения. Закон должен существовать не в интересах меньшинства или большинства, а в интересах всего общества. — В отношении этой первой статьи никто не должен отступать от нее, ни меньшинство, ни большинство, ни Ассамблея, избранная народом, ни сама нация, даже если она единогласна. Оно не имеет права произвольно распоряжаться общим благом, подвергать его опасности по своему капризу, подчинять его применению теории или интересам одного класса, даже если этот класс самый многочисленный. Ибо то, что является общим благом, принадлежит не ему, а всему сообществу, прошлому, настоящему и грядущему. Каждое поколение - это просто временный управляющий и ответственный попечитель драгоценного и славного наследия, которое оно получило от предыдущего поколения и которое оно должно передать тому, кто придет после него. В этом постоянном пожертвовании, в которое все французы с первых дней существования Франции приносили свои жертвования, нет никаких сомнений относительно намерений бесчисленных благодетелей; они делали свои жертвования условно, то есть при условии, что жертвование должно оставаться нетронутым и что каждый последующий получатель должен просто выполнять функции распорядителя им. Если кто-либо из бенефициаров из-за самонадеянности или легкомыслия, опрометчивости или односторонности скомпрометирует возложенные на него обязанности, он причинит вред всем своим предшественникам, чьи жертвы он сводит на нет, и всем своим преемникам, чьи надежды он разрушает. Соответственно, прежде чем приступить к разработке конституции, пусть все сообщество будет рассмотрено во всей его полноте, не только в настоящем, но и в будущем, насколько хватает глаз. Интересы общества, рассматриваемые таким дальновидным образом, являются целью, которой все остальное должно быть подчинено и для достижения которой предусмотрена конституция. Конституция, будь то олигархическая, монархическая или аристократическая, - это просто инструмент, хороший, если он достигает

этой цели, и плохой, если он ее не достигает, и который для ее достижения должен, подобно любому виду механизма, изменяться в зависимости от почвы, материалов и обстоятельств. Самое изобретательное является незаконным, если оно распускает государство, в то время как самое неуклюжее является законным, если оно сохраняет государство нетронутым. Нет ничего такого, что вытекало бы из первичного, универсального и абсолютного права. В зависимости от народа, эпохи и уровня цивилизации, в зависимости от внешнего или внутреннего состояния вещей любое гражданское или политическое равенство или неравенство может, в свою очередь, быть или перестать быть полезным или пагубным, и, следовательно, оправдывать законодателя в его устранении или сохранении. Именно в соответствии с этим высшим и благотворным законом, а не в соответствии с воображаемым и невозможным контрактом, он должен организовывать, ограничивать, делегировать и распределять от центра к краям, через наследование или через выборы, через уравнивание или через привилегии, права гражданина и власть сообщества.

III.—Сословия общества.

Политические способности аристократии.—Ее положение в 1789 году.—Особые услуги, которые она могла оказать.—Принцип Собрания относительно первоначального равенства. —Отказ от Верхней палаты.—Феодальные права аристократии.—Насколько и почему они были достойны уважения. —Как они должны были быть преобразованы.—Принцип Собрания относительно первоначальной свободы.—Установленное им различие в феодальных сборах; применение его принципа.—Пробелы в его законодательстве.—Трудности выкупа.—Фактическая отмена всех феодальных залогов.—Отмена титулов и названий территорий.—Растущее предубеждение против аристократии.—Ее преследования.— Эмиграция.

Было ли необходимо начать с проведения зачистки, и было ли целесообразно упразднить или только реформировать различные ордена и корпорации? Два выдающихся сословия, духовенство и знать, расширенные за счет облагороженных плебеев, разбогатевших и приобретших титулованные поместья, образовали привилегированную аристократию бок о бок с правительством, благосклонность которого оно могло получить при условии усердного поиска их с должным признанием, привилегированную в своих собственных владениях и пользующуюся там всеми правами, принадлежащими феодальному вождю, без выполнения его обязанностей. Очевидно, что это злоупотребление было огромным и должно было быть прекращено. Но из этого не следует, что, поскольку положение привилегированного класса в своих владениях и в связи с правительством было открыто для злоупотреблений, они должны быть лишены защиты личности и собственности в своих владениях, а также влияния и занятий при правительстве. Привилегированная аристократия, когда она не занята и не оказывает ни

одной из услуг, которые допускает ее ранг, когда она монополизировала все почести, должности, продвижения по службе, преференции и пенсии, [2212](#) в ущерб другим, не менее нуждающимся и заслуживающим, несомненно, является серьезным злом. Но когда аристократия подчиняется общему праву, когда она занята, особенно когда ее занятие соответствует ее способностям, и более конкретно, когда она доступна для формирования верхней выборной палаты или наследственного звания пэра, это огромная услуга.— В любом случае она не может быть необратимо подавлена; ибо, хотя она может быть отменена законом, она воссоздается фактами. Законодатель обязательно должен выбирать между двумя системами: той, которая оставляет его под паром, или той, которая позволяет ему быть продуктивным, той, которая отдаляет его от государственной службы или той, которая спланирует его вокруг нее. В каждом обществе, просуществовавшем сколько угодно долго, всегда существует ядро семей, чье состояние и значение уходят корнями в глубокую древность. Даже когда, как во Франции в 1789 году, этот класс кажется исключительным, каждые полвека в нем появляются новые семьи; судьи, губернаторы, богатые бизнесмены или банкиры, которые поднялись на вершину социальной лестницы благодаря приобретенному богатству или занимаемым важным должностям; и здесь, в созданной таким образом среде, наиболее естественным образом развивается государственный деятель и мудрый советник народа, независимый и способный политик.— Потому что, с одной стороны, благодаря своему состоянию и своему положению человек такого класса выше всех вульгарных амбиций и соблазнов. Он может служить бесплатно; он не обязан беспокоиться о деньгах или о том, чтобы обеспечить свою семью и проложить себе путь в мире. Политическая миссия не является помехой в его карьере; он не обязан, подобно инженеру, торговцу или врачу, жертвовать ни своим бизнесом, ни своим продвижением по службе, ни своими клиентами. Он может уйти со своего поста без ущерба для себя или тех, кто от него зависит, следовать своим собственным убеждениям, противостоять шумным вредным мнениям дня и быть верным слугой, а не низким льстецом публике. В то время как, следовательно, в низших или средних условиях жизни стимулом является личный интерес, у него главным мотивом является гордость. Итак, среди более глубоких чувств человека нет ни одного, которое более приспособлено для трансформации в честность, патриотизм и совесть; ибо первое требование к высокодуховному человеку - это самоуважение, и, чтобы обрести его, он должен заслужить его. Сравните, с этой точки зрения, джентри и дворянство Англии с "политиками" Соединенных Штатов.— С другой стороны, при равных талантах человек, принадлежащий к этой сфере жизни, имеет возможности лучше разбираться в общественных делах, чем бедняк из низших классов. Информация, которая ему требуется, - это не эрудиция, полученная в библиотеках или в частных кабинетах. Он должен быть знаком с живыми людьми, и, помимо них, с скоплениями людей, и еще больше с человеческими организациями, с государствами, с правительствами, с партиями, с административными системами, дома и за рубежом, в полном действии и на месте. Есть только один способ достичь этой цели, и он заключается в том, чтобы увидеть все самому, своими глазами, сразу в общих чертах и в деталях, общаясь с руководителями отделов, с выдающимися людьми и специалистами, у которых собраны информация и идеи целого класса. Сейчас молодежь не часто бывает в обществе подобного рода ни дома, ни за границей, за исключением тех случаев, когда у нее есть имя, семья, состояние, образование и знание общественных обычаев. Все это необходимо для того, чтобы двадцатилетний молодой человек мог везде находить двери открытыми для себя, чтобы его везде принимали на равных, уметь говорить и писать на трех или четырех живых языках, совершать длительные, дорогостоящие и поучительные поездки в чужие страны, выбирать и варьировать свои должности в различных отраслях государственной службы без оплаты или

почти без таковой и без какой-либо цели, кроме своей политической культуры. Воспитанный таким образом человек, даже с обычными способностями, достоин того, чтобы с ним советовались. Если он обладает выдающимися способностями и для него есть работа, он может стать государственным деятелем до тридцати лет; он может приобрести зрелые способности, стать премьер-министром, единственным лоцманом, способным, подобно Питту, Каннингу или Пил, вести государственный корабль между рифами или в последний момент прикоснуться к штурвалу, который спасет корабль. — Такова служба, к которой приспособлен высший класс. Только такой специализированный конезавод может обеспечить регулярную поставку скакунов, а время от времени и фаворита-победителя, который дистанцирует всех своих конкурентов на европейском поле.

Но для того, чтобы они могли подготовиться и получить образование для этой карьеры, путь должен быть ясным, и их нельзя заставлять идти по слишком отталкивающему пути. Если ранг, унаследованное состояние, личное достоинство и утонченные манеры являются источниками немилости народа; если, чтобы получить их голоса, он вынужден обращаться как с равными посредниками на выборах низкой репутации; если наглое шарлатанство, вульгарная декламация и раболепная лесть являются единственными средствами, с помощью которых можно получить голоса избирателей, тогда, как в настоящее время в Соединенных Штатах, а ранее в Афинах, аристократия уйдет в частную жизнь и вскоре погрузится в состояние праздности. Культурный и утонченный человек, родившийся с доходом в сто тысяч долларов в год, не испытывает искушения стать ни фабрикантом, ни юристом, ни врачом. За неимением другого занятия он слоняется без дела, развлекает своих друзей, болтает, потекает вкусам и увлечениям любителя, скучает или получает удовольствие. В результате одна из величайших сил общества, таким образом, утрачена нацией. Таким образом, лучшее и крупнейшее приобретение прошлого, тяжелейшее накопление материального и морального капитала остаются непроизводительными. При чистой демократии верхние ветви социального дерева, не только старые, но и молодые, остаются бесплодными. Когда сильная ветвь проходит над остальными и достигает вершины, она перестает приносить плоды. Таким образом, национальная элита обречена на постоянные и непоправимые неудачи, потому что она не может найти подходящего выхода для своей деятельности. Он не нуждается в другом выходе, ибо во всех направлениях его соперник, родившийся ниже него, может служить так же полезно, как и он сам. Но этот у нее должен быть, ибо в этом ее способности превосходны, естественны, уникальны, и государство, которое отказывается использовать его, подобно садовнику, который в своей любви к ровной поверхности подавил бы свои лучшие побеги.²²¹³ — Следовательно, в конструкциях, направленных на использование постоянных сил общества и в то же время поддерживающих гражданское равенство, аристократия привлекается к участию в общественных делах длительностью и безвозмездным характером своей миссии, институтом наследственности, применением различных механизмов, все из которых объединены таким образом, чтобы развивать честолюбие, честолюбивый дух, культура и политические способности высшего класса, а также возможность передать власть или контроль над властью в его руки при условии, что он покажет себя достойным ее осуществления. — Теперь, в 1789 году, высший класс не был недостоин этого. Члены парламентов, дворяне, епископы, капиталисты были людьми, среди которых и через которых распространялась философия восемнадцатого века. Никогда аристократия не была более либеральной, более гуманной и более основательно настроенной на полезные реформы;²²¹⁴ многие из них остаются такими и под ножом гильотины. Судьи высших судов, в частности, традиционно и в силу своего института были

противниками чрезмерных расходов и критиками произвольных действий. Что касается провинциальных дворян, "они так устали, - говорит один из них, [2215](#), - от Двора и министров, что большинство из них были демократами". В течение многих лет в провинциальных собраниях весь высший класс, духовенство, дворянство и Третье сословие, представляет многочисленные доказательства своего хорошего расположения, своего приложения к бизнесу, своих способностей и даже щедрости. Его способ изучения, обсуждения и распределения местных налогов указывает на то, что он сделал бы с общим бюджетом, если бы это было доверено ему. Очевидно, что оно защищало бы обычных налогоплательщиков так же ревностно, как и налогоплательщиков провинции, и следило бы за казной Парижа так же пристально, как за казной Буржа или Монтобана.— Таким образом, материалы для хорошей палаты были готовы, и единственное, что нужно было сделать, - это созвать ее. Представив им факты, ее члены без труда перешли бы от опасной теории к здравомыслящей практике, а аристократия, которая с энтузиазмом проводила реформы в своих салонах, по всей вероятности, провела бы их эффективно и умеренно в парламенте.

К сожалению, Ассамблея обеспечивает Конституцию не для современных французов, а для абстрактных существ. Вместо того чтобы видеть классы в обществе, расположенные один над другим, он просто видит отдельных людей в их сопоставлении; его внимание сосредоточено не на преимуществе нации, а на воображаемых правах человека. Поскольку все люди равны, все должны иметь равную долю в правительстве. В государстве не должно быть никаких порядков, никаких явных или скрытых политических привилегий, никаких конституционных осложнений или избирательных комбинаций, с помощью которых аристократия, какой бы либеральной и способной она ни была, могла бы прибрать к рукам любую часть государственной власти. — Напротив, поскольку когда-то она имела привилегию занимать важные и приносящие вознаграждение государственные должности, кандидатура высших классов теперь вызывает подозрение. Все проекты, которые прямо или косвенно резервируют или предоставляют для этого место, отклоняются: сначала Королевская декларация, которая, в соответствии с историческими прецедентами, сохраняла три ордена в трех отдельных палатах и призывала их только к совместному обсуждению "вопросов общей пользы". Затем был представлен план Конституционного комитета, который предложил создать вторую палату, назначаемую пожизненно королем по представлению Провинциальных ассамблей. И, наконец, проект Мунье, который предложил доверить этим же Ассамблеям избрание Сената сроком на шесть лет, возобновляемого на треть каждые два года. Этот Сенат должен был состоять из мужчин в возрасте не менее тридцати пяти лет и с доходом от недвижимого имущества в размере 30 000 ливров в год. Инстинкт равенства слишком силен, и вторая палата нежелательна, даже если она доступна для плебеев. Через нее [2216](#)

"Меньшее число будет контролировать большее;"... "мы должны вернуться к унижительным различиям" древнего режима; "мы должны возродить зародыш аристократии, который должен быть уничтожен"..... "Более того, все, что напоминает или возрождает феодальные институты, плохо, и Верхняя палата - один из ее пережитков"..... "Если у англичан она есть, то это потому, что они были вынуждены пойти на компромисс с предрассудками".

Национальное собрание, суверенное и философствующее, парит над своими ошибками, своими оковами и своим примером. Хранитель истины, он должен не получать уроки от других, а давать их и предлагать на восхищение всего мира первый тип Конституции, которая совершенна и соответствует принципам, наиболее эффективна из всех в предотвращении

формирования правящего класса; в закрытии пути к общественному бизнесу не только для старой знати, но и для аристократии будущего; в продолжении и преувеличении работы абсолютной монархии; в подготовке к сообществу чиновников и администраторов; в снижении уровня человечности; в доведении до лени, жестокости или уничтожения элиты общества. семьи, которые сами себя содержат или воспитывают; и в процессе увядания самого ценного из питомников, того, в котором государство набирает своих государственных деятелей.[2217](#)

Исключенная из правительства, аристократия собирается уйти в частную жизнь. Давайте последуем за ними в их поместья: феодальные права, установленные для варварского государства, безусловно, являются большим недостатком в современном государстве. Если они уместны в эпоху, когда собственность и суверенитет были слиты воедино, когда правительство было местным, когда жизнь была воинственной, они образуют несоответствие в то время, когда суверенитет и собственность разделены, когда правительство централизовано, когда режим является мирным. Рабство, которое в десятом веке было необходимо для восстановления безопасности и сельского хозяйства, в восемнадцатом веке является бесцельным рабством, которое обедняет почву и сковывает крестьян. Но из того, что эти древние требования в наши дни подвержены злоупотреблениям и наносят ущерб, не следует, что они никогда не были полезными и законными, равно как и из того, что их допустимо отменять без возмещения ущерба, напротив, на протяжении многих веков, и, в целом, до тех пор, пока владелец поместья проживал в своих поместьях, этот примитивный договор был выгоден обеим сторонам, и до такой степени, что это привело к появлению современного договора. Благодаря давлению этой тугой повязки разрозненные фрагменты сообщества могут быть снова объединены, и общество снова восстановит свою целостность, силу и активность. В любом случае, то, что этот институт, как и все человеческие институты, возник в результате насилия и был развращен злоупотреблениями, не имеет большого значения; государство в течение восьмисот лет признавало эти феодальные притязания, и, с его собственного согласия и согласия его судов, они передавались по наследству, продавались, закладывались и обменивались, как и любая другая собственность. Теперь в семьях первоначальных владельцев осталось самое большее двести или триста человек. "Большая часть титулованных поместий, - говорит современник,[2218](#), - перешла в собственность капиталистов, купцов и их потомков; феодалы, по большей части, находятся в руках городской буржуазии". Все феодалы, которые в течение двух столетий назад были куплены новыми людьми, теперь представляют собой экономию и труд их покупателей. Более того, кем бы ни были действительные владельцы, старыми или новыми людьми, государство обязано им не только по общему праву — и потому, что с самого начала оно по своей природе является хранителем всей собственности, — но и по особому праву, потому что оно само санкционировало этот особый вид собственности. Вчерашние покупатели платили свои деньги только под его гарантию; его подпись стоит на контракте, и он обязался обеспечить им пользование им. Если это мешает им сделать это, пусть это принесет им компенсацию; в случае невыполнения обещанного им, оно должно возместить им стоимость этого. Таков закон в случаях экспроприации для общественной пользы; например, в 1834 году англичане за законную отмену рабства выплатили своим плантаторам сумму в 20 000 000 фунтов стерлингов. —Но этого недостаточно: когда при подавлении феодальных прав мысли законодателя заняты кредиторами, он выполнил свою задачу только наполовину; в вопросе есть две стороны, и он также должен думать о должниках. Если он не просто любитель абстракций и красивых фраз, если его интересуют люди, а не слова, если он стремится к эффективному предоставлению избирательных прав земледельцу, он не удовлетворится

провозглашением принципа, разрешением выплаты арендной платы, установлением нормы выкупа и, в случае спора, передачей сторон в суд. Он подумает о том, что крестьянам, совместно несущим ответственность за один и тот же долг, будет трудно договориться между собой; что они боятся судебных разбирательств; что, будучи невежественными, они не будут знать, как взяться за это; что, будучи бедными, они не смогут заплатить; и что под тяжестью разногласий, недоверия, бедности и инертности новый закон останется мертвой буквой и только разожжет их алчность или разжжет их негодование. В ожидании этого беспорядка законодатель придет им на помощь; он установит третейские комиссии между ними и владельцем поместья; он заменит полное и немедленное погашение пенсией; он одолжит им капитал, который они не смогут занять где—либо еще; он учредит банк, права и порядок судопроизводства - короче говоря, как в Савойе в 1771 году, в Англии в 1845, [2219](#) годах и в России в 1861 году, он окажет помощь бедным, не разоряя богатых; он установит свободу, не нарушая права собственности; он установит свободу, не нарушая права собственности. примирит интересы и классы; он не допустит жестокого крестьянского восстания (Жакерии) с целью принудительной несправедливой конфискации; и он прекратит социальный конфликт не борьбой, а миром.

Все как раз наоборот: в 1789 году в соответствии с доктриной общественного договора был установлен принцип, согласно которому каждый человек рождается свободным и что его свобода всегда была неотчуждаемой. Если он ранее подчинился рабству или крепостной зависимости, то это произошло из-за того, что ему приставили нож к горлу; контракт такого рода по существу недействителен. Тем хуже для тех, кому это выгодно в настоящее время; они являются владельцами украденной собственности и должны вернуть ее законным владельцам. Пусть никто не возражает, что это имущество было приобретено за наличные и добросовестно; они должны были заранее знать, что человек и его свобода не являются коммерческими вопросами, и что несправедливые приобретения справедливо погибают в их руках. [2220](#) Никому и в голову не приходит, что государство, которое было стороной в этой сделке, является ответственным гарантом. Только одно сомнение затрагивает Ассамблею; ее юристы и Мерлин, ее докладчик, обязаны предоставить доказательства; они знают, что в текущей практике и благодаря бесчисленным древним и современным титулам дворянин во многих случаях является не чем иным, как обычным арендодателем, и что если в этих случаях он собирает свои взносы, то это просто в качестве частного лица, на основании взаимного договора, потому что он предоставил бессрочную аренду определенной части своей земли; и он предоставил ее только в качестве ежегодной выплаты деньгами, продукцией или услугами вместе с другим арендатором. условное требование, которое фермер оплачивает в случае передачи договора аренды. Эти два обязательства не могли быть отменены без возмещения ущерба; если бы это было сделано, более половины собственников во Франции были бы лишены собственности в пользу фермеров. Отсюда различие, которое Собрание проводит в феодальных сборах. — С одной стороны, оно отменяет без возмещения все те сборы, которые дворянин получает в силу того, что он местный суверен, древний собственник людей и узурпатор общественной власти; все те, которые арендатор платил как крепостной, с правами наследования и как бывший вассал или зависимый. С другой стороны, он сохраняет и объявляет подлежащими выкупу по определенной ставке все те, которые дворянин получает через свой титул землевладельца и простого арендодателя; все те, которые арендатор выплачивает в силу того, что он является свободной договаривающейся стороной, бывшим покупателем, арендатором, фермером или получателем в дар земельной собственности.—Этим разделением оно воображает, что уважает

законную собственность, отвергая незаконную собственность, и что в феодальной системе обязательств оно отделило зерна от плевел.[2221](#)

Но из-за принципа, составления и упущений своего закона она обрекает и то, и другое на общую гибель; огонь, в который она бросила плевелы, неизбежно сжигает зерна.— И то, и другое на самом деле связано в один сноп. Если некогда благородный человек подчинял людей мечу, то именно с помощью меча он некогда приобрел владение землей. Если подчинение людей недействительно из-за первоначального пятна насилия, узурпация земли недействительна по той же причине. И если санкция и гарантии государства не могли оправдать первый акт разбоя, они не могли оправдать и второй; и, поскольку права, вытекающие из несправедливого суверенитета, отменяются без возмещения ущерба, права, вытекающие из несправедливого владения, также должны быть отменены без компенсации. - Ассамблея с поразительной неосторожностью заявила в преамбуле к своему закону, что "она полностью отменила феодальную систему", и, какими бы ни были ее скрытые оговорки, постановление было принято. Сорок тысяч суверенных муниципалитетов, которым зачитывается текст декрета, обращают внимание только на первую статью, и деревенский прокурор, проникнутый правами человека, легко доказывает этим собраниям должников, что они ничего не должны своим кредиторам. Не должно быть никаких исключений или различий: больше никакой годовой арендной платы, платы за поле, сборов с продукции, ни условной арендной платы, ни господских взносов и штрафов, ни пятых.[2222](#) Если Ассамблея сохранила их, то это из-за непонимания, робости, непоследовательности, и со всех сторон, в сельских округах, слышен ропот разочарованной жадности или неудовлетворенных потребностей:[2223](#)

"Вы думали, что уничтожаете феодализм, в то время как ваши законы о выкупе сделали прямо противоположное Разве вы не осознаете, что тот, кого называли сеньором, был просто безнаказанным узурпатором? ... Этот отвратительный декрет 1790 года разоряет арендаторов. Он поверг деревни в состояние ужаса. Аристократы извлекают из этого все выгоды . . . Никогда не будет возможно искупление. Погашение нереальных требований! Погашение отвратительных взносов!"

Тщетно Ассамблея настаивает, уточняет и объясняет на примерах и подробных инструкциях порядок действий и условия погашения. Ни процедура, ни ее условия практически невыполнимы. В нем не было никаких положений, облегчающих достижение соглашения сторонами и удовлетворение феодальных залогов, никаких специальных арбитров, ни банка для получения ссуд, ни системы аннуитетов. И что еще хуже, вместо того, чтобы расчистить дорогу, он перекрыл ее законными мерами. Арендатор не должен погашать свою годовую арендную плату без одновременного увеличения суммы условной арендной платы: ему не разрешается самостоятельно погашать свою квоту, поскольку он связан обязательствами солидарности с другими партнерами. Если его клад невелик, тем хуже для него. Поскольку он не в состоянии выкупить все, ему не разрешается выкупать часть. Не имея денег, с помощью которых он мог бы освободиться как от земельной ренты, так и от господских взносов, он не может освободиться от земельной ренты. Не имея денег, чтобы полностью погасить долг тех, кто связан вместе с ним, он остается пленником своих древних цепей в силу нового закона, который объявляет ему о его свободе.

Перед лицом этих неожиданных препятствий крестьянин приходит в ярость: его неизменная идея с самого начала Революции состоит в том, что он больше никому ничего не должен, и

среди речей, декретов, прокламаций и инструкций, которые доходят до его ушей, он понимает только одну фразу и полон решимости не понимать никакой другой, а именно, что отныне с него снимаются обязательства. Он не уклоняется от этого, и поскольку закон препятствует, вместо того чтобы помогать ему, он будет нарушать закон. Фактически, после 4 августа 1789 года феодальные пошлыны перестают взиматься. Требования, которые поддерживаются, исполняются не больше, чем те, которые подавляются. Целые общины приходят и уведомляют владельца поместья, что они больше не будут платить арендную плату. Другие с мечом в руке заставляют его оправдать их. Другие, опять же, чтобы быть в большей безопасности, взламывают его сейф и бросают документы о праве собственности в огонь.²²²⁴ Общественные силы нигде не достаточно сильны, чтобы защитить его законные права. Офицеры не смеют вручать судебные приказы, суды не смеют выносить решения, административные органы не смеют выносить постановления в его пользу. Он ограблен из-за попустительства, пренебрежения или бессилия всех властей, которые должны были бы его защищать. Он отдан крестьянам, которые вырубili его леса под предлогом того, что они раньше принадлежали коммуне; которые заведуют его мельницей, его винным прессом и его печью под предлогом того, что территориальные привилегии подавлены.²²²⁵ Большинство провинциальных дворян разорены, у них нет никаких средств к существованию, и у них нет даже хлеба насущного; их доход состоял из сеньориальных прав и ренты, получаемой от их недвижимого имущества, которое они сдавали в бессрочную аренду, и теперь, в соответствии с законом, половина этого дохода должна быть выплачена им. перестает выплачиваться, в то время как другая половина перестает выплачиваться вопреки закону. Таким образом, сто двадцать три миллиона дохода, что составляет две с половиной тысячи миллионов капитала в денежном эквиваленте того времени, по крайней мере вдвое превышающем нынешний, переходят в качестве дара или при попустительстве Национального собрания из рук кредиторов в руки их должников. К этому должна быть добавлена равная сумма дохода и капитала, получаемых от десятины, которая отменяется без компенсации и тем же способом.— Это начало великой революционной операции, то есть всеобщего банкротства, которое прямо или косвенно должно разрушить все контракты и уничтожить все долги Франции. Посягательства на собственность, особенно частную, не могут совершаться безнаказанно. Собрание желало отсечь только феодальную ветвь; но, признавая, что государство может аннулировать без компенсации обязательства, которые оно гарантировало, оно приставило топор к корню дерева, и другие, более грубые руки уже вонзают его по самую рукоятку.

Теперь дворянину не остается ничего, кроме его титула, названия территории и герба, которые являются невинными отличиями, поскольку они больше не дают ему никакой юрисдикции или превосходства, и которые, поскольку закон перестает его защищать, первый встречный может безнаказанно позаимствовать. Более того, они не только не причиняют вреда, но даже достойны уважения. У многих дворян титул поместья покрывает фамилию семьи, причем используется только первая. Если бы одно было заменено другим, публике было бы трудно узнать г-на де Мирабо, Лафайета и г-на де Мутморанси под новыми именами Рикетти, г-на Моттье и г-на Бушара. Кроме того, это было бы неправильно по отношению к его носителю, для которого упраздненный титул является законным владением, часто драгоценным, это свидетельство качества и происхождения, подлинное личное отличие, которого он не может быть лишен, не потеряв своего положения, ранга и ценности в окружающем его человеческом мире.— Однако Собрание, когда на карту поставлен народный принцип, не обращает внимания ни на общественную пользу, ни на права отдельных лиц. Поскольку феодальная система

упразднена, необходимо избавиться от всего, что от нее осталось. Принимается декрет о том, что "наследственное дворянство оскорбительно для разума и истинной свободы"; что там, где оно существует, "нет политического равенства".²²²⁶ Каждому гражданину Франции запрещается присваивать или сохранять титулы принца, герцога, графа, маркиза, шевалье и тому подобное, а также носить любое другое, кроме "истинного имени своей семьи"; ему запрещается заставлять своих слуг носить ливреи и иметь гербы на своем доме или экипаже. В случае любого нарушения этого закона на него налагается штраф, равный шестикратной сумме его личных налогов; он должен быть вычеркнут из реестра граждан и объявлен недееспособным занимать какие-либо гражданские или военные должности. Такое же наказание наступает, если к какому—либо контракту или оправдательному приговору он ставит свою обычную подпись; если; по привычке или по неосторожности он добавляет титул своего поместья к своей фамилии - если; с целью признания и установления своей личности он просто упоминает, что когда-то носил прежнюю фамилию. Любой нотариус или государственное должностное лицо, которое напишет или позволит написать в каком-либо документе слово *ci-devant* (ранее), должно быть отстранено от своих функций. Таким образом, не только отменяются старые имена, но и предпринимаются усилия, чтобы стереть все воспоминания о них. Через некоторое время детский закон станет убийственным. Пройдет совсем немного времени, и, согласно условиям этого же указа, военный ветеран семидесяти семи лет, верный слуга Республики и бригадный генерал Конвента, будет арестован по возвращении в свою родную деревню, потому что он механически подписал реестр революционного комитета как Монперре вместо Ванно, и за это нарушение он будет гильотинирован вместе со своим братом и невесткой.²²²⁷

Оказавшись на этом пути, остановиться невозможно; ибо провозглашенные принципы выходят за рамки принятых декретов, а плохой закон влечет за собой еще худший. Учредительное собрание^{2228 года} предположило, что ежегодные взносы, подобные земельной ренте, и условные взносы, подобные феодальным повинностям (*lod et rentes*), были ценой древней концессии на землю, и, следовательно, доказательство обратного должно быть возложено на арендатора. Законодательное собрание собирается предположить, что та же самая арендная плата является результатом старой феодальной узурпации и что, следовательно, доказательство обратного должно быть предоставлено собственнику. Его права не могут быть установлены ни владением с незапамятных времен, ни бесчисленными и регулярными оправдательными приговорами; он должен предъявить акт о лишении права собственности, которому много веков, договор аренды, который, возможно, никогда не был выписан, первоначальный титул, уже встречавшийся в 1720,²²²⁹ годах и с тех пор украденный или сожженный в недавних жакериях: в противном случае он будет ограблен без возмещения ущерба. Этот закон отменяет все феодальные притязания без исключения и без компенсации.

Аналогичным образом Учредительное собрание, отменив обычное право в отношении наследования *ab intestato*, лишило всех старших сыновей и лиц мужского пола каких-либо преимуществ.²²³⁰ Конвенция, ограничивая свободу завещания, запрещает отцу распоряжаться более чем одной десятой своего имущества; и снова, возвращаясь к прошлому, она придает своим постановлениям ретроспективный характер: каждое завещание, открытое после 14 июля 1789 года, объявляется недействительным, если оно не соответствует этому указу; каждое наследование с 14 июня 1789 года, которое является переданным после той же даты, повторно делится, если разделение не было равным; каждое пожертвование, сделанное между наследниками после той же даты, является недействительным. Таким образом, феодальная семья не только разрушается, но и никогда не должна быть реформирована.

Аристократия, однажды объявленная ядовитым растением, недостаточно уничтожить ее, но она должна быть искоренена, не только выкопана с корнем, но и раздавлены ее семена.— Против него возбуждается пагубное предубеждение, которое растет день ото дня. Уколы самомнения, разочарования честолюбия и завистливые чувства подготовили путь. Его твердое, сухое ядро состоит из абстрактной идеи равенства. Повсюду революционный пыл вызывает прилив крови, ожесточает характеры, обостряет чувствительность и создает болезненный нарыв, который ежедневное раздражение делает еще более болезненным. Из-за постоянных размышлений о чисто умозрительных предпочтениях эта идея стала навязчивой и становится убийственной. Это странная страсть, целиком принадлежащая мозгу, питаемая высокопарными фразами, но более разрушительная, потому что фантомы создаются из слов, а против фантомов не могут возобладать ни рассуждения, ни реальные факты. Тот или иной лавочник, который до этого времени всегда составлял свое представление о дворянах на основе своих впечатлений о членах парламента своего города или о дворянстве своего кантона, теперь представляет их себе в соответствии с декламациями клуба и инвективами газет. Воображаемая фигура в его сознании постепенно поглотила живую фигуру: он больше не видит спокойного и привлекательного лица, а ухмыляющуюся и искаженную маску. Доброта или безразличие сменяются враждебностью и недоверием; они - свергнутые тираны, древние злодеи и враги общества; он заранее и без дальнейшего расследования убежден, что они замышляют заговор. Если они избегают быть пойманными, то это благодаря их ловкости и вероломству, и они тем опаснее, чем безобиднее кажутся. Их подчиненная миссия - всего лишь уловка, их смиренное лицемерие, их благосклонное расположение - предательство. Против этих заговорщиков, которых нельзя трогать, закон неадекватен; давайте применим его на практике, и поскольку они морщатся от равенства, давайте попытаемся заставить их согнуться под ярмом.

Фактически, незаконное преследование предшествует законному преследованию; привилегированное лицо, которое, согласно поздним указам, кажется просто подпадающим под действие общего права, на самом деле вытеснено за его пределы. Король, обезоруженный, больше не в состоянии защищать его; частичное Собрание отклоняет его жалобы; следственный комитет считает его виновником, когда его просто притесняют. Его доход, его собственность, его покой, его свобода, его дом, его жизнь, жизнь его жены и его детей находятся в руках администрации, избранной толпой, управляемой клубами, которой толпа угрожает или нарушает ее права. Он отстранен от участия в выборах. Газеты разоблачают его. Его навещают по месту жительства. В сотнях мест его замок разграблен; убийцы и поджигатели, которые покидают его с полными руками и обагренные кровью, не преследуются по закону или защищены амнистией: [2231](#) бесчисленными прецедентами установлено, что он может быть расправлен безнаказанно. Чтобы помешать ему защищаться, приходят роты Национальной гвардии и хватают его за оружие: он должен стать добычей, причем легкой добычей, как дичь, загнанная в загон для приближающейся охоты.— Напрасно он воздерживается от провокаций и низводит себя до положения частного лица. Напрасно он терпеливо переносит многочисленные провокации и сопротивляется только крайнему насилию. Я прочитал много сотен исследований в оригинальных рукописях, и почти всегда меня восхищала человечность дворян, их терпимость, их ужас перед кровопролитием. Многие из них не только мужественны и все люди чести, но и, воспитанные на философии восемнадцатого века, они мягки, чувствительны, и акты насилия вызывают у них отвращение. Военные офицеры особенно образцовы, их главным недостатком является их слабость: вместо того, чтобы стрелять в толпу, они сдают форты, находящиеся под их командованием, и позволяют людям оскорблять себя и

забрасывать камнями. В течение двух лет, [2232](#) "подвергаясь тысяче оскорблений, клевете, ежедневным опасностям, преследуемые дубинками и введенными в заблуждение солдатами", не подчиняясь, подвергаясь угрозам, арестовываемые своими же людьми, они остаются на своем посту, чтобы предотвратить распад рядов; "со стоическим упорством они мирятся с презрением к своей власти, чтобы сохранить ее видимость, их мужество того редчайшего рода, которое заключается в том, чтобы оставаться на посту службы, бесстрастно перенося как оскорбления, так и удары.—Из-за несправедливости величайшего масштаба целый класс, который не пользуется благосклонностью Двора и который пострадал от такого же количества оскорблений, как любой из обычных плебеев, смешан с титулованными паразитами, осаждающими вестибюли Версаля. Двадцать пять тысяч семей, "питомник армии и флота", элита сельскохозяйственных собственников, а также множество джентльменов, которые присматривают за маленькими поместьями, в которых они живут, и которые "ни разу в жизни не покидали своих домов", становятся париями в своем кантоне. [2233](#) После 1789 года они начинают чувствовать, что их положение больше не является устойчивым. [2234](#)

"Это абсолютно противоречит правам человека, - говорится в другом письме из Франш-Конте, - находиться в постоянном страхе, что тебе перережут горло негодяи, которые ежедневно путают свободу с вседозволенностью".

"Я никогда не знал ничего более утомительного, - говорится в другом письме из Шампани, - чем беспокойство о собственности и безопасности. Лучшей причины для этого не было. Достаточно мгновения, чтобы выпустить на свободу несговорчивое население, которое думает, что оно может делать все, что ему заблагорассудится, и которое тщательно поддерживается в этом заблуждении".

"После тех жертв, на которые мы пошли, - говорится в письме из Бургундии, - мы не могли ожидать такого обращения. Я думал, что наша собственность будет нарушена в последнюю очередь, потому что люди задолжали нам некоторую компенсацию за то, что мы остались дома в стране, чтобы тратить среди них те немногие ресурсы, которые у нас остались . , , (Сейчас) я прошу Ассамблею отменить указ об эмиграции; в противном случае можно сказать, что людей намеренно держат здесь, чтобы их убивали . , , В случае, если оно откажется воздать нам должное, я был бы столь же готов, чтобы оно издало акт о запрете против нас, ибо тогда мы не были бы убаюканы защитой законов, которые, несомненно, очень мудры. , но которые нигде не соблюдаются".

"Дело не в наших привилегиях, - говорят некоторые другие, - мы сожалеем не о нашем благородстве; но как можно поддержать преследование, которому мы подвергаемся? Нет безопасности ни для нас, ни для нашей собственности, ни для наших семей. Негодяи, которые являются нашими должниками, мелкие фермеры, которые лишают нас доходов, ежедневно угрожают нам факелом и фонарным столбом. У нас нет ни одного часа отдыха; нет ни одной ночи, которую мы наверняка пережили бы без неприятностей. Наши личности подвергаются самым гнусным надругательствам, наши жилища - инквизиции вооруженных тиранов; у нас безнаказанно отнимают арендную плату, а на нашу собственность открыто нападают. Мы, будучи сейчас единственными людьми, которые платят налоги, несправедливо облагаемся налогами; в разных местах всех наших доходов не хватило бы, чтобы оплатить квоту, которая нас подавляет. Мы не можем подать жалобу, не подвергаясь риску быть убитыми. Суды и административные органы, орудия толпы, ежедневно приносят нас в жертву ее нападкам. Даже

правительство, кажется, боится скомпрометировать себя, требуя защиты законов от нашего имени. Достаточно, чтобы на тебя указали как на аристократа, чтобы не иметь никакой безопасности. Если наши крестьяне в целом проявили больше честности, внимания и привязанности к нам, то каждый важный буржуа, дикие члены клубов, самые подлые люди, пачкающие форму, считают для себя привилегией оскорблять нас, и эти негодяи остаются безнаказанными и находятся под защитой! Даже наша религия не свободна. У одного из нас разграбили дом за то, что он оказал гостеприимство восьмидесятилетнему кюре из своего прихода, который отказался принести присягу. Такова наша судьба. Мы не настолько низки, чтобы терпеть это. Наше право сопротивляться угнетению вытекает не из декрета Национальной ассамблеи, а из естественного закона. Мы собираемся уйти и умереть, если потребуется. Но жить при такой отвратительной анархии! Если ее не ликвидировать, нога человека больше никогда не ступит во Францию!"

Операция прошла успешно. Ассамблея своими декретами и институтами, законами, которые она принимает, и насилием, которое она терпит, вырвала аристократию с корнем и изгнала ее из страны. Дворяне, ныне превратившиеся в привилегированных, не могут оставаться в стране, где, уважая закон, они на самом деле находятся за его пределами. Те, кто впервые эмигрировал 15 июля 1789 года вместе с принцем де Конде, получили в своих домах вечером накануне отъезда список запрещенных лиц, в котором фигурировали их имена, и была обещана награда тому, кто доставит их головы в подвал Пале-Рояля — другие, в большем количестве, уехали после событий 6 октября.—В последние месяцы работы Учредительного собрания,[2235](#)

"эмиграция продолжается компаниями, состоящими из людей любого положения. ... Тысяча двести дворян оставили Пуату в покое; Овернь, Лимузен и десять других провинций в равной степени лишились своих землевладельцев. Есть города, в которых не осталось никого, кроме простых рабочих, клуба и толпы жадных чиновников, созданной Конституцией. Вся знать Бретани уехала, эмиграция началась в Нормандии и продолжается в приграничных провинциях.

"Более двух третей армии останутся без офицеров". После того, как их призвали принять новую присягу, в которой намеренно опущено имя короля, "шесть тысяч офицеров подали в отставку".

Пример постепенно становится заразительным; они - люди меча, и на карту поставлена их честь. Многие из них присоединяются к принцам в Кобленце и впоследствии сражаются против Франции, полагая, что сражаются только против своих палачей.

Обращение Ассамблеи с дворянами такое же, как обращение Людовика XIV с протестантами.[2236](#) В обоих случаях угнетенные являются высшим классом людей. В обоих случаях Франция стала для них непригодной для жизни. В обоих случаях они низведены до положения изгнанников, и они наказаны за то, что сами изгнали себя. В обоих случаях это закончилось конфискацией их имущества и смертной казнью для всех, кто должен был их укрывать. В обоих случаях преследование подталкивает их к восстанию. Восстание Вандеи соответствует восстанию Севенн; и эмигранты, подобно беженцам прежних времен, будут находиться под флагами Пруссии и Англии. Сто тысяч французов были изгнаны в конце семнадцатого века и сто тысяч - в конце восемнадцатого века! Отметьте, как нетерпимая демократия завершает работу нетерпимой монархии. Моральная аристократия была уничтожена во имя единообразия; социальная аристократия уничтожена во имя равенства. Во второй раз абсолютный принцип с тем же эффектом вонзает свой клинок в сердце живого общества.

Успех полный. Один из депутатов Законодательного собрания в начале его сессии, узнав о значительном увеличении эмиграции, радостно восклицает:

"ТЕМ ЛУЧШЕ; ФРАНЦИЯ ОЧИЩАЕТСЯ!"

По правде говоря, у нее истощилась половина ее лучшей крови.

IV. Злоупотребления и тепловатость в 1789 году в церковных органах.

Как государство использовало свое право надзора и реформирования корпораций. — Социальная полезность корпораций. — Здоровая роль в монашеском учреждении. — Усердие и услуги монахинь. — Как следует использовать церковное имущество. — Принцип Собрания в отношении частных общин, феодальных прав и целевых фондов. — Упразднение и экспроприация всех корпораций. — Безвозмездное изъятие десятины. — Конфискация церковного имущества. — Влияние на казну и экспроприированные услуги. — Гражданское устройство духовенства. — Права Церкви по отношению к государству. — Определенность и последствия конфликта. — Священники считаются государственными служащими. — Основные положения закона. — Обязательства присяги. — Большинство священников отказываются принять это. — Большинство верующих на их стороне. — Преследование верующих и священников.

Оставались корпоративные, церковные и мирские организации, и, что особенно важно, старейшее, самое богатое и самое значительное из всего обычного и светского духовенства. — Грубые нарушения существовал здесь, по, учреждения, основанная на древних требования, не размещены на новые потребности. ²²³⁷ было слишком много епископские кафедры, и они были организованы в соответствии с христианской распределение населения в четвертом веке, а компания еще плохо распределяется — епископов и abbés со ста тысячами ливров в год, ведя жизнь любезный бездельников, в то время как curés, перегружены работой, но семь сотен; в один монастырь девятнадцать монахов, а не восемьдесят, а еще через четыре вместо пятидесяти; ²²³⁸ число монастырей сократилось до трех или двух человек, и еще к одному; почти во всех общинах мужчин идет к распаду, и многие из них умирают из-за отсутствия новичков; ²²³⁹ общего теплота среди членов Великой расхлябанности во многих учреждениях, и со скандалами в некоторых из них; едва ли одна треть проявлять интерес к своему призванию, а остальные две трети хотят вернуться назад в мир, ²²⁴⁰ — видно, от всего этого, что примитивные вдохновения был переадресован или охлаждения; что даром лишь частично выполняет свои концы; что половина его ресурсы заняты в ту сторону или остаются стерильными; короче говоря, что назрела необходимость реформирования в организме. — То,

что это должно быть осуществлено при содействии государства и даже под его руководством, не менее несомненно. Ибо корпорация - это не индивид, подобный другим индивидуумам, и для того, чтобы она могла приобретать или обладать привилегиями обычного гражданина, должно быть добавлено что-то дополнительное, какая-то фикция, какой-то прием закона. Если закон склонен упускать из виду тот факт, что корпорация не является физическим лицом, если он наделяет ее гражданской правосубъектностью, если он объявляет ее способной к наследованию, приобретению и продаже, если она становится защищенным и уважаемым собственником, это происходит благодаря благосклонности государства, которое предоставляет к ее услугам свой трибунал и жандармерию и которое в обмен на эту услугу справедливо налагает на нее условия, и, среди прочего, условия быть полезной и оставаться полезной, или, по крайней мере, условия никогда не становиться вредной. Таково было правило при Старом режиме, и особенно с тех пор, как правительство в течение последней четверти века постепенно и эффективно проводило реформу. Мало того, что в 1749 году он запретил Церкви принимать землю в дар, по завещанию или в обмен, без королевских грамот-патентов, зарегистрированных в парламенте; не только в 1764 году он упразднил орден иезуитов, закрыл их колледжи и распродал их имущество, но также с 1766 года постоянная комиссия, сформированная по приказу короля и проинструктированная им, срубила все отмирающие и отмершие ветви церковного древа.²²⁴¹ Был пересмотр первоначальных конституций; каждому учреждению было запрещено иметь более двух монастырей в Париже и более чем один в других городах; отсрочка возраста для принятия обетов — шестнадцатилетний возраст больше не допускается — до двадцати одного года для мужчин и восемнадцати для женщин; обязательный минимум монахов и монахинь для каждого учебного заведения, который варьируется от пятнадцати до девяти в зависимости от обстоятельств; если это не соблюдается, следует подавление или запрет на прием послушниц: благодаря этим мерам, строго выполняемым, по истечении двенадцати лет "граммонтинцы, сервиты, целестинцы, древний орден Святого Бенедикта, орден Святого Патриция", святой Дух Монпелье и Святой Бригитты, Сент-Круа-де-ла-Бретоннери, Сент-Руфф и Сент-Антуан", - короче говоря, исчезли целых девять конгрегаций. По прошествии двадцати лет триста восемьдесят шесть заведений были закрыты, число монахов и монахинь сократилось на треть, большая часть конфискованного имущества была использована с пользой, а в мужских общинах не хватало послушников, и они жаловались, что не могут пополнить свои ряды. Если монахи все еще оказывались слишком многочисленными, слишком богатыми и слишком ленивыми, было просто необходимо продолжать в том же духе; до конца столетия, просто благодаря применению эдикта, институт был бы возвращен, без жестокости или несправедливости, в рамки развития, ограничений состояния и класса функций, приемлемых для современного государства.

Но из того, что эти церковные организации нуждались в реформе, не следует, что было необходимо их разрушать или, в целом, что независимые институты наносят ущерб нации. Созданные специально для государственной службы и обладающие, почти или удаленно под надзором государства, способностью к самоуправлению, эти органы являются ценными органами, а не злокачественными опухолями.

Во—первых, благодаря их учреждению обеспечивается огромное общественное благо без каких—либо затрат для правительства - богослужение, научные исследования, начальное или высшее образование, помощь бедным, уход за больными - все это отделено и защищено от сокращений, которые могут вызвать государственные финансовые трудности, и поддерживается частной щедростью, которая, находя под рукой готовоеместилище, собирает

воедино, столетие за столетием, тысячи своих разрозненных источников: в качестве примера обратите внимание на богатство, стабильность и полезность английских и немецких университетов.

Во-вторых, их учреждение создает препятствие для всемогущества государства; их стены обеспечивают защиту от нивелирующей стандартизации абсолютной монархии или чистой демократии. Человек может здесь свободно развиваться, не надевая ливрею придворного или демагога, он может приобрести богатство, уважение и власть, не будучи обязанным капризам ни королевской, ни народной милости; он может твердо противостоять установившимся или преобладающим мнениям, защищаемым единомышленниками, связанными своим корпоративным духом. Таково в наши дни (1885 г.) положение профессора Оксфорда, Геттингена и Гарварда. Такими при Старом режиме были епископ, член французского парламента и даже простой адвокат. Что может быть хуже всеобщей бюрократии, порождающей механическое и рабское единообразие! Те, кто служит обществу, не обязательно все должны быть государственными служащими; в странах, где аристократия погибла, органы такого рода являются их последним убежищем.

В-третьих, благодаря таким институтам внутри великого обыденного мира могут возникнуть отдельные самобытные общества. Здесь особые личности могут найти единственное подходящее им существование. Если они набожны или трудолюбивы, они не только предоставляют выход для более глубоких потребностей совести, воображения, активности и дисциплины, но также служат дамбами, которые сдерживают их и направляют в русло, которое приведет к созданию шедевра бесконечной ценности. Таким образом, тысячи мужчин и женщин с небольшими затратами, добровольно и безвозмездно и с большим эффектом удовлетворяют наименее привлекательные и более отталкивающие социальные потребности, выполняя в человеческом обществе роль, которая, как мы видим, отведена бесполому рабочему муравью внутри муравейника.²²⁴²

Таким образом, в сущности, учреждение было действительно хорошим, и если его нужно было прижечь, то было просто необходимо удалить инертные или поврежденные части и сохранить здоровые.— Теперь, если мы возьмем только монашеские тела, то более половины из них имели право на уважение. Я опускаю тех монахов, треть из которых оставалась ревностной и образцовой - бенедиктинцев, которые продолжают "Галлию христианскую", с другими, которые в возрасте шестидесяти лет трудятся в комнатах без огня; траппистов, которые обрабатывают землю своими руками, и бесчисленные монастыри, которые служат учебными семинариями, бюро милосердия, странноприимными домами для приютов, и которых все деревни по соседству требуют сохранения Национальным собранием.²²⁴³ Я должен упомянуть монахинь, тридцать семь тысяч из полутора тысяч человек. монастыри. Здесь, за исключением двадцати пяти глав "канонисс", которые представляют собой полусветское сборище бедных молодых девушек благородного происхождения, пылкость, бережливость и полезность почти везде неоспоримы. Один из членов Церковного комитета признает в суде Ассамблеи, что во всех своих письмах и обращениях монахини просят разрешить им остаться в своих монастырях; на самом деле их мольбы столь же серьезны, сколь и трогательны.²²⁴⁴ Одна община пишет:

"Мы должны предпочесть самопожертвование нашему призванию. . . . Это голос не кого-то из наших сестер, а всех. Национальное собрание установило права на свободу - помешает ли оно

осуществлению их единственными бескорыстными существами, которые страстно желают быть полезными и отреклись от общества исключительно для того, чтобы больше служить ему?"

"Слабый контакт, который у нас есть с миром, - пишет другой, - является причиной того, что о нашей удовлетворенности так мало известно. Но от этого она не становится менее реальной и существенной. Мы не знаем ни различий, ни привилегий между собой; наши несчастья и наша собственность общие. Мы едины сердцем и душой... Мы протестуем перед нацией, перед лицом неба и земли, что ни одно существо не во власти поколебать нашу верность нашим клятвам, которые мы повторяем с еще большим рвением, чем когда мы впервые произносили их".²²⁴⁵

У многих общин нет других средств к существованию, кроме работы собственных рук и небольшого приданого, которое монахини приносили с собой, поступая в монастырь. Однако их бережливость и экономность настолько велики, что общие расходы каждой монахини не превышают 250 ливров в год. Аннонсиады из Сент-Амура говорят,

"Мы, тридцать три монахини, как хористки, так и монахини ордена белой вуали, живем на 4400 ливров чистого дохода, без каких-либо обязательств перед нашими семьями или обществом ... Если бы мы жили в обществе, наши расходы были бы в три раза больше"; и, не довольствуясь тем, что обеспечиваем самих себя, они занимаются благотворительностью.

Среди этих сообществ несколько сотен являются учебными заведениями; очень многие из них предоставляют бесплатное начальное обучение.—Сейчас, в 1789 году, нет других школ для девочек, и если бы они были закрыты, все пути обучения и культуры были бы закрыты для одного из двух полов, составляющих половину населения Франции. Четырнадцать тысяч сестер милосердия, распределенных по четырестам двадцати монастырям, присматривают за больницами, ухаживают за больными, служат немощным, воспитывают подкидышей, обеспечивают сирот, лежащих матерей и раскаявшихся проституток. "Приют посещения" — это убежище для "тех, кого природа не облагодетельствовала", а в те дни изуродованных было намного больше, чем сейчас, поскольку из каждых восьми смертей одна была вызвана оспой. Здесь принимают вдов, а также девушек без средств и защиты, лиц, "измученных мирскими волнениями", тех, кто слишком слаб, чтобы выдержать жизненную битву, тех, кто выходит из нее раненым или инвалидом, и "правила ордена, не очень строгие, не выходят за рамки здоровья или сил самых хрупких и деликатных". Таким образом, некий хитроумный прием милосердия умело и бережно накладывает на каждую моральную или социальную рану надлежащую и соразмерную повязку. И, наконец, почти все эти общины не только не приходят в упадок, но и находятся в процветающем состоянии, и в то время как среди заведений для мужчин в среднем на каждое приходится всего девять, в заведениях для женщин - в среднем двадцать четыре. Здесь, в Сен-Флуре, одно воспитывает пятьдесят пансионеров; другое, в Болье, обучает сотню; третье, во Франш-Конте, опекает восемьсот брошенных детей.²²⁴⁶— Очевидно, что при наличии таких учреждений нужно остановиться, как бы мало ни заботились о справедливости и общественных интересах; и, более того, поскольку бесполезно действовать строго против них, законодатель напрасно сокрушает их, ибо они возникают сами по себе; они в крови каждого католического народа. Во Франции вместо тридцати семи тысяч монахинь в настоящее время (1866 г.) насчитывается восемьдесят шесть тысяч, то есть сорок пять на каждые десять тысяч женщин вместо двадцати восьми.²²⁴⁷

В любом случае, если государство лишает их собственности вместе с собственностью других церковных организаций, то не государство должно претендовать на добычу.— Государство не

является их наследником, и их земля, мебель и арендная плата по самой своей природе предназначены для особой цели, хотя у них нет назначенного собственника. Это сокровище, состоящее из накоплений четырнадцати веков, было сформировано, увеличено и сохранено с учетом определенной цели. Миллионы щедрых, раскаявшихся или набожных душ, которые сделали этот дар или управляли им, сделали это с определенным намерением. Это было их желание обеспечить образование, благотворительность и религию, и ничего больше. Их законные намерения не должны быть расстроены: мертвые имеют права в обществе так же, как и живые, ибо именно мертвые создали общество, которым пользуются живые, и мы получаем их наследие только при условии исполнения их завещательного акта.—Если этот документ датирован древностью, несомненно, необходимо дать ему вольное толкование; дополнить его скудные положения и принять во внимание новые обстоятельства. Требования, которые он предусматривал, часто исчезали; например, после уничтожения берберийских пиратов христиан, подлежащих выкупу, больше не было; и только путем передачи пожертвования это может быть увековечено.—Но если в первоначальном учреждении несколько вспомогательных и специальных положений устарели, остается одно важное, общее намерение, которое явно остается императивным и постоянным, а именно обеспечение особого служения, будь то благотворительность, богослужение или обучение. При необходимости позвольте сменить администраторов, а также распределить завещанное наследие, но не расходуйте его на услуги чужеродного характера; оно неприменимо ни к какой другой цели, кроме этой, или к другим, строго аналогичным. Четыре миллиарда инвестиций в недвижимость, двести миллионов церковных доходов составляют для нее особый дар. Это не груда золота, брошенная на шоссе, которую казначейство может присвоить или присвоить тем, кто живет на обочине. Существуют подлинные названия для него, которые, заявляя о его происхождении, фиксируют его назначение, и ваша задача — просто проследить, чтобы он достиг своего назначения. Таков был принцип при старом режиме, несмотря на серьезные злоупотребления и принудительные поборы. Когда церковная комиссия подавляла церковный орден, это делалось не с целью передачи его имущества в государственную казну, а для того, чтобы направить его в семинарии, школы и больницы. В 1789 году доходы Сен-Дени поддерживали Сен-Сира; доходы Сен-Жермена шли экономатам, и правительство, хотя и абсолютное и нуждающееся, было достаточно честным, чтобы признать конфискацию грабежом. Чем больше наша власть, тем больше обязанность быть справедливыми, а честность в конечном итоге всегда оказывается лучшей политикой.—Следовательно, и справедливо, и полезно, чтобы Церковь, как в Англии и в Америке, получила высшее образование, как в Англии и в Германии, специальное обучение, как в Америке, и чтобы различные пожертвования на общественную помощь и полезность были безоговорочно обеспечены для сохранения их наследия. Государство, как исполнитель этого завещания, странным образом злоупотребляет своими полномочиями, когда прикарманивает завещанное, чтобы перекрыть дефицит собственной казны, рискуя им в ходе нечестных спекуляций и поглощая его в собственном банкротстве, пока из этого огромного сокровища, которое копилось поколениями в пользу детей, немощных, больных и неимущих, не останется достаточно для выплаты жалованья школьной учительнице, жалованья приходской медсестре или на миску бульона в больнице.2248

Ассамблея остается глуха ко всем этим аргументам, и причина, по которой она отказывается прислушиваться, заключается не в финансовых затруднениях. Архиепископ Экссский, господин де Буажелен, предложил от имени духовенства немедленно погасить долг в триста миллионов, который был срочным, путем предоставления ипотечного кредита в четыреста миллионов под

церковное имущество, что было очень хорошим средством; поскольку в настоящее время кредит духовенства является единственным существенным. Как правило, оно занимает менее чем под пять процентов, и ему всегда предлагалось больше денег, чем оно хотело, в то время как государство занимает под десять процентов, и на данный момент кредиторов нет. — Но для наших новых революционных государственных деятелей соотношение затрат и выгод от услуги имеет гораздо меньшее значение, чем применение принципа. В соответствии с Общественным договором они устанавливают принцип, согласно которому в государстве нет необходимости в корпоративных органах: они не признают ничего, кроме, с одной стороны, государства, хранителя всех общественных полномочий, и, с другой стороны, мириад одиночек. Особые ассоциации, специфические группы, сопутствующие корпорации не нужны даже для выполнения функций, которые государство не в состоянии выполнить. "Как только человек вступает в корпорацию, - говорит оратор, - он должен любить ее, как любят семью";²²⁴⁹ тогда как все привязанности и послушание должны быть монополизированы государством. Более того, вступая в орден, человек получает от него особую помощь и утешение, и все, что отличает одного человека от другого, противоречит гражданскому равенству. Следовательно, если люди хотят остаться равными и стать гражданами, они должны быть лишены всех точек соприкосновения, которые могли бы конкурировать с точкой соприкосновения государства и давать одним преимущество перед другими. Следовательно, все естественные или приобретенные узы, которые связывали людей вместе через географическое положение, климат, историю, занятия и торговлю, разорваны. Старые провинции, старые провинциальные правительства, старые муниципальные администрации, парламенты, гильдии и мастерские - все подавлено. Группы, которые возникают наиболее естественным образом, те, которые возникают благодаря общности интересов, все рассеяны, и против их возрождения под любым предлогом провозглашаются самые широкие, самые недвусмысленные и самые позитивные запреты.²²⁵⁰ Франция разделена на геометрические части, как шахматная доска, и в этих импровизированных пределах, которым суждено долгое время оставаться искусственными, не позволено существовать ничему, кроме изолированных индивидов в соседстве. Нет никакого желания щадить организованные организации, где велика сплоченность, и меньше всего - духовенство. "Особые ассоциации, - говорит Мирабо,²²⁵¹ - в обществе в целом нарушают единство его принципов и нарушают равновесие его сил. Крупные политические организации в государстве опасны силой, которая является результатом их коалиции, и сопротивлением, которое порождается их интересами". ii — Духовенство, кроме того, по своей сути плохо,²²⁵² потому что "его система находится в постоянном антагонизме с правами человека". Учреждение, в котором необходим обет послушания, "несовместимо" с конституцией. Общины, "подчиняющиеся независимым вождям, находятся вне социальной черты и несовместимы с общественным духом". Что касается права общества на них, а также на Церковь, то это не подлежит сомнению. "Корпоративные структуры существуют только благодаря обществу, и, разрушая их, общество просто забирает жизнь, которую оно им дало". "Это просто инструменты, сфабрикованные законом.²²⁵³ Что делает рабочий, когда инструмент, которым он работает, ему больше не подходит? Он ломает или изменяет его". — Если принять этот первичный софизм, то вывод очевиден. Поскольку корпоративные организации упразднены, они больше не существуют, а поскольку они больше не существуют, они не могут снова стать собственниками.

"Вашей целью было уничтожить церковные ордена,²²⁵⁴ потому что их уничтожение было необходимо для безопасности государства. Если духовенство сохраняет свою собственность,

клерикальный порядок не разрушается: вы обязательно оставляете ему право собираться; вы одобряете его независимость ". Ни в коем случае духовенство не должно владеть имуществом. "Если они являются собственниками, они независимы, и если они независимы, они будут связывать эту независимость с выполнением своих функций". Духовенство, чего бы оно ни стоило, должно находиться в руках государства, как простые функционеры, и поддерживаться его субсидиями. Для нации было бы слишком опасно "принимать в свои объятия в качестве собственников большое количество людей, которым так много кредитных источников уже дают такую огромную власть. Поскольку религия является достоянием всех, ее служители, только благодаря этому факту, должны получать жалование от нации"; по сути, они являются "блюстителями морали и просвещения" и "получают жалование", как судьи и профессора. Давайте вернем их к этому положению вещей, которое является единственно совместимым с правами человека, и установим, что "духовенство, а также все корпорации и организации, обладающие правом наследования, сейчас и будут неспособны владеть каким-либо личным или земельным имуществом навсегда".²²⁵⁵

Кто же теперь является законным наследником всего этого освобожденного имущества? Используя другой софизм, государство, являющееся одновременно судьей и участником дела, приписывает их государству:

"Основатели подарили их Церкви, то есть нации".²²⁵⁶ "Поскольку нация разрешила духовенству владеть ими, она может повторно потребовать то, чем владеет только с ее разрешения". "Необходимо придерживаться принципа, согласно которому каждая нация является единственным и подлинным собственником имущества своего духовенства".

Следует отметить, что этот принцип в том виде, в каком он изложен, предполагает уничтожение церковных и светских корпораций наряду с конфискацией всего их имущества, и вскоре мы увидим появление на горизонте окончательного декрета²²⁵⁷, которым Законодательное собрание,

"принимая во внимание, что по-настоящему свободное государство не должно терпеть в своих недрах никаких корпораций, даже тех, которые, будучи посвящены общественному образованию, заслуживают блага страны", даже тех, "которые посвящены исключительно обслуживанию больниц и оказанию помощи больным", подавляет все конгрегации, все ассоциации мужчин или женщин, мирян или священнослужителей, все пожертвования на благочестивые, благотворительные и миссионерские цели, все учебные заведения, все семинарии и колледжи, а также Сорбонну и Наварру. Добавьте к этому последний взмах метлы: при Законодательном собрании раздел всей общественной собственности, за исключением лесов; при Конвенте - упразднение всех литературных обществ, академий наук и литературы, конфискация всего их имущества, их библиотек, музеев и ботанических садов; конфискация всего общественного имущества, не разделенного ранее; и конфискация всего имущества больниц и других филантропических учреждений.²²⁵⁸— Абстрактный принцип, провозглашенный Учредительным собранием, постепенно обнаруживает свои истребляющие свойства. Франция теперь, благодаря этому, не содержит ничего, кроме рассеянных, бессильных, эфемерных индивидов, и противостоящего им государства, единственного постоянного органа, который поглотил все остальные, настоящего Колосса, одиноко возвышающегося среди этих ничтожных карликов.

Заменяя других, они отныне должны выполнять свои обязанности и хорошо тратить деньги, которые они потратили плохо.— Во-первых, он отменяет десятину не постепенно и посредством процесса выкупа, как в Англии, а одним махом и без какой-либо компенсации на том основании, что налог, будучи оскорбительным, незаконным обманом, частным налогом, взимаемым отдельными лицами в капюшонах и сутанах с других лиц в халатах, является возмутительной узурпацией и напоминает феодальные сборы. Это радикальная операция, соответствующая принципу. К сожалению, ребячество вещи настолько грубо, что наносит ущерб ее собственной цели. Фактически, со времен Карла Великого все поместья в стране, которые продавались и перепродавались снова и снова, всегда платили десятину и никогда не покупались иначе, как за счет этого сбора, который составляет около одной седьмой чистого дохода страны. Уберите этот налог, и одна седьмая прибавится к доходу собственника и, следовательно, одна седьмая к его капиталу. Ему дарят сто франков, если его земля стоит семьсот франков, и тысячу, если она стоит семь тысяч, и десять тысяч, если она стоит семьдесят тысяч, и сто тысяч, если она стоит семьсот тысяч. Некоторые люди получают этим актом шестьсот тысяч франков и тридцать тысяч франков дохода.²²⁵⁹ Благодаря этому безвозмездному и неожиданному подарку сто двадцать три миллиона дохода и два с половиной миллиарда капитала распределяются между владельцами недвижимости во Франции, причем таким хитроумным способом, что больше всего достается богатым. Таково действие абстрактных принципов. Чтобы обеспечить облегчение в тридцать миллионов в год крестьянам в деревянных башмаках, ассамблея демократов добавляет тридцать миллионов в год к доходам богатых буржуа и тридцать миллионов в год богатой знати. Более того, первая часть этой операции является всего лишь еще одним бременем для государства; ибо, снимая бремя с владельцев недвижимого имущества, оно обременяет само себя, и отныне государство, не принося в карман ни пенни, обязано покрывать расходы на богослужение вместо них.— Что касается второй части операции, которая заключается в конфискации недвижимости на четыре миллиарда долларов, то она, в конце концов, оказывается разорительной, хотя и обещает быть прибыльной. На наших государственных деятелей это производит такое же впечатление, какое наследование большого состояния производит на нуждающегося и взбалмошного выскочку. Рассматривая это как бездонный золотой колодец, он черпает из него без скупости и стремится реализовать все свои фантазии; поскольку он может позволить себе заплатить за все это, он волен все это разбить. Таким образом, Ассамблея отменяет и выплачивает компенсации судебным органам на сумму в четыреста пятьдесят миллионов; финансовым ценным бумагам и обязательствам на сумму в триста двадцать один миллион; домашним расходам короля, королевы и принцев - пятьдесят два миллиона; военным службам и обременениям - тридцать пять миллионов; конфискованной десятине - сто миллионов и так далее.²²⁶⁰ "В мае месяце 1789 года, - говорит Неккер, - восстановление порядка в финансах было просто детской забавой". В конце года, влезая в долги, увеличивая свои расходы и отменяя или отказываясь от своих доходов, государство живет теперь за счет выпускаемой им бумажной валюты, проедает свой капитал и быстро приближается к банкротству. Никогда еще столь обширное наследство так быстро не превращалось в ничто, и даже меньше, чем в ничто.

Между тем, с первых нескольких месяцев мы можем продемонстрировать, какое применение смогут извлечь из этого администраторы и каким образом они будут оказывать услуги, к которым это их обязывает.— Никакая часть этого конфискованного имущества не предназначена для поддержания общественного богослужения или содержания больниц, приютов и школ. Не только все обязательства и вся производительная недвижимость попадают

в великое национальное горнило, чтобы быть преобразованными в ассигнации 2261 года, но и ряд специальных зданий, вся монастырская недвижимость и часть церковной недвижимости, отклоненные от своего естественного курса, оказываются поглощенными в той же пропасти. В Безансоне, 2262 три церкви из восьми, с их землями и сокровищами, фонды капитула, все деньги монастырских церквей, священные сосуды, раки, кресты, реликварии, пожертвования по обету, слоновая кость, статуи, картины, гобелены, священнические одежды и украшения, посуда, драгоценные камни и мебель, библиотеки, ограды, колокола, шедевры искусства и благочестия - все это разбито и переплавлено на Монетном дворе или продано с аукциона почти за бесценок. Именно таким образом осуществляются намерения основателей и жертвователей.—Как так много общин, лишенных арендной платы, могут поддерживать свои школы, хосписы и приюты? Даже после указа 2263, который, в исключительных случаях и временно, предписывает отчитываться перед ними обо всех их доходах, будут ли они выплачены теперь, когда их собирает местная администрация, казна которой всегда пуста, а намерения почти всегда враждебны? Каждое учреждение, предназначенное для благотворительных и образовательных целей, очевидно, приходит в упадок теперь, когда особые ручейки, питавшие их, впадают в пересохшее русло государственной казны и теряются в нем. 2264 Уже в 1790 году не было средств, чтобы выплачивать монахам и монахинь их небольшие пенсии на содержание. Во Франш-Конте у капуцинов Бома нет хлеба, и, чтобы выжить, они вынуждены перепродавать, с согласия округа, часть конфискованных монастырских запасов. Монахини-урсулины из Орнана живут на средства, предоставленные им частными лицами для содержания единственной школы, которая есть в городе. Монахини-бернардинки из Понтарлье доведены до крайней степени нужды: "Мы удовлетворены, - сообщает округ, - что им нечего положить в рот. Мы должны каждый день чем-то делиться между собой, чтобы они не умерли с голоду". 2265 Они очень благодарны, когда местная администрация дает им что-нибудь поесть или позволяет другим давать им что-нибудь. Во многих местах он стремится заморить их голодом или получает удовольствие от того, что досаждают им. В марте 1791 года департамент Ду, несмотря на мольбы округа, сокращает пенсию монахинь-посетительниц до ста одного ливра для певчих и пятидесяти для сестер-мирянок. За два месяца до этого муниципалитет Безансона, по-своему истолковав указ, разрешающий монахиням одеваться так, как им заблагорассудится, обязал их всех, включая даже сестер милосердия, отказаться от своей старой одежды, которую мало у кого из них были средства заменить. Беспомощность, безразличие или недоброжелательность — таковы различные настроения, с которыми сталкиваются новые власти, долг которых состоит в том, чтобы поддерживать и защищать их. Чтобы прекратить преследование, теперь нужен только указ, который ставит гражданскую власть в конфликт с религиозными убеждениями. Этот указ обнародован, и 12 июля 1790 года Ассамблея устанавливает гражданский устав духовенства.

Несмотря на конфискацию церковной собственности и распыление монашеских общин, основная часть церковного корпуса остается нетронутой: семьдесят тысяч священников подчиняются епископам, а папа находится в центре как главнокомандующий. Нет корпорации более прочной, более несовместимой и более подвергающейся нападкам. Ибо этому противостоят непримиримая ненависть и устоявшиеся мнения: галликанство юристов, которые, начиная с Людовика Святого, являются противниками церковной власти; доктрина янсенистов, которые, начиная с Людовика XIII, желают вернуть Церковь к ее примитивной форме; и теория философов, которые в течение шестидесяти лет считали христианство ошибкой, а католицизм

бичом. По крайней мере, институт духовенства в католицизме осуждается, и они думают, что они умеренные, если уважают остальных.

"МЫ МОГЛИ БЫ СМЕНИТЬ РЕЛИГИЮ",

говорят депутаты в "трибюн".²²⁶⁶ Итак, указ не затрагивает ни догму, ни богослужение; он ограничивается пересмотром вопросов дисциплины, и в этой конкретной области, которая принадлежит гражданской власти, утверждается, что снос и перестройка могут производиться по усмотрению без согласия церковной власти.

Здесь налицо злоупотребление властью, поскольку церковное, равно как и гражданское общество, имеет право выбирать свою собственную форму, свою собственную иерархию, свое собственное правительство. —По этому пункту любой аргумент, который может быть выдвинут в пользу первого, может быть повторен в пользу второго, и в тот момент, когда одно становится легитимным, легитимным становится и другое. Оправданием гражданской или религиозной общины или общества может быть выполнение длинного ряда услуг, которые на протяжении веков оно оказывало своим членам, усердие и успех, с которыми оно выполняет свои функции, чувство благодарности, которое они испытывают за это, важность, которую они придают своим обязанностям, потребность, которую они испытывают в этом, и их привязанность к этому, запечатленное в их умах убеждение, что без этого они были бы лишены блага, которым они дорожат больше, чем каким-либо другим. Этим благом в гражданском обществе является безопасность людей и собственности. В религиозном обществе это вечное спасение души. ⁱⁱⁱ Во всех других деталях сходство полное, и титулы Церкви так же хороши, как и государственные. Следовательно, если справедливо для одного быть суверенным и свободным в своих собственных владениях, справедливо и для другого быть в равной степени суверенным и свободным, если Церковь посягает, когда она предполагает регулировать устройство государства, то государство также посягает, когда оно претендует регулировать устройство Церкви. Если первый претендует на уважение второго на своей территории, последний должен проявлять равное уважение к первому на своей территории. Граница между двумя территориями, несомненно, четко не определена, и между ними часто возникают конфликты. Иногда их можно предотвратить или прекратить, если каждый из них замкнется в разделительной стене и останется максимально безразличным друг к другу, как это имеет место в Америке. С другой стороны, они могут, путем тщательно продуманного контракта²²⁶⁷, предоставить каждому из них другие конкретные права в промежуточной зоне и оба осуществлять свои разделенные полномочия в этой зоне, как это имеет место во Франции. Однако в обоих случаях две державы, как и два общества, должны оставаться разными. Для каждой из них необходимо, чтобы другая была равной, а не подчиненной, которой она предписывает условия. Какой бы ни была гражданская система, монархической или республиканской, олигархической или демократической, Церковь злоупотребляет своим авторитетом, когда осуждает или нападает на нее. Какой бы ни была церковная система, будь то папская, епископальная, пресвитерианская или конгрегационалистская, государство злоупотребляет своей силой, когда без согласия верующих отменяет их системы или навязывает им новую. Это не только нарушает право, но и его насилие, чаще всего, оказывается бесплодным. Она может нанести какой угодно удар, корень дерева находится вне ее досягаемости, и в несправедливой войне, которую она ведет против столь же жизненно важного учреждения, как и она сама, она часто заканчивается тем, что ей достается самое худшее.

К сожалению, Ассамблея, как в этом, так и в других вопросах, будучи озабочена принципами, не обращает внимания на практические факты; и, стремясь удалить только мертвую кору, она повреждает живой ствол.—На протяжении многих веков, и особенно после Тридентского собора, энергичным элементом католицизма была гораздо меньше религия как таковая, чем Церковь. Богословие отошло на задний план, в то время как дисциплина вышла на первый план. Верующие, которые, согласно церковному законодательству, обязаны рассматривать духовный авторитет как догму, на самом деле привязывают свою веру к духовному авторитету гораздо больше, чем к догме.—

Католическая вера настаивает, как в отношении дисциплины, так и в отношении догмы, что если человек отвергает решение Римской Церкви, он перестает быть католиком; что конституция Церкви монархическая, что рукоположение священников и епископов производится свыше, так что без общения с папой, ее верховным главой, он является раскольником, и что ни один раскольнический священник на законных основаниях не может совершать святое богослужение, и что ни один истинно верующий не может посещать его службу или получать его благословения, не совершая греха.— Это факт, что верующие, за исключением нескольких янсенистов, не являются ни богословами, ни канонистами; что они не читают ни молитв, ни Священных Писаний, и если они принимают символ веры, то в отрывке, без исследования, доверяя руке, которая его представляет; что их послушная совесть хранит это пастырское руководство; что Церковь третьего века не имеет для них большого значения; и что, насколько можно судить об истинной форме действующей Церкви, врач, советам которого они следуют, не святой Киприан, о котором они ничего не знают, но их видимый епископ и их живой кюре. Соедините эти две предпосылки, и вывод напрашивается сам собой: ясно, что они не поверят, что их крестили, отпустили грехи или обвенчали только с этим кюре, уполномоченным этим епископом. Позвольте другим поставить на их место тех, кого они осуждают, и вы подавляете богослужение, таинства и самые драгоценные функции духовной жизни двадцати четырех миллионам французов, всему крестьянству, всем детям и почти всем женщинам; вы поднимаете против себя две величайшие силы, которые движут разумом, - совесть и привычку.—И понаблюдайте за результатом этого. Вы не только превращаете государство в полицейского на службе ереси, но также, посредством этой бесплодной и тиранической попытки галликанского янсенизма, вы подвергаете постоянной дискредитации галликанские максимы и янсенистские доктрины. Вы отсекали два последних корня, благодаря которым либеральные настроения все еще прозябали в ортодоксальном католицизме. Вы отбрасываете духовенство обратно в Рим; вы привязываете его к папе, от которого вы хотите их отделить, и лишаете их национального характера, который вы хотите им навязать. Они были французами, а вы делаете их ультрамонтанами.²²⁶⁸ Они возбуждали недоброжелательство и зависть, а вы делаете их симпатичными и популярными. Они были разделенным телом, а вы даете им единокровие. Они были разрозненным ополчением, разбросанным по нескольким независимым властям и укоренившимся в почве благодаря владению землей; благодаря вам они должны стать регулярной, управляемой армией, свободной от всех местных привязанностей, организованной под руководством одного руководителя и всегда готовой выступить в бой по первому слову команды. Сравните авторитет епископа в своей епархии в 1789 году с авторитетом епископа шестьдесят лет спустя. В 1789 году архиепископу Безансонскому из полутора тысяч должностей и бенефиций покровительствовали сто, на девяносто трех должностях выбор производился столичным капитулом; в восемнадцати - капитулом Мадлен; в семидесяти приходах - благородным основателем или благотворителем. В

распоряжении одного аббата было тринадцать должностей, другого - тридцать четыре, третьего - тридцать пять, приора - девять, аббатисы - двадцать; пять коммун напрямую назначали своего пастора, в то время как аббатства, приораты и канонизмы находились в руках короля.²²⁶⁹ В настоящее время (1880 г.) в епархии епископ назначает всех кюре или исполняющих обязанности священников и может лишить их должности девяти из десяти; в вышеупомянутой епархии с 1850 по 1860 год едва ли один мирянин был назначен без согласия или вмешательства короля. кардинал-архиепископ.²²⁷⁰ Чтобы понять дух, дисциплину и влияние нашего современного духовенства, обратитесь к их источнику, и вы найдете это в декрете Учредительного собрания. Естественную организацию нельзя безнаказанно разрушить; она формируется заново, приспособляясь к обстоятельствам, и смыкает свои ряды пропорционально возникшей опасности.

Но даже если, согласно принципам Ассамблеи, вера и богослужение свободны, что касается суверенного государства, церкви являются подданными.— Ибо это общества, администрации и иерархии, и никакое общество, администрация или иерархия не могут существовать в государстве, не входя в его подразделения в качестве подчиненного, делегата или сотрудника. Священник теперь, по сути, такой же наемный работник, как и все остальные, функционер²²⁷¹, отвечающий за вопросы, относящиеся к богослужению и морали. Если государство намерено изменить количество, способ выдвижения кандидатур, обязанности и должности своих инженеров, оно не обязано собирать своих инженеров и спрашивать их разрешения, тем более разрешения иностранного инженера, обосновавшегося в Риме. Если оно желает изменить положение "своих церковных должностных лиц", его право сделать это такое же, и поэтому оно не подлежит сомнению. Нет необходимости спрашивать чьего-либо согласия при осуществлении этого права, и оно не допускает вмешательства между компанией и ее клерками. Ассамблея отказывается созывать галликанский собор; она отказывается вести переговоры с Папой Римским и, опираясь только на свою собственную власть, пересматривает всю Конституцию Церкви. Отныне эта ветвь государственного управления должна быть организована по образцу других.—Во-первых,²²⁷² г. епархия должна быть по размерам и границам такой же, как департамент Франции; следовательно, все церковные округа выделены заново, и сорок восемь епископских кафедр исчезают.— Во-вторых, назначенному епископу запрещено "обращаться к Папе Римскому для получения какого бы то ни было подтверждения". Все, что он может сделать, это написать ему "в свидетельство единства веры и общения, которое он должен поддерживать с ним". Таким образом, епископ больше не ставится своим каноническим главой, и Церковь Франции становится раскольнической.—В-третьих, митрополиту или епископу запрещено требовать от новых епископов или кюре "какой-либо клятвы, кроме той, что они исповедуют католическую, апостольскую и римскую религию". При содействии своего совета он может изучить их доктрину и мораль и отказать им в канонической установке, но в этом случае его доводы должны быть изложены в письменной форме, и он должен подписать их сам и его совет. Его полномочия в других отношениях не выходят за рамки этого, поскольку именно гражданский трибунал принимает решения между противоборствующими сторонами. Таким образом, католическая иерархия распалась; у церковного настоятеля связаны руки; если он все еще делегирует священнические функции, то только для проформы. Между кюре и епископом субординация перестает существовать точно так же, как она перестала существовать между епископом и Папой Римским, и Церковь Франции становится пресвитерианской.— Люди теперь, по сути, сами выбирают своих служителей, как это делается в пресвитерианской церкви; епископа назначают выборщики

департамента, священника - выборщики округа, и, что является чрезвычайным осложнением, они не обязательно должны принадлежать к его общине. Не имеет значения, состоит ли избирательное собрание, как в Ниме, Монтобане, Страсбурге и Меце, из заметной доли кальвинистов, лютеран и евреев, или же его большинство, представленное клубом, заведомо враждебно католицизму и даже самому христианству. Епископ и кюре должны быть избраны выборным органом; Святой Дух пребывает с ним и с гражданскими трибуналами, и они могут назначить своих избранников, несмотря на любое сопротивление.—Чтобы завершить зависимость духовенства, каждому епископу запрещается отлучаться более чем на пятнадцать дней без разрешения департамента; каждому кюре - на такой же срок без разрешения округа, даже для ухода за умирающим отцом или для проведения операции литотомии. В отсутствие этого разрешения его зарплата приостанавливается: как сотрудник, получающий зарплату, он обязан всем своим временем своему бюро, и если он желает получить отпуск, он должен попросить об этом у своих начальников в Отель-де-Виль.²²⁷³— Он должен согласиться со всеми этими нововведениями не только пассивным повиновением, но и торжественной клятвой. Все старые или новые священнослужители, архиепископы, епископы, кюре, викарии, проповедники, капелланы больниц и тюрем, настоятели и директора семинарий, профессора семинарий и колледжей должны письменно заявить, что они готовы принести эту клятву: более того, они должны принести ее публично, в церкви, "в присутствии генерального совета, коммуны и верующих", и пообещать "поддерживать всеми своими силами" раскольническую и пресвитерианскую Церковь.— Ибо не может быть никаких сомнений в смысле и несении предписанной присяги. Было очень хорошо объединить ее с более широкой присягой, связанной с сохранением Конституции. Но Конституция духовенства слишком четко вписана в общую Конституцию, как глава в книге, и подписать книгу - значит подписать главу. Кроме того, в формуле, которой священнослужители в Собрании обязаны присягать с трибуны, глава точно указана, и никакие исключения или оговорки не допускаются.²²⁷⁴ Епископ Клермонский и все те, кто полностью принял Конституцию, за исключением указов, затрагивающих духовные вопросы, вынуждены замолчать. Где начинается духовное и где оно заканчивается, Ассамблея знает лучше, чем они, ибо она определила это и навязывает свое определение канонисту и богослову; это, в свою очередь, Папа Римский, и вся совесть должна подчиниться его решению. Позвольте им принести "чистую и незатейливую клятву", или, если они этого не сделают, они будут "непокорными". Издается указ, и эффект от него огромен, поскольку, наряду с духовенством, закон распространяется и на мирян. С одной стороны, все священнослужители, которые отказываются от присяги, увольняются. Если они продолжают "вмешиваться в общественные функции, которые они выполняли лично или корпоративно", они "будут привлечены к ответственности как нарушители спокойствия и осуждены как бунтари против закона", лишены всех прав активных граждан и объявлены недееспособными занимать какие-либо государственные должности. Это наказание уже налагается на неверующего епископа, который упорно продолжает считать себя епископом, рукополагает священников и издает пастырское послание. Таково вскоре будет наказание, налагаемое на кюре, не нарушившего закон, который осмелится выслушать исповедь или отслужить мессу.²²⁷⁵ С другой стороны, все граждане, отказывающиеся принести предписанную присягу, все выборщики, муниципальные служащие, судьи и административные агенты, теряют свое избирательное право, лишаются своих функций и объявляются недееспособными ко всем общественным обязанностям.²²⁷⁶ Результатом является то, что добросовестные католики отстраняются от всех административных должностей, от всех выборов, и особенно от церковных выборов; из чего следует что чем сильнее вера человека, тем меньше он участвует в выборе священника.²²⁷⁷— Какой

замечательный закон, который под предлогом устранения церковных злоупотреблений ставит верующих, мирян или священнослужителей, вне рамок закона!

Вскоре это становится очевидным. Сто тридцать четыре архиепископа, епископов и коадьюторов отказываются приносить присягу; только четверо из них делают это, трое из которых, г-н де Талейран, г-н де Жарент и г-н де Бриенн, неверующие и печально известные своей распущенностью; на остальных влияет их совесть, прежде всего, их корпоративный дух и чувство чести. Большинство кюре сплачиваются вокруг этого штаба офицеров. В Безансонской епархии, [2278](#) году, из тысячи четырехсот священников триста приносят присягу, тысяча отказывается от нее, а восемьдесят отказываются от нее. В департаменте Ду только четверо соглашаются присягнуть. В департаменте Лозер таких всего "десять из двухсот пятидесяти". Положительно утверждается, "пишет наиболее информированный из всех наблюдателей, что повсюду во Франции две трети священнослужителей отказались от присяги или приняли ее только с теми же оговорками, что и епископ Клермонский".

Таким образом, из семидесяти тысяч священников сорок шесть тысяч отстранены от должности, и большинство прихожан на их стороне. Это очевидно из-за отсутствия выборщиков, созданных для их замены: в Бордо на голосование пришли только четыреста пятьдесят человек из девятисот, в то время как в других местах повестка собирает только "треть или четверть", во многих местах кандидатов нет, или те, кого избрали, отказываются принять. Они вынуждены, чтобы обеспечить свои места, отслеживать лишенных сана монахов сомнительного характера. После этого в каждом приходе есть две партии; две веры, две системы богослужения и постоянные разногласия. Даже когда новый и старый кюре соглашаются, их ситуации приводят к конфликту. Для первых вторые являются "злоумышленниками". Для последних первые являются "огнеупорами". В силу того, что он является хранителем душ, первый не может обойтись без сообщения своим прихожанам, что незваный гость отлучен от церкви, что его таинства недействительны или кощунственны, и что посещать его мессу - грех. В силу того, что он является государственным служащим, последний не преминул написать властям, что "непокорный" заманивает верующих в ловушку, будоражит их совесть, подрывает Конституцию и что его следует усмирить силой. Другими словами, первый отвлекает всех от второго, в то время как последний посылает жандармов против первого, и начинается преследование.— В странном обратном порядке именно большинство подвергается преследованиям, а меньшинство их осуществляет. Месса конституционного кюре повсюду пустынна. [2279](#) В Вандее из пятисот или шестисот прихожан в церкви присутствуют десять или двенадцать человек; по воскресеньям и праздникам целые деревни и рыночные городки удаляются на расстояние от одного до двух лье, чтобы посетить православную мессу, жители заявляют, что "если только им удастся вернуть прежнего кюре, они с радостью заплатят двойной налог". В Эльзасе "по крайней мере девять десятых католиков отказываются признавать священников, принесших законную присягу". То же самое происходит во Франш-Конте, Артуа и в десяти других провинциях.—Наконец, анализ химического состава завершен. Те, кто верит или кто восстанавливает свою веру, выстраиваются вокруг старого кюре; все, кто по убеждению или традиции придерживается таинств, все, кто по вере или привычке желает или чувствует необходимость посетить мессу. Аудиторы нового кюре состоят из неверующих, деистов, безразличных членов клубов и администрации, которые обращаются к церкви как к Ратуше или к народному собранию не из религиозного, а из политического рвения, и которые поддерживают "нарушителя", чтобы сохранить Конституцию. Все это не обеспечивает ему очень ревностных последователей, но дает ему очень ревностных защитников; и, за неимением веры,

которой они не обладают, они дают силу, которая есть в их распоряжении. Против неговорчивого епископа или кюре применимы все средства; не только закон, который они ужесточают своим принудительным толкованием и своими произвольными вердиктами, но и беспорядки, которые они разжигают по своему наущению и которые они санкционируют своей терпимостью.²²⁸⁰ Его изгоняют из его прихода, отправляют в уездный город и содержат в безопасном месте. Директория Эны объявляет его нарушителем общественного порядка и запрещает ему, под страхом сурового наказания, совершать таинства. Муниципалитет Каора закрывает некоторые церкви и приказывает священнослужителям, не нарушающим закон, покинуть город в течение двадцати четырех часов. Избирательный корпус Лота публично осуждает их как "свиных скотов", подстрекателей и провокаторов гражданской войны. Директория Нижнего Рейна изгоняет их в Страсбург или в пятнадцать лье от границы. В Сен-Леоне епископ вынужден бежать. В Оше архиепископ заключен в тюрьму; в Лионе месье де Буабуассель, главный викарий, заключен в тюрьму в Пьер-Энсизе за то, что сохранил архиепископский мандат в своем доме; жестокость повсюду является проводником нетерпимости. Некий священник из Эны, который в 1789 году накормил две тысячи бедняков, осмелился прочесть со своей кафедры папское наставление о соблюдении Великого поста, мэр хватает его за воротник и не пускает к алтарю; "двое из Национальной гвардии йоменов" обнажают на нем сабли и немедленно уводят его с непокрытой головой, не позволяя ему вернуться в свой дом, и под барабанный бой и под конвоем отвозят на расстояние двух лиг. В Париже, в церкви Сент-Эташ, кюре встречают криками, приставляют пистолет к его голове, его хватают за волосы, бьют кулаками, и он добирается до ризницы только благодаря вмешательству Национальной гвардии. В церкви Театин, арендованной православными со всеми законными формальностями, разъяренная банда разгоняет священников и их помощников, опрокидывает алтарь и оскверняет священные сосуды. Плакат, вывешенный департаментом, призывает людей уважать закон: "Я видел, как его сорвали, - говорит очевидец, - под проклятия в адрес департамента, священников и набожных. Один из главных проповедников, стоя на ступеньках, завершил свою речь заявлением, что раскол должен быть остановлен любой ценой, что не должно быть разрешено никакое богослужение, кроме его, что женщин следует пороть, а священников бить по голове". И в самом деле, "молодую леди в сопровождении своей матери высекают кнутом на ступенях церкви". В других местах страдают монахини, даже сестры Сен-Винсента де Поля; и начиная с апреля 1793 года, те же самые надругательства над скромностью и против жизни распространяются из города в город. В Дижоне к воротам всех монастырей крепко прибиты розги; в Монпелье двести или триста головорезов, вооруженных большими, окованными железом палками, убивают мужчин и бесчинствуют над женщинами. — Ничего не остается, кроме как поместить гангстеров под прикрытие амнистии, которая проводится Учредительным собранием, и юридически санкционировать враждебность местных администраций, которая проводится Законодательным собранием.²²⁸¹ Отныне священнослужители, не совершившие преступления, лишаются средств к существованию; они объявляются "подозреваемыми в бунте против закона и злых намерениях против страны". — Так, говорит современный протестант, "на основании этих подозрений и этих намерений Директория, которой закон запрещает судебные функции, может произвольно изгонять из своего дома служителя Бога мира и милосердия, поседевшего в тени алтаря" Таким образом "везде, где происходят беспорядки из-за религиозных убеждений, и независимо от того, происходят ли эти беспорядки из-за неистовых бичевателей добродетельных сестер милосердия или из-за вооруженных коровьими шкурами головорезов, которые в Ниме и Монпелье нарушают все законы приличия и свободы на целых

шесть месяцев, священники, не являющиеся юристами, подлежат наказанию изгнанием. Оторванные от своих семей, средства к существованию с которыми они разделяют, они отправляются бродяжничать по дорогам, предоставленные общественной жалости или жестокости в тот момент, когда какой—нибудь негодяй решит вызвать беспорядки, которые он может им приписать". - Таким образом, мы видим приближение восстания крестьянства, восстаний в Ниме, Франш-Конте, Вандее и Бретани, эмиграции, ссылки; тюремное заключение, гильотина или утопление для двух третей духовенства Франции, а также для мириадом лояльных, для земледельцы, ремесленники, поденщики, швеи и слуги, а также самые скромные представители низшего класса народа. Вот к чему ведут законы Учредительного собрания.— В учреждении духовенства, как и в учреждении знати и короля, разрушили прочную стену, чтобы прорыть в ней открытую дверь, и нет ничего странного, если все сооружение рухнет на головы его обитателей. Истинный курс состоял в том, чтобы уважать, реформировать, использовать ранги и корпорации: все, о чем думала Ассамблея, - это об упразднении всего этого во имя абстрактного равенства и национального суверенитета. Чтобы покончить с ними, оно осуществляло, терпело или инициировало все нападения на людей и собственность. Те, которые оно собирается совершить, являются неизбежным результатом тех, которые оно уже совершило; ибо благодаря его Структуре плохое меняется на худшее, и социальное здание, уже наполовину разрушенное из-за произведенного в нем неуклюжего опустошения, полностью рухнет под тяжестью неуместных или экстравагантных конструкций, которые оно продолжает импровизировать.

2201 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", книги I. и V.]

2202 (возвращение)

[Возможно, здесь мы подходим к сути того, почему все режимы в конечном итоге становятся коррумпированными, неэффективными и больными; их лидеры принимают свои привилегии как должное и становятся все более и более невнимательными к работе, которую необходимо выполнять, если мы хотим удержать людей на работе и возможных противников под контролем. (SR.)]

2203 (возврат)

[Специальный налог, уплачиваемый королю плебеем, владеющим поместьем. (TR)]

2204 (возврат)

[Право на доход из целевых фондов. (Ср.)]

2205 (возвращение)

[Артур Янг, I. 209, 223. "Если коммуны будут упорно отказываться от того, что им сейчас предлагается, они поставят огромные и определенные выгоды под удар удачи, под удар того риска, который может заставить потомство проклинать, а не благословлять их память как настоящих патриотов, не имевших в виду ничего, кроме счастья своей страны".]

2206 (возврат)

[Согласно оценкам Учредительного собрания, налог на недвижимость должен приносить 240 000 000 франков и обеспечивать пятую часть чистого дохода Франции, оцениваемого в 1 200 000 000. Кроме того, личный налог на движимое имущество, который заменил подушную подать, должен принести 60 000 000 долларов. Итого для прямого налогообложения - 300 000 000, или одна четвертая, то есть двадцать пять процентов, от чистого дохода.—Если бы прямое налогообложение было сохранено на уровне старого режима (190 000 000, согласно отчету Неккера в мае 1689 г.), этот обман обеспечил бы только одну шестую часть чистого дохода, или шестнадцать процентов.]

2207 (возвращение)

[Дюмон, 267. (Слова Мирабо за три месяца до его смерти:) "Ах, мой друг, как мы были правы с самого начала, когда хотели помешать палате общин провозгласить себя Национальным собранием! Это было источником зла. Они хотели править королем, вместо того чтобы править через него".]

2208 (возвращение)

[Губернатор Моррис, 29 апреля 1789 г. (о принципах будущей конституции): "Потребуется по крайней мере одно поколение, чтобы ознакомить с ними общественность".]

2209 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", книга II, глава III.]

2210 (возвращение)

[Французские женщины не получали права голоса до 1946 года. (СТАРШИЙ)]

2211 (возвращение)

[Согласно Вольтеру ("Человек, спасающий жизнь"), средняя продолжительность человеческой жизни составляла всего двадцать три года.]

2212 (возвращение)

[Меркюр, 6 июля 1790 года. Согласно отчету Камю (заседание от 2 июля), официальная сумма пенсий составила тридцать два миллиона; но если мы добавим чаевые и пособия из различных казначейств, фактическая сумма составила пятьдесят шесть миллионов.]

2213 (возвращение)

[Я отмечаю, что сегодня, в 1998 году, через 100 лет после смерти Тейна, в Дании, моей стране, на протяжении значительного времени существует полная демократия, то есть всеобщее избирательное право для женщин и мужчин 18-летнего возраста, и остроумный автор отметил, что первое правило нашей неписаной конституции гласит: "ты не должен думать, что ты важен". Однако я заметил, что когда датчанин восхваляет Данию и датчан даже в самой чрезмерной манере, то его не считают шовинистом, а восхищаются как человеком истины. Несмотря на процесс "демократизации", даже социалистические вожди, похоже, благоволят и защищают своих собственных детей, отправляют их в хорошие частные школы, а затем за границу для обучения и помогают им найти выгодную работу в партии или на государственной службе. Таким образом, правящий политический и административный высший класс постоянно создает новую элиту. (СР.).]

2214 (возвращение)

["Древний режим", стр.388 и последующие страницы.— "Герцог де Бройль" М. Гоизо, стр. 11. (Последние слова принца Виктора де Бройля и мнения м. д'Аржансона.)]

2215 (возвращение)

[Де Ферьер, I. p.2.]

2216 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 7 сентября 1790 г., I. 431-437. Речи г-жи де Силлери, де Ланжуине, Туре, де Ламет и Рабо-Сент-Этьен. Барнав писал в 1791 году: "Необходимо было довольствоваться одной-единственной палатой; этого требовал инстинкт равенства. Вторая палата была бы убежищем аристократов".]

2217 (возвращение)

[Позже Ленин должен был создать элиту, аристократию, которая под его руководством должна была стать Коммунистической партией. Ленин не мог себе представить или, по крайней мере, не был бы обеспокоен тем, что руководство этой партией позже, под давлением возраста и коррупции, попадет в руки тиранов, которые будут заменены КГБ, а затем и ФСБ. (СТАРШИЙ.)]

2218 ([возвращение](#))

["Де Буйе", стр. 50: "Все старые дворянские семьи, за исключением двух или трех сотен, разорились".]

2219 ([return](#))

[Cf. Doniol, "La Révolution et la Féodalité."]

2220 ([возвращение](#))

[Moniteur, заседание от 6 августа 1789 г. Речь Дюпора: "Все несправедливое не может длиться вечно. Точно так же никакая компенсация за эти несправедливые права не может быть сохранена". Заседание от 27 февраля 1790 г. М. Популюс: "Поскольку рабство не могло возникнуть из законного договора, поскольку свобода не может быть отчуждена, вы отменили безвозмездно наследственную собственность лиц". Инструкции и декрет от 15-19 июня 1791 г.: "Национальное собрание самым решительным образом признало, что человек никогда не может стать собственником другого человека, и, следовательно, что права, которые один предполагал иметь на личность другого, не могут стать собственностью первого". Ср. Разнообразные отчеты Мерлена Комитету по феодализму и Национальному собранию.]

2221 ([return](#))

[Duvergier, "Collection des Lois et Décrets." Законы от 4-11 августа 1789 г.; 15-28 марта 1790 г.; 3-9 мая 1790 г.; 15-19 июня 1791 г.]

2222 ([доходность](#))

[Agrier percières — термины, обозначающие налоги, уплачиваемые в виде долей продукции. Следующие: lod, rentes, quint, requint относятся к налогам, взимаемым с недвижимости. 22Тр.]

2223 ([return](#))

[Doniol ("Nouveaux cahiers de 1790"). Жалобы правообладателей Rouergues и Quercy, стр. 97-105.]

2224 ([возвращение](#))

[См. далее, книгу III. гл. II. § 4, а также гл. III.]

2225 ([возвращение](#))

[Moniteur, заседание от 2 марта 1790 г. Речь Мерлина: "Крестьян заставили поверить, что отмена банальностей (обязанности пользоваться общественной мельницей, винным прессом и

печью, которые принадлежали дворянам) повлекла за собой потерю дворянами всего этого; крестьяне считали себя их владельцами".]

2226 ([возвращение](#))

[Moniteur; заседание от 9 июня 1790 г. Речь г—на Шарля де Ламет-Дювержье (законы от 19-23 июня 1790 г.; 27 сентября и 16 октября 1791 г.).]

2227 ([возвращение](#))

[Саузай, Ст. 400-410.]

2228 ([возвращение](#))

[Дювержье, законы от 15-19 июня 1791 г.; от 18 июня—6 июля 1792 г.; от 25-28 августа 1792 г.]

2229 ([return](#))

["Institution du Droit Français," par Argou, I.103. (Он писал при регентстве.) "Происхождение большинства феодалов настолько древнее, что, если бы сеньоры были вынуждены предъявлять права на первоначальную концессию для получения своей арендной платы, вряд ли нашелся бы кто-нибудь, способный их предъявить. Этот недостаток восполняется общим правом".]

2230 ([возврат](#))

[Дювержье (законы от 8-15 апреля 1791 г.; 7-11 марта; 26 октября 1791 г.; 6-10 января 1794 г.).— Мирабо уже предлагал сократить одноразовую порцию до одной десятой.]

2231 ([возвращение](#))

[См. далее, кн. III, гл. III.]

2232 ([возвращение](#))

[Меркюр, 10 сентября 1791 года. Статья Малле дю Пана.—Там же. 15 октября 1791 г.]

2233 ([возвращение](#))

[Если бы Гитлер или Ленин прочитали и поняли последствия этих событий, они бы пришли к выводу, что, получив команду из официальных источников или признанных лидеров, обычные люди во всем мире могли бы легко поддаться искушению напасть на любую группу, будь то евреи, протестанты, индуисты или иностранцы. (SR.)]

2234 ([возвращение](#))

["Национальные архивы", II. 784. Письма г-на де Ланжерона, 16 и 18 октября 1789 г. —Альбер Бабо, "История Труа", письма, адресованные шевалье де Потера, июль 1790 г. —"Национальные архивы", документы Комитета по отчетам, пачка 4, письмо г-на ле Белен-Шательнота президенту Национального собрания, 1 июля 1791 г.—Mersure, 15 октября 1791 г. Статья Малле дю Пэна: "Таков буквально язык этих эмигрантов; я не добавляю ни слова". — Там же. 15 мая 1790 г. Письмо барона де Буа д'Изи от 29 апреля 1790 года с требованием издать указ о защите дворян. "Мы узнаем (тогда), объявлены ли мы вне закона или имеем какое-либо значение в правах человека, прописанных такой большой кровью, или, наконец, у нас не осталось другого выбора, кроме как унести в далекие небеса остатки нашей собственности и нашего жалкого существования".]

2235 ([возвращение](#))

[Меркюр, 15 октября 1791 г. и 10 сентября 1791 г. Прочтите замечательное письмо шевалье де Месгиньи, назначенного полковником во время отстранения короля от должности и отказывающегося от своего нового звания.]

2236 ([возвращение](#))

[Ср. "Воспоминания" месье де Бустаке, нормандского дворянина.]

2237 ([возвращение](#))

[Ср. "Древний режим", книги I. и II.]

2238 ([return](#))

[Boivin—Champeaux, "Notice Historique sur la Révolution dans le Département de L'Eure," the register of grievances. В 1788 году в Руане не было ни одной профессии, созданной мужчинами. В монастыре Де-Амантов капитул, созданный в 1789 году, состоял из двух монахов. — "Национальные архивы", документы церковного комитета, *passim*.]

2239 ([возвращение](#))

["Апология государственной религии" (1775), со статистикой. С 1768 года наблюдается "ужасающий" упадок. "Легко предвидеть, что через десять или двенадцать лет большинство обычных организмов полностью вымрут или будут доведены до состояния слабости, сродни смерти".]

2240 ([возвращение](#))

[Санзай, I. 224 (ноябрь 1790 г.). В Безансоне из 266 монахов "только 79 проявили какую-либо верность своим обязанностям или привязанность к своему призванию". Другие предпочли

отказаться от него, особенно все доминиканцы, кроме пяти, все босоногие кармелиты, кроме одного, и все Великие кармелиты. Такое же расположение очевидно во всем департаменте, как, например, в случае с бенедиктинцами Ключи, за исключением одного, всеми минималистами, за исключением трех, всеми капуцинами, за исключением пяти, бернандинцами, доминиканцами и августинцами, которые все предпочитают уехать.—Монталамбер, "Случайные события", введение, стр. 105-164. Письмо бенедиктинца из Сен-Жермен-де-Пре бенедиктинцу из Ванна. "Из всех членов вашей общины, которые приезжают сюда на ночлег, я едва ли нашел кого-то, способного назидать нас. Вероятно, вы можете сказать то же самое о тех, кто приехал к вам из наших мест". —Ср. в "Воспоминаниях" Мерлена де Тионвиля описание Шартреза Валь-Сен-Пьера.]

2241 (возвращение)

[Ч. Герен, "Revue des Questions Historiques" (1 июля 1875; 1 апреля 1876).—Аббат Гетте, "История Эглиз де Франс", XII, 128. ("Протоколы заседания собрания священнослужителей", 1780.) — "Национальные архивы", официальные отчеты и меморандумы Генеральных штатов за 1789 год. Самым неприятным поступком для руководителей ордена является отсрочка возраста, в котором можно принимать обеты, поскольку это, по их мнению, ведет к разрушению их институтов.— "Древний режим", стр. 403.]

2242 (возврат)

[Чтобы современный необразованный неверующий читатель понял мотивацию, побудившую тысячи бескорыстных сестер и братьев выполнять свою полезную и добрую работу, прочтите главу 25 Святого Евангелия От Матфея, стихи 31-46, где Иисус предсказывает, как он будет судить человечество и отделит овец от козлищ. (ср.)]

2243 (возвращение)

["Древний режим", Стр.33 —ср. Герен "Монастырь Труа-Руа, расположенный на севере Франш-Конте, основал четыре деревни, собранные у иностранных колонистов. Это единственный центр благотворительности и цивилизации в радиусе трех лиг. Он оказал помощь двум сотням больных во время недавней эпидемии; здесь размещаются войска, которые переходят из Эльзаса во Франш-Конте, а во время последнего ливня с градом он снабжал продовольствием всю округу".]

2244 (ответ)

[Moniteur, заседание от 13 февраля 1790 года. (Речь аббата де Монтескью).—Национальный архив, "Документы Церковного комитета", DXIX. 6, "Посещение Лиможа", DXIX. 25, "Аннонсиады Сен-Дени"; там же. Annonciades de Saint Amour, Ursulines d'Auch, de Beaulieu, d'Eymoutier, de la Ciotat, de Pont Saint-Esprit, Hospitalières d'Ernée, de Laval; Sainte Claire de Laval, de Marseilles, etc. "]

2245 ([возвращение](#))

[Саузай, I. 247. Из трехсот семидесяти семи монахинь в Ду триста пятьдесят восемь предпочли остаться прежними, особенно в Понтарлье - все бернардинки, аннонсиады и урсулилки; в Безансоне - все кармелитки, визитандинки, Аннонсиады, Клариссы, Сестры убежища, монахини Сент-Эспри и, за исключением одной, все бенедиктинки.]

2246 ([возвращение](#))

["Национальные архивы". Документы Церковного комитета, *passim*.—Suzay, I. 51.—Статистика Франции за 1866 год.]

2247 ([возврат](#))

[В 1993 году это число снова упало и продолжает падать до 55 900. "Quid", 1996, стр. 623. (SR.)]

2248 ([return](#))

[Felix Rocquain, "La France après le 18 Brumaire." (Отчеты государственных советников, отправленных на эту службу, *passim*).]

2249 ([возвращение](#))

[Moniteur, 24 октября 1789 г. (Речь Дюпона де Немура.) Все эти выступления, часто более полные и с различными интерпретациями, можно найти в "Парламентских архивах", 1-я серия, тома. VIII. и IX.]

2250 ([возвращение](#))

[Дювержье, указ от 14-17 июня 1791 г. "Уничтожение каждой корпорации граждан любого состояния или профессии является одним из краеугольных камней французской конституции, и запрещается восстанавливать их де-факто под любым предлогом или в какой бы то ни было форме. Граждане схожего положения или профессии, такие как подрядчики, владельцы магазинов, рабочие всех классов и единомышленники в какой бы то ни было области искусства, не должны, собираясь вместе, назначать ни президента, ни секретарей, ни синдики, обсуждать или принимать резолюции или устанавливать какие-либо правила в связи с их предполагаемыми общими интересами ".]

2251 ([возвращение](#))

[Moniteur, заседание от 2 ноября 1789 г.]

2252 ([возвращение](#))

[Moniteur, заседание от 12 февраля 1790 г. Речи Далли д'Агье и Барнава.]

2253 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 10 августа 1789 года. Речь Гарата; 12 февраля 1790 г. - речь Петиона; 30 октября 1789 г. - речь Туре.]

2254 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 2 ноября 1789 года. Речь Шапелье; 24 октября 1789 года - речь Гарата; 30 октября 1789 года - речь Мирабо и заседание 10 августа 1789 года.]

2255 (возвращение)

[Moniteur, заседание 23 октября 1789 г. Речь Туре.]

2256 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 23 октября 1789 года. Речь Трейяра; 24 октября, речь Гарата; 30 октября, речь Мирабо.—8 августа 1789 года Ал. де Ламет говорит в "Трибюн": "Когда был учрежден фонд, грант был предоставлен нации".]

2257 (возврат)

[Дювержье, законы от 18 августа 1792 г.; 8-14 августа 1793 г.; 11 июля 1794 г.; 14 июля 1792 г.; 24 августа 1793 г.]

2258 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 31 июля 1792 года. Речь месье Буастара; имущество больниц в то время оценивалось в восемьсот миллионов.—Уже в 1791 году (заседание состоялось 30 января) г-н де Ларошфуко-Лианкур сказал Собранию: "Ничто так легко не восстановит доверие к бедным, как то, что нация признает за собой право оказывать им помощь". Он предлагает издать указ; соответственно, чтобы все больницы и благотворительные учреждения были переданы под контроль нации. (Меркюр, 12 февраля 1791 г.)]

2259 (ответ)

[Moniteur, заседание от 10 августа 1789 г. Речь Сийеса.—Приведенные здесь цифры взяты из статистики, уже приведенной в "Древнем режиме".]

2260 (возвращение)

[Moniteur, v. 571. заседание от 4 сентября 1790 г. Отчет Комитета по финансам —V. 675, заседание от 17 сентября 1790 г. Доклад Неккера.]

2261 (возврат)

[Простой банковский билет революционного правительства. (CP.)]

2262 (возвращение)

[Саузей, I. 228 (с 10 октября 1790 г. по 20 февраля 1791 г.). "Общий вес добычи монастырских учреждений в виде золотой, серебряной и позолоченной посуды, отправленной на Монетный двор, составил более 525 килограммов (для департамента)".]

2263 (возвращение)

[Дювержье, закон от 8-14 октября.]

2264 (ответ)

[Moniteur, заседание от 3 июня 1792 года. Речь месье Бернара от имени комитета общественной помощи: "Не проходит и дня, чтобы мы не получали самых печальных известий из департаментов о бедности их больниц". — Меркюр де Франс, 17 декабря 1791 г., заседание 5 декабря. Ряд депутатов Северного департамента требуют помощи для своих больниц и муниципалитетов. Из 480 000 ливров дохода им остается 10 000. "Имущество коммун заложено и больше не дает им никаких ресурсов. 280 000 человек остались без хлеба".]

2265 (возвращение)

[Саузей, I. 252 (3 декабря 1790 г.). 13 апреля 1791 г.).]

2266 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 1 июня 1790 г. Речи Камю, Трейяра и др.]

2267 (возвращение)

[Но если предположить, что все религии были изобретены людьми для их собственного комфорта или использования, то что было бы более естественным, чем умные правители, использующие свою власть для влияния на религиозные авторитеты в своих интересах. (SR.)]

2268 (возвращение)

[Ультрамонтан: крайность в пользу верховенства папы римского. (CP.)]

2269 (возвращение)

[Саузай, I. 168.]

2270 (возвращение)

[Лично знаю, поскольку четыре раза посещал Безансон в период с 1863 по 1867 год.]

2271 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 30 мая 1790 г. и другие последующие. (Доклад Трейяра, речь Робеспьера.)]

2272 (возвращение)

[Дювержье, законы от 12 июля- 14 августа; 14-25 ноября 1790 г.; 21-26 января 1791 г.]

2273 (ответ)

[Moniteur, заседание от 31 мая 1790 г. Робеспьер, в завуалированных выражениях, требует женитьбы священников. —Мирабо подготовил речь в том же смысле, заключив, что каждый священник и монах должны иметь возможность заключить брак; когда священник или монах предстает со своей невестой перед кюре, последний должен быть обязан дать им брачное благословение и т.д. Мирабо писал 2 июня 1790 года: "Робеспьер... отвлек меня от моего предложения о браке священников". — В общем, зародыш всех законов Конвента находится в Учредительном собрании. (Ph. Plan, "Un Collaborateur de Mirabeau," p.56, 144.)]

2274 (возвращение)

[Дювержье, законы от 27 ноября—26 декабря 1790 г.; 5 февраля, 22 марта и 5 апреля 1791 г. — Moniteur, заседание от 6 ноября 1790 г. и последующие, особенно от 27 декабря. "Я клянусь всеми своими силами соблюдать французскую конституцию и особенно указы, касающиеся гражданского устройства духовенства". — Ср. заседание от 2 января 1791 г., речь епископа Клермонского.]

2275 (возвращение)

[Дювержье, закон от 7 мая 1791 г. о сохранении права священников, не являющихся потерпевшими, совершать мессы в национальных или частных зданиях. (По требованию Талейрана и Сийеса.)]

2276 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3235. Письмо месье де Шато-Рандона, депутата ла-Лозера, 28 мая 1791 года. После указа от 23 мая все функционеры ведомства подали в отставку.]

2277 (возвращение)

[Дюверже, закон от 21-29 мая 1791 г.]

2278 (возврат)

[Саузай, I. 366, с 538 по 593, 750. — "Национальные архивы", F7, 3235, Письмо М. де Шанто-Рандона, 10 мая 1791 г. — Mercure, 23 апреля и 16 апреля 1701 г. Статьи Малле дю Пана, письмо из Бордо, 20 марта 1791 г.]

2279 (возвращение)

[Бюшез и Ру, XII, 77. Отчет Галлуа и Генсонне, отправленный в Вандею и Де Севр (25 июля 1791 г.). — "Национальные архивы", F7, 3253, письмо директории Нижнего Рейна (письмо от 7 января 1792 г.). - "Округ Машкуль 1788-1793 годов" Лалье. — "История Жозефа Лебона", Париж. — Sauzay, тома I. и II. полностью.]

2280 (возвращение)

[Меркюр, 15 января, 23 апреля, 16 и 30 мая, 1 июня, 23 ноября 1791 г. — "Район Машкуль", Лалье, 173. — Созе, I. 295. — Лавиротт, "Анналы Арне-ле-Дюка" (5 февраля 1792 г.). — "Национальные архивы", F7, 3223. Петиция ряда жителей Монпелье, 17 ноября 1791 г.]

2281 (возвращение)

[Дювержье, указ от 29 ноября 1791 г. — Меркюр, 30 ноября 1791 г. (статья Малле дю Пэна).]

ГЛАВА III. КОНСТРУКЦИИ—КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА.

То, что называется правительством, представляет собой совокупность властей, каждая из которых выполняет определенную функцию, и все они работают для достижения окончательной цели. Заслуга правительства состоит в достижении этой цели; ценность машины зависит от выполняемой ею работы. Важно не создавать хорошую механическую конструкцию на бумаге, а следить за тем, чтобы машина хорошо работала при установке на земле. Напрасно его основатели могли бы утверждать красоту своего плана и логическую связь своих теорем; от них требуется не план или теоремы, а инструмент.

Для того, чтобы сделать этот инструмент исправным и эффективным, необходимы два условия. Во-первых, публичные власти должны гармонизировать друг с другом, в противном случае одна нейтрализует другую; во-вторых, им необходимо подчиняться, иначе они недействительны.

Учредительное собрание не приняло никаких мер для обеспечения этой гармонии или этого послушания. В машине, которую он сконструировал, все движения противодействуют друг другу; импульс не передается; передача между центром и концами не завершена; большие центральное и верхнее колеса вращаются без всякой цели; бесчисленные маленькие колеса у земли ломаются или выходят из строя: машина, благодаря своему собственному механизму, остается бесполезной, перегретой, в облаках отработанного пара, скрипящей и стучащей так, что ясно видно, что она должна взорваться.

I. Полномочия центрального правительства.

Ассамблея о разделении власти. —Разрыв всех связей между Законодательной властью и королем. —Ассамблея о подчинении исполнительной власти. —Как это аннулируется. —Неизбежность конфликта. —Низложение короля неизбежно.

Давайте сначала рассмотрим две центральные власти, Ассамблею и короля. —Обычно, когда Конституцией устанавливаются различные полномочия разного происхождения, в случае конфликта между ними предусматривается наличие арбитра в учреждении Верхней палаты. Каждая из этих полномочий, по крайней мере, имеет влияние на другую. Ассамблея должна иметь одну власть над королем: это право отказывать в налогообложении. Король должен иметь одного члена в Ассамблее, который имеет право ее распустить. В противном случае, если один из двух будет разоружен, другой станет всемогущим и, следовательно, безумным. Опасность здесь столь же велика для всемогущего Собрания, как и для абсолютного Короля. Если первое желает оставаться в здравом уме, оно нуждается в подавлении и контроле не меньше, чем второе. Если Собранию подобает сдерживать короля, отказывая ему в субсидиях, то ему подобает иметь возможность защитить себя, апеллируя к избирателям. —Но, помимо этих крайних мер, которые опасны и к которым редко прибегают, есть еще одна, которая обычно применяется и является безопасной, а именно право короля уволить своих министров из Палаты. Как правило, лидеры большинства формируют министерство, их назначение является средством восстановления гармонии между королем и Собранием; они одновременно являются людьми, принадлежащими к Собранию, и людьми, принадлежащими королю. Благодаря этому средству обеспечивается не только доверие Ассамблеи, поскольку правительство остается в руках ее лидеров, но и оно находится под контролем, поскольку они становятся одновременно и могущественными, и ответственными. Поставленные во главе всех подразделений службы, они, прежде чем предложить его или принять, в состоянии оценить, полезен ли тот или иной закон на практике. Ничто так не полезно для большинства, как

министерство, состоящее из собственных руководителей; ничто так не эффективно в подавлении опрометчивости или неводержанности. Железнодорожный кондуктор не желает, чтобы его локомотив был лишен угля или чтобы рельсы, по которым он собирается проехать, были разбиты.—Это устройство, со всеми его недостатками и неудобствами, является лучшим из всех, к которым когда-либо приходил человеческий опыт для обеспечения безопасности обществ от деспотизма и анархии. Поскольку абсолютная власть, которая их устанавливает или спасает, может также угнетать или истощать их, происходит постепенная замена дифференцированных полномочий, удерживаемых вместе при посредничестве третьего арбитра, вызванных взаимной зависимостью и являющихся общими для обоих.

Опыт, однако, не имеет значения для членов Учредительного собрания; под знаменем принципов они разрушают одну за другой все связи, которые гармонично удерживают обе державы вместе.—Верхней палаты быть не должно, потому что это был бы приют или ясли для аристократов. Более того, "нация, придерживающаяся единого мнения", питает отвращение к "созданию различных органов". Таким образом, применяя готовые формулы и метафоры, они продолжают производить идеологические определения и разграничения.

Король не должен иметь власти над законодательным органом: исполнительная власть - это рука, чье дело повиноваться; абсурдно, чтобы рука ограничивала или направляла главу. Вряд ли монарху позволено накладывать отсроченное вето. Сийес выступает со своим протестом, заявляя, что это "официальное письмо²³⁰¹, направленное против всеобщей воли", и вето не распространяется на статьи Конституции, все денежные векселя и некоторые другие законы. — Ни монарх, ни выборщики Собрания не имеют права созывать Собрание; он не имеет права голоса в деталях его формирования и не контролирует их; выборщики должны собраться вместе и проголосовать без его вызова или надзора. После избрания Собрания он не может ни отложить его, ни распустить. Он не может даже предложить закон;²³⁰² полномочия ему предоставлены только для того, чтобы "предложить ему принять во внимание тот или иной вопрос". Он ограничен своими исполнительными обязанностями; более того, между ним и Собранием воздвигнута своего рода стена, и отверстие в ней, через которое каждый мог бы взять другого за руку, тщательно заделано. Депутатам запрещено становиться министрами в течение всего срока их службы и в течение двух лет после этого. Это происходит потому, что питаются опасения, что они могут быть коррумпированы из-за контактов с Двором, и, опять же, кем бы ни были министры, они не расположены признавать их превосходство.²³⁰³ Если один из них допущен в Ассамблею, то не для того, чтобы давать советы, а для того, чтобы предоставлять информацию, отвечать на допросы и заявлять о своем рвении в скромных выражениях и в сомнительном положении.²³⁰⁴ В силу того, что он королевский агент, он находится под подозрением, как и сам король, и он изолирован в своем бюро, как и король. Запертый в своем дворце. Таков дух Конституции: в силу теории и для того, чтобы лучше обеспечить разделение властей,²³⁰⁵ общее взаимопонимание между ними навсегда становится невозможным, и для восполнения этой невозможности не остается ничего, кроме как сделать одного хозяином, а другого клерком.

Это они не преминули сделать, и для большей безопасности последний был назначен почетным клерком, исполнительная власть была передана ему номинально и внешне; фактически он ею не обладает, поскольку были приняты меры к тому, чтобы передать ее в другие руки.— По сути, все исполнительные органы и все второстепенные и местные власти являются выборными. Король не имеет права голоса, прямо или косвенно, при выборе судей, государственных

обвинителей, епископов, кюре, сборщиков налогов, комиссаров полиции, администраторов округов и департаментов, мэров и муниципальных служащих. Самое большее, если администратор нарушит закон, он может аннулировать свои действия и временно отстранить его от должности; но Ассамблея, высшая власть, имеет право отменить это приостановление. Что касается вооруженных сил, главнокомандующим которых он должен быть, то это полностью ускользает от него: национальная гвардия не должна получать от него приказов; жандармерия и войска обязаны реагировать на требования муниципальных властей, которых король не может ни выбирать, ни смещать: короче говоря, в каких—либо местных действиях любого рода, то есть во всех эффективных действиях, ему отказано.—

Исполнительный инструмент намеренно уничтожен. Связь, существовавшая между колесами на концах и центральным валом, разорвана, и отныне, неспособный распределять свою энергию, этот вал в руках монарха стоит неподвижно или же вращается без всякой цели. Король, "верховный глава общей администрации, армии и военно-морского флота, хранитель общественного мира и порядка, наследственный представитель нации", не имеет средств, несмотря на свои высокие титулы, для непосредственного применения своих мнимых полномочий, для составления графика уплаты налогов в непокорной коммуне, для принуждения к уплате неплатежеспособного налогоплательщика, для обеспечения свободного передвижения автоколонны с зерном, для исполнения решения суда, для подавления вспышки или для обеспечения защиты людей и имущества. Ибо он не может применять никаких ограничений к агентам, которые объявлены ему подчиненными; у него нет других ресурсов, кроме средств предупреждения и убеждения. Он рассылает в каждое Ведомственное собрание декреты, которые он санкционировал, с просьбой передать их и обеспечить их выполнение; он получает их корреспонденцию и высказывает свое порицание или одобрение — и это все. Он всего лишь бессильное средство коммуникации, глашатай или публичный рекламодатель, своего рода центральное эхо, звучное и пустое, до которого доходят новости и от которого отступают законы, чтобы распространиться за границей подобно обычному слуху. Таким, каков он есть, и, следовательно, уменьшенным, он все еще считается слишком сильным. Он лишен права на помилование, "которое перерезает последнюю артерию монархического правления".²³⁰⁶ Против него принимаются всевозможные меры предосторожности. Он не может объявить войну без постановления Ассамблеи; он обязан положить конец войне на основании постановления Ассамблеи; он не может заключить мирный договор, союзный или торговый договор без ратификации их Ассамблеей. Недвусмысленно заявлено, что он должен назначить только две трети контр-адмиралов, половину генерал-лейтенантов, фельдмаршалов, капитанов судов и полковников жандармерии, треть полковников и подполковничьих чинов линейных войск и шестую часть лейтенантов военно-морского флота. Он не должен позволять войскам оставаться или проходить ближе чем на 30 000 ярдов от Собрания. Его охрана не должна состоять более чем из 1800 человек, должным образом проверенных и защищенных от его соблазнов гражданской присягой. Предполагаемый наследник не должен покидать страну без согласия Ассамблеи. Именно Ассамблея должна законодательно регулировать образование его сына в период совершеннолетия.—Все эти меры предосторожности сопровождаются угрозами. Против него есть пять возможных причин для свержения с престола; против его ответственных министров - восемь причин для осуждения на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы и восемь оснований для вынесения смертного приговора.²³⁰⁷ Повсюду между строками Конституции мы читаем постоянную склонность занимать оборонительную позицию, тайный страх предательства, убежденность в том, что исполнительная власть, какого бы рода она ни была, по своей природе враждебна

общественному благу.—Для отказа в назначении судей утверждается, что "Суд и министры являются самой презренной частью нации".²³⁰⁸ Если кандидатура министров будет одобрена, то это на том основании, что "Министры, назначенные народом, обязательно будут слишком высоко цениться". Принцип заключается в том, что "только законодательный орган должен пользоваться доверием народа", что королевская власть развращает своего хранителя и что исполнительная власть всегда подвержена искушению совершать злоупотребления и участвовать в заговорах. Если это предусмотрено Конституцией, то с сожалением, в силу необходимости данного случая и при условии, что оно будет затруднено препятствиями; это окажется тем менее пагубным, чем больше его будут сдерживать, охранять, угрожать и осуждать.—Положение такого рода явно невыносимо; и только такой пассивный человек, как Людовик XVI. мог бы с этим смириться. Однако, что бы он ни делал, он не может сделать его устойчивым. Напрасно он скрупулезно придерживается Конституции и выполняет ее буквально. Поскольку он бессилен, Ассамблея считает его равнодушным и приписывает ему трение машины, которая находится вне его контроля. Если он хоть раз осмелится воспользоваться своим правом вето, это будет бунт, причем бунт должностного лица против своего начальника, которым является Собрание; бунт подданного против своего Суверена, которым является народ. В этом случае свержение с престола является правильным, и Собранию остается только принять декрет; народ должен просто исполнить закон, и действие Конституции завершится Революцией.—Механизм такого типа выходит из строя из-за своего собственного движения. В соответствии с философской теорией два колеса правительства должны быть разделены, и для этого они должны быть разъединены и изолированы одно от другого. В соответствии с популярным кредо, ведущее колесо должно быть подчинено и его влияние нейтрализовано: для этого необходимо свести его энергию к минимуму, разорвать его связи и поднять его в воздух, чтобы оно вращалось, как волчок, или оставалось там как препятствие для чего-то другого. Несомненно, что после долгого жестокого использования в качестве игрушки он, наконец, будет устранен как помеха.

II.—Создание народной демократии.

Административные полномочия.—Собрание по иерархии. —Упразднены ранги.-Коллективные полномочия.— Введены выборы и влияние подчиненных во всех отраслях службы.—Очевидная дезорганизация.—Власть в руках муниципальных органов.

Давайте покинем центр правительства и отправимся на край света и понаблюдаем за работой различных администраций.²³⁰⁹

Чтобы любая служба работала хорошо и четко, должен быть единственный и неповторимый начальник, который может назначать, платить, наказывать и увольнять своих подчиненных.— Ибо, с одной стороны, он стоит особняком и чувствует свою ответственность; он привносит в

управление делами такую степень внимания и последовательности, такт и инициативность, на которые неспособен комитет; корпоративные глупости или дефекты не затрагивают никого в частности, и власть эффективна только тогда, когда она находится в одних руках.—С другой стороны, будучи хозяином, он может положиться на подчиненных, которых он сам выбрал, которыми он управляет с помощью их надежд или страхов, и которых он увольняет, если они не выполняют свои обязанности; в противном случае он не имеет над ними власти, и они не являются инструментами, на которые можно положиться. Только при соблюдении этих условий начальник железной дороги может быть уверен, что его помощники на работе. Только при соблюдении этих условий мастер литейного цеха может выполнить работу к определенному дню. На каждом государственном или частном предприятии прямая, непосредственная власть является единственным известным, единственно человеческим и возможным способом обеспечить послушание и пунктуальность агентов. Таким образом, управление осуществляется во всех странах одним или несколькими должностными лицами, каждый из которых подчиняется какому—либо центральному менеджеру, который держит бразды правления в своих руках.²³¹⁰

В новой Конституции все наоборот. В глазах наших законодателей повиновение должно быть спонтанным, а не обязательным, и, подавляя деспотизм, они подавляют правительство. Общее правило в иерархии, которую они устанавливают, состоит в том, что подчиненные должны быть независимы от своего начальника, поскольку он не должен ни назначать, ни смещать их: единственное право, которое у него есть, - давать им советы и делать им замечания.²³¹¹ В лучшем случае, в определенных случаях, он может аннулировать их действия и временно приостановить их функции, которые могут быть оспорены и могут быть отозваны.²³¹² Таким образом, мы видим, что ни одна из местных полномочий не делегируется центральной властью; последняя просто подобна человеку без рук, сидящий в позолоченном кресле. Министр финансов не может назначить или уволить ни ассессора, ни коллектора; министр внутренних дел - ни одного из руководителей департамента, района или общины; министр юстиции - ни одного судьи или государственного обвинителя. В этих трех родах войск у короля есть только одно собственное должностное лицо - комиссар, в обязанности которого входит отстаивать соблюдение законов в судах и, после вынесения приговора, обеспечивать его исполнение.— Все мускулы центральной власти парализованы этим ударом, и отныне каждое ведомство является отдельным государством, живущим само по себе.

Однако аналогичная ампутация в самом департаменте оборвала все связи, с помощью которых начальник мог контролировать и направлять своего подчиненного.— Если администраторам департамента позволено влиять на администраторов округа, а администраторам округа - на администраторов муниципалитета, то это, опять же, только путем советов и вымогательства. Нигде вышестоящий не является командиром, который приказывает и ограничивает, но везде является цензором, который делает предупреждения иругает. Чтобы сделать эту и без того слабую власть еще более слабой на каждой ступени иерархии, она разделена между несколькими органами. Они состоят из наложенных друг на друга советов, которые управляют департаментом, округом и коммуной. Ни в одном из этих советов нет руководящего руководителя. Постоянство и исполнительные функции повсюду возложены на директории из четырех или восьми членов или на бюро из двух, трех, четырех, шести и даже семи членов, чей избранный глава, президент или мэр,²³¹³ имеет просто почетное первенство. Решения и действия, которые повсеместно притупляются, откладываются или ограничиваются разговорами и процессами обсуждения, принимаются только после трудного, шумного

согласования нескольких противоречивых волеизъявлений.²³¹⁴ Какими бы выборными и коллективными ни были эти полномочия, все же принимаются меры для защиты от них. Они не только находятся под контролем избранного совета, который наполовину обновляется каждые два года, но, опять же, мэр и прокурор коммуны после четырехлетнего срока службы, а также прокурор департамента или округа после восьмилетнего срока службы и окружной коллектор после шестилетнего срока службы не переизбираются. Если эти должностные лица заслужили и завоевали доверие избирателей, если знакомство с делами сделало их особенно компетентными и ценными, тем хуже для дел и общества; они не должны оставаться привязанными к своему посту.²³¹⁵ Если их пребывание на посту принесет в службу дух порядка и экономии, это не имеет значения; существует опасность приобретения ими большого влияния, и закон отсылает их, как только они становятся опытными и наделяются правом управлять. — Никогда еще ревность и подозрительность не были так настороже по отношению к власти, даже законной. Подрывные работы и минирование продолжают даже в службах, которые признаны необходимыми, таких как армия и жандармерия.²³¹⁶ В армии при назначении унтер-офицера другие унтер-офицеры составляют список кандидатов, и капитан выбирает троих, одного из которых выбирает полковник. При выборе младшего лейтенанта голосуют все офицеры полка, и назначается тот, кто наберет большинство голосов. В жандармерии для назначения жандарма директория департамента формирует список; полковник указывает в нем пять имен, и директория выбирает одно из них. При выборе капрала, квартирмейстера или лейтенанта, помимо директории и полковника, есть еще одно вмешательство - со стороны офицеров, как рядовых, так и сержантов. Это система усложнений с выборами и жеребьевкой; та, которая, предоставляя право голоса при выборе офицеров гражданским властям и военным подчиненным, оставляет полковнику лишь треть или четверть его прежнего влияния. В отношении Национальной гвардии новый принцип применяется без каких-либо оговорок. Все офицеры и унтер-офицеры вплоть до ранга капитана избираются своими подчиненными. Все вышестоящие офицеры избираются нижестоящими офицерами. Все младшие офицеры, а также все нижестоящие и вышестоящие офицеры избираются только на один год и не могут быть переизбраны до истечения годичного перерыва, в течение которого они должны прослужить в строю.²³¹⁷ - Результат налицо: командование в каждом гражданском и в каждом военном приказе нарушается; младшие офицеры больше не являются точными и заслуживающими доверия инструментами; начальник больше не имеет над ними никакой практической власти; следовательно, его приказы встречают лишь сдержанное повиновение, сомнительное почтение, иногда даже открытое сопротивление; их исполнение остается медленным, неуверенным, неполным и, в конце концов, совершенно бесполезным. пренебрегают; закон устанавливает скрытую и вскоре вопиющую систему дезорганизации. Шаг за шагом в иерархии государственного управления власть сползала вниз и отныне в силу Конституции принадлежит властям, которые находятся внизу лестницы. Правит не король, или министр, или директория департамента или округа, а муниципальные чиновники; и их власть настолько всемогуща, насколько это возможно в маленькой независимой республике. Только у них есть "сильная рука", с помощью которой можно обыскать карманы непокорных плательщиков налогов и обеспечить сбор доходов; схватить бунтовщика за горло и защитить жизнь и имущество; короче говоря, претворить обещания и угрозы закона в действия. Все вооруженные силы, Национальная гвардия, регулярные войска и жандармерия, должны выступить по своему требованию. Только они среди административных работников наделены этим суверенным правом; все, что может сделать департамент или округ, - это предложить им воспользоваться им. Именно они объявляют военное положение. Соответственно, меч в их

руках.²³¹⁸ С помощью уполномоченных, назначаемых генеральным советом коммуны, они составляют график налогообложения недвижимого и движимого имущества, устанавливают квоту для каждого налогоплательщика, корректируют начисления, проверяют реестры и квитанции сборщиков налогов, проверяют его счета, освобождают неплатежеспособных, отвечают за декларации и санкционируют судебное преследование.²³¹⁹ Частные кошельки, таким образом, находятся в их власти, и они забирают у них все, что, по их мнению, принадлежит обществу. -С кошельком и мечом в руках им не хватает денег. нет ничего необходимого, чтобы сделать их хозяевами, и тем более потому, что применение каждого закона принадлежит им; потому что никакие приказы Собрания королю, короля министрам, министров департаментам, департаментов округам, округов коммунам не приводят к какому-либо реальному местному результату, кроме как через них; потому что каждая мера общего применения подвергается их особому толкованию и всегда может быть по желанию искажена, смягчена или преувеличена в соответствии с их робостью, инертностью, насилием или пристрастием. Более того, они не заставляют себя долго ждать, чтобы обнаружить свою силу. Мы видим, как они со всех сторон спорят со своим начальством против окружных, ведомственных и министерских приказов и даже против самого Собрания; ссылаются на обстоятельства; нехватку средств, собственную опасность и общественную безопасность, отказ подчиняться, действовать самостоятельно, открыто не подчиняться и превозносить этот поступок, ²³²⁰ и заявляют, как о праве, на всемогущество, которым они пользуются на самом деле. Жители Труа на фестивале Федерации отказываются подчиняться верховенству департамента и заявляют о нем для себя, как "непосредственные представители народа". Жители Бреста, несмотря на неоднократные запреты своего округа, посылают четыреста человек и две пушки, чтобы принудить соседнюю коммуну подчиниться кюре, принявшему присягу. Жители Арне-ле-Дюка арестовывают мадам (тетушек короля), несмотря на их паспорта, подписанные министрами, удерживают их вопреки приказам департаментов и округов, упорно преграждают им путь, несмотря на специальный декрет Национального собрания, и посылают двух депутатов в Париж за санкцией своего решения. Из-за разграбления арсеналов, вторжения в цитадели, ареста конвоев, остановки курьеров, перехвата писем, постоянного и растущего неповиновения, узурпации без перемирия или мер муниципалитеты присваивают себе все виды лицензий на своей собственной территории, а часто и за ее пределами. Отныне в королевстве насчитывается сорок тысяч суверенных органов. В их руках сила, и они хорошо ею пользуются. Они так хорошо используют это, что одна из них, Парижская коммуна, пользуясь своей близостью, осаждают Национальный конвент, калечит его и управляет им, а через него и Францией.

III.—Муниципальные королевства.

Муниципальные органы.—Их великая задача.—Их неспособность. —Их слабый авторитет.—Недостаточность их средств действия.—Роль Национальной гвардии.

Давайте последуем за этими муниципальными королями в их собственные владения: бремя, лежащее на их плечах, огромно и намного превосходит то, что могут выдержать человеческие силы. Им доверяются все детали исполнения служебных обязанностей; они должны заниматься не мелкой рутинной, а целостной социальной системой, которая разбирается на куски, в то время как на ее месте восстанавливается другая.—Они владеют четырьмя миллиардами церковной собственности, реальной и личной, и вскоре эмигрантам будет принадлежать два с половиной миллиарда собственности, которая должна быть конфискована, оценена, управляться, инвентаризирована, разделена, продана, а вырученные средства получены. У них есть семь или восемь тысяч монахов и тридцать тысяч монахинь, которых нужно сместить, установить, санкционировать и обеспечить. У них есть сорок шесть тысяч священнослужителей, епископов, каноников, кюре и викариев, которых нужно лишать собственности, заменять, часто силой, а позже изгонять, интернировать, сажать в тюрьму и поддерживать. Они обязаны обсуждать, прослеживать, обучать и обнародовать новые территориальные границы коммуны, округа и департамента. Они должны созывать, размещать и защищать многочисленные первичные и второстепенные Собрания, контролировать их работу, которая иногда длится неделями. Они должны назначить избранных ими мировых судей, офицеров Национальной гвардии, судей, прокуроров, кюре, епископов, администраторов округов и департаментов. Они должны составлять новые списки налогоплательщиков, распределять между собой, в соответствии с новой системой самозванства, совершенно новые реальные и личные налоги, принимать решения по искам, назначать ассессора, регулярно проверять его счета и бухгалтерские книги, помогать ему силой, применять силу при взимании акцизов и пошлин на соль, которые, будучи напрасно снижены, уравнены и преобразованы Национальным собранием, не приносят никакой прибыли, несмотря на его указы. Они обязаны изыскивать средства для переодевания, оснащения и вооружения Национальной гвардии, вставать между ней и военным командованием и поддерживать согласие между ее различными батальонами. Они должны защищать леса от разграбления, общинные земли от вторжения, поддерживать октрой, защищать бывших чиновников, духовенство и дворян, находящихся под подозрением и угрозой, и, прежде всего, обеспечивать, независимо от того, каким образом, провизией общину, которой не хватает продовольствия, и, следовательно, собирать взносы, договариваться о закупках на расстоянии и даже за границей, организовывать сопровождение, возмещать убытки пекарям, снабжать рынок каждую неделю, несмотря на нехватку, ненадежность дорог и сопротивление земледельцев.— Даже абсолютный вождь, посланный издалека и с высокого положения, самый энергичный и опытный из возможных, при поддержке наиболее дисциплинированных и послушных войск, вряд ли преуспел бы в подобном предприятии; и вместо этого есть только муниципалитет, у которого нет ни власти, ни средств, ни опыта, ни способностей, ни воли.

В стране, говорит оратор в "трибюн",²³²¹ "муниципальные служащие в двадцати тысячах из сорока тысяч муниципалитетов не умеют ни читать, ни писать". Кюре, по сути, отстранен от таких должностей по закону, и, за исключением случаев, когда Вандея и дворянство отстранены общественным мнением. Кроме того, во многих провинциях говорят только на диалекте.²³²²

Французский язык, особенно философская и абстрактная фразеология новых законов и прокламаций, остается тарабарщиной для их жителей. Они никак не могут понять и применить сложные указы и тонко продуманные инструкции, которые доходят до них из Парижа. Они спешат в города, подробно объясняют и комментируют возложенные на них обязанности по должности, пытаются понять, воображают, что они это делают, а затем, на следующей неделе, возвращаются обратно, так ничего и не поняв: ни способа ведения государственных реестров, ни различия между феодальными правами, которые отменяются, и теми, которые сохраняются, ни правил, которые они должны применять в случае избрания, ни ограничений, которые закон налагает на их полномочия и подчинение. Ничто из всего этого не проникает в их грубые, нетренированные мозги; вместо крестьянина, который только что оставил своих волов, здесь нужен знаток права с помощью опытного клерка. — К их невежеству следует добавить благоразумные соображения. Они не хотят наживать себе врагов в своей общине и воздерживаются от любых позитивных действий, особенно во всех налоговых вопросах. Через девять месяцев после указа о патриотическом взносе "двадцать восемь тысяч муниципалитетов просрочили выплату, не вернув (пока) ни списков, ни сметы".²³²³ В конце января 1792 г. "из сорока тысяч девятисот одиннадцати муниципалитетов только пять тысяч четыреста сорок восемь сдали на хранение свои реестры; только две тысячи пятьсот восемьдесят списков являются окончательными и находятся в процессе сбора. Многие из них даже не начали свои секционные выступления".²³²⁴ — Гораздо хуже, когда, думая, что они это понимают, они берутся выполнять свою работу. В их умах, неспособных к абстракции, закон трансформируется и деформируется путем экстраординарных толкований. Мы увидим, во что это превращается, когда речь заходит о феодальных сборах, о лесах, об общинных правах, об обращении зерна, о налогах на провизию, о надзоре за аристократами и о защите людей и собственности. По их словам, это уполномочивает и приглашает их делать силой и немедленно все, что им нужно или чего они желают в данный момент. Муниципальные служащие крупных районов и поселков, более проницательные и часто способные понимать указы, едва ли находятся в лучшем состоянии для их эффективного выполнения. Они, несомненно, умны, вдохновлены наилучшими наклонностями и ревностны к общественному благу. В течение первых двух лет революции именно в целом наиболее информированная и либеральная часть буржуазии, как в департаменте, так и в округе, берет на себя управление делами. Почти все они - люди закона, адвокаты, нотариусы и поверенные, лишь небольшое количество представителей старого привилегированного класса проникнуто тем же духом: каноник в Безансоне, дворянин в Ниме. Их намерения самые благие; они любят порядок и свободу, они отдают свое время и свои деньги, они проводят постоянные сессии и выполняют невероятный объем работы, и они часто добровольно подвергают себя большой опасности. — Но они буржуазные философы, и в этом последнем отношении они подобны своим депутатам в Национальном собрании, и, обладая этим двояким характером, так же неспособны, как и их депутаты, управлять распавшейся нацией. В силу этого двоякого характера они недоброжелательны к старому режиму, враждебны католицизму и феодальным правам, враждебны духовенству и дворянству, склонны преувеличивать строгость недавних декретов, сторонники прав человека и, следовательно, гуманизма и оптимисты, склонны оправдывать проступки народа, нерешительны, медлительны и часто робки перед лицом вспышки - короче говоря, замечательные писатели, увещеватели и реформаторы, но ни на что не годные, когда дело доходит до разбивания голов и рискуют собственными костями. Они не были воспитаны таким образом, чтобы за один день стать людьми действия. До этого времени они всегда жили как пассивные администраторы, как тихие личности, как прилежные люди и клерки, домашние, разговорчивые и лощеные, для

которых слова скрывали факты, и которые во время своих вечерних прогулок горячо обсуждали важные принципы управления, не имея ни малейшего представления о практическом механизме, который, с полицейской системой в качестве главного колеса, делал их самих, их прогулку и их беседу совершенно безопасными. Они не проникнуты тем чувством социальной опасности, которое порождает настоящего вождя; человека, который подчиняет эмоции жалости требованиям государственной службы. Они не осознают, что лучше прикончить сотню добросовестных граждан, чем позволить им повесить преступника без суда. Репрессии в их руках не являются ни быстрыми, ни жесткими, ни постоянными. Они продолжают оставаться в Отель-де-Виль такими, какими были, когда пришли в него, - такими многочисленными юристами и книжниками, плодотворно работающими в прокламациях, отчетах и переписке. Такова полностью их роль, и, если кто-либо из них, обладающий большей энергией, пожелает отказаться от нее, он не имеет никакой власти над коммуной, которой, согласно Конституции, он должен руководить, и над той вооруженной силой, которая вверена ему для обеспечения соблюдения законов.

Действительно, чтобы обеспечить уважение к власти, она не должна возникать на месте и под руками своих подчиненных. Оно теряет свой престиж и независимость, когда те, кто его создает, - это именно те, кто должен ему подчиняться. Ибо, подчиняясь ему, они помнят, что сами его создали. Тот или иной кандидат из них, который совсем недавно добивался их избирательных прав, теперь является магистратом, издающим приказы, и это внезапное преобразование - их работа. С трудом они переходят от роли суверенных выборщиков к роли послушных подданных администрации и признают командира в одном из своих собственных созданий.²³²⁵ Напротив, они будут подчиняться его контролю только по-своему, оставляя за собой на практике полномочия, правом на которые они его наделили.

"Мы дали ему его место, и он должен поступать так, как мы хотим".

Такое популярное рассуждение является самым естественным в мире. Это в равной степени применимо к муниципальному служащему, носящему свой шарф, как и к офицеру Национальной гвардии, носящему свои эполеты; как первое, так и второе присваиваются произвольным голосованием избирателей и всегда кажутся им подарком, который можно отозвать по их желанию. Начальник всегда, и особенно во времена опасности или большого общественного волнения, кажется, что он является их клерком, если непосредственно назначен теми, кем он командует. — Такова муниципальная власть в эту эпоху, непостоянная, ненадежная и слабая; и тем более слабая, что меч, рукоять которого, кажется, держат люди из Ратуши, не всегда покидает ножны по их приказу. Они одни уполномочены вызывать Национальную гвардию, но это не зависит от них и не находится в их распоряжении. Чтобы заручиться его поддержкой, необходимо, чтобы его независимые вожди были готовы откликнуться на их требования; чтобы люди охотно подчинялись своим избранным офицерам; чтобы эти импровизированные солдаты согласились бросить свой плуг, свои магазины, мастерские и офисы, терять рабочий день, патрулировать улицы ночью, быть заброшенными камнями, стрелять в буйную толпу, вражду и предрассудки которой они часто разделяют. Несомненно, в некоторых случаях они будут стрелять, но обычно они будут вести себя тихо, опустив оружие; и, в конце концов, они устанут от изнурительной, опасной и постоянной службы, которая им неприятна и к которой они не приспособлены. Они не ответят на вызов, а если и ответят, то придут слишком поздно и в слишком малом количестве. В этом случае обычные солдаты, за которыми послали, поступят так, как они поступают, и будут молчать, следуя их примеру, в то

время как муниципальный судья, в руки которого попал меч, сможет сделать не более, чем сообщить своему начальству в департаменте или округе печальные сообщения о народном насилии, бессильным свидетелем которого он является.— В других случаях, и особенно в стране, его состояние хуже. Национальная гвардия под бой барабанов придет и отведет его в ратушу, чтобы санкционировать своим присутствием и узаконить своими приказами те безобразия, которые она собирается совершить. Он марширует, схваченный за шиворот, и ставит свою подпись на острие штыка. В этом случае у него не только отбирают оружие, но и отказываются держать его за рукоять, он чувствует суть: вооруженная сила, которой он должен воспользоваться, использует его.

IV.—О всеобщем избирательном праве.

Национальная гвардия как избиратели.— Ее великая сила.— Ее важная задача.— Работа, возложенная на активных граждан.— Они избегают этого.

Итак, узрите истинного суверена, избирателя, как Национальную гвардию, так и избирателя. Это короли, созданные Конституцией; вот он, на каждой иерархической ступени, со своим избирательным правом, с помощью которого можно делегировать власть, и своим оружием, обеспечивающим ее осуществление.— Своим свободным выбором он создает все местные органы власти, промежуточные, центральные, законодательные, административные, церковные и судебные. Он назначает непосредственно и в первичных собраниях мэра, муниципальный совет, государственного прокурора и совет коммуны, мирового судью и его ассессоров, а также выборщиков второй степени. Косвенно и через этих избранных выборщиков он назначает администраторов и прокуроров-синдиков как округа, так и департамента, судей по гражданским и уголовным делам, государственного обвинителя, епископов и священников, членов Национальной ассамблеи и присяжных высшего национального суда²³²⁶. Все эти поручения, которые он издает, краткосрочны, основные из них, поручения муниципального служащего, выборщика и депутата, которым осталось исполнять всего два года; по истечении этого короткого срока их получатели снова подлежат его голосованию, чтобы, если он ими недоволен, он мог заменить их другими. Он не должен быть скован в своем выборе; в каждом хорошо управляемом учреждении законный владелец должен быть свободен легко и часто обновлять свой штат клерков. Он единственный, кому можно доверять, и для большей безопасности все оружие отдано ему. Когда его клерки желают применить силу, именно он предоставляет ее в их распоряжение. Все, чего он желал как избиратель, он исполнял как Национальная гвардия. В двух случаях он вмешивается, оба раза решительным образом; и его контролю над законными властями невозможно противостоять, потому что они исходят из его голоса и подчиняются только благодаря его поддержке.— Но эти права в то же время являются бременем. Конституция описывает его как "активного гражданина", и таким он в высшей

степени является или должен быть, поскольку общественная деятельность начинается и заканчивается с него, поскольку все зависит от его рвения и способностей, поскольку машина хороша и работает хорошо только пропорционально его проницательности, пунктуальности, спокойствию, твердости, дисциплине на выборах и в рядах. Закон требует его услуг непрерывно днем и ночью, телом и душой, как жандарма и как избирателя. — Насколько обременительной должна быть эта служба жандарма, можно судить по количеству беспорядков. Насколько обременительной должна быть работа избирателя, покажет избирательный список.

В феврале, марте, апреле и мае 1789 года проводятся продолжительные приходские собрания с целью выбора выборщиков и рассмотрения жалоб, а также собрания бейливика еще большей продолжительности для выбора депутатов и составления меморандума. В июле и августе 1789 года проходят стихийные собрания для избрания или утверждения муниципальных органов; другие стихийные собрания, на которых формируется ополчение и назначаются офицеры; а затем, после них, постоянные собрания того же ополчения для объединения в Национальную гвардию, обновления офицеров и назначения депутатов в федеральные собрания. В декабре 1789 года и январе 1790 года проводятся первичные собрания для избрания муниципальных должностных лиц и их советов. В мае 1790 года проводятся первичные и вторичные собрания для назначения администраторов округов и департаментов. В октябре 1790 года проводятся первичные собрания для избрания мирового судьи и его ассессоров, а также вторичные собрания для избрания окружных судов. В ноябре 1790 года проводятся первичные собрания для обновления половины муниципальных органов. В феврале и марте 1791 года проводятся вторичные собрания для назначения епископа и кюре. В июне, июле, августе, сентябре 1791 года проводятся первичные и вторичные собрания, на которых обновляется половина администраторов округа и департамента, назначаются президент, государственный обвинитель и секретарь уголовного суда, а также выбираются заместители. В ноябре 1791 года проходят первичные собрания для обновления половины состава муниципального совета. Обратите внимание, что многие из этих выборов затягиваются из-за недостатка опыта у избирателей, сложности формальностей и разделения мнений. В августе и сентябре 1791 года в Туре они продлеваются на тринадцать дней; ²³²⁷ в Труа в январе 1790 года вместо трех дней они длятся три недели; в Париже в сентябре и октябре 1791 года, только с целью выбора депутатов, они длятся тридцать семь дней; во многих местах их производство оспаривается, аннулируется и начинается заново. К этим всеобщим собраниям, которые приводят в движение всю Францию, мы должны добавить местные собрания, на которых коммуна одобряет или отвергает своих муниципальных чиновников, предъявляет претензии департаменту, королю или Ассамблее, требует содержания своего приходского священника, снабжения своего рынка, прибытия или отправки военного отряда, — и подумайте обо всем, что предполагают эти собрания, петиции и выдвижения кандидатур в виде подготовительных комитетов, предварительных собраний и дебатов! Каждое публичное представление начинается с репетиций на тайном заседании. При выборе кандидата и, прежде всего, списка кандидатов; при назначении в каждую коммуна от трех до двадцати одного муниципального служащего и от шести до сорока двух видных деятелей; при выборе двенадцати районных администраторов и тридцати шести администраторов департаментов, особенно потому, что список должен быть вдвое длиннее и содержать вдвое больше должностных лиц, чем есть свободных мест, немедленное согласие невозможно. На каждых важных выборах избиратели обязательно находятся в состоянии возбуждения за месяц до начала, в то время как четырехнедельных обсуждений и собраний не так уж много, чтобы посвятить их расспросам о кандидатах и агитации избирателей. Давайте

добавим, соответственно, это длинное предисловие к каждому из выборов, так долго и так часто повторяющихся, а теперь подведем итог неприятностям и беспорядкам, всей этой потере времени, всему труду, которого требует этот процесс. Каждый созыв первичных собраний созывает в ратушу или главный город кантона на один или на несколько дней около трех миллионов пятисот тысяч выборщиков первой степени. Каждый созыв собраний второго разряда требует присутствия в главном городе департамента, а затем и в главном городе округа около трехсот пятидесяти тысяч избранных избирателей. Каждый пересмотр или переизбрание Национальной гвардии собирает на общественной площади или подвергает поименному голосованию в ратуше три-четыре миллиона национальных гвардейцев. Каждая федерация, проведя такое же собрание или поименное голосование, направляет сотни тысяч делегатов в главные города округов и департаментов и десятки тысяч - в Париж. Полномочия, учрежденные таким образом ценой столь огромных усилий, требуют не меньших усилий для их реализации; только одна ветвь администрации²³²⁸ содержит 2988 чиновников в департаментах, 6 950 в округах, 1 175 000 в коммунах — в общем, почти миллион двести тысяч администраторов, места которых, как мы видели выше, не являются синекурами. Никогда еще политическая машина не требовала столь огромных затрат сил, чтобы привести ее в действие. В Соединенных Штатах, где сейчас (примерно в 1875 году) оно обезумело из-за собственных действий, было подсчитано, что для соответствия целям закона и поддержания каждого колеса на своем надлежащем месте каждому гражданину было бы необходимо посвящать один целый день в неделю, или одну шестую часть своего времени, общественным делам. Во Франции, при недавно принятой системе, где беспорядки повсеместны, где обязанности Национальной гвардии дополняются обязанностями выборщика и администратора и усложняются ими, по моим оценкам, потребовалось бы два дня. Именно к этому сводится Конституция, это ее важнейшее и высшее требование: каждый активный гражданин должен посвящать треть своего времени общественным делам.

Так вот, эти тысяча двести тысяч администраторов, три или четыре миллиона избирателей и национальная гвардия - как раз те люди во Франции, у которых меньше всего досуга. Класс активных граждан, действительно, включает в себя почти всех мужчин, которые трудятся своими руками или головой. Закон освобождает от ответственности только домашнюю прислугу или простых рабочих, которые, не имея собственности или дохода, зарабатывают менее двадцати одного су в день. Каждый подмастерье мельника, самый мелкий фермер, каждый деревенский владелец коттеджа или огорода, любой обычный рабочий голосует на первичных собраниях и может стать муниципальным служащим. Опять же, если он платит прямой налог в размере десяти франков в год, если он фермер или йомен с любой собственностью, которая приносит ему четыреста франков, если его арендная плата составляет сто пятьдесят франков, он может стать избранным избирателем и администратором округа или департамента. Согласно этому стандарту, имеющих право на участие неисчислимо; в сомнениях, в 1790,²³²⁹ годах они составляли две трети активных граждан. Таким образом, путь к власти открыт для всех или почти для всех, и закон не предпринял никаких мер предосторожности, чтобы зарезервировать или предоставить места для элиты, которая могла бы наилучшим образом их заполнить. Напротив, дворяне, духовные сановники, члены парламентов, крупные функционеры старого режима, высший класс буржуазии, почти все богатые, располагающие досугом, практически отстранены от участия в выборах насилием и от различных должностей общественным мнением: они вскоре уходят в частную жизнь и из-за разочарования или отвращения, из-за монархических или религиозных соображений полностью отказываются от общественной карьеры. Бремя новой

системы ложится, соответственно, на наиболее занятую часть общества: на торговцев, фабрикантов, представителей закона, служащих, лавочников, ремесленников и земледельцев. Это люди, которые должны отдавать треть уже отведенного им времени, пренебрегать частными делами ради общественных, оставлять свой урожай, свою лавку, свой магазин или свои дела, чтобы сопровождать автоколонны и патрулировать шоссе, бежать в главный город кантона, округа или департамента и оставаться там, в ратуше, [2330](#) подвергаясь потоку фраз и бумаг, сознавая, что они вынуждены выполнять беспричинную тяжелую работу, и что эта тяжелая работа приносит мало пользы обществу. - В течение первых шести месяцев они делают это с большим изяществом; их рвение в создании мемориалов, в обеспечении себя оружием против "разбойников" и в подавлении налогов, ренты и десятины достаточно активно. Но теперь, когда это многое получено или вымогано, провозглашено правом или фактически реализовано, их не следует больше беспокоить. Им нужно все их время: им нужно собрать урожай, обслужить клиентов, отдать заказы, заполнить бухгалтерские книги, скорректировать кредиты - все это срочные дела, и ни одно из них не должно быть забыто или прервано. Под гнетом необходимости и кризиса они повернулись к нему спиной, и, если мы поверим им на слово, они вытащили общественную повозку из грязи; но у них и в мыслях не было постоянно впрягаться в упряжь, чтобы тащить ее за собой самим. Поскольку этот класс веками был ограничен частной жизнью, у каждого есть своя тачка, которую он должен возить, и именно за это он несет ответственность перед всеми и превыше всего. С начала 1790 года результаты подсчета голосов показывают, что отсутствующих столько же, сколько присутствующих; в Безансоне всего девятьсот пятьдесят девять избирателей из трех тысяч двухсот зарегистрированных; четыре месяца спустя более половины выборщиков не пришли на избирательные участки; [2331](#) и по всей Франции, даже в Париже, безразличие к голосованию продолжает расти. Марионетки такой администрации, как у Людовика XV. и Людовика XVI. не становятся гражданами Флоренции или Афин за одну ночь. Сердца и головы трех или четырех миллионов людей не вдруг наделяются способностями и привычками, которые делают их способными направлять треть своей энергии на работу, которая является новой, непропорциональной, безвозмездной и чрезмерно обременительной. Логическая ошибка чудовищного двуличия лежит в основе политических теорий того времени и тех, которые были изобретены в течение последующих десяти лет. Произвольно и без какой-либо экспертизы используемому человеком металлу приписывается определенный вес и сопротивление. В ходе испытаний было установлено, что он обладает в десять раз меньшим сопротивлением и в двадцать раз большим весом, чем предполагалось.

В. — Правящее меньшинство.

Беспокойное меньшинство.—Его элементы.—Клубы.—Их господство.—Как они интерпретируют Права Человека.—Их узурпация и насилие.

В отличие от большинства, которое уклоняется от своих обязанностей, именно меньшинство выполняет работу и берет на себя власть. Большинство уходит в отставку, меньшинство становится сувереном, и общественные дела, оставленные колеблющейся, слабой и рассеянной толпой, переходят в руки решительных, энергичных, вездесущих немногих, которые находят досуг и расположение взять на себя ответственность. В системе, в которой все должности выборные и в которой выборы проводятся часто, политика становится профессией для тех, кто подчиняет ей свои частные интересы и кто находит в ней личную выгоду; в каждой деревне пять или шесть человек этого класса, в каждом районе двадцать или тридцать, в каждом городе - сотни, а в Париже - многие тысячи.²³³² Это настоящие активные граждане, они одни посвящают все свое время и внимание общественным вопросам, переписываются с газетами и с депутатами в Париже, получают и распространяют за границей лозунг партии по каждому важному вопросу, проводят собрания, вносят предложения, составляют обращения, игнорируют, упрекают или осуждают местных магистратов, объединяются в комитеты, публикуют и продвигают кандидатов, а также выезжают в пригороды и сельскую местность для агитации за голоса избирателей. Они удерживают власть в награду за свой труд, поскольку они руководят выборами и избираются на должности или получают места от успешных кандидатов. Существует огромное количество этих должностей и мест, не только у офицеров Национальной гвардии и администраторов коммуны, округа и департамента, чьи обязанности бесплатны или немногим ниже их, но и у ряда других, которые оплачиваются,²³³³ — восемьдесят три епископа, семьсот пятьдесят депутатов, четыреста судей по уголовным делам, три тысячи семь судей по гражданским делам, пять тысяч мировых судей, двадцать тысяч ассессоров, сорок тысяч коммунальных сборщиков, сорок шесть тысяч кюре, не считая вспомогательных или незначительных должностей, которые исчисляются десятками и сотнями тысяч, от секретарей, клерков, судебных приставов и нотариусов до жандармов, констеблей, офисных клерков, бидлов, могильщиков и хранителей конфискованного имущества. Пастбище огромно для амбициозных; оно не мало для нуждающихся, и они хватаются за него. Таково правило чистых демократий: отсюда и рой политиков в Соединенных Штатах. Когда закон постоянно призывает всех граждан к политическим действиям, лишь немногие посвящают себя этому; они становятся экспертами в этой конкретной работе и, следовательно, преобладают. Но им нужно заплатить за их хлопоты, и выборы обеспечивают им их места, потому что они руководят выборами.

Рекрутами для этого господствующего меньшинства являются два типа людей: с одной стороны, энтузиасты, а с другой - те, кто не имеет социального положения. Ближе к концу 1789 года умеренные люди, занимающиеся своими делами, уединяются и с каждым днем все менее расположены показываться на людях. Общественную площадь занимают другие люди, которые из-за рвения и политической страсти отказываются от своих занятий, и те, кто, обнаружив трудности в своей социальной сфере или оттолкнувшись от обычных кругов, просто ждали новой возможности начать все сначала. В эти утопические и революционные времена нет недостатка ни в том, ни в другом классе. Разбрасываемая горстями, догма народного суверенитета падает, как разбросанное повсюду семя, и в конечном итоге прорастает в разгоряченных мозгах, в узких и опрометчивых умах, которые, однажды овладев идеей, придерживаются ее и подчиняются ей. Это относится к классу рассуждающих, которые, отталкиваясь от принципа, бросаются вперед, как лошадь, на которую надели шоры. Особенно это относится к классу юристов, чья профессия приучает их к дедукции; не в меньшей степени это относится к деревенскому адвокату, лишенному сана монаху, "вторгшемуся" и отлученному от церкви кюре и, прежде всего, к журналисту и местному оратору, который впервые в своей

жизни обнаруживает, что у него есть аудитория, аплодисменты, влияние и будущее перед ним. Это единственные люди, которые могут выполнять сложную и постоянную работу, к которой призывает новая Конституция; ибо это единственные люди, чьи желания безграничны, чьи мечты последовательны, чья доктрина ясна, чей энтузиазм заразителен, кто не испытывает угрызений совести и чья самонадеянность безгранична. Таким образом, в них вырабатывалась и закалялась жесткая воля, внутренний источник энергии, который, с каждым днем все сильнее заходясь, побуждает их к пропаганде и действию.— Во второй половине 1790 года мы видим, как они повсюду следуют примеру парижских якобинцев, называя себя друзьями Конституции и объединяясь в народные объединения. В каждом городе и деревне создается клуб патриотов, которые регулярно, каждый вечер или несколько раз в неделю, собираются "с целью сотрудничества во имя безопасности содружества".²³³⁴ Это новый и спонтанный орган,²³³⁵ раковая опухоль и паразит, который развивается в общественном организме вместе с его законными организациями. Его рост незаметно усиливается, он привлекает к себе субстанцию других, использует их в своих целях, подменяет их собой, действует сам по себе и только для себя, своего рода всеядный отросток, вторжению которого невозможно противостоять не только потому, что обстоятельства и действие Конституции питают его, но и потому, что его зародыш, отложенный на большой глубине, является живой частью самой Конституции.

Ибо во главе Конституции, а также прилагаемых к ней декретов стоит Декларация прав человека. В соответствии с этим и по признанию самих законодателей, в законе следует различать две части: одну высшую, вечную, нерушимую, которая является самоочевидным принципом, и другую низшую, временную и открытую для обсуждения, которая охватывает более или менее точные или ошибочные применения этого принципа. Никакое применение закона не является действительным, если оно противоречит принципу. Ни одно учреждение или власть не имеет права на подчинение, если оно противоречит правам, которые оно призвано гарантировать. Эти священные права, предшествующие всему обществу, имеют приоритет над всеми социальными условностями, и всякий раз, когда мы хотим знать, является ли правовой порядок законным, мы должны просто удостовериться, соответствует ли он естественному праву. Давайте, соответственно, в каждом сомнительном или трудном случае ссылаться на это философское евангелие, на этот неоспоримый катехизис, на это изначальное вероучение, провозглашенное Национальным собранием.— Национальное собрание само призывает нас к этому. Ибо оно объявляет, что

"невежество, пренебрежение или презрение к правам человека являются единственными причинами общественных бедствий и коррупции правительств".

В нем говорится, что

"целью любого политического объединения является сохранение естественных и неотъемлемых прав".

Он перечисляет их, "чтобы акты законодательной власти и акты исполнительной власти можно было сразу сравнить с целью каждого политического института". Он желает, "чтобы каждый член общественного организма постоянно помнил о своем заявлении". — Таким образом, нам сказано контролировать все действия по применению принципа, а также нам предоставлены правила, по которым мы можем и должны соглашаться, измерять или даже отказываться от нашего подчинения, уважения и терпимости к установленным институтам и законной власти.

Каковы эти преимущественные права и, в случае возникновения спора, кто примет решение в качестве арбитра?— Здесь нет ничего подобного точным декларациям американской Конституции,²³³⁶ тем позитивным предписаниям, которые служат основанием для судебного обжалования, тем прямым запретам, которые заранее препятствуют принятию определенных видов законов, которые устанавливают пределы государственной власти, которые указывают область, в которую государство не должно вторгаться, потому что она зарезервирована за отдельным человеком.

Напротив, в декларации национального собрания большинство статей представляют собой абстрактные догмы,²³³⁷ метафизических определений, более или менее литературных аксиом, то есть более или менее ложных, то расплывчатых, то противоречивых, открытых для различных толкований и противоположных построений, они хороши для показа на трибуне, но плохи на практике, просто сценический эффект, своего рода напыщенный штандарт, бесполезный и тяжелый, который, будучи водружен перед зданием Конституционного суда и ежедневно сотрясаемый жестокими руками, не может не обрушиться вскоре на головы прохожих.²³³⁸— Ничего не делается для предотвращения этой видимой опасности. Здесь нет ничего подобного Верховному суду, который в Соединенных Штатах стоит на страже Конституции даже вопреки своему Конгрессу и который во имя Конституции фактически аннулирует закон, даже если он прошел все формальности и был одобрен всеми властями; который выслушивает жалобы человека, пострадавшего от неконституционного закона; который останавливает руку шерифа или коллектора, поднятую против него, и который через их головы выносит решение о его интересах и неправоте. Нечетко сформулированные и противоречащие друг другу законы провозглашаются без каких-либо положений об их толковании, применении или санкциях. Не предпринимается никаких мер для их специального разъяснения. Ни одному окружному суду не поручено рассматривать вытекающие из них претензии, прекращать судебный процесс законным, мирным путем, по последней апелляции и посредством окончательного решения, которое становится прецедентом и фиксирует общий смысл текста. Все это делается обязанностью каждого, то есть тех, кто склонен взваливать это на себя, — другими словами, активного меньшинства в собравшемся совете. Таким образом, в каждом городе или деревне именно местный клуб с разрешения самого законодателя становится защитником, судьей, толкователем и распорядителем прав человека, и который во имя этих высших прав может протестовать или восставать, как сочтет нужным, не только против законных действий юридических властей, но и против аутентичного текста Конституции и Законов.²³³⁹

Рассмотрим, в самом деле, эти права в том виде, в каком они провозглашены, вместе с комментариями оратора, который излагает их в клубе перед аудиторией разгоряченных и дерзких духом людей или на улице перед грубой и фанатичной толпой. Каждая статья Декларации - это кинжал, направленный на человеческое общество, и достаточно нажать на рукоятку, чтобы лезвие вошло в плоть.²³⁴⁰ Среди "этих естественных и неотъемлемых прав" законодатель назвал "сопротивление угнетению". Нас угнетают: давайте сопротивляться и возьмемся за оружие. Согласно этому законодателю, "общество имеет право привлечь к ответственности каждого представителя государственной администрации". Давайте отправимся в Отель-де-Виль и допросим наших равнодушных или подозреваемых магистратов, и понаблюдаем за их заседаниями, чтобы увидеть, преследуют ли они священников и разоряют ли аристократов; давайте остановим их интриги против народа; давайте заставим этих медлительных чиновников ускорить свои шаги.— Согласно этому законодателю, "все граждане имеют право лично или через своих представителей принимать участие в

формировании закона". Таким образом, не должно быть больше избирателей, пользующихся привилегиями в виде уплаты налога в три франка. Долой новую аристократию активных граждан! Давайте вернем двум миллионам пролетариев избирательное право, которого Конституция их несправедливо лишила! — Согласно этому законодателю, "люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах". Следовательно, пусть никто не будет исключен из Национальной гвардии; пусть у каждого, даже у нищего, будет какое-нибудь оружие, пика или ружье, чтобы защищать свою свободу!—В самих терминах Декларации "закон является выражением всеобщей воли". Прислушайтесь к этим крикам на открытых улицах, к этим петициям, стекающим из городов со всех сторон; узрите всеобщую волю, живой закон, который отменяет писанный закон! Исходя из этого, лидеры нескольких клубов Парижа намерены свергнуть короля, нарушить работу Законодательного собрания и разгромить Национальный конвент.— Другими словами, беспокойное, фракционное меньшинство должно вытеснить суверенную нацию, и отныне ничто не мешает ему делать то, что ему заблагорассудится, именно тогда, когда ему заблагорассудится. Действие Конституции придало ей реальность власти, в то время как преамбула Конституции наделяет ее видимостью права.

VI.Краткий отчет о работе Учредительного собрания.

Такова работа Учредительного собрания. В нескольких своих законах, особенно тех, которые касаются частных интересов, в институте гражданского регулирования, в уголовном и сельском кодексах,²³⁴¹ в первых попытках и обещаниях единообразного гражданского кодекса, в формулировании нескольких простых правил, касающихся налогообложения, процедур и администрирования, это посеяло хорошие семена. Но во всем, что касается политических институтов и социальной организации, его действия являются действиями академии утопистов, а не действиями практических законодателей. — На вверенном ему больном теле он произвел ампутации, которые были столь же бесполезны, сколь и чрезмерны, и наложил повязки, столь же неадекватные, сколь и вредные. За исключением двух или трех непреднамеренно допущенных ограничений и сохранения королевской власти, а также обязательства соблюдать небольшой избирательный ценз, он до конца выполнил свой принцип, принцип Руссо. Оно намеренно отказывалось рассматривать человека таким, каким он был на самом деле в его собственных глазах, и упорно не видело в нем ничего, кроме абстрактного, создаваемого в книгах. Следовательно, со слепотой и упрямством, характерными для хирурга-спекулянта, он уничтожил в обществе, подчинившемся его скальпелю и его теориям, не только опухоли, наросты и воспаленные части органов, но и сами органы и даже жизненно важные управляющие центры, вокруг которых располагаются клетки для восстановления поврежденного органа. То есть Ассамблея разрушила, с одной стороны, освященные веками, спонтанные и прочные общества, сформированные географическим положением, историей, общими занятиями и интересами, а с другой - тех прирожденных вождей, чье имя, репутация,

образование, независимость и серьезность определяли их как наиболее подходящих для занятия высоких должностей. С одной стороны, она грабит и допускает разорение и изгнание высшего класса, знати, членов парламента и верхушки среднего класса. В другом случае он лишает собственности и распадает все исторические или естественные корпорации, религиозные конгрегации, духовные органы, провинции, парламенты, общества искусства и все другие профессии и занятия. Когда это сделано, оказывается, что все узы, удерживающие людей вместе, разорваны; исчезла всякая субординация и всякая градуированная шкала званий. Больше нет рядового состава или главнокомандующего. Не остается ничего, кроме отдельных частиц, 26 миллионов одинаковых и разъединенных атомов. Никогда еще столько разложившейся материи, менее способной к сопротивлению, не предлагалось рукам, берущимся придать ей форму. Грубости и насилия будет достаточно, чтобы обеспечить успех. Эти грубые руки готовы к работе, и Сборка, которая превратила материал в порошок, также обеспечила ступку и пестик. Столь же неуклюжий в разрушении, как и в строительстве, он изобретает для восстановления порядка в обществе, которое перевернуто с ног на голову, машину, которая сама по себе создала бы беспорядок в спокойном обществе. Самое абсолютное и наиболее концентрированное правительство не было бы достаточно сильным, чтобы беспрепятственно осуществить подобное выравнивание рангов, такое же расчленение ассоциаций и такое же перераспределение собственности. Никакие социальные преобразования не могут быть осуществлены мирным путем без хорошо командуемой армии, послушной и присутствующей повсюду, как это было при освобождении русских крепостных императором Александром. Новая Конституция 2342 года, напротив, низводит короля до положения почетного президента, находящегося под подозрением и поставленного под сомнение дезорганизованным государством. Между ним и законодательным корпусом это не создает ничего, кроме источников конфликта, и подавляет все средства к согласию. Монарх не имеет никакой власти над административными ведомствами, которыми он должен руководить; взаимная независимость властей, от центра до окраин государства, повсюду порождает безразличие, небрежность и непослушание между издаваемыми указами и их исполнением. Франция - это федерация из сорока тысяч муниципальных образований, в которой полномочия судебных чиновников варьируются в зависимости от каприза активных граждан. Эти активные граждане, слишком обремененные, уклоняются от исполнения общественного долга, в котором меньшинство фанатиков и честолюбцев монополизирует право высказываться, голосовать, все влияние, власть и все действия. Они оправдывают свои многочисленные вторжения, свой необузданный деспотизм и все возрастающие посягательства Декларацией прав человека. Совершен шедевр 2343 идеальных абстракций и практических абсурдов. В соответствии с Конституцией стихийная анархия становится узаконенной анархией. Последнее совершенно; ничего прекраснее подобного не видели с девятого века.

2301 (возврат)

[Название страшного секретного королевского ордера на арест. (старший)]

2302 (возврат)

[Инициатива принадлежит королю по одному пункту: ассамблея не может объявить войну]

иначе, как по его официальному и предварительному предложению. Это исключение было обеспечено только после ожесточенной борьбы и невероятных усилий Мирабо.]

2303 (возвращение)

[Речь Ланжуина, 7 ноября 1789 года. "Мы остановились на разделении властей. Почему же тогда он сделал нам предложение объединить законодательную власть с исполнительной в лице министров?"]

2304 (возвращение)

[Смотрите выступление министров в Законодательном собрании.]

2305 (возвращение)

["Любое общество, в котором четко не определено разделение властей, не имеет конституции". (Декларация прав, статья XVI.) — Этот принцип заимствован из текста Монтескье, а также из Американской конституции. В остальном следует теории Руссо.]

2306 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", выражение Малле дю Пана.]

2307 (возвращение)

[Конституция 1791 г., ч. II. статьи 5, 6, 7.—Указ от 25 сентября—6 октября 1791 г., раздел III. статьи, с 8 по 25.]

2308 (возвращение)

[Речи Барнава и Редерера в учредительном собрании.—Речи Барнава и Дюпора в якобинском клубе.]

2309 (возвращение)

[Основные тексты. (Дювержье, "Сборник законов о жизни и декретах".) — Законы о муниципальном и административном устройстве, 14 и 22 декабря 1789 г.; 12-20 августа 1790 г.; 12 марта 1791 г. О муниципальном устройстве Парижа, 21 мая, 27 июня 1790 г. —Законы об организации судебной власти, 16-24 августа 1790 г.; 16-29 сентября 1791 г.; 29 сентября, 21 октября 1791 г.—Законы о военной организации, 23 сентября, 29 октября 1790 г.; 16 января 1791 г.; 27, 28 июля 1791 г. —Законы о финансовой организации, 14-24 ноября 1790 г.; 23 ноября 1790 г.; 17 марта 1791 г.; 26 сентября, 2 октября 1791 г.]

2310 (возврат)

[Лишение таких управленческих полномочий после второй мировой войны имело место в Организации Объединенных Наций и других западных государственных администрациях и, по-видимому, является целью многих усилий коммунистических профсоюзов. Результатом повсюду были дополнительные затраты и снижение эффективности. (СР.)]

2311 (возвращение)

[Этот принцип был внедрен в западные образовательные системы, когда умные самозванные психологи сказали родителям и учителям, что они могут и должны не наказывать своих детей, а только разговаривать и объяснять им. (Ср.)]

2312 (возврат)

[Это описание соответствует положениям о персонале секретариата Организации Объединенных Наций, в котором я проработал 32 года. (старший)]

2313 (возврат)

[Указы от 14 и 22 декабря 1789 г.: "В муниципалитетах, состоящих из трех членов (коммуны с населением менее пятисот человек), все исполнительные функции принадлежат только мэру".]

2314 (возвращение)

[Могло ли быть так, что Ленин принял это к сведению, перевел на русский и использовал в своих, а позже и в сталинских школах для международных революционеров? Это в любом случае ослабило бы буржуазно-капиталистические страны. В любом случае, такие меры были введены как в международных организациях, так и в большинстве западных демократических правительств после Второй мировой войны. (старший)]

2315 (возвращение)

[В Организации Объединенных Наций это называлось "ротацией" и делало управление миссиями и силами сложным, дорогостоящим и неэффективным. Эта ротация также использовалась в индийской и других армиях, чтобы помешать офицерам достичь взаимопонимания или добиться какой-либо власти над войсками, находящимися под их командованием. (СР.)]

2316 (возвращение)

[Законы от 23 сентября- 29 октября 1790 г.; 16 января 1791 г. (Разделы II. И VII.) — Ср. юридические предписания в отношении военных трибуналов. В каждом обвинительном или судебном жюри одна седьмая приведенных к присяге членов избирается из числа унтер-

офицеров и одна седьмая - из числа солдат, и опять же, в зависимости от ранга обвиняемого, число лиц того же ранга удваивается.]

2317 (возвращение)

[Закон от 28 июля, 12 августа 1791 г.]

2318 (возвращение)

[Законы от 24 ноября 1789 г. (статья 52), 10-14 августа 1789 г. —Инструкция от 10-20 августа 1790 г.; § 8—Закон от 21 октября, 21 ноября 1789 г.]

2319 (возвращение)

[Законы от 14 и 23 ноября 1790 г.; 13 января, 26 сентября, 9 октября 1792 г.]

2320 (возвращение)

[Альбер Бабо, I. 327 (Праздник Федерации, 14 июля 1790 г.). — "Национальные архивы", F7, 3215 (17 мая 1791 г., Обсуждение генерального совета коммуны Брест. 17 и 19 мая, Письма директории округа).—Меркюр, 5 марта 1791 г. "Мадам задержаны до возвращения двух депутатов, которых Республика Арне-ле-Дюк направила к представителям нации, чтобы продемонстрировать им необходимость содержания тетушек короля в королевстве".]

2321 (возвращение)

[Moniteur, X. 132. Речь М. Лабержери, 8 ноября 1791 г.]

2322 (возвращение)

[В Монтобане, в салоне интенданта, местные дамы говорили только на патуа, бабушка джентльмена, который сообщил мне об этом факте, не понимала никакого другого языка.]

2323 (возвращение)

[Moniteur, V.163, заседание от 18 июля 1791 г. Выступление М. Лекульте, репортера.]

2324 (возвращение)

[Moniteur, XI. 283, заседание от 2 февраля 1792 г. Речь Камбона: "Они уходят, думая, что понимают то, что им объясняют, но возвращаются на следующий день, чтобы получить новые объяснения. Адвокаты отказываются оказывать муниципалитетам какую-либо помощь, заявляя, что им ничего не известно об этих вопросах".]

2325 (возврат)

[То же самое может произойти, когда подчиненного повышают в должности, чтобы поставить во главе своих бывших равных и коллег. Вот почему часто предпочтительнее переводить кого-то, кто признан талантливым, всякий раз, когда должно происходить повышение по службе. (старший)]

2326 (возвращение)

[Закон от 11-15 мая 1791 г.]

2327 (возвращение)

[Протокол заседания Избирательной ассамблеи департамента Индр и Луара (1791, напечатан).]

2328 (return)

[De Ferrières, I. 367.]

2329 (возвращение)

[Suzay, I, 191 (21 711 имеют право из 32 288 зарегистрированных граждан).]

2330 (возврат)

[Официальный отчет Избирательной ассамблеи департамента Индр и Луара, 27 августа 1791 г. "Член Собрания внес предложение о том, чтобы всем членам, входящим в его состав, была возмещена сумма расходов, которые были бы понесены в связи с их отсутствием дома и длительным пребыванием, которое им пришлось бы совершить в городе, где проводилось Собрание. Он отметил, что жители страны пострадали больше всех, их труд был их единственным богатством; что если бы на это требование не было обращено внимания, они были бы вынуждены, несмотря на свой патриотизм, уйти и отказаться от своей важной миссии; что избирательные собрания тогда опустели бы или состояли бы из тех, чьи ресурсы позволили им принести эту жертву".]

2331 (возвращение)

[Саузой, I. 147, 192.]

2332 (возврат)

[Подробнее об этих цифрах см. Том II. Книга IV.]

2333 (возвращение)

[Де Феррьер, I. 367. Ср. Различные упомянутые выше законы.]

2334 (возвращение)

[Констант, "История якобинского клуба в провинции" (Фонтенбло), стр.15. (Подробный отчет об основании клубов Море, Томери, Немура и Монтеро.)]

2335 (возвращение)

[Позже изменятся и повсюду станут социалистическими и коммунистическими партиями. (СТАРШИЙ)]

2336 (возвращение)

[Ср. Декларация независимости, 4 июля 1776 г. (за исключением первой фразы, которая является лозунгом европейских философов).—Джефферсон предложил Декларацию прав для Конституции от 4 марта 1789 года, но она была отклонена. Они удовлетворились добавлением к нему одиннадцати поправок, закрепляющих основные права гражданина.]

2337 (возвращение)

[Статья I. "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах, общих для всех. Социальные различия основаны исключительно на общественной полезности". Первая фраза осуждает наследственную королевскую власть, которая санкционирована Конституцией. Вторая фраза может быть использована для легитимизации наследственной монархии и аристократии.—Статьи 10 и 11 касаются проявления религиозных убеждений и свободы слова и печати. В силу этих двух статей богослужение, речь и пресса могут подвергаться самым репрессивным ограничениям и т.д.]

2338 (возврат)

[Международный билль о правах человека 1948 года сильно отличается от того, который был принят в 1789 году. В 1948 году больше не упоминается ни о каком "праве на сопротивление угнетению", происходит смягчение позиции в отношении права собственности и вводятся новые права на бесплатное образование, на страну, на отдых и досуговую деятельность, на высокий уровень здоровья и на адекватный уровень жизни. (Ср.)]

2339 (возвращение)

[Сталин и его преемники организовали такую систему "клубов" по всему миру, которые даже сегодня остаются активными в качестве "защитников" окружающей среды, беженцев, заключенных, животных и окружающей среды. (Ср.)]

2340 (возвращение)

[Бюшез и Ру, XI. 237. (Речь Малуэ в связи с пересмотром, 5 августа 1791 г.). "Вы постоянно искушаете народ суверенитетом, не давая ему возможности немедленно им воспользоваться".]

2341 (возвращение)

[Указы от 25 сентября— 6 октября 1791 г.; 28 сентября— 6 октября 1791 г.]

2342 (возвращение)

[Беспристрастные современники, обладающие достаточной квалификацией для суждения, согласны с абсурдностью Конституции. "Конституция была настоящим монстром. В ней было слишком много монархии для республики и слишком много республики для монархии. Король был гарниром, без закуски, присутствующий повсюду внешне, но без какой-либо реальной власти". (Дюмон, 339.) "Существует общее и почти всеобщее убеждение, что эта Конституция неисполнима. Все ее создатели до единого осуждают ее". (Г. Моррису, 30 сентября 1791 г.) "Каждый день все яснее доказывает, что их новая Конституция ни на что не годна". (там же. 27 декабря 1791 г.). Ср. Разумную и пророческую речь, произнесенную Малуэ (5 августа 1791 г., Бюше и Ру, XI. 237).]

2343 (возвращение)

[Яркое описание Тэна, вероятно, вдохновило бы любого радикального революционера, которому посчастливилось прочитать его подробное описание того, как приступить к разрушению наивного коррумпированного капиталистического, буржуазного общества. (СТАРШИЙ)]

ГЛАВА I.

I.—Федерации.

Популярное применение философской теории.—Идиллическое прославление противоположного социальному.—Два слоя человеческого разума.—Постоянное расстройство.

Если когда-либо существовала Утопия, которая казалась осуществимой или, что еще более соответствует цели, была действительно применена, превращена в факт, полностью установлена, то это утопия Руссо в 1789 году и в течение трех последующих лет. Ибо не только его принципы воплощены в законах, и Конституция повсюду проникнута его духом, но и кажется, что нация воспринимает его идеологические авантюры, его абстрактную фантастику как серьезную. Этот вымысел он осуществил во всех деталях. Общественный договор, в какой-то момент спонтанный и практичный, огромное скопление людей, впервые свободно объединяющихся для признания своих соответствующих прав, заключающих особый договор и связывающих себя торжественной клятвой: таков социальный рецепт, предписанный философами и выполняемый буквально. Более того, поскольку этот рецепт считается безошибочным, задействуется воображение и включаются чувства дня. Признано, что люди, снова став равными, снова стали братьями.³¹⁰² Внезапная и удивительная гармония всех волевых действий и всего разумного восстановит золотой век на земле. Соответственно, уместно рассматривать общественный договор как праздник, трогательную, возвышенную идиллию, во время которой от одного конца Франции до другого все, взявшись за руки, должны собраться и поклясться в верности новому договору с песнями, танцами, со слезами радости, с радостными криками, что является достойным началом общественного счастья. С единодушного согласия, действительно, идиллия исполняется как будто по заранее написанной программе.

29 ноября 1789 года в Этуале, близ Валанса, началось формирование федераций.³¹⁰³ Двенадцать тысяч национальных гвардейцев с обоих берегов Роны обещают "оставаться навеки объединенными, обеспечивать оборот зерна и поддерживать законы, принятые Национальным собранием". 13 декабря в Монтелимаре шесть тысяч человек, представители 27 000 других мужчин, приносят аналогичную присягу и присоединяются к вышесказанному. Из—за этого волнение распространяется из месяца в месяц и из провинции в провинцию. Четырнадцать городов округов Франш-Конте образуют патриотическую лигу. В Понтиви Бретань вступает в федеративные отношения с Анжу. Тысяча национальных гвардейцев Виваре и Лангедока отправляют своих делегатов в Вут. 48 000 жителей Вогезов отправляют своих заместителей в Эпиналь. В феврале, марте, апреле и мае 1790 года в Эльзасе, Шампани, Дофини, Орлеане, Турени, Лионе и Провансе происходит то же самое зрелище. В Драгиньяне восемь тысяч национальных гвардейцев приносят присягу в присутствии 20 000 зрителей. В Лионе

гражданскую присягу приносят 50 000 человек, делегаты из более чем 500 000 человек.—Но местных союзов недостаточно для завершения организации Франции; должен иметь место всеобщий союз всех французов. Многие из различных национальных гвардейцев уже написали в Париж с целью присоединиться к тамошней Национальной гвардии; и однажды, 5 июня, по предложению парижского муниципального органа, Ассамблея провозглашает всемирную федерацию. Это должно состояться 14 июля, повсюду в один и тот же день, как в центре, так и на окраинах королевства. Один должен быть в главном городе каждого округа и каждого департамента, а другой - в столице. К последнему каждый отряд Национальной гвардии должен направить заместителей в пропорции один человек на каждые двести; и каждый полк - одного офицера, одного унтер-офицера и четырех рядовых. Четырнадцать тысяч представителей Национальной гвардии провинций появляются на Марсовом поле, театре фестиваля; также от одиннадцати до двенадцати тысяч представителей сухопутных войск и морской пехоты, помимо Национальной гвардии Парижа, и шестьдесят тысяч зрителей на окружающих склонах, с еще большей толпой на высотах Шайо и Пасси. Все поднимаются на ноги и клянутся в верности нации, закону, королю и новой Конституции. Когда раздается пушечный залп, возвещающий о принесении присяги, те парижане, которые остались дома, мужчины, женщины и дети, поднимают руки в направлении Марсова поля и также заявляют о своей согласии. В каждом главном городе каждого округа, департамента и коммуны Франции в один и тот же день произносится одна и та же клятва. Никогда не слышали о более совершенном общественном договоре. Здесь, впервые в мире, все видят настоящее законное общество, ибо оно основано на свободных обещаниях, на торжественных оговорках и на фактическом согласии. У них есть подлинный акт и датированный официальный отчет о нем.[3104](#)

Есть еще кое—что большее - время и повод означают союз всех сердец. Барьеры, которые до сих пор отделяли людей друг от друга, сняты без каких-либо усилий. Провинциальные антагонизмы теперь должны прекратиться: союзники Бретани и Анжу пишут, что они больше не желают быть анжуйцами и бретонцами, а просто французами. Всем религиозным разногласиям должен быть положен конец: в Сен-Жан-дю-Гар, недалеко от Алэ, католический кюре и протестантский пастор обнимают друг друга у алтаря; пастор занимает лучшее место в церкви, а в протестантском молитвенном доме кюре занимает почетное место и слушает проповедь пастора.[3105](#) Различий по рангу и положению больше не будет; в Сен-Андеоле "честь принести присягу от имени народа предоставлена двум старикам". , одному девяносто три, а другому девяносто четыре года, один дворянин и полковник Национальной гвардии, а другой простой крестьянин." В Париже двести тысяч человек всех состояний, возрастов и полов, офицеры и солдаты, монахи и актеры, школьники и учителя, денди и оборванцы, элегантные дамы и продавщицы рыбы, рабочие всех сословий и окрестные крестьяне - все стекались на Марсово поле, чтобы копать неготовую землю, и за неделю, таща тачки и орудия киркой как равные и товарищи, добровольно впряженные в одну и ту же службу, превратили плоскую поверхность в долину между двумя холмами.— В Страсбурге генерал Люкнер, главнокомандующий, проработал целый день без пиджака, как самый обычный чернорабочий. Конфедераты накормлены, обеспечены жильем, и их расходы оплачиваются повсюду, на всех дорогах. В Париже трактирщики и содержатели меблированных комнат снижают цены по собственному желанию и не думают грабить своих новых постояльцев. "Округа", более того, "угощают провинциалов сколько душе угодно.[3106](#) Каждый день здесь обедают от двенадцати до полутора тысяч человек". Провинциалы и парижане, солдаты и буржуа, сидя и смешавшись вместе, пьют за здоровье друг друга и обнимаются. Солдаты, особенно низшие офицеры,

окружены, их приветствуют и развлекают до такой степени, что они теряют голову, здоровье и многое другое. Один "старый солдат, прослуживший на службе более пятидесяти лет, умер по дороге домой, истощенный сердечными припадками и избытком удовольствия". Короче говоря, радость чрезмерна, как и должно быть в великий день, когда исполняется желание целого столетия.—Узрите идеальное счастье, изображенное в книгах и иллюстрациях того времени! Естественный человек, погребенный под искусственной цивилизацией, извлекается из могилы и снова появляется, как в ранние времена, как на Таити, как в философских и литературных пасторалях, как в буколических и мифологических операх, доверчивый, нежный и счастливый. "Вид всех этих существ, вновь возвращенных к сладостным чувствам первобытного братства, - изысканное наслаждение, почти непосильное для души", и француз, более беззаботный и гораздо более по-детски, чем он есть сегодня, безудержно отдается своим социальным, сочувствующим и великодушным инстинктам. Что бы ни предлагало ему сегодняшнее воображение для усиления его эмоций, весь классический, риторический и драматический материал, находящийся в его распоряжении, используется для украшения его праздника. Уже охваченный диким энтузиазмом, он стремится усилить свой энтузиазм. — В Лионе пятьдесят тысяч конфедератов с юга выстраиваются в боевой порядок вокруг искусственной скалы высотой в пятьдесят футов, покрытой кустарником и увенчанной Храмом Согласия, в котором возвышается огромная статуя Свободы; ступени скалы украшены флагами, и торжественная месса предшествует принесению присяги.—В Париже посреди Марсова поля воздвигнут алтарь, посвященный нации, который превращается в колоссальный цирк. Регулярные войска и федерации департаментов занимают позиции вокруг него, король находится впереди с королевой и дофином, а рядом с ними принцы и принцессы на галерее и члены Национального собрания в амфитеатре; двести священников, облаченных в свои альбы и с трехцветными поясами, совершают богослужение вокруг Талейрана, епископа Отенского; триста барабанов и тысяча двести музыкантов играют одновременно; сорок пушек стреляют одним залпом, и четыреста тысяч приветствий раздаются, как от одной угрозы. Никогда еще не прилагались такие усилия, чтобы опьянять чувства и напрягать нервы сверх их пределов выносливости!—Моральная машина устроена так, чтобы вибрировать в той же и даже в большей степени. На протяжении более чем года назад разглагольствования, прокламации, обращения, газеты и мероприятия ежедневно усиливали давление еще на одну ступень. По этому случаю тысячи речей, умноженных на мириады газетных публикаций, доводят энтузиазм до высшей точки. Декламация пенится и катится непрерывным потоком риторики повсюду по всей Франции.³¹⁰⁷ В этом состоянии возбуждения разница между высокопарностью и искренностью, между фальшью и правдой, между шоу и содержанием больше не различима. "Федерация" становится оперой, которую всерьез разыгрывают на улице — детям отведены в ней роли; никому и в голову не приходит, что они марионетки и что слова, принятые за выражение сердца, - это просто заученные речи, которые вложили им в уста. В Безансоне, по возвращении конфедератов, сотни "юных граждан" в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет,³¹⁰⁸ в национальной форме, "со шпагой в руке" маршируют под знамена Свободы. Три маленькие девочки от одиннадцати до тринадцати лет и два мальчика девяти лет каждая произносят "речь, полную огня и дышащую не чем иным, как патриотизмом"; после чего юная леди четырнадцати лет, повышая голос и указывая на флаг, обращается с речью по очереди к толпе, депутатам, Национальной гвардии, мэру и командующему войсками, сцена заканчивается балом. Это универсальный финал — мужчины и женщины, дети и взрослые, простые люди и светские люди, начальники и подчиненные, все, повсюду, резвятся, как в последнем акте пасторальной драмы. В Париже, — пишет очевидец, "я видел, как кавалеры ордена Людовика Святого и

капелланы танцевали на улице с людьми, принадлежащими к их департаменту".³¹⁰⁹ На Марсовом поле в день Федерации, несмотря на проливной дождь, "первые прибывшие начали танцевать, а те, кто пришел за ними, присоединились к ним, образовав круг, который вскоре распространился на часть Марсова поля ... Триста тысяч зрителей отбивали такт руками". В последующие дни на Марсовом поле и на улицах продолжаются танцы, а также пьянство и кутежи; "на Хлебной бирже и на месте взятия Бастилии был бал с угощением". - В Туре, где собраны пятьдесят два отряда из соседних провинций, около четырех часов пополудни,³¹¹⁰ в непреодолимом порыве безумного веселья "офицеры, нижние чины и солдаты, сбившись в кучу, носятся по улицам, одни с саблей в руке, другие танцуют и кричат "Да здравствует Король!", "Да здравствует нация!", подбрасывают вверх шляпы и заставляют каждого встречного присоединиться к танцу. Одному из каноников собора, случайно проходящему мимо, надевают на голову гренадерскую фуражку", и его втягивают в круг, а за ним двух монахов; "их часто обнимают", а затем отпускают. Подъезжают экипажи мэра и маркизы де Монтосье; люди садятся сзади, забираются внутрь и усаживаются впереди, сколько влезет, и заставляют кучеров таким образом шествовать по главным улицам. В этом нет злого умысла, ничего, кроме веселья и переизбытка настроения. "Никто не подвергся жестокому обращению или оскорблению, хотя почти все были пьяны". — Тем не менее, есть один плохой симптом: солдаты Анжуйского полка покидают свои казармы на следующий день и "проводят всю ночь на улице, никто не может им помешать". И есть другой, еще более серьезный аспект; в Орлеане, после того как роты Национального ополчения вечером танцевали на площади, "большое количество добровольцев прошли процессией через город с барабанами, изо всех сил выкрикивая, что аристократия должна быть уничтожена, и что священники и аристократы должны быть уничтожены". его следует подвесить к фонарному столбу. Они входят в подозрительную кофейню, выгоняют оттуда посетителей с оскорблениями, возлагают руки на джентльмена, который, как предполагается, кричал не так правильно и громко, как они сами, и чуть не повесили его.³¹¹¹ — таков плод философии и взглядов восемнадцатого века. Люди верили, что для организации совершенного общества и постоянного установления свободы, справедливости и счастья на земле будет достаточно проявления чувств и волевого акта. Пришло вдохновение, и действие было совершено; они были увлечены, восхищены, тронуты и не в своем уме. Теперь наступает реакция, когда они должны вернуться к самим себе. Этим усилиям удалось достичь всего, чего они могли достичь, а именно: потока эмоциональных демонстраций и лозунгов, словесного, а не реального контракта, показного братства на поверхности, благонамеренного маскарада, излияния чувств, испаряющихся сквозь собственное зрелище, - короче говоря, приятного карнавала продолжительностью в один день.

Причина в том, что в человеческом сознании есть два слоя. Один поверхностный, который люди осознают, другой глубоко внутри, о котором они не подозревают.³¹¹² Первый неустойчив и колеблющийся, как зыбучий песок, второй устойчивый и незыблемый, как цельная скала, до которой их капризы и волнения никогда не доходят. Только последнее определяет общий наклон почвы, основное течение человеческой деятельности, неизбежно следующее подготовленному для нее наклону. — Конечно, были обменены объятиями и даны клятвы; но после, как и до церемонии, люди являются именно такими, какими их сделали многие столетия административного рабства и одно столетие политической литературы. Их невежество и самонадеянность, их предрассудки, ненависть и недоверие, их застарелые интеллектуальные и эмоциональные привычки все еще сохраняются. Они люди, и их желудки нуждаются в ежедневном наполнении. У них есть воображение, и, если хлеба не хватает, они боятся, что его

может не хватить. Они предпочитают хранить свои деньги, а не раздавать их. По этой причине они по возможности отвергают требования, которые предъявляют к ним государство и отдельные лица. Они избегают выплаты своих долгов. Они охотно прибирают к рукам общественную собственность, которая плохо охраняется; наконец, они склонны считать жандармов и собственников вредителями, тем более что это повторялось им снова и снова, день за днем, в течение целого года. — С другой стороны, положение вещей не меняется. Они всегда живут в дезорганизованном сообществе, в условиях непрактичного устройства, страсти, подрывающие общественный порядок, лишь еще больше подогреваются видимостью братства, при которой они, казалось, были успокоены. Людей нельзя безнаказанно убедить в том, что наступило тысячелетие, поскольку они захотят насладиться им немедленно и не потерпят никакого обмана в отношении своих ожиданий. В этом состоянии насилия, разжигаемом безграничными ожиданиями, все их прихоти кажутся разумными, а все их мнения рациональными. Они больше не способны находить недостатки в себе или контролировать себя. В их мозгу, переполненном эмоциями и энтузиазмом, нет места, кроме как для одной интенсивной, поглощающей, фиксированной идеи. Каждый уверен в себе и чрезмерно самоуверен в своем собственном мнении; все становятся страстными, властными и несговорчивыми. Предположив, что все препятствия устранены, они начинают возмущаться каждым препятствием, с которым они на самом деле сталкиваются. Что бы это ни было, они разрушают это в одно мгновение, и их перевозбужденное воображение прикрывает прекрасным именем патриотизма свою естественную тягу к деспотизму и господству.

Соответственно, Франция в течение трех лет, последовавших за взятием Бастилии, представляет собой странное зрелище. В словах мы находим милосердие, а в законах - симметрию, в то время как реальные события представляют собой зрелище беспорядка и насилия. Издалека царит философия; вблизи - хаос эпохи Карловингов.

"Иностранцы, - замечает наблюдатель,³¹¹³ "не осознают, что при значительном расширении политических прав свобода личности по закону сведена к нулю, в то время как на практике она зависит от прихоти шестидесяти тысяч конституционных собраний; что ни один гражданин не пользуется какой-либо защитой от раздражений этих народных собраний; что в соответствии с мнениями, которых они придерживаются о людях и вещах, они действуют в одном месте одним образом, а в другом - другим. Здесь департамент, действующий сам по себе и не ссылаясь ни на кого другого, вводит эмбарго на суда, в то время как другой приказывает выслать военный отряд, необходимый для обеспечения безопасности мест, опустошенных бандитами; и министр, который реагирует на требования заинтересованных лиц, отвечает: "Таковы приказы департамента". В других местах есть административные органы, которые в тот момент, когда Ассамблея принимает решение об облегчении совести и освобождении священников, не совершивших преступления, приказывают последним покинуть свои дома в течение 24 часов. Всегда опережающие законы или отстающие от них; попеременно смелые и трусливые; отваживающиеся на все, когда им сопутствует государственная вольность, и не отваживающиеся ни на что, чтобы подавить ее; стремящиеся злоупотребить своей сиюминутной властью против слабых, чтобы приобрести права на популярность в будущем; неспособные поддерживать порядок иначе, как за счет общественной безопасности и спокойствия; запутавшиеся в уздечках своего нового и сложного управления, добавляющие ярость страсти к неспособности и неопытности; таковы, по большей части, люди, возникшие из ничего, лишённые идей и опьяненные претензиями, на на ком теперь лежит ответственность за государственные полномочия и ресурсы, интересы безопасности и основы власти

правительства. Во всех слоях нации, в каждой ветви администрации, в каждом отчете мы обнаруживаем растерянность властей, неуверенность в повиновении, ослабление всех ограничений, отсутствие всех ресурсов, прискорбное усложнение истощенных пружин, отсутствие каких-либо средств реальной власти и, в качестве единственной их поддержки, законы, которые, предполагая, что Франция населена людьми без пороков и страстей, оставляют человечество в его примитивном состоянии независимости".

Через несколько месяцев после этого, в начале 1792 года, Малуэ резюмирует все одной фразой: "Это правительство Алжира без Дея".

II. Независимость муниципалитетов.

Причины их инициативы.—Чувство опасности. -Исси-л'Эвек в 1789 году.—Возвышенная гордость.—Бретань в 1790 году. —Узурпация муниципалитетов.—Захват цитаделей.-Возросло насилие против их командиров. —Остановка автоколонн.—Бессилие директорий и министров.—Марсель в 1790 году.

Иначе и быть не могло. Ибо до 6 октября и пленения короля в Париже правительство уже было уничтожено. Теперь, благодаря последовательным постановлениям Ассамблеи, с этим юридически покончено, и каждая местная группа предоставлена самой себе.—Интенданты бежали, военным командирам не подчиняются, судебные приставы не осмеливаются проводить суды, работа парламентов приостановлена, и проходит семь месяцев, прежде чем будут избраны администрации округов и департаментов, год до учреждения новых судов, в то время как после этого, как и раньше, реальная власть находится в руках коммун. Коммуна должна вооружаться, назначать своих собственных вождей, обеспечивать себя припасами, защищаться от разбойников и кормить своих бедняков. Оно должно продать свою национальную собственность, назначить конституционного священника и, среди стольких бурных страстей и ущемленных интересов, осуществить трансформацию, посредством которой новое общество придет на смену старому. Оно одно должно отражать постоянные и постоянно возрождающиеся опасности, которые нападают на него или которые оно воображает. Они велики, и оно их преувеличивает. Оно неопытно и встревожено. Неудивительно, что при осуществлении своей импровизированной власти оно выходит за свои естественные или законные пределы и, не осознавая этого, переступает метафизическую грань, которую Конституция определяет между его правами и правами государства. Ни голод, ни страх, ни ярость, ни какие-либо другие народные страсти не могут ждать; нет времени вспоминать Париж. Необходимы действия, немедленные действия, и, имея под рукой средства, они должны спасти себя, насколько это возможно. Тот или иной мэр деревни вскоре станет генералом и законодателем. Тот или иной мелкий городок должен присвоить себе статус хартии, как Лаон или Везелай в двенадцатом веке. "6 октября 1789 года, в [3114 году](#) недалеко от Отена, рыночный

городок Исси-л'Эвек объявляет себя независимым государством. Приходское собрание созывается священником М. Карионом, который назначен членом административного комитета и нового военного штаба. На полном заседании он добивается принятия полного кодекса, политического, судебного, уголовного и военного, состоящего из шестидесяти статей. Ничто не упускается из виду; мы находим постановления, касающиеся

"городская полиция, обустройство улиц и площадей, ремонт тюрем, дорожные налоги и цены на зерно, отправдение правосудия, штрафы, конфискации и питание национальной гвардии".

Он провинциальный солон,³¹¹⁵ ревностный к общественному благу и человек исполнительной власти, он излагает свои постановления с кафедры и угрожает непокорным. Он издает указы и выносит решения в ратуше: за пределами города, во главе Национальной гвардии, с саблей в руке, он будет приводить в исполнение свои собственные решения. Он добивается принятия решения о том, что по письменному распоряжению комитета каждый гражданин может быть заключен в тюрьму. Он устанавливает и собирает налоги; он сносит пограничные стены; он лично посещает дома земледельцев и делает реквизиции зерна; он захватывает автоколонны, которые не сдали свою квоту в его собственные богато хранимые зернохранилища. Однажды, предшествуемый барабанщиком, он марширует за стенами, провозглашает "свои аграрные законы" и сразу приступает к разделу территории и, в силу древних прав общинной или церковной собственности, присваивает себе ее часть. Все это делается публично и сознательно, нотариус и писец привлекаются для составления официального протокола его действий; он удовлетворен тем, что человеческому обществу пришел конец и что каждая местная группа имеет право начать все сначала и применять по-своему Конституцию, которую она присвоила себе, без ссылки на кого-либо еще. Этот человек, несомненно, говорит слишком громко и действует слишком быстро; и сначала бейливик, затем Шатле, а затем Национальное собрание временно прекратили его деятельность; но его принцип пользуется популярностью, и сорок тысяч коммун Франции вот-вот начнут действовать как многие отдельные республики под сентиментальными и с каждым разом все более бессильными упреками центральной власти.

Возбужденные и воодушевленные новым чувством, люди теперь предаются гордому сознанию своей собственной силы и независимости. Нигде нет большего удовлетворения, чем среди новых местных вождей, муниципальных чиновников и командиров Национальной гвардии, ибо никогда прежде такая высшая власть и такое великое достоинство не выпадали на долю людей, ранее таких покорных и таких незначительных.—Раньше подчиненные интенданта или заместителя делегата, назначенные, поддерживаемые им и жестоко используемые им, державшиеся в стороне от сделок любой важности, неспособные защитить себя иначе, как скромными протестами против увеличения налогов, озабоченные старшинством и конфликтами этикета,³¹¹⁶ простые горожане или крестьяне, которые никогда не мечтали вмешиваться в военные дела, отныне становятся суверенами во всех военных и гражданских делах. Тот или иной мэр или синдик маленького городка или прихода, мелкий буржуа или сельский житель в блузе, которого интендант или военный комендант мог бы по своему желанию заключить в тюрьму, теперь приказывает дворянину, капитану драгун, маршировать или стоять на месте, и капитан стоит на месте или марширует по его команде. От одного и того же буржуа или крестьянина зависит безопасность соседнего замка, крупного землевладельца и его семьи, прелата и всех выдающихся личностей округа, и чтобы они были вне опасности, он должен защищать их; они будут разграблены, если в случае восстания он не пошлет им на помощь войска и Национальную гвардию. Именно он, предоставляя или отказываясь от общественной

силы для сбора их ренты, дает им или лишает их средств к существованию. Соответственно, он правит, и при единственном условии - правит в соответствии с желаниями равных ему, крикливой толпы, неугомонной, властной черни, которая его избрала.—В городах, особенно в крупных городах, контраст между тем, кем он был, и тем, кем он является, огромен, поскольку к полноте его власти добавляется степень его юрисдикции. Судите о воздействии на его мозг таких городов, как Марсель, Бордо, Нант, Руан и Лион, где в его руках жизни и имущество восьмидесяти или ста тысяч человек. И тем более что среди муниципальных служащих городов три четверти из них, прокуроры или адвокаты, проникнуты новыми догмами и убеждены, что только они, непосредственно избранные народом, наделены всей законной властью. Сбитые с толку своим недавним возвышением, недоверчивые как выскочки, бунтующие против всех древних или соперничающих держав, они дополнительно встревожены своим воображением и невежеством, их умы смутно встревожены контрастом между их ролью в прошлом и их нынешней ролью: беспокоясь за себя, они не находят безопасности, кроме как в злоупотреблении властью. Муниципалитеты, основываясь на сообщениях, поступающих из кофеен, решают, что сотрудники министерства являются предателями. С необычным упрямством убеждения и дерзостью самонадеянности они верят, что имеют право действовать без их приказов и вопреки приказам самого Национального собрания, как если бы в ныне распавшейся Франции каждый муниципалитет составлял нацию.

Таким образом, если вооруженные силы страны сейчас подчиняются какому-либо органу, то именно им и только им, и не только Национальной гвардии, но и регулярным войскам, которые, будучи переданы в распоряжение муниципалитетов декретом Национального собрания,³¹¹⁷ не подчинятся никому другому. Военные командиры в провинциях после сентября 1787 года объявляют себя бессильными; когда они и муниципалитет отдают приказы, войска признают только приказы муниципалитета. "Какой бы настоятельной ни была необходимость переброски войск туда, где требуется их присутствие, они остановлены сопротивлением деревенского комитета".³¹¹⁸ "Без каких-либо разумных мотивов, - пишет командующий войсками в Бретани, - Ванн и Оре выступили против отряда, который я счел благоразумным отправить в Бель-Иль, чтобы заменить другой ... Правительство не может двигаться, не встречая препятствий ... Военный министр больше не управляет армией ... Никакие приказы не выполняются. ... Каждый хочет командовать, и никто не должен подчиняться ... Как могут король, правительство или военный министр послать войска туда, где они нужны, если города считают, что у них есть право отменить приказы, отданные полкам, и изменить их назначение?" - И это еще хуже, потому что "из—за ложного предположения о разбойниках и заговорах, которых не существует,³¹¹⁹ города и деревни требуют у меня оружия и даже пушек ... Вся Бретань скоро окажется в ужасном положении". воюющее государство по этой причине, ибо, не имея реальных врагов, они обратят свое оружие друг против друга". - Это не имеет значения. Паника - это "эпидемия". Люди полны решимости верить в "разбойников и врагов". В Нанте постоянно повторяются утверждения, что испанцы собираются высадиться, что французские полки собираются предпринять атаку, что приближается армия разбойников, что замку угрожают, что он угрожает и что в нем слишком много боевых машин. Комендант провинции тщетно пишет мэру, чтобы успокоить его и объяснить ему, что "муниципалитет, являясь хозяином замка, является также хозяином своего журнала. Почему же тогда оно должно испытывать страх перед тем, что находится в его собственном владении? Почему должно проявляться какое-либо удивление при виде арсенала, содержащего оружие и порох?" — Ничто не имеет никакого эффекта. Замок захвачен; двести рабочих приступили к разрушению укреплений; они

прислушиваются только к своим страхам и не могут проявлять слишком больших предосторожностей. Какими бы безобидными ни были цитадели, они считаются опасными; какими бы сговорчивыми ни были командиры, к ним относятся с подозрением. Люди натирают уздечку, расслабленную и дряблую, какая она есть. Она сломана и отброшена в сторону, чтобы ее нельзя было использовать снова, когда того потребует случай. Каждый муниципальный орган, каждая рота Национальной гвардии хотят править на своем собственном участке земли, вне всякого иностранного контроля; и это то, что называется свободой. Следовательно, ее противником является центральная власть. Это должно быть обезоружено из опасения, что оно может вмешаться. Со всех сторон, с верным и настойчивым инстинктом, посредством захвата крепостей, разграбления арсеналов, совращения солдат и изгнания генералов, муниципалитет обеспечивает свое всемогущество, заранее гарантируя себя от любых репрессий.

В Бресте муниципальные власти настаивают на том, чтобы морской офицер был выдан народу, и в связи с отказом королевского наместника выдать его постоянный комитет приказывает Национальной гвардии зарядить орудия.³¹²⁰ В Нанте муниципальные власти отказываются признавать г-на д'Эрвильи, посланного принять командование лагерем, и города провинции письменно заявляют, что они не потерпят на своей территории никого, кроме федеральных войск. В Лилле постоянный комитет настаивает на том, чтобы военные власти каждый вечер передавали ему ключи от города, и через несколько месяцев после этого Национальная гвардия, к которой присоединились взбунтовавшиеся солдаты, захватывает цитадель и лично Ливаро, ее командира. В Тулоне командир арсенала М. де Риом и несколько морских офицеров посажены в темницу. В Монпелье цитадель застигнута врасплох, и клуб обращается в Национальное собрание с требованием ее сноса. В Валансе комендант г-н де Вуазен, приняв меры к обороне, был убит, и отныне муниципалитет отдает все приказы гарнизону. В Бастии полковник де Рулли попадает под ливень пуль, а Национальная гвардия овладевает цитаделью и пороховым складом. Это не временные вспышки гнева: по прошествии двух лет повсюду проявляется тот же дух неповиновения.³¹²¹ Напрасно комиссары Национального собрания добиваются перевода полка Нассау из Меца. Седан отказывается принять его; в то время как Тионвиль заявляет, что, если он прибудет, она взорвет мосты, а Сарребюи угрожает, если он приблизится, что откроет по нему огонь. В Кане ни муниципалитет, ни директория не осмеливаются применять закон, закрепляющий замок за линейными войсками; Национальная гвардия отказывается покидать его и запрещает начальнику артиллерии проверять боеприпасы.—При таком положении вещей правительство существует номинально, но не фактически, поскольку оно больше не обладает средствами принуждения к повиновению. Каждая коммуна присваивает себе право приостанавливать или препятствовать выполнению самых простых и срочных приказов. Арне-ле-Дюк, несмотря на паспорта и судебные запреты, упорствует в удержании мадам; Арси-сюр-Об удерживает Неккера, а Монтиньи собирается задержать месье Кайяра, посла Франции.³¹²²—В июне месяце 1791 года конвой из восьмидесяти тысяч крон, или шести ливров, отправляется из Парижа в Швейцарию; это возврат французским правительством долга Солейре; дата платежа установлена, маршрут обозначен; предоставлены все необходимые документы; важно, чтобы он был отправлен в Швейцарию. должен прибыть в тот день, когда наступает срок оплаты счета. Но они не учитывали муниципалитеты и Национальную гвардию. Арестованный в Бар-сюр-Обе, конвой сможет возобновить свое шествие только в конце месяца и по указу Национального собрания. В Бельфоре его снова конфисковали, и он все еще остается там в ноябре месяце. Напрасно директория Нижнего Рейна распорядилась о его освобождении; муниципалитет Бельфора не

обратил внимания на приказ. Напрасно та же директория отправляет комиссара, которого вот-вот разорвут на куски. Личное вмешательство генерала Люкнера с сильной рукой необходимо, прежде чем конвой сможет пересечь границу после пятимесячной задержки.³¹²³ В июле месяце 1791 года французское судно, следовавшее из Руана в Кодебек, предположительно груженное бочонками с золотом и серебром, было остановлено. После проведения экзамена он имеет право уйти; все его документы в порядке, и департамент призывает округ уважать закон. Округ, однако, отвечает, что это невозможно, поскольку "все муниципалитеты на берегах Сены вооружились и ожидают пропуска судна", а само Национальное собрание обязано принять постановление о том, что судно должно быть освобождено.

Если восстание маленьких коммун носит такой характер, то каким должно быть восстание более крупных?³¹²⁴ Департаменты и округа тщетно призывают муниципалитет; он не подчиняется или не обращает внимания на призыв.

"С начала заседания, - пишет справочник Соны и Луары, - муниципалитет Масона не предпринял по отношению к нам ни одного шага, который не был бы посягательством. Оно не произнесло ни слова, которое не было бы оскорблением. Оно не вступило в обсуждение, которое не было бы оскорблением".

"Если полк Аунис не будет направлен сюда немедленно, - пишет директория Кальвадоса, - если не будут приняты быстрые и эффективные меры для обеспечения нас вооруженными силами, мы оставим пост, который больше не можем занимать из-за неподчинения, своеволия, неуважения ко всем властям. В этом случае мы не сможем выполнять возложенные на нас обязанности".

Директория Буш-дю-Рона, подвергаясь нападению, бежит под ударами марсельских штыков. Члены директории Жер, находящиеся в конфликте с муниципалитетом Ош, были избиты почти до смерти. Что касается министров, которым не доверяют в силу их должности, то они все еще менее уважаемы, чем директории, на них постоянно доносят в Ассамблею, в то время как муниципалитеты отсылают обратно свои депеши, не соизволив их вскрыть,³¹²⁵ и к концу 1791 года их растущее бессилие заканчивается полным уничтожением. Мы можем судить об этом на одном примере. В декабре 1791 года Лиможу не разрешают увозить зерно, которое он только что закупил в Индре, поскольку для защиты его транспортировки необходимы силы в шестьдесят всадников. Директория Индре немедленно призывает министров предоставить им этот небольшой отряд.³¹²⁶ После трехнедельных попыток министр отвечает, что это не в его силах; он тщетно стучал во все двери. "Я указал один способ, - говорит он, - депутатам вашего департамента в Национальном собрании, а именно вывести 20-й кавалерийский полк из Орлеана, и я рекомендовал им обсудить этот вопрос с депутатами Луаре". Ответ все еще откладывается: заместители двух департаментов должны прийти к соглашению, ибо в противном случае министр не осмелится отправить шестьдесят человек на охрану автоколонны с зерном. Достаточно очевидно, что больше нет никакой исполнительной власти. Больше нет центральной власти. Франции больше нет, а есть лишь множество распавшихся и независимых коммун, таких как Орлеан и Лимож, которые через своих представителей ведут переговоры друг с другом, одна из которых стремится обезопасить себя от нехватки войск, а другая - от нехватки хлеба.

Давайте рассмотрим этот всеобщий роспуск на месте и рассмотрим случай подробнее. 18 января 1790 года новые муниципальные власти Марселя приступают к исполнению своих обязанностей. Как это обычно бывает, большинство избирателей не имели никакого отношения

к голосованию. Мэр Мартин был избран лишь восьмой частью активных граждан.³¹²⁷ Однако, если доминирующее меньшинство невелико, оно решительно и не склонно останавливаться на мелочах. "Едва ли оно организовано",³¹²⁸ когда оно посылает депутатов к королю, чтобы он вывел свои войска из Марселя. Король, всегда слабый и уступчивый, в конце концов соглашается; и поскольку приказы о походе подготовлены, муниципалитет должным образом уведомлен о них. Но муниципалитет не потерпит промедления и немедленно "составит, напечатает и направит в Национальное собрание донос" против коменданта и двух министров, которые, согласно ему, виновны в подделке или невыполнении приказов короля. Тем временем он снаряжается и укрепляется как для боя. При своем первом создании муниципалитет распустил буржуазную гвардию, которая была слишком большой любительницей порядка, и организовал Национальную гвардию, в которую вскоре должны были быть приняты те, у кого не было собственности. "Ежедневно в его военный аппарат вносятся дополнения;³¹²⁹ укреплений и баррикад в Ратуше становится больше, артиллерия усиливается; город наполняется возбуждением военного лагеря в непосредственном присутствии врага". Таким образом, обладая силой, оно использует ее, и в первую очередь против правосудия. Народное восстание было подавлено в августе месяце 1789 года, и три главных лидера, Ребеки, Паскаль и Гране, были заключены в тюрьму замка Иф. Они друзья муниципальных властей, и они должны быть освобождены. По требованию этого органа дело забирается из рук гранд-прево и передается в руки сенешаля, который тем временем вместе со своими советниками подвергается наказанию за то, что выполнил свой долг. Муниципалитет по своему усмотрению запрещает им дальнейшее выполнение своих функций. Их публично осуждают, "угрожают кинжалами, эшафотом и любыми видами убийств".³¹³⁰ Ни один печатник не осмеливается опубликовать их защиту, опасаясь "муниципальных неприятностей". Вскоре королевский прокурор и член совета вынуждены искать убежища в форте Сен-Жан, в то время как гранд-прево, оказав еще немного сопротивления, покидает Марсель, чтобы спасти свою жизнь. Что касается троих заключенных, муниципальные власти навещают их всем скопом и требуют их временного освобождения. Один из них совершил побег, и они отказываются отдать коменданту приказ о его повторном аресте. Двое других с триумфом покидают замок 11 апреля в сопровождении восьмисот национальных гвардейцев. Для проформы их отправляют в тюрьмы сенешаля, но на следующий день выпускают на свободу, и дальнейшее судебное преследование прекращается. В дополнение к этому мсье д'Амбер, полковник Королевской морской пехоты, виновный в слишком резких высказываниях против Национальной гвардии, хотя оправданный трибуналом, перед которым он предстал, может быть освобожден только тайно и под охраной двух тысяч солдат. Население хочет сжечь дом лейтенанта уголовного розыска, который посмел оправдать его. Сам магистрат находится в опасности и вынужден укрыться в доме военного коменданта.³¹³¹ Между тем печатные издания, оскорбительные пасквилы муниципалитета и клуба, крамольные или ожесточенные дискуссии на окружных собраниях и множество брошюр свободно распространяются среди народа и солдат: последних заранее намеренно настраивают против своих начальников.— Напрасно офицеры мягки, уступчивы и осторожны. Напрасно главнокомандующий уходит с частью войск. Цель сейчас состоит в том, чтобы выбить полк, занимающий три форта. Клуб приводит мяч в движение, и, насильственно или иным образом, воля народа должна быть выполнена. 29 апреля два актера при поддержке пятидесяти волонтеров застают врасплох часового и овладевают Нотр-Дам-де-ла-Гард. В тот же день шесть тысяч национальных гвардейцев окружают форты Сен-Жан и Сен-Николя. Муниципальные власти, призванные уважать крепости, в ответ требуют открыть ворота Национальной гвардии, чтобы она могла нести службу вместе с солдатами. Коменданты колеблются, ссылаются на

закон и требуют времени для консультации со своим начальством. Подается вторая заявка, более срочная; коменданты несут ответственность за беспорядки, которые они провоцируют своим отказом. Если они сопротивляются, их объявляют разжигателями гражданской войны.³¹³² Соответственно, они уступают и подписывают капитуляцию. Один из них, шевалье де Боссе, майор форта Сен-Жан, выступает против этого и отказывается от своей подписи. На следующий день его хватают, когда он собирается войти в Отель-де-Виль, и убивают, его голову насаживают на конец пики, в то время как банда убийц, солдаты и чернь танцуют и кричат над его останками. " Это печальный несчастный случай", — пишет муниципалитет.³¹³³ Как случилось, что "после того, как мы до сих пор заслуживали всяческих похвал, Боссе, которого мы не смогли защитить от указов Провидения, должен запятнать наши лавры?" Поскольку мы не имеем никакого отношения к этому трагическому делу, не нам преследовать его авторов". Более того, он был "виновен ... бунтовщик, осужденный общественным мнением, и само Провидение, кажется, оставило его на произвол судьбы в своем возмездии". — Что касается взятия фортов, нет ничего более законного. "Эти места были в руках врагов государства, в то время как теперь они находятся в руках защитников Конституции империи. Горе тому, кто снова заберет их у нас, чтобы превратить в очаг контрреволюции " — господин де Миран, комендант провинции, действительно, потребовал их. Но "разве не прискорбно видеть требование съера де Мирана, сделанное от имени короля, которого он предает, сдать войскам его Величества места, которые отныне в наших руках гарантируют общественную безопасность нации, закону и королю?" Тщетно король, по просьбе Национального собрания,³¹³⁴ приказывает муниципалитету вернуть форты комендантам и заставить Национальную гвардию покинуть их. Муниципальные власти приходят в негодование и сопротивляются. По их словам, вся неправота на стороне коменданта и министров. Именно коменданты, "с угрожающим оснащением своих цитаделей, складов провизии и артиллерии, являются нарушителями общественного спокойствия. Что министр имеет в виду, изгоняя национальные войска из фортов, чтобы доверить их опеку иностранным войскам? Его цель очевидна в этом плане Он хочет разжечь гражданскую войну". — "Все несчастья Марселя происходят из тайного взаимопонимания, существующего между министрами и врагами государства". Муниципальный корпус, наконец, вынужден эвакуировать форты, но он полон решимости не сдавать их. На следующий день после получения указа Национального собрания оно задумывает их снос. 17 мая двести рабочих, которым заплатили вперед, приступают к разрушительной работе. Чтобы соблюсти приличия, муниципальные власти разъезжаются в одиннадцать часов утра по разным населенным пунктам и приказывают им остановиться. Но после его отъезда рабочие продолжают работу; и в шесть часов вечера принимается постановление о том, что "чтобы предотвратить полное разрушение цитадели, считается целесообразным разрешить снос только той части, которая выходит на город". 18 мая якобинский клуб, являющийся одновременно агентом, соучастником и советником муниципального органа, принуждает частных лиц внести какой-либо вклад в покрытие расходов по сносу. Он "рассылает по каждому дому и синдикам всех корпораций, требуя их квот и заставляя всех граждан подписать документ, которым они, по-видимому, одобряют действия муниципального органа и выражают ему свою благодарность. Люди должны были подписывать его, платить и молчать. Горе тому, кто отказывался!" 20 мая муниципальный орган осмеливается написать Ассамблее, что "эта угрожающая цитадель, этот одиозный памятник колоссального деспотизма вот-вот исчезнет". Чтобы оправдать свое неповиновение, он пользуется случаем, чтобы заметить, "что любовь к родине - самый мощный и долговечный бастион империи". 28 мая он обеспечивает показ в двух театрах пьесы, изображающей взятие марсельских фортов, в пользу людей, занятых их разрушением. Тем временем оно заручилось

поддержкой парижских якобинцев; оно предложило призвать Лионскую федерацию и все муниципалитеты королевства осудить министра. Оно вынудило г-на де Мирана, которому угрожали смертью и за которым наблюдала группа из засады на дороге, покинуть Экс, а затем потребовало его отзыва.³¹³⁵ Только 6 июня оно решает, по прямому указанию Национального собрания, приостановить почти завершённый снос.— С властями, которым надлежит повиноваться, нельзя было обращаться более дерзко. Цель, однако, достигнута; цитадели больше нет, и войска ушли; остался только полк под командованием Эрнеста, с которым нужно было повозиться, оскорбить, а затем отослать. Приказ направлен в Экс, и Национальная гвардия Марселя отправится туда, чтобы разоружить и расформировать ее. Отныне муниципалитет имеет полную власть. Оно "соблюдает только те законы, которые ему подходят, другие создает по своему вкусу и, короче говоря, управляет самым деспотическим и произвольным образом".³¹³⁶ И не только в Марселе, но и по всему департаменту, где, не подчиняясь никому, кроме своей собственной власти, он предпринимает вооруженные вылазки, совершает рейды и внезапные нападения.

III.—Независимые сборки.

Почему они проявили инициативу.—Люди в совете. —Бессилие муниципалитетов.—насилие, которому они подвергаются.—Экс в 1790 году.—Правительство повсюду не повиновалось и извращалось.

Если бы только было возможно остановить роспуск на этом! Но каждая коммуна далека от того, чтобы быть спокойным маленьким государством под властью группы уважаемых магистратов. Те же причины, которые побуждают муниципалитеты бунтовать против центральной власти, побуждают отдельных людей бунтовать против местной власти. Они также чувствуют, что находятся в опасности, и хотят обеспечить свою собственную безопасность. Они также, в силу Конституции и обстоятельств, считают себя призванными спасти страну. Они также считают себя компетентными судить самостоятельно по всем пунктам и вправе приводить свои решения в исполнение собственными руками. Лавочник, рабочий или крестьянин, одновременно выборщик и национальный гвардеец, вооруженный правом голоса и мушкетом, внезапно становится равным и хозяином своим начальникам; вместо того чтобы повиноваться, он приказывает, в то время как все, кто видит его снова после нескольких лет отсутствия, обнаруживают, что "в его поведении и манерах все изменилось". "Повсюду царило сильное волнение", - ³¹³⁷ говорит г-н де Сегюр. - "Я заметил группы мужчин, которые серьезно разговаривали на улицах и площадях. Звук барабана доносился до моего слуха в деревнях, в то время как я был поражен огромным количеством вооруженных людей, которых я встречал в маленьких городках. При допросе различных лиц из низших классов они отвечали с гордым

видом и смелым и уверенным тоном. Я повсюду наблюдал влияние тех чувств равенства и свободы, которые затем превратились в такие неистовые страсти". — Возвысившись таким образом в своих собственных глазах, они считали себя способными руководить во всем, не только в местных делах, но и в вопросах общего характера. Францией должны управлять они; в силу Конституции они присваивают себе это право и по невежеству приписывают себе способность управлять ею. Поток новых, бесформенных и непропорциональных идей овладел их мозгами в течение нескольких месяцев. Необходимо учитывать обширные интересы, о которых они никогда не задумывались. Правительство, королевская власть, церковь, вероучения, иностранные державы, внутренние и внешние опасности, то, что происходит в Париже и Кобленце, восстание в Нидерландах, действия кабинетов министров Лондона, Вены, Мадрида, Берлина; и обо всем этом они осведомляются, насколько могут. Офицер, [3138](#), который в это время путешествует по Франции, рассказывает, что на почтовых станциях его заставляли ждать лошадей, пока он "не сообщит им подробности. Крестьяне остановили мой экипаж посреди дороги и засыпали меня вопросами. В Отене я был вынужден, несмотря на холод, говорить из окна, выходящего на площадь, и рассказать все, что я знал о Собрании". — Все эти эпизоды изменяются и усиливаются при передаче из уст в уста. В конце концов они становятся обстоятельными историями, адаптированными к уровню умов, в которые они попадают, и к доминирующей страсти, которая их распространяет. Проследите за воздействием этих басен в доме крестьянина или рыбака в отдаленной деревне или густонаселенном пригороде, на грубые или почти жестокие умы, особенно когда они оживлены, разгорячены и перевозбуждены — эффект потрясающий. Ибо в умах такого типа вера сразу же превращается в действие, причем в грубое и разрушительное действие. Это приобретенный самоконтроль, рефлексия и культура, которые ставят между верой и действием заботу об общественных интересах, соблюдении форм и уважении к закону. Новому суверену не хватает всех этих ограничений. Он не знает, как остановиться, и не допустит, чтобы его остановили. Почему так много задержек, когда опасность не терпит отлагательств? Какой смысл соблюдать формальности, когда на карту поставлена безопасность людей? Что есть святого в законе, когда он защищает врагов общества? Что может быть более пагубным, чем пассивное почтение и терпеливое ожидание со стороны робких или слепых чиновников? Что может быть справедливее, чем отдать должное самому себе сразу и на месте? — Поспешность и страстность в их глазах являются одновременно обязанностями и достоинствами. Однажды "ополченцы Лорьяна решают двинуться маршем на Версаль и Париж, не задумываясь о том, как они будут продвигаться по земле или что они будут делать по прибытии". [3139](#) Будь центральное правительство в пределах досягаемости, они прибрали бы его к рукам. В противном случае они заменяют его собой на своей собственной территории и выполняют его функции с полным убеждением в своей правоте, главным образом функции жандарма, судьи и палача.

В октябре 1789 года в Париже, после убийства пекаря Франсуа, главный убийца, который работает носильщиком на складе зерна, заявляет, "что он хотел отомстить за нацию". Вполне вероятно, что это заявление искреннее. По его мнению, убийство - это одна из форм патриотизма, и не требуется много времени, чтобы его образ мышления стал преобладающим. В обычное время социальные и политические идеи дремлют в некультурных умах в форме смутных антипатий, сдержанных устремлений и мимолетных желаний. Взгляните на них возбужденными — энергичными, властными, упрямыми и необузданными. Возражения или оппозиция недопустимы; несогласие с ними - верный признак предательства. Что касается невиновных священников, то [3140](#) пятьсот двадцать седьмой солдат Национальной гвардии

Арраса пишут, "что никто не может усомниться в их беззаконии, не будучи заподозренным в их сообщничестве ... Если весь город объединится и выразит противоположное мнение, это просто покажет, что он полон врагов Конституции"; и немедленно, несмотря на закон и протесты властей, они настаивают на закрытии церквей. В Булонь-сюр-Мер английское судно, погрузившее некоторое количество домашней птицы, дичи и яиц, "национальные гвардейцы по собственной воле" поднимаются на борт и забирают груз. Исходя из этого, принимающий муниципальный орган одобряет закон, объявляет груз конфискованным, приказывает продать его и выделяет половину выручки Национальной гвардии, а другую половину - на благотворительные цели. Уступка напрасная, поскольку национальные гвардейцы считают, что половины слишком мало, "оскорбляют и угрожают муниципальным чиновникам" и немедленно приступают к дележу добычи натурой, каждый возвращается домой с долей украденных окороков и цыплят.³¹⁴¹ Магистраты обязательно должны сохранять спокойствие, когда ружья тех, кем они управляют, направлены на них. —Иногда, и это обычно так, они робки и не пытаются сопротивляться. В Дуэ ³¹⁴² муниципальных чиновника, которых трижды вызывали для объявления военного положения, отказываются и в конце концов заявляют, что не осмеливаются развернуть красный флаг: "Если бы мы пошли этим путем, мы все были бы принесены в жертву на месте". На самом деле, нельзя полагаться ни на войска, ни на национальную гвардию. В этом всеобщем состоянии апатии поле открыто для дикарей, а торговца пшеницей вешают. — Иногда административный корпус пытается сопротивляться, но в конце концов ему приходится уступить насилию. "Более шести часов, - пишет один из жителей округа Этамп,³¹⁴³ - мы были окружены направленными на нас штыками и пистолетами, приставленными к нашей груди; и они были вынуждены подписать приказ об увольнении войск, прибывших для защиты рынка. В настоящее время "мы все далеко от Этампа; там больше нет ни округа, ни муниципалитета"; почти все подали в отставку или должны вернуться с этой целью. — Иногда, и это редчайший случай,³¹⁴⁴ чиновники выполняют свой долг до конца и погибают. В этом же городе, шесть месяцев спустя, мэр Симоно, отказавшийся снизить цены на пшеницу, был избит палками с железными наконечниками, а его труп изрешечен пулями убийц. — Муниципальные органы должны быть осторожны, пытаясь остановить этот поток; малейшее сопротивление вскоре будет стоить им жизни. В Турени,³¹⁴⁵ "когда происходит публикация налоговых ведомостей, вспыхивают беспорядки против муниципальных властей; их заставляют сдать составленные ими списки, а их бумаги рвут". И еще: "они убивают, они убивают муниципальные власти". В этой большой коммуне мужчины и женщины "били и пинали их кулаками и саблями. ... После этого мэра уложили в постель, а прокурор коммуны скончался между девятью и десятью часами утра. Вето, муниципальный служащий, принял последнее причастие этим утром; "остальные бежали, им постоянно угрожали смертью и поджогом. Следовательно, они не возвращаются, и "теперь никто не займет должность ни мэра, ни администратора". — Бесчинства, которые муниципалитеты таким образом совершают против своих начальников, совершаются против них самих. Национальная гвардия, толпа, контролирующая фракция, присваивающая себе в коммуне тот же насильственный суверенитет, который коммуна якобы осуществляет против государства.

Я бы никогда не закончил, если бы взялся перечислять вспышки, при которых магистраты вынуждены терпеть или санкционировать народную узурпацию, закрывать церкви, изгонять или сажать в тюрьму священников, подавлять октрои, облагать налогом зерно и разрешать вешать, забивать до смерти или перерезать горло чиновникам; пекарям, торговцам зерном, священнослужителям, дворянам и офицерам. Девяносто четыре толстые папки с документами в

национальном архиве заполнены этими актами насилия и не содержат двух третей из них. Стоит подробнее остановиться еще на одном случае, особом и подлинном, который служит образцом и который представляет собой сокращенный образ Франции в течение одного спокойного года. В Эксе, в декабре месяце 1790 г.,³¹⁴⁶ в противовес двум якобинским клубам был организован клуб, соблюдавший все формальности и, подобно "Монархическому клубу" в Париже, претендовавший на то же право собраний, что и другие. Но здесь, как и в Париже, якобинцы не признают никаких прав, кроме как за самими собой, и отказываются признавать за своими противниками привилегии закона. Более того, распространяются тревожные слухи. Человек, прибывший из Ниццы, утверждает, что он "слышал, что между Турином и Ниццей находилось двадцать тысяч человек на жалованье у эмигрантов, и что в Ницце в Сен-Франсуа-де-Поль был проведен *neuvaine*³¹⁴⁷, чтобы молить Бога просветить французов". Контрреволюция, несомненно, идет полным ходом. Некоторые аристократы заявили "с видом триумфатора, что Национальная гвардия и муниципалитеты - всего лишь игрушка, и что такого рода вещи долго не продлятся". Один из ведущих членов нового клуба, мсье де Гираван, старый офицер семидесяти восьми лет, публично выступает с речами против Национального собрания, пытается привлечь в свою партию ремесленников, "делает вид, что носит белую пуговицу на шляпе, скрепленную булавками с выступающими остриями", и, как утверждается, он дал нескольким торговцам большим количеством белых кокард. На самом деле, при осмотре ни в одном магазине не обнаруживается ни одной ленты, и все торговцы лентами, будучи допрошенными, отвечают, что им неизвестно ни о какой сделке такого рода. Но это просто доказывает, что преступник - ловкий лицемер, и тем более опасный, что он горит желанием спасти страну.—12 декабря, в четыре часа пополудни, два якобинских клуба вступают в братство и длинной процессией проходят перед местом собрания, "где некоторые члены, несколько офицеров лионского полка и другие лица, спокойно играют или смотрят, как играют другие". Толпа улюлюкает, но они остаются спокойными. Процессия снова проходит мимо, и они улюлюкают и кричат: "Долой аристократов, к фонарному столбу вместе с ними!" Двое или трое офицеров, стоящих на пороге, приходят в раздражение, и один из них, обнажив шпагу, угрожает ударить молодого человека, если тот продолжит. После этого толпа кричит: "Караул! Помогите! Убийца!" - и бросается на офицера, который отступает в дом, восклицая: "К оружию!" Его товарищи с мечами в руках спускаются, чтобы защитить дверь; г-н де Гираван делает два pistolетных выстрела и получает удар ножом в бедро. Град камней разбивает окна, и дверь вот-вот распахнется, когда несколько членов клуба спасаются, выбравшись на крышу. Около дюжины других, в большинстве своем офицеров, выстраиваются в шеренгу, проникают в толпу с поднятыми мечами, наносят удары, получают их и убегают, пятеро из них ранены. Муниципалитет приказывает замуровать двери и окна клуба, отправляет лионский полк прочь, приказывает арестовать семь офицеров и господина де Гиравана, и все это за несколько часов, без каких-либо других показаний, кроме показаний победителей.

Но этих быстрых, энергичных и частичных мер недостаточно для якобинского клуба; другие заговорщики должны быть схвачены, и именно клуб назначает их и идет за ними. За три месяца до этого адвокат г-н Паскалис, выступая вместе с некоторыми своими коллегами по профессии перед распущенным парламентом, выразил сожаление по поводу слепоты народа, "возвеличенного прерогативами, опасности которых они не осознавали". Человек, который осмелился говорить таким образом, очевидно, предатель.— Есть еще один, мсье Морелле де ла Рокет, который отказался вступить в запрещенный клуб. Его бывшие вассалы, однако, были вынуждены возбудить против него иск, чтобы заставить его принять выкуп за свои феодальные

долги; кроме того, за шесть лет до этого его экипаж, проезжавший по общественной набережной, сбил ребенка; он также является врагом народа. Пока муниципальные служащие совещаются, "несколько членов клуба" собираются вместе и решают, что М. Паскалис и м. де ла Рокет должны быть арестованы. В одиннадцать часов вечера восемьдесят надежных национальных гвардейцев во главе с президентом клуба проезжают расстояние в лигу, чтобы схватить их прямо в постелях и поместить в городскую тюрьму. Рвение такого рода вызывает некоторое беспокойство, и если муниципалитет терпит аресты, то это потому, что он желает предотвратить убийство. Следовательно, на следующий день, 13 декабря, он отправляет в Марсель четыреста человек швейцарской гвардии под командованием Эрнеста и четыреста национальных гвардейцев, добавляя к ним Национальную гвардию Экса, и приказывает этой роте защищать тюрьму от любого насилия. Но вместе с Марсельской национальной гвардией туда прибыло много вооруженных людей, которые являются добровольцами беспорядков. Днем 13-го первая толпа пытается ворваться в тюрьму, а на следующий день вокруг нее собираются новые отряды, требующие головы месье Паскалиса. Члены клуба возглавляют беспорядки с помощью "толпы неизвестных мужчин из-за пределов города, которые отдают приказы и выполняют их". Ночью население Экса подвергается нападению, и все дамбы рушатся в один и тот же момент. При первых же криках Национальная гвардия, дежурящая на променаде, распускается и расходится, в то время как, поскольку нет сигнала к собранию остальных, вопреки правилам, общая тревога не объявляется. "Большая часть Национальной гвардии отводится, чтобы не создавалось впечатление, что своим присутствием она санкционирует безобразия, которые ей не было приказано предотвращать. Миротлюбивые граждане в большом смятении: "каждый обращается в бегство или запирается в своем доме, улицы пустынные и безмолвны. Тем временем тюремные ворота разбиваются топорами. Прокурор-синдик департамента, который просит коменданта швейцарского полка защитить заключенных, схвачен, уведен и рискует лишиться жизни. Три муниципальных офицера в шарфах, прибывшие на место, не осмеливаются отдать приказ, которого требует комендант. В этот решающий момент, когда необходимо пролить кровь и убить несколько человек, они, очевидно, боятся брать на себя ответственность; их ответ таков: "У нас нет приказов, которые можно было бы отдавать". — Необычайное зрелище сейчас представляет собой этот барачный двор, окружающий тюрьму. На стороне закона стоят восемьсот вооруженных людей, четыреста "швейцарцев" и четыреста бойцов Национальной гвардии Марселя. Они выстроены в боевой порядок, с оружием за плечами, со специальными приказами, повторенными накануне вечером в разное время властями муниципального округа и департамента, и им симпатизируют все честные люди и большая часть Национальной гвардии. Но необходимая с юридической точки зрения фраза не слетает с уст тех, кто в силу Конституции должен ее произносить, и небольшая группа осужденных оказывается суверенной. — Трех муниципальных офицеров, в свою очередь, хватают на глазах у их собственных солдат, которые остаются неподвижными, и "приставивштыки к груди, они подписывают, под принуждением, приказ выдать господина Паскалиса народу". Господин де ла Рокет также сдается. "Единственная часть национальной гвардии Экса, которая была видна", то есть якобинское меньшинство, окружило ворота тюрьмы и организовалось на военный совет. И вот они стоят; одновременно "обвинители, свидетели, судьи и палачи". Капитан ведет двух жертв на общественную прогулку, где их вешают. Очень скоро после этого старый г-н де Гираман, которого Национальная гвардия его деревни доставила пленным в Экс, был повешен таким же образом.

Никакого судебного преследования убийц не ведется. Новый трибунал, напуганный или опереженный, на некоторое время встал на сторону народа; следовательно, его судебные иски выносятся против угнетенных, против членов подвергшегося нападению дубляжа. На них сыплются приказы об аресте, повестки в суд, обыски, изъятие корреспонденции и другие процессуальные действия. Допрашиваются триста свидетелей. Некоторых арестованных офицеров "заковывают в цепи и сажают в темницы". Отныне клуб правит и "заставляет всех трепетать".³¹⁴⁸ "С 23 по 27 декабря в Экс доставлено более десяти тысяч паспортов". "Если эмиграция продолжится, - пишут комиссары, - в Экс не останется никого, кроме рабочих без работы и без средств. Целые улицы необитаемы До тех пор, пока такие преступления могут допускаться безнаказанно, страх будет выгонять из этого города всех, у кого есть средства к существованию в другом месте ". — Многие возвращаются после прибытия комиссаров, надеясь добиться через них справедливости и безопасности. Но "если не будет отдано приказа о судебном преследовании, мы едва успеем уехать из Экса, как триста или четыреста семей покинут его И какой человек в здравом уме осмелится гарантировать, что в каждой деревне вскоре не повесят кого-нибудь? . . . Деревенские слуги арестовывают своих хозяев Ожидание безнаказанности побуждает жителей деревень совершать всевозможные грабежи в лесах, что очень вредно в регионе, где лесов очень мало. Они выдвигают самые абсурдные и несправедливые претензии к богатым собственникам, и роковая веревка всегда является толкователем и сигналом их воли ". От этих безобразий нет спасения. "Департамент, округа, муниципалитеты осуществляют управление только в соответствии с многочисленными петициями клуба". На глазах у всех и в один торжественный день сокрушительное поражение продемонстрировало слабость правительственных чиновников; и, согнувшись под игом своих новых хозяев, они сохраняют свою законную власть только при условии, что она остается на службе победившей партии.

3101 (возвращение)

[Фестивали, одобряющие федерацию всех национальных гвардий Франции. (СТАРШИЙ)]

3102 (возврат)

[См. обращение парижской коммуны от 5 июня 1790 г. "Пусть в этот день (годовщина взятия Бастилии) прозвучит самое трогательное из всех высказываний, французы, мы братья! Да, братья, свободные люди со своей страной!" Roux et Buchez, VI. 275.]

3103 (возвращение)

[Бюше и Ру, IV. 3, 309; V. 123; VI. 274, 399.—Дюверже, Собрание законов и декретов. Указ от 8 и 9 июня 1790 г.]

3104 (возвращение)

[Для того, кто, как и я, годами жил среди мусульман, в пяти ежедневных ритуальных молитвах,

совершаемых с обращением к Мекке, в этом описании принятия присяги французами есть что-то знакомое. (CP.)]

3105 ([return](#))

[Michelet, "Histoire de la Révolution Française," II, 470, 474.]

3106 ([return](#))

[De Ferrières, II. 91.—Albert Babeau, I. 340. (Letter addressed to the Chevalier de Poterat, July 18, 1790.)—De Dampmartin, "Événements qui se sont passés sous mes yeux," etc., 155.]

3107 ([возвращение](#))

[Можно себе представить, какое впечатление произвело описание Тэна на тысячи студентов-политологов и других людей спустя годы после того, как эта книга была напечатана и широко продавалась по всей Европе. (SR.)]

3108 ([возвращение](#))

[Саузой, I. 202.]

3109 ([возвращение](#))

[Альбер Бабо, ib. I, 339—Де Ферьер, II, 92.]

3110 ([возврат](#))

["Национальный архив", Н. 1453, Переписка М. де Берчени, 23 мая 1790 г.]

3111 ([возвращение](#))

["Национальные архивы", там же, 13 мая 1790 г. "Г-на де ла Рифодьера вытащили из кареты и отвели на гауптвахту, которая немедленно наполнилась людьми, кричавшими: "К фонарному столбу, аристократ!" — Факт таков: после того, как он несколько раз прокричал "Да здравствует король и нация!" Они хотели, чтобы он кричал "Да здравствует Нация!" наедине, после чего он произнес "Да здравствует нация, достойная любви". — В Блуа в день Федерации толпа прогуливается по улицам с деревянной головой, покрытой париком, и плакатом, гласящим, что аристократы должны быть обезглавлены.]

3112 ([возвращение](#))

[Мог ли Фрейд (1856-1939) быть вдохновлен, прямо или косвенно, наблюдением Тэна? 'La Révolution' vol. I, был опубликован в 1877 году, когда Фрейду был 21 год!! (СТАРШИЙ)]

3113 (возвращение)

["Меркюр де Франс", статьи Малле дю Пана (18 июня и 16 августа 1791 г.; 14 апреля 1792 г.).]

3114 (возвращение)

[Moniteur, IV. 560. (заседание от 5 июня 1790 г.) отчет М. Фрето. "Эти факты подтверждены пятьюдесятью свидетелями". — Ср. Число от 19 апреля 1791 года.]

3115 (возвращение)

[Солон был известным законодателем, реформировавшим Афины около 2500 лет назад. (СТАРШИЙ)]

3116 (возвращение)

["Национальный архив", К.К., 1105, Переписка М. де Тьяра, военного коменданта Бретани (сентябрь 1789 г.): "В каждой маленькой деревне есть три враждующие силы: президент, буржуазное ополчение и постоянный комитет. Каждый стремится превзойти другого по рангу, и в этот раз на моих глазах произошла сцена в Ландивизио, которая могла бы закончиться кроваво, но оказалась просто нелепой. Между тремя ораторами возник оживленный спор о том, кто должен выступить первым. Они обратились ко мне с просьбой принять решение. Чтобы не обидеть ни одну из сторон, я решил, что все трое должны выступить одновременно; это решение было немедленно приведено в исполнение".]

3117 (возвращение)

[Указ от 10-14 августа 1789 г.]

3118 (возврат)

["Национальные архивы", КК, 1105. Корреспонденция М. де Тьяра, 21 сентября 1789 г. "Войска теперь подчиняются только муниципалитетам". — Также 30 июля, 11 августа 1790 г.]

3119 (возврат)

["Национальные архивы", КК, 1105. Переписка от 31. М. де Тьяра, 11 и 25 сентября, 20 ноября, 25 и 30 декабря 1789 г.]

3120 (возвращение)

[Buzchez and Roux, V.304 (апрель 1790 г.). — "Национальные архивы", Документы Следственного комитета, DXXIX. I (записка М. Латур-дю-Пена, 28 октября 1789 г.) —? Бюше и Ру, IV. 3 (1 декабря 1789 г.); IV. 390 (февраль 1790 г.); VI. 179 (апрель и май 1790 г.).]

3121 ([возврат](#))

[Меркюр де Франс, Отчет М. Эмери, заседание от 21 июля 1790 г., номер за 32 июля. — "Национальный архив", F7, 3200. Письмо директории Кальвадоса от 26 сентября и 20 октября 1791 г.]

3122 ([возврат](#))

["Национальные архивы", F7, 3207. Письмо министра Дюмуре от 15 июня 1792 г. Доклад М. Кайяра от 29 мая 1792 г.]

3123 ([возврат](#))

[Меркюр де Франс, № за июль 1791 г. (заседание 6-го); № за 5 и 26 ноября 1791 г.]

3124 ([return](#))

[Albert Babeau, "Histoire de Troyes," vol. I. passim.—"Archives Nationales," F7, 3257. Обращение Директории Соны и Луары к Национальному собранию, 1 ноября 1790 г.—F7, 3200. Письмо Директории Кальвадоса от 9 ноября 1791 г.—F 7, 3195. Протокол заседания муниципалитета Экс, 1 марта 1792 г. (о событиях 26 февраля); письмо М. Виллара, президента директории, 20 марта 1792 г.—F7, 3220. Выдержки из обсуждений в директории Жерса и письмо королю от 28 января 1792 г. Письмо М. Лафито, президента Директории, 30 января. (Его потащили за волосы и вынудили покинуть город.)]

3125 ([возврат](#))

[Отель Mercure de France, № от 30 октября 1790 г.]

3126 ([возврат](#))

["Национальные архивы", F7, 3226. Письмо директории Индре М. Кахье, министру, 6 декабря 1791 г. —Письмо М. Делессара, министра, директории Индре, 31 декабря 1791 г.]

3127 ([возвращение](#))

[Фабр, "История Марселя", II. 442. У Мартина было всего 3555 голосов, когда вскоре после этого Национальная гвардия насчитывала 24 000 человек.]

3128 ([возврат](#))

["Национальные архивы", F7, 3196. Письмо министра, г-на де Сен-Приста, председателю Национального собрания, 11 мая 1790 г.]

3129 (возврат)

["Национальные архивы", F7 3196. Письма военного коменданта М. де Мирана, 6, 14, 30 марта 1790 г.]

3130 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Письмо г-на де Бурниссака, гран-приво, 6 марта 1790 г.]

3131 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Письма г-на дю Мирана от 11 и 16 апреля и 1 мая 1790 г.]

3132 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Протокол событий 30 апреля.]

3133 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Письма муниципалитета Марселя Национальному собранию от 5 и 20 мая 1790 г.]

3134 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Приказ короля, 10 мая. Письмо месье де Сен-Приста Национальному собранию, 11 мая. Постановление Национального собрания, 12 мая. Письмо муниципалитета королю. 20 мая. Письмо М. де Рюбума от 20 мая. Записка отправлена из Марселя 31 мая. Обращение муниципалитета к президенту организации "Друзья конституции" в Париже, 5 мая. В его рассказе о взятии фортов мы читаем следующее предложение: "Мы беспрепятственно прибыли в присутствие коменданта, которого мы привели к соглашению посредством влияния, которое сила, страх и разум придают убеждению".]

3135 (возвращение)

["Национальный архив", F7, 3196, Письмо М. де Мирана, 5 мая.— О духе правящей партии в Марселе свидетельствуют несколько печатных документов, приложенных к досье, и, среди прочего, "Запрос Десмулена генеральному прокурору Фонаря". Это связано с "патриотической чернильницей", недавно сделанной из камней разрушенной цитадели, изображающей гидру с четырьмя головами, символизирующую дворянство, духовенство, министерство и судей. "Именно из четырех патриотических черепов гидры будут взяты проскрипционные чернила для врагов Конституции. Эта чернильница, вырезанная из первого камня, упавшего при сносе форта Сен-Николя, посвящена патриотической ассамблее Марселя. Магическое искусство героя марсельской свободы, того Рено, который под маской преданности застал врасплох бдительного стража Нотр-Дам-де-ла-Гард, и чья мужественная отвага и хитрость обеспечили

завоевание этого ключа к великому средоточию контрреволюции, только что породило новую черту гения, нового Девкалиона, он олицетворяет этот камень, который Свобода сбросила с вершины нашей грозной Бастилии и т.д."]

3136 (возврат)

["Национальные архивы", F7. 3198. Письма королевских уполномоченных от 13 и 5 апреля 1791 г.]

3137 (возвращение)

[Де Сегюр, "Мемуары", III, 482 (начало 1790 г.).]

3138 (возвращение)

[Де Дампмартен, I. 184 (январь 1791 г.).]

3139 (возврат)

["Национальные архивы", KK, 1105. Переписка г-на де Тьяра (12 октября 1789 г.).]

3140 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3250. Протокол заседания директории департамента. 28 марта 1792 года. "Поскольку брожение достигло высшей точки и возникли опасения, что последует еще большее зло, господин президент с болезненным волнением заявил, что он уступил и принял неконституционный акт". Ответ министра, 23 июня: "Если официальные власти таким образом вынуждены уступить произволу дикой толпы, правительство больше не существует, и мы находимся на самой печальной стадии анархии. Если вы считаете, что так будет лучше, я предложу королю отменить ваше последнее решение".]

3141 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3250. Письмо г-на Дюпора, министра юстиции, 24 декабря 1791 г.]

3142 (возвращение)

["Национальные архивы", F7, 3248, Отчет сотрудников департамента, закончен 18 марта 1792 г.—Бюше и Ру, IX. 240 (Отчет М. Алькье).]

3143 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268. Выдержка из обсуждений директории Сены и Уазы с документами, относящимися к восстанию в Этампе 16 сентября 1791 года. Письмо М. Венара,

администратора округа, 20 сентября— " Я не переступлю порога Этампа до восстановления порядка и спокойствия, и первое, что я сделаю, это внесу запись о своем уходе в реестр. Я устал приносить жертвы неблагодарным негодяям".]

3144 (возвращение)

[Moniteur, 16 марта 1792 г.—Мортимер-Терно, "История земли" (Разбирательство против убийц Симоно), I. 381.]

3145 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3226. Письмо и меморандум Шенантена, земледельца, 7 ноября 1792 года. Выдержка из обсуждений директории Ланже, 5 ноября 1792 г. (мятеж в Шапель-Бланш, близ Ланже, 5 октября 1792 г.).]

3146 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3105. Отчет уполномоченных, направленных Национальным собранием и королем, 23 февраля 1791 г. (О событиях 12 и 14 декабря 1790 г.) — Mercure de France, 29 февраля 1791 г. (Письма из Экса, и особенно письмо от семи офицеров, заключенных в тюрьму в Эксе, 30 января 1791 года.) Старейший якобинский клуб, образованный в феврале 1790 года, назывался "(Club des vrais amis de la Constitution.)". Второй якобинский клуб, образованный в октябре 1790 года, "изначально состоял из ремесленников и чернорабочих из предместий и пригородов". Its title was " Société des frères anti-politiques," or "frères vrais, justes et utiles à la patrie." Оппозиционный клуб, образованный в декабре 1790 года, носил название, по мнению одних, "Друзья короля, мира и религии"; по мнению других, "Друзья мира"; и, наконец, согласно другому сообщению, "Защитники религии, личности и собственности".]

3147 (возвращение)

[Специальная серия религиозных служб. (TR)]

3148 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3195. Письма уполномоченных от 20 марта, 11 февраля, 10 мая 1791 г.]

ГЛАВА II. ВЛАДЫЧЕСТВО НЕОБУЗДАННЫХ СТРАСТЕЙ.

В этих условиях, когда страсти дают волю, любой решительный и компетентный человек, способный собрать пару сотен человек, может сформировать банду и проскользнуть через расширенные или ослабленные сети, удерживаемые пассивным или неэффективным правительством. Над человеческим обществом вот-вот будет поставлен грандиозный эксперимент; благодаря ослаблению обычных ограничений, которые поддерживали его, теперь стало возможным измерить силу постоянных инстинктов, которые нападают на него. Они всегда присутствуют, даже в обычное время; мы не замечаем их, потому что держим в узде; но они не менее энергичны и эффективны, и, более того, неуничтожимы. В тот момент, когда их подавление прекращается, становится очевидной их пагубная сила; точно так же, как сила воды, которая держит на плаву корабль, но которая при первой же течи проникает в него и топит.

I.—Старые религиозные обиды

Монтобан и Ним в 1790 году.

Начнем с того, что религиозные страсти не должны быть подавлены объединениями, объятиями и излияниями братства. На юге, где протестанты подвергаются преследованиям более ста лет, ненависть существует уже более ста лет.³²⁰¹ Напрасно гнусные эдикты, которые угнетали их, вышли из употребления в течение последних двадцати лет; напрасно с 1787 года им были восстановлены гражданские права: прошлое все еще живет в передаваемых воспоминаниях; и две группы противостоят друг другу, одна протестантская, а другая католическая, каждая непокорная, враждебная, готовая к обороне и интерпретирующая приготовления своего противника как план нападения. При таких обстоятельствах пушки стреляют сами по себе. — При внезапной тревоге в Юзесе³²⁰² году католики численностью в две тысячи человек овладевают епископским дворцом и ратушей; в то время как протестанты численностью в четыреста человек собираются за стенами на эспланаде и проводят ночь с оружием в руках, каждый отряд убежден, что другой собирается устроить резню, причем одна сторона призывает на помощь католиков Жалеса, а другая - протестантов Гардонненка. — При таком отношении есть только один способ избежать гражданской войны между сторонами, и это господство энергичной третьей стороны, беспристрастной и действующей на месте. План на этот счет, который обещает хорошие результаты, предложен военным комендантом Лангедока.³²⁰³ По его словам, двумя зачинщиками являются, с одной стороны, епископы Нижнего Лангедока, а с другой - г-н Рабо-Сент-Этьен, отец и двое сыновей, все трое - пасторы. Пусть они отвечают "своими головами" за любую толпу, восстание или попытку развратить армию; пусть из муниципальных органов двенадцати городов будет избран трибунал из двенадцати судей, и все правонарушители предстанут перед ним; пусть это будет апелляционный суд последней

инстанции, и его приговор будет немедленно приведен в исполнение. Однако в моде как раз обратная система. Поскольку обе стороны организованы в ополчение, каждая заботится о себе и наверняка откроет огонь в другую; и тем охотнее, поскольку новые церковные постановления, которые издаются из месяца в месяц, подобно множеству молотков ударяют по католической чувствительности и рассыпают снопы искр на капсюлях уже заряженных ружей.

В Монтобан 10 мая 1790 года, в день инвентаризации и экспроприации религиозных общин,³²⁰⁴ членам комиссии вход запрещен. Женщины в состоянии иступления лежат поперек порогов дверей, и пришлось бы переступить через их тела; вокруг "Кордельеров" собирается большая толпа, и подписывается петиция о сохранении монастырей. Протестанты, ставшие свидетелями этого переполоха, встревожились, и восемьдесят их национальных гвардейцев направились к ратуше и силой овладели караульным помещением, которое ее охраняет. Муниципальные власти приказывают им уйти, что они отказываются делать. Вслед за этим католики, собравшиеся в "Кордельерах", начинают бунтовать, бросают камни и забивают двери бревнами, в то время как раздаются крики, что протестанты, укрывшиеся в караульном помещении, стреляют из окон. Разъяренная толпа немедленно врывается в арсенал, захватывает все ружья, какие только могут попасть под руку, и дает залпы по гауптвахте, в результате чего пятеро протестантов убиты и еще двадцать четыре ранены. Остальных спасают муниципальный чиновник и полиция; но они обязаны по двое предстать перед собором в одних рубашках и принести публичную епитимью, после чего их сажают в тюрьму. Во время беспорядков были слышны политические выкрики: "Ура дворянам! Ура аристократии! Долой нацию! Долой трехцветный флаг!" Бордо, считая Монтобан мятежником против Франции, отправляет полторы тысячи своих национальных гвардейцев, чтобы освободить заключенных. Тулуза оказывает Бордо помощь. Брожение ужасное. Четыре тысячи протестантов Монтобана обращаются в бегство; вооруженные города вот-вот вступят в схватку друг с другом, как некогда в Италии. Необходимо, чтобы комиссар Национального собрания и короля Матье Дюма обратился с речью к жителям Монтобана, добился освобождения заключенных и восстановления порядка.

Через месяц после этого в Ниме происходит еще более кровавое сражение³²⁰⁵ против католиков. На самом деле протестантов всего двенадцать тысяч из пятидесяти четырех тысяч жителей, но основная торговля этого места находится в их руках; они владеют мануфактурами и содержат тридцать тысяч рабочих; на выборах 1789 года они поставили пятерых из восьми депутатов. Симпатии того времени были на их стороне; тогда никто и представить себе не мог, что господствующая Церковь подвергается какому-либо риску. Она, в свою очередь, подвергнется нападению, и мы увидим, что две стороны противостоят друг другу. Католики подписывают петицию,³²⁰⁶ набирают рекрутов среди огородников пригородов, сохраняют белую кокарду, а когда это запрещено, заменяют ее красной розеткой, еще одним знаком признания. Во главе их стоит энергичный человек по имени Фроман, у которого на уме грандиозные проекты; но поскольку почва, по которой он ступает, подорвана, он не может предотвратить взрыв. Это происходит естественно, случайно, в результате простого столкновения двух одинаково недоверчивых тел; и до последнего дня это начиналось и возобновлялось двадцать раз, через взаимные провокации и доносы, через оскорбления, клевету, потасовки, бросание камней и ружейные выстрелы. 13 Июня 1790 года встает вопрос о том, какая партия должна предоставить администраторов для округа и департамента, и начинается конфликт в связи с выборами. Избирательное собрание проводится в караульном помещении епископского дворца, куда прибыли протестантские драгуны и патриоты "в три раза

больше, чем обычно, с заряженными мушкетами и пистолетами и с полными патронными коробками", и они патрулируют окрестности. Со своей стороны, красные розетки, роялисты и католики, жалуются на угрозы и "презрительное обращение" (*parqués*). Они предупреждают привратника, "чтобы он не пускал ни одного драгуна в город ни пешком, ни верхом, с риском для своей жизни", и заявляют, что "помещение епископа не предназначалось для гауптвахты". - Собирается толпа, под окнами раздаются крики; бросают камни; раздается звук драгунского горна, который объявляет перекличку, и раздаются два выстрела.³²⁰⁷ Драгуны немедленно дают залп, в результате которого ранено много людей и убито семеро. С этого момента стрельба продолжается весь вечер и всю ночь, в каждом квартале города, каждая сторона считает, что другая хочет ее уничтожить, протестанты убеждены, что это еще один Святой Варфоломей, а католики - что это "Микелада".³²⁰⁸ Между ними нет никого, кто мог бы действовать. Муниципальные власти далеки от того, чтобы отдавать приказы, они их получают: с ними грубо обращаются, толкают и заставляют расхаживать, как слуг. Патриоты хватают аббата де Бельмона, муниципального служащего, в Ратуше, приказывают ему под страхом смерти объявить военное положение и вкладывают ему в руки красный флаг. "Марш, негодяй, ты ублюдок! Подними свой флаг — еще выше — ты достаточно большой, чтобы сделать это!" Следуют удары прикладами их мушкетов. Бедняга плюется кровью, но это не имеет значения; он должен быть на виду во главе толпы, как мишень, в то время как его проводники благоразумно остаются позади. Так он продвигается вперед, подставленный под пули, держа в руках флаг, и, наконец, становится пленником красных розеток, которые освобождают его, но сохраняют его флаг. Проводится второе шествие с красным флагом, который держит городской служащий, и новыми выстрелами; красные розетки захватывают и этот флаг, а также другого муниципального чиновника. Остальные члены муниципального корпуса вместе с королевским комиссаром укрываются в казармах и отдают приказ выводить войска. Тем временем Фроман со своими тремя ротами, размещенными в башнях и в домах на крепостных валах, сопротивлялся до последней крайности. Наступает рассвет, бьют в набат, барабаны призывают к оружию, и толпами прибывают местные патриоты-ополченцы, протестанты с гор, грубые севенолы. Красные розетки взяты в осаду; монастырь капуцинов, из которого якобы стреляли, разграблен, а пятеро монахов убиты. Башня Фромана разрушена пушкой и взята штурмом. Его брат убит и сброшен со стен, в то время как якобинский монастырь рядом с крепостными валами разграблен. Ближе к ночи все красные розетки, которые сражались, убиты или разбежались, и больше нет никакого сопротивления. — Но ярость все еще длится; пятнадцать тысяч крестьян, наводнивших город, думают, что они еще недостаточно сделали. Напрасно им говорят, что остальные пятнадцать рот красных розеток не двинулись с места; что мнимые агрессоры "даже не перешли в состояние обороны"; что во время сражения они оставались дома, и что впоследствии, в порядке дополнительной предосторожности, муниципальные власти заставили их сложить оружие. Тщетно Избирательное собрание, которому предшествует шествие с белым флагом на общественную площадь, призывает народ сохранять мир. "Под предлогом обыска подозрительных домов они грабят или крушат, а все, что нельзя унести, ломают". Только в Ниме разграблено сто двадцать домов, в то время как такие же разрушения совершаются в окрестностях, причем ущерб по истечении трех дней составляет семьсот или восемьсот тысяч ливров. Множество бедняков, рабочих, торговцев, стариков и немощных людей были убиты в своих домах; некоторых, "которые были прикованы к постели в течение многих лет, подтаскивают к порогам их дверей, чтобы расстрелять". Других вешают на эспланаде и на Неф-Кур, в то время как другим отрезают носы, уши, ступни и кисти; их разрубают на куски саблями и косами. Ужасные истории, как это обычно бывает, провоцируют самые жестокие поступки.

Предполагается, что у трактирщика, который отказывается распространять антикатолические списки, в подвале есть мина, заполненная бочонками с порохом и серными спичками наготове; его разрубает на куски саблей, и в его труп разряжают двадцать пистолетов: выставляют тело перед его домом с длинным караваем хлеба на груди, и снова закалывают его штыками, говоря ему: "Ешь, ублюдок, ешь" - Более пятисот католиков были убиты, и многие другие, залитые кровью, "столпились в толпе". тюрьмы, пока продолжаются поиски запрещенных; всякий раз, когда их видят, в них стреляют, как в стаю волков". Тысячи жителей, соответственно, требуют свои паспорта и покидают город. Сельские католики, тем временем, на своей стороне убивают шестерых протестантов в окрестностях — старика восьмидесяти двух лет, пятнадцатилетнего юношу и мужа с женой в их фермерском доме. Чтобы положить конец актам убийства, необходимо вызвать Национальную гвардию Монпелье. Но восстановление порядка идет на пользу победившей стороне. Три пятых избирателей сбежали; треть администраторов округов и департаментов была назначена в их отсутствие, и большинство новых справочников взято из клуба патриотов. Именно по этой причине заключенные заранее признаются виновными. "Ни один судебный пристав не осмеливается воспользоваться их услугами; им не разрешается приводить оправдывающие факты в качестве доказательств, в то время как все знают, что судьи не беспристрастны".[3209](#)

Таким образом, насильственным мерам политической и религиозной розни приходит конец. Победитель затыкает уста закону, когда тот собирается выступить в защиту своего противника; и, руководствуясь юридическим беззаконием администрации, которую он сам установил, он сокрушает тех, кого повергла незаконная сила его собственной сильной руки.

II.—Высшая страсть.

Страх перед голодом в его наиболее острой форме.—Отсутствие обращения зерна.— Вмешательство и узурпация избирательных собраний.—Сельский кодекс в Ниверне.—Четыре центральные провинции в 1790 году.—Почему сохраняются высокие цены.—Беспокойство и неуверенность.—Стагнация рынка зерна.—Департаменты близ Парижа в 1791 году.—Поставки и цены на зерно регулируются силой.—Массовые беспорядки в 1792 году.—Сельские армии Эра, нижней Сены и Эны.—Обострение беспорядков после 10 августа.—Диктатура необузданных инстинктов.—Ее практическая и политическая целесообразность.

Страсти такого рода являются продуктом человеческого воспитания и дают волю только в узких рамках. Существует еще одна страсть, которая не является ни исторической, ни локальной, но естественной и универсальной, самая неукротимая, самая властная и самая грозная из всех, а именно страх голода. При такой страсти не бывает медлительности, или размышлений, или

взгляда за пределы себя. Каждая коммуна или кантон хочет иметь свой хлеб, и притом надежный и неограниченный запас его. Наш сосед может обеспечить себя как можно лучше, но давайте сначала позаботимся о себе, а потом уже о других людях. Соответственно, каждая группа людей посредством своих собственных постановлений или с помощью основной силы сохраняет для себя все средства к существованию, которыми она располагает, или отбирает у других средства к существованию, которыми она не обладает. ii

В конце 1789 года, [3210](#) "Руссильон отказывается от помощи Лангедоку; Верхний Лангедок - остальной провинции, а Бургундия - Лиону; Дофини запирается, а Нормандия сохраняет пшеницу, закупленную для помощи Парижу". В Париже у дверей всех булочных выставлены часовые; 21 октября одного из последних вешают, и его голова насаживается на пику. 27 октября в Верноне наступает очередь торговца зерном по имени Плантадор, который предыдущей зимой помогал беднякам на шесть лиг в округе. В настоящий момент народ не прощает ему того, что он отправил муку в Париж, и его дважды вешают, но каждый раз спасают, обрывая веревку. — Только силой и под конвоем можно обеспечить прибытие зерна в город; возбужденные люди или национальные гвардейцы постоянно захватывают его при прохождении. В Нормандии ополчение Кана останавливает пшеницу на дорогах, которые направляются в Харкорт и другие места. [3211](#) В Бретани Оре и Ванн оставляют автоколонны для Нанта, а Ланьон - для Бреста. Брест попытался вступить в переговоры, но его уполномоченных схватили и, приставив нож к их горлу, заставили подписать чистый отказ от зерна, за которое они заплатили, после чего их вывели из Ланьона и по дороге побили камнями. Следовательно, тысяча восемьсот человек покидают Брест с четырьмя пушками и отправляются возвращать свое имущество с заряженными ружьями. Таковы обычаи, распространенные во время великого голода феодальных времен; и от одного конца Франции до другого, не говоря уже о побегах голодающих в крупных городах, постоянно происходят подобные бесчинства или попытки выздоровления. " Вооруженное население Нантуа, Сен-Клода и Септмонселя, — говорится в депеше, [3212](#) г. - снова прекратило поставки провизии из региона Жекс; пшеница не поступает туда ни с какой стороны, все дороги охраняются. Без помощи правительства Женевы, которое готово ссудить этому региону восемьсот саженьцев пшеницы, мы либо умерли бы от голода, либо были бы вынуждены силой отбирать зерно у муниципалитетов, которые держат его при себе". Нарбонна морила голодом Тулон; судоходство по каналу Лангедок перехвачено; люди на его берегах отбивают две роты солдат, сжигают большое здание и хотят уничтожить сам канал". Останавливают лодки, грабят повозки, насильно снижают цены на хлеб, бросают камни и стреляют из ружей; население сражается с Национальной гвардией, крестьяне с горожанами, покупатели с торговцами, ремесленники и чернорабочие с фермерами и землевладельцами в Кастельнодари, Ньоре, Сент-Этьене, в Эне, в Па-де-Кале, и особенно вдоль линии, протянувшейся от Монбризона до Анже, то есть почти на всем протяжении обширного бассейна Луары, - таково зрелище, представшее взору к 1790 году. — И все же урожай был неплохим. Но нет никакого оборота зерна. Каждый мелкий центр сформировал лигу за монополию на продовольствие; и поэтому голодание других и судороги всего организма являются первыми проявлениями необузданной свободы, которой Конституция и обстоятельства наделили каждую местную группу.

"Нам велено собраться, проголосовать и избрать людей, которые займутся нашим делом; давайте займемся этим сами. С нас хватит разговоров и лицемерия. Хлеб за два су, и давайте отправимся за пшеницей туда, где ее можно найти!" Таково рассуждение крестьянства, и в Ниверне, Бурбонне, Берри и Турени собрания выборщиков являются зачинщиками

восстаний.³²¹³ В Сен-Соге "первая работа первичного собрания - обязать муниципальных чиновников установить цену на пшеницу под страхом обезглавливания". В Сен-Жеране то же самое относится к хлебу, пшенице и мясу; в Шатийон-ан-Байе это делается со всеми припасами и всегда на треть или половину ниже рыночной цены, не говоря уже о других поборах.— Они постепенно приходят к составлению тарифа на все известные им ценности, объявляя максимальную цену, которой может стоить тот или иной предмет, и таким образом устанавливая полный кодекс сельской и социальной экономики. Мы видим в бурных и скачкообразных формулировках этого документа их настроения, как в зеркале.³²¹⁴ Это программа сельских жителей. Его разнообразные статьи, за исключением местных вариаций, должны выполняться, то одна, то другая, в зависимости от случая, необходимости и времени, и, прежде всего, от всего, что касается провизии. Желание, как обычно, является отцом мысли; крестьянство думает, что оно действует по приказу власти: здесь - через указ короля и Национального собрания, там - через комиссию, непосредственно вверенную графу д'Эстре. Еще до этого, на рыночной площади Сент-Аман, "человек вскочил на кучу пшеницы и закричал: "Именем короля и нации, пшеницу в два раза дешевле рыночной цены!" Сообщается, что старый офицер королевских гренадер, кавалер ордена Святого Людовика, марширует во главе нескольких приходов и издает указы от своего имени и от имени короля, налагая штраф в восемь ливров на всякого, кто откажется присоединиться к нему. - Со всех сторон столпотворение. толпы трудящихся, и сопротивление бесплодно. Их слишком много, полиция утонула во время наводнения. Ибо эти деревенские законодатели - сама Национальная гвардия, и когда они голосуют за сокращение поставок или реквизиции припасов, они подкрепляют свои требования оружием. Муниципальные чиновники, вольно или невольно, должны служить повстанцам. В Донжоне Избирательное собрание схватило местного мэра и пригрозило убить его или сжечь его дом, если он не установит плату за срез пшеницы в сорок су; после чего он подписывается, и все мэры вместе с ним, "под страхом смертной казни". Как только это сделано, крестьяне "под звуки флейт и барабанов" расходятся по соседним приходам и заставляют сдавать пшеницу по сорок су и проявляют такую решительность, что четыре бригады жандармов, высланные против них, считают за лучшее отступить.— Не довольствуясь тем, что берут то, что хотят, они запасаются запасами; пшеница - это пленник. В Ниверне и Бурбонне крестьяне проводят пограничную линию, через которую не должен переступить ни один мешок зерна в этом регионе; в случае любого нарушения этого закона у правонарушителя под рукой веревка и факел.—Остается убедиться, что это правило соблюдается. В Берри группы крестьян посещают рынки, чтобы убедиться, что их тариф везде соблюдается. Напрасно им говорят, что они опустошают рынки; "они отвечают, что знают, как доставить зерно, что они возьмут его из частных рук, а также деньги, если понадобится". На самом деле разграблены зернохранилища и погреба, принадлежащие большому количеству людей. Фермеры вынуждены складывать свой урожай в общую житницу, а богатые подвергаются выкупу; "дворяне вынуждены вносить взносы и обязаны отдавать целые владения в качестве пожертвований; угоняют скот; и они хотят лишиться жизни владельцев", в то время как города, защищающие свои склады и рынки, подвергаются открытым нападениям.³²¹⁵ Бурбон-Ланси, Бурбон-л'Аршамбо, Сен-Пьер-ле-Мутье, Монлюсон, Сент-Аман, Шато-Гонтье, Решис, каждый мелкий община - это островок, охваченный нарастающей волной деревенского восстания. Ополченцы проводят ночь с оружием в руках; из крупных городов прибывают отряды национальной гвардии с регулярными войсками и размещают в них гарнизоны. В течение восьми дней в Бурбон-Ланси непрерывно поднимается красный флаг, а на городской площади стоят заряженные пушки, нацеленные на цель. 24 мая предпринята атака на Сен-Пьер-ле-Мутье,

и всю ночь с обеих сторон ведутся перестрелки. 2 июня Сент-Аман, которому угрожали двадцать семь приходов, был спасен только благодаря предпринятым приготовлениям и гарнизону. Примерно в то же время на Бурбон-Ланси нападают двенадцать приходов вместе взятых, а на Шато-Гонтье - саботажники из окрестных лесов. Банда численностью от четырехсот до пятисот жителей деревни арестовывает автоколонны Сент-Аманда и вынуждает их эскорт капитулировать; другая банда окопалась в замке Лафин и в течение всего дня стреляет по регулярным войскам и Национальной гвардии.— Крупные города сами по себе небезопасны. Три или четыреста крестьян во главе со своими муниципальными чиновниками насильно въезжают в Тур, чтобы заставить муниципалитет снизить цены на зерно и уменьшить арендную ставку. Две тысячи сланцепрокатчиков, вооруженных ружьями, вертелами и вилами, врываются в Анже, чтобы добиться снижения цены на хлеб, стреляют в охрану и подвергаются нападению войск и Национальной гвардии; несколько человек остаются мертвыми на улицах, двое повешены в тот же вечер, и красный флаг вывешен на восемь дней. "Город, - говорится в депешах, - был бы разграблен и сожжен, если бы не пикардийский полк". К счастью, поскольку урожай обещает быть хорошим, цены падают. По мере закрытия Избирательных собраний брожение утихает; и к концу года, подобно ясному предзнаменованию перед непрекращающейся бурей, в гражданской войне, вызванной голодом, появляется проблеск перемирия.

Но перемирие длится недолго, поскольку оно нарушается в двадцати местах отдельными взрывами; и ближе к июлю 1791 года беспорядки, вызванные неопределенностью с основными запасами продовольствия, начинаются снова и больше не прекращаются. Мы рассмотрим только одну группу в этом всеобщем состоянии беспорядка — восемь или десять департаментов, которые окружают Париж и снабжают его припасами. Эти округа, Бри и Бос, богаты пшеницей, и урожай 1790 года был не только хорошим, но и обильным в 1791 году. Министру из Лана направляется информация [3216](#) о том, что в департаменте Эна "имеется запас пшеницы на два года ... что амбары, которые обычно пустуют к апрелю, в этом сезоне опустеют не раньше июля", и, следовательно, "пропитание обеспечено". Но этого недостаточно, ибо источник зла кроется не в недостатке пшеницы. Для того чтобы каждый человек в огромной и густонаселенной стране, где различаются почва, возделывание и занятия, мог есть, важно, чтобы продукты питания были доступны производителям; а для того, чтобы они поступали к ним свободно, без задержек, исключительно благодаря естественному взаимодействию спроса и предложения, важно, чтобы существовала полиция, способная защищать собственность, сделки и транспорт. Точно по мере того, как власть государства ослабевает, и по мере того, как уменьшается уровень безопасности, распределение средств к существованию становится все более и более трудным: следовательно, жандармерия является незаменимым колесом в машине, с помощью которой мы можем обеспечить себе хлеб насущный. Отсюда и то, что в 1791 году большое количество людей испытывало нехватку хлеба насущного. Просто благодаря действию Конституции все ограничения, уже ослабленные как на конечностях, так и в центре, с каждым днем становятся все более и более свободными. Муниципалитеты, которые действительно являются суверенными, более слабо подавляют людей, одни потому, что последние смелее и сами более робки, а другие потому, что они более радикальны и всегда считают их правыми. Национальная гвардия устала, никогда не выходит вперед или отказывается применять оружие. Активные граждане испытывают отвращение и остаются дома. В Этампе, [3217](#), где они созываются комиссарами департамента для принятия мер по восстановлению какого-либо порядка, собираются только двадцать человек; остальные

оправдывают себя тем, что, если бы население узнало, что они противятся его воле, "их дома были бы сожжены", и они, соответственно, держатся подальше. "Таким образом, - пишут уполномоченные, - общее благо отдано в руки ремесленников и чернорабочих, чьи взгляды ограничены их собственным существованием". — Соответственно, правит низший класс, и информация, на которой он основывает свои декреты, состоит из слухов, которые он принимает или фабрикует, чтобы скрыть под видом справедливости бесчинства, вызванные его алчностью или жестокостью его голода. В Этампе "их заставили поверить, что зерно, которое было продано для снабжения департаментов ниже Луары, отгружается в Пембеф и оттуда вывозится из королевства для продажи за границу". В пригородах Руана они воображают, что зерно намеренно "засыпают в болота, пруды и глиняные ямы". В Лаоне комитеты идиотов и якобинцев объясняют дороговизну провизии алчностью богатых и недоброжелательностью аристократов, по их словам, "завистливые миллионеры богатеют за счет народа. Они знают силу народа"и, не смея померяться с ним своими силами "в честной борьбе", прибегают "к предательству". Чтобы легко покорить народ, они заранее решили унижить его крайними страданиями и продолжительностью поста, и поэтому они монополизировали "пшеницу, рожь и муку, мыло, сахар и бренди".³²¹⁸ — Подобных сообщений достаточно, чтобы возбудить страдающую толпу к актам насилия, и она неизбежно должна принять в качестве своих лидеров и советников тех, кто подталкивает ее встать на ту сторону, на которую она склоняется. Народу всегда нужны лидеры, и их выбирают везде, где их можно найти, в одно время среди элиты, а в другое - среди отбросов общества. Теперь, когда дворяне изгнаны, буржуазия в отставке, крупные земледельцы под подозрением, в то время как потребности животных проявляют свой слепой и непостоянный деспотизм, соответствующие народные министры состоят из авантюристов и бандитов. Их не обязательно должно быть очень много, так как в месте, полном горючих материалов, достаточно нескольких головешек, чтобы начался пожар. "В городах Этамп и Дурдан можно насчитать самое большое около двадцати человек, которым нечего терять и все можно приобрести в результате беспорядков; это те, кто всегда вызывает волнение и беспорядок, в то время как другие граждане предоставляют им средства своим безразличием". Те, чьи имена известны среди новых проводников толпы, почти все беглые каторжники, чьи прежние привычки приучили их к побоям, насилию, часто к убийству и всегда к презрению к закону. В Брунуа,³²¹⁹ лидерами восстания являются "два дезертира из 18-го полка, осужденные и безнаказанные, которые в компании с самыми подлыми и отчаянными жителями прихода всегда ходят вооруженными и угрожают". В Этампе "два главных убийцы мэра - браконьер, неоднократно осужденный за браконьерство, и старый карабинер, уволенный из своего полка за плохой послужной список против него".³²²⁰ Вокруг - ремесленники "без определенного места жительства", бродячие рабочие, подмастерья и подмастерья, бродяги и бродяги с большой дороги, которые стекаются в города в базарные дни и всегда готовы напасть, когда появляется возможность. Бродяги, действительно, теперь бродят по стране повсюду, все ограничения в отношении них сняты.

"За прошедший год, - пишут несколько приходов в окрестностях Версаля, - мы не видели никаких жандармов, кроме тех, кто приходит с указами", и отсюда умножение "убийств и разбоя" между Этампом и Версалем, на дорогах и в сельской местности. Банды из тринадцати, пятнадцати, двадцати и двадцати двух нищих грабят виноградники, по ночам проникают в фермерские дома и заставляют их обитателей приютить и накормить их, возвращаясь тем же путем каждые две недели, причем их добычей становятся все фермы или изолированные жилища. Священнослужитель был убит в своем собственном доме в пригороде Версаля 26

сентября 1791 года, и в тот же день буржуа и его жена были задушены и ограблены. 22 сентября недалеко от Сен-Реми-Оноре восемь бандитов ворвались в дом фермера. 25 сентября в Виллер-ле-Сек тринадцать человек раздевают другого фермера, а затем добавляют с большой вежливостью: "Вашим хозяевам повезло, что их здесь нет, а то мы бы поджарили их вон на том костре". Шесть подобных злодеяний совершено вооруженными хулиганами в жилых местах в радиусе от трех до четырех лье, сопровождаемых угрозами шоферов.³²²¹ "После предприятий такой силы и дерзости, - пишут жители этого региона, - в стране нет ни одного состоятельного человека, который мог бы рассчитывать на часовую охрану в своем доме. Уже многие из наших лучших земледельцев бросают свой бизнес, в то время как другие угрожают сделать то же самое в случае продолжения беспорядков". — Что еще хуже, так это тот факт, что во время этих бесчинств большинство бандитов были "в национальной форме". Таким образом, самые невежественные, самые бедные и самые фанатичные члены Национальной гвардии вступают в армию ради грабежа. Для людей настолько естественно верить в свое право на то, в чем они чувствуют потребность, что владельцы пшеницы таким образом становятся ее монополистами, а излишки богатых - собственностью бедных! Вот что говорят крестьяне, опустошающие леса Брюйер-ле-Шатель: "У нас нет ни дров, ни хлеба, ни работы — необходимость не знает закона".

Предметы первой необходимости при такой системе обходятся недешево. Слишком много беспокойства, а собственность слишком ненадежна; слишком много препятствий для торговли; покупки, продажи, отгрузки, поступления и платежи слишком неопределенны. Как хранить и транспортировать товары в стране, где ни центральное правительство, ни местные власти, ни Национальная гвардия, ни регулярные войска не выполняют своих обязанностей, и где каждая сделка с продуктами, даже самая законная и наиболее пригодная для использования, зависит от прихоти дюжины негодяев, которым подчиняется население? Пшеница остается в амбарах, или прячется, или ждет своего часа, и только тайком попадает в руки тех, кто достаточно богат, чтобы заплатить не только ее цену, но и дополнительную стоимость риска. Загнанный таким образом в узкое русло, он поднимается до уровня, который увеличивает обесценивание ассигнаций, причем его дороговизна не только сохраняется, но и постоянно увеличивается. — Вслед за этим народный инстинкт изобретает для излечения от зла средство, которое усугубляет его: отныне пшеница не должна перевозиться; она конфискуется в том кантоне, в котором она собрана. В Лаоне "люди поклялись скорее умереть, чем позволить утащить у них еду". В Этампе, куда муниципалитет Анже направляет администратора своей больницы для закупки двухсот пятидесяти мешков муки, поручение не может быть выполнено, делегат в течение нескольких дней даже не осмеливается открыто заявить о цели своего приезда; все, что он может сделать, это "посетить инкогнито и ночью различных торговцев мукой в долине, которые предложили бы снабдить его, но опасаются за свою жизнь и не осмеливаются даже выйти из своих домов". — Такое же насилие проявляется в более отдаленном круге департаментов, которые окружают первый круг. В Обиньи, в Шере, остановлено³²²² вагона с зерном, окружным администраторам угрожают; за головы двоих назначена награда; часть Национальной гвардии переходит на сторону мятежников. В Шомоне, на Верхней Марне, вся Национальная гвардия охвачена мятежом; конвой из более чем трехсот мешков остановлен, Ратуша захвачена, и восстание длится четыре дня; директория департамента обращается в бегство, а народ хватается за порох и пушки. В Дуэ, на Севере, чтобы спасти торговца зерном, его сажают в тюрьму; толпа ломится в ворота, солдаты отказываются стрелять, и человека вешают, в то время как директория департамента находит убежище в Лилле. В Монтрей-сюр-Мер, в Па-де-Кале, два лидера восстания, мангальщик и сапожник Беклен по прозвищу Пти-Ге,

последний с саблей в руке, отвечают на призыв муниципальных властей, что "ни гроша не пропадет теперь, когда они хозяева", и что, если они осмелятся выступить с подобными заявлениями, "они отрубят им головы". Нет никаких средств сопротивления. Национальная гвардия, когда ее созывают, не отвечает; добровольцы, когда их призывают, опускают мушкеты, и толпа, собравшаяся под окнами, кричит "ура". Тем хуже для закона, когда он противостоит народным страстям: "Мы не будем ему подчиняться", - говорят они; "люди создают законы в свое удовольствие". В качестве практического примера, в Торте, в Сене-Инферьер, шесть тысяч вооруженных людей, принадлежащих к окрестным приходам, образуют совещательный вооруженный корпус; чтобы лучше утвердить свои права, они везут с собой две пушки, привязанные веревками к паре повозок; двадцать две роты Национальной гвардии, каждая под своим знаменем, маршируют рядом с ними, в то время как все миролюбивые жители вынуждены подчиняться "под страхом смертной казни", во главе с муниципальными чиновниками. Этот импровизированный парламент издает полный закон о зерне, который для проформы направляется на утверждение в департамент и в Национальное собрание; и одна из его статей провозглашает, что всем земледельцам запрещается "продавать свою пшеницу где-либо, кроме как на рынках". Поскольку для нее нет другого выхода, пшеницу приходится везти на рынки кукурузы (halles), и когда они заполняются, цена обязательно падает.

Какой глубокий обман! Даже в житницах Франции пшеница остается дорогой и стоит примерно на треть дороже, чем было бы необходимо для обеспечения продажи хлеба по два су за фунт в соответствии с волей народа. Например, [3223](#) в Гонессе, Дурдане, Корбейе, Меннеси, Брюнуа, Лимуре, Бри-Конт-Робере и особенно в Этампе и Монлери владельцы зерна вынуждены почти еженедельно, под шум и насилие народа, снижать цены на треть и более. Для властей невозможно поддерживать на своей хлебной бирже свободу покупки и продажи. Регулярные войска были отправлены народом заранее. Какой бы терпимостью или попустительством ни отличались солдаты, у людей есть смутное ощущение, что они здесь не для того, чтобы позволять вспарывать мешки с мукой или хватать фермеров за горло. Чтобы избавиться от всех препятствий и от слежки, они используют сам муниципалитет и заставляют его осуществить собственное разоружение. Муниципальные чиновники, посаженные в ратуше, временами угрожая пистолетами и штыками, [3224](#) посылают отрядам, которых они ожидают, приказ повернуть назад, и умоляют Директорию не посылать больше войск, поскольку, если таковые появятся, им сказали, что "они об этом пожалеют". Нигде нет регулярных войск. В Этампе люди повторяют, что "за ними посылают и платят торговцы мукой"; в Монлери, что "они служат только для того, чтобы вооружать граждан друг против друга"; в Лимуре, что "они делают зерно дороже". В этом направлении все предлоги кажутся благовидными; воля народа абсолютна, и власти самодовольно идут навстречу своим указам. В Монлери муниципальный орган приказывает жандармерии оставаться у ворот города, что дает полный ход восстанию.— Администраторы, однако, не получают облегчения, предоставляя людям свободу действий; они обязаны санкционировать свои поборы постановлениями. Их выводят из Ратуши, ведут на рыночную площадь, и там сразу же, под диктовку шума, который устанавливает цены, они, как простые приказчики, объявляют о снижении. Более того, когда вооруженный сброд из деревни выступает вперед, чтобы тиранизировать соседний рынок, он невольно увлекает за собой своего мэра в качестве официального инструмента, принадлежащего ему. [3225](#) "Силе нельзя сопротивляться", - пишет мэр Верт-ле—Пти. — "Мы должны были выступить немедленно". - "Они заверили меня, - говорит мэр Фонтенэ, - "что, если я не подчинюсь им, они меня повесят". - На любого муниципального служащего, осмелившегося возразить, они говорят ему: что "он

становится аристократом". Аристократ и повеса, аргумент неотразимый, тем более что он действительно применяется. В Корбейле прокурор-синдик, пытающийся обеспечить соблюдение закона, был избит почти до смерти, а три дома, в которых они пытались его найти, снесены. В Монлери торговец семенами, обвиняемый в смешивании бобовой муки (вдвое дороже) с пшеничной, убит в собственном доме. В Этампе мэра, который обнародует закон, забивают дубинками до смерти. Толпы не говорят ни о чем, кроме "сжигания и разрушения", в то время как фермеры, подвергшиеся оскорблениям, освистыванию, принуждению продавать, угрозам смерти и ограблению, убегают, заявляя, что они никогда больше не вернутся на рынок.

Таково первое следствие народной диктатуры. Как и все неразумные силы, она действует в направлении, обратном своему намерению: к дороговизне она усугубляет нехватку и опустошает рынки, вместо того чтобы пополнять их. В доме Этампа часто находилось пятнадцать-шестнадцать сотен мешков муки; через неделю после этого восстания туда было доставлено самое большее шестьдесят. В Монлери, где собралось шесть тысяч человек, каждый получает на свою долю лишь малую толику, в то время как у городских пекарей ее вообще нет. В таком случае разъяренные национальные гвардейцы говорят фермерам, что они приедут навестить их на своих фермах. И они действительно едут.³²²⁶ На дорогах вокруг Монлери, Лимура и других крупных торговых городов постоянно гремят барабаны. Видны колонны из двух, трех и четырехсот человек, проходящие под предводительством своего коменданта и мэра, которых они берут с собой. Они заходят на каждую ферму, забираются в зернохранилища, оценивают количество намолотого зерна и заставляют владельца подписать соглашение о доставке его на рынок на следующей неделе. Иногда, когда они голодны, они заставляют людей дать им что-нибудь поесть и попить на месте, и это не годится для того, чтобы разозлить их, - фермер и его жена чуть не были повешены в собственном сарае.

Их усилия бесполезны: тщетно собирают пшеницу; она оседает на землю или ускользает, как испуганное животное. Тщетно продолжаются восстания. Напрасно вооруженные толпы во всех торговых городах департамента³²²⁷ г. принудительно снижают цены на зерно. Пшеница с каждым месяцем становится все дефицитнее и дороже, поднимаясь в цене с двадцати шести франков до тридцати трех. И поскольку возмущенный фермер "приносит теперь очень мало", только "то, чем необходимо пожертвовать, чтобы избежать угроз, он продает дома или на постоянных дворах торговцам мукой из Парижа". — Люди, гоняясь за изобилием, таким образом, еще глубже погрузились в нужду: их жестокость усугубила их страдания, и именно им самим приходится умирать от голода. Но они далеки от того, чтобы приписывать все это своему собственному неповиновению; обвиняются магистраты; они, в глазах населения, находятся "в союзе с монополистами". На этом склоне остановиться невозможно. Отчаяние усиливает ярость, а ярость усиливает отчаяние; и на этом фатальном склоне люди бросаются от одного возмущения к другому.

После февраля 1792 года такие бесчинства становятся неисчислимыми; толпы, которые отправляются за зерном или снижают цены на него, состоят из армий. Один из шести тысяч человек приходит, чтобы взять под контроль рынок Монлери.³²²⁸ От семи до восьми тысяч человек вторгаются на рыночную площадь Верней, и есть армия из десяти и еще одна из двадцати пяти тысяч человек, которые остаются организованными в течение десяти дней возле Лана. В ста пятидесяти приходах ударили в набат, и восстание распространилось на десять лиг вокруг. Пять лодок, груженных зерном, остановлены, и, несмотря на приказы округа, департамента, министра, короля и Национального собрания, они отказываются их сдать. Их

содержание, тем временем, максимально раскрывается: "Муниципальные служащие разных приходов, собравшись вместе, сами оплачивают свои услуги, а именно: сто су суточных мэру, три ливра муниципальным служащим, два ливра десять су стражникам, два ливра носильщикам. Они распорядились, чтобы эти суммы выплачивались зерном, и, как говорят, они снижают цену зерна по пятнадцать ливров за мешок. Несомненно, что они поделили его между собой и что было роздано тысяча четыреста мешков". Напрасно члены Национального собрания произносят перед ними речи продолжительностью в три часа. Закончив беседу, они обсуждают в присутствии членов комиссии, следует ли повесить последних, утопить или разрубить на куски, а их головы насадить на пять острив посередине ограды аббатства. Когда им угрожают военной силой, они соответствующим образом выстраивают свою диспозицию. Девятьсот человек, сменяющих друг друга, несут вахту день и ночь на земле, в хорошо выбранном постоянном лагере, в то время как дозорным, размещенным на колокольнях окрестных деревень, достаточно поднять тревогу, чтобы собрать двадцать пять тысяч человек за несколько часов.—Пока правительство остается на ногах, оно продолжает борьбу так хорошо, как только может; но оно слабеет из месяца в месяц, и после 10 августа, когда оно лежит на земле, его место занимает толпа и становится всеобщим сувереном. С этого времени не только закон, защищающий провизию, бессилен против нарушителей порядка продажи и обращения, но и Ассамблея фактически санкционирует их действия, поскольку она издает декрет³²²⁹ о прекращении всех судебных процессов, возбужденных против них, отменяет уже вынесенные приговоры и освобождает всех, кто заключен в тюрьму или закован в кандалы. Взгляните на каждую администрацию с торговцами, собственниками и фермерами, брошенными на растерзание голодающим, разъяренным и грабителям; отныне запасы продовольствия принадлежат тем, кто располагает ими и может их взять.

"Вам скажут, - говорится в петиции,³²³⁰ - что мы нарушаем закон. Мы отвечаем на эти вероломные инсинуации, что спасение народа является высшим законом. Мы прибыли, чтобы обеспечить снабжение рынков и обеспечить единую цену на пшеницу по всей Республике. Ибо, в этом нет никаких сомнений, чистейший патриотизм угасает (sic), когда нет хлеба, который можно достать Сопротивление угнетению — да, сопротивление угнетению - самая священная из обязанностей; есть ли какое-либо угнетение более ужасное, чем отсутствие хлеба? Несомненно, нет Присоединяйтесь к нам и воскликните "Ча ира, ча ира!", Мы не можем закончить нашу петицию лучше, чем этим патриотическим лозунгом ".

Эта мольба была написана на барабане, окруженном кругом огнестрельного оружия; и с таким сопровождением она эквивалентна приказу.— Они хорошо осознают это, и из-за собственного авторитета часто присваивают себе не только право, но и титул. В Луаре и Шере,³²³¹ году, банда численностью от четырех до пяти тысяч человек взяла на себя название "Суверенной власти". Они переходят из одного рыночного городка в другой, в Сен-Кале, Мондубло, Блуа, Вандом, снижая расходы на провизию, их войско растет как снежный ком, поскольку они угрожают "сжечь имущество и предать огню дома всех, кто не так храбр, как они сами".

В этом состоянии социальной дезинтеграции восстание - это гангрена, при которой здоровые заражаются болезненными частями тела. Мобы повсюду производятся и воспроизводятся повторно, непрерывно, большие и маленькие, подобно нарывам, которые прорываются бок о бок, болезненно раздражают друг друга и, в конце концов, объединяются. Есть города против сельских округов и сельские округа против городов. С одной стороны, "каждый фермер, который везет что-либо на рынок, выдает себя (дома) за аристократа,³²³² и становится ужасом

для своих сограждан в деревне". С другой стороны, национальные гвардейцы городов рассредоточиваются по сельским округам и совершают рейды, чтобы спастись от голодной смерти.³²³³ В сельских округах признается, что каждый муниципалитет имеет право изолироваться от остальных. В городах признается, что каждый город имеет право получать продовольствие из деревни. Неимущие каждой коммуны признают, что коммуна должна обеспечивать их хлебом бесплатно или по дешевке. Из-за этого начинается град камней и стрельба; департамент против департамента, округ против округа, кантон против кантона, все сражаются за еду, и сильнейшие добывают ее и оставляют себе.— Я просто описал Север, где в течение последних трех лет урожай хороший. Я опустил Юг, где прервана торговля на канале Де Мер, где недавно был убит синдик-прокурор Од за попытку обеспечить проход конвоя; где урожай был скудным; где во многих местах хлеб стоит восемь су за фунт; где почти в каждом департаменте бушель пшеницы продается вдвое дороже, чем на Севере!

Странное явление! и самый поучительный из всех, ибо в нем мы заглядываем в глубины человечества; ибо, как на плоту потерпевших кораблекрушение существ без пищи, происходит возврат к естественному состоянию. Легкая ткань привычек и рациональных идей, которыми цивилизация окутала человека, разорвана в клочья и лохмотьями плавает вокруг него; обнаженные руки дикаря обнажаются, и они наносят удары. Единственное руководство, которым он руководствуется в своем поведении, - это руководство первобытных времен, подавленный инстинкт жаждущего желудка. Отныне то, что правит в нем и через него, - это животная необходимость с ее чередой жестоких и узких внушений, иногда кровавых, а иногда гротескных. Некомпетентный или дикий, во всех отношениях похожий на негритянского монарха, он руководствуется либо методами бойни, либо мечтами о карнавале. Два уполномоченных, которых Ролан, министр внутренних дел, отправляет в Лион, могут за несколько дней увидеть карнавал и бойню.³²³⁴— С одной стороны, крестьяне по всей дороге арестовывают всех подряд; люди считают каждого путешественника убегающим аристократом, что тем хуже для тех, кто попадает к ним в руки. Близ Отена четырех священников, которые, повинувшись закону, переправляются на границу, сажают в тюрьму "для их же собственной защиты"; четверть часа спустя их выводят оттуда и, несмотря на присутствие тридцати двух конных полицейских, убивают. "Когда я проезжал мимо, их карета все еще горела, а неподалеку были разбросаны трупы. Их водитель все еще находился в заключении, и напрасно я добивался его освобождения". — С другой стороны, в Лионе власть перешла в руки деградировавших уличных женщин. "Они захватили центральный клуб, объявили себя комиссарами полиции, подписали соответствующие уведомления и нанесли инспекционные визиты на склады"; они составили тариф на провизию, "от хлеба и мяса до обычных персиков и персиков отличного качества". Они объявили, что "любой, кто осмелится оспорить это, будет считаться предателем страны, приверженцем гражданского списка и привлечен к ответственности как таковой". Все это публикуется, провозглашается и применяется "женщинами-комиссарами полиции", которые сами являются отбросами самых низких поглотителей коррупции. Респектабельные домохозяйки и работницы не имели к этому никакого отношения, равно как и "рабочие любого класса". Единственными действующими лицами этой административной пародии являются "негодяи, несколько хулиганов из домов с дурной славой и часть отбросов женского пола". - С этой целью возникает диктатура инстинктов, там выпущенная на волю во время резни священников на шоссе, а здесь, во втором городе Франции, — во власти проституток.

III.—Эгоизм налогоплательщика.

Иссуден в 1790 году.—Восстание против налогообложения.—Косвенные налоги в 1789 и 1790 годах.—Отмена налога на соль, акциза и октрои.—Прямое налогообложение в 1789 и 1790 годах.—Задержка и недостаточность деклараций.—Новые сборы в 1791 и 1792 годах.—Задержки, пристрастность и сокрытие при составлении списков.—Недостаточность и задержка деклараций.—Оплата ассигнациями.—Налогоплательщик освобождает себя от уплаты половины.—Опустошение лесов.—Раздел коммунальной собственности.

Страх голодной смерти - это всего лишь более острая форма более общей страсти, которая представляет собой желание обладания и решимость ни от чего не отказываться. Ни один народный инстинкт не подвергался более длительному, грубому, повсеместному оскорблению при старом режиме; и нет такого, который с большей готовностью выплескивался бы наружу при принуждении, ни одного, который требовал бы более высокого или широкого общественного барьера или более полностью построенного из прочных блоков, чтобы держать его в узде. Следовательно, эта страсть с самого начала разрушает или поглощает слабые границы, шаткие насыпи осыпающейся земли, между которыми Конституция претендует ее ограничить.—Первый поток сметает денежные требования государства, духовенства и знати. Люди считают их упраздненными или, по крайней мере, считают, что их долги погашены. Их идея относительно этого сформирована и закреплена; для них это то, что составляет Революцию. У людей больше нет кредитора; они полны решимости его не иметь, они никому не будут платить, и, прежде всего, они больше не будут производить никаких платежей государству.

14 июля 1790 года, в день Федерации, население Иссудена в Турени, торжественно созванное для этой цели, только что принесло торжественную клятву, которая должна была навеки обеспечить общественный мир, социальную гармонию и уважение к закону.³²³⁵ Здесь, вероятно, как и везде, были организованы волнующие церемонии; присутствовали молодые девушки, одетые в белое, а ученые и впечатлительные судьи должны были произносить философские речи. Внезапно они обнаруживают, что люди, собравшиеся на общественной площади, снабжены дубинками, косами и топорами и что Национальная гвардия не будет препятствовать их использованию; напротив, сама Гвардия почти полностью состоит из виноградарей и других лиц, заинтересованных в отмене пошлин на вино, из бондарей, трактирщиков, рабочих, перевозчиков бочек и других лиц того же сорта, всех грубых парней, которые по-своему интерпретируют Общественный договор. Вся масса декретов, актов и риторических оборотов, которые рассылаются им из Парижа или исходят от новых властей, не стоят и полпенни налога, взимаемого с каждой бутылки вина. Акцизных сборов больше не будет; они принесут гражданскую присягу только при этом четком условии, и в тот же вечер они повесят чучело двух своих депутатов, которые "не поддержали их интересы" в Национальном собрании. Несколько месяцев спустя из всей Национальной гвардии, призванной защищать

клерков, на вызов откликнулись только комендант и два офицера. Если удастся найти послушного налогоплательщика, ему не разрешают платить взносы; это кажется дезертирством и почти предательством. Запись о том, что были приготовлены три бокала вина, их забрасывают камнями, часть выпивают, а остальное отводят в казармы, чтобы развращать солдат; г-ну де Созе, коменданту "Королевского Руссильона", у которого хватило смелости спасти клерков, угрожают, и за этот проступок он сам едва избежал повешения. Когда муниципальный орган призывают вмешаться и применить силу, он отвечает, что "из-за такой мелочи не стоит подвергать риску жизни граждан", и регулярные войска, посланные в Отель-де-Виль, получают от народа приказ идти только с поднятыми вверх дулями своих мушкетов. Через пять дней после этого разбиты окна акцизной конторы и сорваны публичные объявления; брожение не утихает, и г-н де Созе пишет, что для сдерживания города потребуется полк. В Сент-Амане восстание вспыхивает с новой силой и подавляется только насилием. В Сент-Этьен-ан-Форезе Бертас, служащий акцизного управления, ложно обвиненный в монополизации зерна,³²³⁶ безуспешно защищается Национальной гвардией; согласно обычаю, его сажают в тюрьму, чтобы спасти свою жизнь, и для большей безопасности толпа настаивает на том, чтобы на него надели железный ошейник. Но, внезапно передумав, она ломится в дверь и вытаскивает его наружу, избивая до потери сознания. Распростертый на земле, он все еще двигает головой и поднимает к ней руку, когда женщина, подняв большой камень, разбивает ему череп.— Это не единичные случаи. В июле и августе 1789 года налоговые инспекции были сожжены почти в каждом городе королевства. Тщетно Национальное собрание отдает распоряжения об их восстановлении, настаивает на сохранении пошлин и октроев и разъясняет народу общественные нужды, трогательно напоминая им, более того, что Собрание уже оказало им помощь; люди предпочитают облегчиться немедленно и полностью. Все, что потребляется, больше не должно облагаться налогом ни в пользу государства, ни в пользу городов. "Входные взносы на вино и скот, - пишет муниципалитет Сент-Этьена, - почти ничего не значат, и наших полномочий недостаточно для их соблюдения". В Камбре две последовательные вспышки вынудили акцизное управление и магистратуру города³²³⁷ снизить пошлины на пиво наполовину. Но "зло, поначалу ограниченное одним уголком провинции, вскоре распространяется"; великие балы Лилля, Дуэ и Орши пишут, что "у нас едва ли найдется бюро, которое не подвергалось бы насилию и в котором налоги не были бы полностью подчинены усмотрению народа". Платят только те, кто к этому расположен, и, следовательно, "большого мошенничества быть не могло". Налогоплательщики, действительно, хитро защищают себя и находят множество аргументов или придилок, чтобы уклониться от уплаты своих взносов. В Камбре они утверждают, что, поскольку привилегированные теперь платят так же хорошо, как и остальные, Казна должна быть достаточно богатой.³²³⁸ В Нуайоне, Хаме и Шони, а также в прилегающих приходах мясники, трактирщики и мытари, вместе взятые, которые отказались платить акцизы, находят недостатки в специальном декрете, которым Ассамблея подчиняет их закону, и необходим второй специальный декрет, чтобы обойти этих новых экспертов-юристов. Процесс в Лионе проще. Здесь тридцать две секции назначают уполномоченных; они принимают решение против *ostroi* и просят муниципальные власти отменить его. Они обязательно должны подчиниться, потому что люди рядом и в ярости. Не дожидаясь, однако, каких-либо правовых мер, они берут власть в свои руки, бросаются в пункты сбора пошлин и выгоняют клерков, в то время как большие партии провизии, которые "по особому предопределению" ожидали у ворот, ввозятся бесплатно. Казначейство защищает себя, как может, от этого повсеместно плохого расположения налогоплательщиков, от этих вторжений и инфильтраций мошенничества; оно восстанавливает дамбу там, где она была разрушена,

заделывает трещины и снова возобновляет сборы. Но как они могут быть регулярными и полными в государстве, где суды не осмеливаются осуждать правонарушителей, где общественная сила не осмеливается поддерживать суды,³²³⁹ где народная благосклонность защищает самых отъявленных бандитов и наихудших бродяг от судов и государственных властей? В Париже, где после восьми месяцев безнаказанности начато судебное разбирательство против грабителей, которые 13 августа 1789 года подожгли налоговые инспекции, избирательные комиссии, "считая, что их аудитория стала слишком шумной, что скопление людей вызывает беспокойство, что звучали угрозы, рассчитанные на то, чтобы вызвать обоснованную тревогу", вынуждены прервать свои заседания и передать дело Национальному собранию, в то время как последнее, считая, что "если судебное преследование будет санкционировано в Париже, необходимо будет санкционировать его по всему королевству", постановляет, что лучше всего "прикрыть статью Закона".³²⁴⁰

Ассамблея не только скрывает статью Закона, но и разбирает ее на части, переделывает и калечит в соответствии с требованиями народной воли; и в случае косвенного принуждения все ее декреты навязываются ей. Восстание против соляного самозванца было ужасным с самого начала; шестьдесят тысяч человек в одном только Анжу объединились, чтобы уничтожить его, и цену на соль пришлось снизить с шестнадцати до шести су.³²⁴¹ Народ, однако, этим не удовлетворен. Эта монополия была причиной стольких страданий, что они не расположены мириться ни с какими ее остатками и всегда на стороне контрабандистов против акцизных чиновников. В январе 1790 года в Безье тридцать два служащих, которые изъяли некоторое количество контрабандной соли у вооруженных контрабандистов,³²⁴² преследуются толпой до Ратуши; консулы отказываются защищать их и убегают; войска защищают их, но тщетно. Пятерых пытаются, ужасно калечат, а затем вешают. В марте 1790 года Неккер заявляет, что, согласно отчетам за последние три месяца, дефицит налога на соль составляет более четырех миллионов в месяц, что составляет четыре пятых обычного дохода, в то время как табачная монополия соблюдается не больше, чем монополия на соль. В Туре ³²⁴³ буржуазная милиция отказывается оказывать помощь служащим и "открыто защищает контрабанду", "а контрабандный табак публично продается на ярмарке на глазах у муниципальных властей, которые не смеют этому препятствовать". Следовательно, все поступления одновременно уменьшаются.³²⁴⁴ С 1 мая 1789 года по 1 мая 1790 года общие сборы составляют 127 миллионов вместо 150 миллионов; сборы и акцизы вместе взятые приносят только 31 миллион вместо 50 миллионов. Потоки, наполнявшие государственную казну, все больше и больше затрудняются народным сопротивлением, и под давлением народа Ассамблея в конце концов полностью закрывает их. В марте месяце 1790 года ³²⁴⁵ он отменяет пошлины на соль, внутренние таможенные сборы, налоги на кожу, масло, крахмал и железную марку. В феврале и марте 1791 года он отменяет октрои и входные сборы во всех городах и местечках королевства, все акцизные сборы и те, что связаны с акцизами, особенно все налоги, которые влияют на производство, продажу или оборот напитков. В конце концов народ одержал верх, и 1 мая 1791 года, в день вступления в силу указа, Национальная гвардия Парижа проходит парадом вокруг стен, разыгрывая патриотические лозунги. Пушки инвалидов и тех, кто стоит на Новом мосту, гремят так, словно предвещают важную победу. Вечером устраивают иллюминацию, всю ночь пьют, всеобщее веселье. Пиво, действительно, стоит три су за кружку, а вино - шесть су за пинту, что вдвое дешевле; никакое завоевание не может быть более популярным, поскольку оно приносит опьянение в пределах легкой досягаемости для жаждущих.³²⁴⁶

Цель, теперь, состоит в том, чтобы покрыть расходы, которые были покрыты подавленным октройсом. В 1790 году парижский октрой произвел 35 910 859 франков, из которых 25 059 446 достались государству, а 10 851 413 - городу. Как город собирается платить за дежурство, освещение и уборку своих улиц, а также за поддержку своих больниц? Что собираются делать тысяча двести других городов и округов, оказавшихся в результате того же удара в такой же ситуации? Что будет делать государство, которое, отменив общий доход от всех входных сборов и акцизов, внезапно лишается двух пятых своего дохода? В марте месяце 1790 года, когда Ассамблея отменила соляные и другие пошлины, она установила вместо них налог в пятьдесят миллионов, который должен был быть разделен между прямыми сборами и сборами при въезде в города. Следовательно, теперь, когда вступительные взносы отменены, новая плата полностью ложится на прямые сборы. Поступают ли доходы и поступят ли они?— Перед лицом такого количества вспышек заболевания любое косвенное налогообложение (НДС), безусловно, трудно взимать. Тем не менее, это не так отталкивающе, как другое, потому что государственные сборы исчезают в цене товара, а рука казначейства скрывается за рукой торговца. Государственный служащий ранее предъявил свой гербовый лист, и продавец вручил ему деньги без особого ворчания, зная, что вскоре покупатель с лихвой возместит ему убытки: таким образом, косвенный налог собран. Если возникают какие-либо трудности, они возникают между продавцом и налогоплательщиком, который приходит в его лавку, чтобы пополнить свой маленький запас; последний ворчит, но это из-за высокой цены, которую он ощущает, и, возможно, из-за продавца, который прикарманивает его серебро; он не придирается к клерку казначейства, которого он не видит и который затем не присутствует при сборе прямого налога, напротив, он видит перед собой самого клерка, который забирает драгоценную серебряную монету. Более того, этот уполномоченный грабитель ничего не дает ему взамен; это полная потеря. Покидая лавку торговца, он уходит с кувшином вина, горшком соли или подобными товарами; покидая налоговую инспекцию, у него в руках нет ничего, кроме оправдательного приговора, жалкого клочка исписанной бумаги.— Но теперь он хозяин в своей коммуне, выборщик, национальная гвардия, мэр, единственная власть в использовании вооруженной силы и сам отвечает за свои налоги. Подойдите и попросите его откопать зарытую лепту, на которую он положил все свое сердце и всю свою душу, глиняный горшок, в который он складывал свои драгоценные серебряные монеты одну за другой, и который он копил столько лет ценой стольких страданий и поста, прямо на глазах у судебного пристава, несмотря на преследования заместителя делегата, комиссара, сборщика налогов и клерка!

С 1 мая 1789 г. по 1 мая 1790 г. [3247](#) г. общие доходы, тайный сбор и его принадлежности, подушный налог и "двадцатки", вместо того чтобы приносить 161 000 000 франков, приносят только 28 000 000 франков в провинциях, которые взимают свои собственные налоги (paus d'Etats); вместо 28 000 000 франков казначейство получает только 6 000 000 франков. На патриотический взнос, который должен был вычитать четверть всех доходов, превышающих четыреста ливров, и взимать два с половиной процента. на посуду, драгоценности и все золото и серебро, которые у каждого человека есть в запасе, государство получило 9.700.000 франков. Что касается патриотических подарков, то их общая сумма, включая серебряные пряжки депутатов, достигает всего 361 587 франков; и чем внимательнее мы вглядываемся в детали этих цифр, тем больше мы видим, что пожертвования сельских жителей, ремесленников и бывших подданных тайля уменьшаются.—С октября 1789 года привилегированные классы действительно появляются в налоговых ведомостях, и они, несомненно, составляют класс, который наиболее обеспечен, наиболее восприимчив к общим идеям и наиболее истинно

патриотичен. Следовательно, вероятно, что из сорока трех миллионов доходов от прямых налогов и патриотического вклада они обеспечили большую часть, возможно, две трети или даже три четверти. Если это так, то крестьянин, бывший налогоплательщик, ничего или почти ничего не дал из своего кармана в течение первого года революции. Например, что касается патриотического вклада, Ассамблея оставила на совести каждого человека установление его собственной квоты; по истечении шести месяцев совесть оказывается слишком эластичной, и Ассамблея обязана предоставить это право муниципалитетам. В результате ³²⁴⁸ то или иное лицо, обложившее себя налогом в сорок восемь ливров, облагается налогом в сто пятьдесят; другой земледелец, предложивший шесть ливров, считается способным заплатить более ста. В каждом полку есть небольшое количество отборных храбрецов, и именно они всегда готовы наступать под огнем. В каждом штате есть несколько избранных честных людей, которые идут навстречу сборщику налогов. Некоторое эффективное ограничение необходимо в полку, чтобы воспитать в тех, у кого мужества мало, и в штате, чтобы воспитать в тех, у кого его нет, честность. Следовательно, в течение последующих восьми месяцев, с 1 мая 1790 года по 1 января 1791 года, патриотический взнос составил всего 11 000 000 ливров. Два года спустя, 1 февраля 1793 года, из сорока тысяч общинных налоговых ведомостей, которые должны были бы обеспечить его, есть семь тысяч, которые еще не составлены; из 180 000 000 ливров, которые оно должно было произвести, есть 70 000 000 ливров, которые все еще должны быть выплачены. Сопротивление налогоплательщиков приводит к аналогичному дефициту и аналогичным задержкам во всех отраслях национального дохода. ³²⁴⁹ В июне 1790 года депутат заявляет в "Трибюн", что "из тридцати шести миллионов налогов, которые должны возвращаться каждый месяц, получено только девять". ³²⁵⁰ В ноябре 1791 года докладчик по бюджету заявляет, что поступления, которые должны составлять сорок или сорок восемь миллионов в месяц, не достигают одиннадцати с половиной миллионов. На 1 февраля 1793 года все еще оставалось подлежащим уплате прямых налогов за 1789 и 1790 годы сто семьдесят шесть миллионов. Очевидно, что народ изо всех сил борется против старых налогов, даже санкционированных и продленных Учредительным собранием, и все, что от них получено, у него отнимают.

Будут ли люди более послушными при новом налогообложении? Ассамблея призывает их быть такими и показывает им, как с тем облегчением, которое они получили, и с тем патриотизмом, которым они должны обладать, они могут и должны выполнять свои обязанности. Люди могут это делать, потому что, избавившись от десятины, феодальных поборов, налога на соль, октрои и акцизов, они находятся в удобном положении. Они должны это делать, потому что принятое налогообложение необходимо для государства, оно справедливое, начисляется на всех пропорционально их состоянию, собирается и расходуется под строгим контролем, без искажений или расточительства, в соответствии с точными, ясными, периодическими и проверенными отчетами. Не существует сомнений в том, что после 1 января 1791 года, даты вступления в действие новой финансовой схемы, каждый налогоплательщик с радостью заплатит как добропорядочный гражданин, и двести сорок миллионов нового налога на недвижимость и шестьдесят миллионов налога на личную собственность, не считая остального - реестров, лицензий и таможенных пошлин, — будут поступать регулярно и легко сами по себе.

К сожалению, прежде чем сборщик налогов сможет взыскать первые два сбора, они должны быть оценены, и поскольку существуют сложные письменные документы и формальности, претензии, которые необходимо урегулировать на фоне большого сопротивления и невежества местных жителей, операция затягивается на неопределенный срок. Расписание личных и

земельных налогов 1791 года не было передано Собранием в департаменты до июня 1791 года. Департаменты не распределяют его между округами до июля, августа и сентября 1791 года. Он не распределяется округами между коммунами до октября, ноября и декабря 1791 года. Таким образом, в последний месяц 1791 года они еще не распределены между налогоплательщиками коммунами; из чего следует, что в бюджет 1791 года и в течение всего этого года налогоплательщик ничего не платил.—Наконец, в 1792 году все начинают получать эту оценку. Потребовался бы целый том, чтобы изложить пристрастность и скрытность этих оценок. Во-первых, должность оценщика представляет опасность; муниципальные власти, в обязанности которых входит распределение квот, чувствуют себя неуютно в своих городских кварталах. Уже в 1790, [3251](#) году муниципальным служащим Монбазона угрожали смертью, если они посмеют включить в налоговую ведомость промышленные предприятия, и они сбежали в Тур посреди ночи. Даже в Туре триста или четыреста местных повстанцев, таща за собой муниципальных служащих трех рыночных городков, приходят и заявляют городским властям, "что по всем налогам они не будут платить больше сорока пяти су на семью". Я уже рассказывал, как в 1792 году в том же департаменте "они убивают, они убивают муниципальных чиновников", которые осмеливаются публиковать списки налогов на личную собственность. В Крезе, в Клуныяке, в тот момент, когда клерк начинает читать документ, женщины набрасываются на него, хватают налоговую ведомость и "разрывают ее с бесчисленными проклятиями"; муниципальный совет подвергается нападению, и двести человек забивают камнями его членов, один из которых повержен, ему обрили голову, и его с насмешками прогуливают по деревне.—Когда мелкий налогоплательщик защищает себя таким образом, это предупреждение о том, что к нему следует относиться снисходительно. Оценка, соответственно, в сельских советах производится среди группы закадычных друзей. Каждый снимает с себя это бремя, перекладывая его на кого-то другого. "Они облагают налогом крупных собственников, которых хотят заставить заплатить весь налог". Дворянин, старый сеньор, облагается самыми высокими налогами, причем до такой степени, что во многих местах его дохода не хватает для выплаты положенной ему квоты.—Во-вторых, они выставляют себя бедняками и фальсифицируют предписания закона или уклоняются от них. "В большинстве муниципалитетов дома, доходные дома и фабрики [3252](#) оцениваются в соответствии со стоимостью площади, которую они занимают, и считаются землей первого класса, что сводит квоту практически к нулю". И это мошенничество практикуется не только в деревнях. "Можно назвать коммуны с населением в восемь или десять тысяч душ, которые так хорошо уладили между собой дела в этом отношении, что нельзя найти ни одного дома стоимостью более пятидесяти су". — Последнее средство из всех: коммуна, насколько может, откладывает составление своих налоговых ведомостей. На 30 января 1792 года из 40 211 завершенных было только 2560; на 5 октября 1792 года расписания не составлены в 4800 муниципалитетах, и следует отметить, что все это относится к сроку управления, который закончился более чем на девять месяцев. В то же время насчитывается более шести тысяч коммун, которые еще не начали собирать поземельный налог 1791 года, и более пятнадцати тысяч коммун, которые еще не начали собирать личный налог; казначейство и департаменты еще не получили 152 000 000 франков, а собрать еще предстоит 222 000 000 франков. По состоянию на 1 февраля 1793 года все еще остается подлежащим уплате за тот же период 161 000 000 франков, в то время как из 50 000 000 франков, начисленных в 1790 году для замены налога на соль и других отмененных пошлин, было собрано только 2 000 000 франков. Наконец, на ту же дату из двух прямых налогов 1792 года, которые должны были принести 300 000 000, было получено менее 4 000 000.— Это максима должника, что он должен откладывать платеж как можно дольше. Кем бы ни был кредитор, государством или частным лицом, нога или

крыло могут быть спасены благодаря промедлению. Максима верна, и в данном случае успех еще раз демонстрирует ее обоснованность. В течение 1792 года крестьянин начинает выплачивать часть своих долгов, но уже ассигнациями. В январе, феврале и марте 1792 года ассигнации уменьшаются на тридцать четыре, сорок четыре и сорок пять процентов. в стоимости; в январе, феврале и марте 1793 года - сорок семь и пятьдесят процентов; в мае, июне и июле 1793 года - пятьдесят четыре, шестьдесят и шестьдесят семь процентов. Таким образом, старый кредит государства растаял в его руках; те, кто сохранил свои короны, получают пятьдесят процентов. и даже больше. Опять же, чем больше их задержка, тем больше уменьшаются их долги, и уже благодаря этому найден способ освободиться за полцены.

Тем временем руки наложены на плохо защищенную земельную собственность этого слабого кредитора. Грубым мозгам всегда трудно сформировать какое-либо представление о смутной, невидимой, абстрактной сущности, называемой государством, рассматривать ее как подлинного персонажа и законного собственника, особенно когда им настойчиво говорят, что Государство - это все. Собственность всех является собственностью каждого, и поскольку леса принадлежат обществу, первый встречный имеет право пожить ими. В декабре месяце 1789 года [3253](#) группы численностью не менее шестидесяти человек рубили деревья в Булонском лесу и Венсенне. В апреле 1790 года в Сен-Жерменском лесу "патрули днем и ночью арестовывают всевозможных преступников": переданные Национальной гвардии и муниципалитетам в окрестностях, они "почти немедленно освобождаются, даже с лесом, который они вырубili против закона". iii Нет никаких средств подавить "повторяющиеся угрозы и оскорбления низшего класса людей". Толпа женщин, подстрекаемая старым французским гвардейцем, приходит и грабит под носом у конвоя кучу хвороста, конфискованного для нужд больницы; а в самом лесу банды мародеров обстреливают патрули.—В Шантийи смертельно ранены три егеря; [3254](#) оба парка опустошены восемнадцать дней подряд; вся дичь убита, перевезена в Париж и продана.—В Шамборе лейтенант полиции пишет, чтобы объявить о своем бессилии; леса разорены и даже сожжены; браконьеры теперь хозяева положения; они проделали бреши в стене и откачали воду из пруда, чтобы они могли ловить рыбу.—В Клэ, в Дофини, чиновник лесной юрисдикции, который добился судебного запрета против жителей за вырубку деревьев на арендованной земле, схвачен, его пытали в течение пяти часов, а затем забили камнями до смерти.—Напрасно Национальное собрание издает три указа и постановления, передающие леса под надзор и защиту административных органов, — последние слишком боятся своей ответственности. Между центральной властью, которая слаба и удалена, и народом, нынешним и сильным, они всегда принимают решение в пользу последнего. Ни один из пяти муниципалитетов, окружающих Шантийи, не расположен помогать в исполнении законов, в то время как директории округа и департамента, соответственно, одобряют их бездействие.—Аналогичным образом, недалеко от Тулузы, [3255](#), где великолепный лес Ларраме опустошен днем и вооруженными силами, где в результате бессмысленного уничтожения населением не остается ничего от подлеска и кустарника, кроме "нескольких разбросанных деревьев и остатков стволов, спиленных на разной высоте", муниципалитеты Тулузы и Турнефейля отказываются от любой помощи. И что еще хуже, в других провинциях, как, например, в Эльзасе, "целые муниципалитеты во главе с мэрами вырубают вверенный им лес и уносят его". [3256](#) Если какой-либо суд намерен обеспечить соблюдение закона, это бесполезно; он рискует либо не быть допущенным к вынесению решения, либо быть вынужденным отменить свое решение. В Париже судебное решение, подготовленное против поджигателей из налоговых инспекций, не могло быть вынесено. В Монтаржи приговор, вынесенный мародерам,

укравшим возы древесины в национальных лесах, должен был быть пересмотрен, причем самими судьями. В тот момент, когда трибунал объявил о конфискации телег и лошадей, которые были изъяты, поднялся яростный протест против этого; присутствующие оскорбили суд; осужденные открыто заявили, что вернут свои телеги и лошадей силой. После этого "судьи удалились в зал заседаний, и когда вскоре после этого они вернулись на свои места, та часть их решения, которая касалась конфискации, была отменена".

И все же такое отправление правосудия, каким бы нелепым и попираемым оно ни было, все еще является своего рода барьером. Когда она падает вместе с правительством, все подвергается разграблению, и не существует такого понятия, как общественная собственность.— После 10 августа 1792 года каждая коммуна или отдельный человек присваивает себе все, что попадает на пути, будь то продукты или сама почва. Некоторые грабители заходят так далеко, что заявляют, что, поскольку правительство их больше не репрессирует, они действуют под его руководством.³²⁵⁷ "Они уничтожили даже недавно посаженные молодые деревья". "В одной из деревень близ Фонтенбло расчистили и разделили целую рощу. В Рамбуйе, с 10 августа по конец октября, "потери составили более 100 000 крон; сельские агитаторы с угрозами требуют раздела леса между жителями. Повсюду "происходят огромные разрушения", растягивающиеся на целые месяцы, и такого рода, говорит министр, что этот источник государственных доходов иссякнет надолго. —Коммунальная собственность пользуется не большим уважением, чем национальная собственность. В каждой коммуне эти смелые и нуждающиеся люди, сельское население, имеют привилегию наслаждаться этим и извлекать из этого максимум пользы. Не довольствуясь тем, что пользуются им, они желают приобрести его в собственность, и в течение нескольких дней после падения короля Законодательное собрание, теряющее опору из-за всеобщего распада, уполномочивает неимущих ввести в действие аграрный закон. Отныне в любой коммуне достаточно одной трети ее жителей обоего пола, слуг, разнорабочих, пастухов, батраков или пастушатниц и даже нищих, чтобы потребовать раздела общего имущества. Все, чем владеет коммуна, за исключением общественных зданий и лесов, должно быть разделено на столько равных участков, сколько в них голов, жребий должен быть разыгран, и каждый человек должен вступить во владение своей долей.³²⁵⁸ Операция проводится, ибо "наименее обеспеченные бесконечно польщены этим". В округе Арси-сюр-Об не найдется и дюжины коммун из девяноста, в которых более двух третей избирателей имели здравый смысл высказаться против этого. С этого времени коммуна перестает быть независимым собственником; ей не на что опереться. В случае бедственного положения он обязан обложить себя дополнительными налогами и получить, если сможет, несколько дополнительных су. Его будущие доходы в настоящее время оседают в туго застегнутых карманах новых владельцев.— Распространенность близоруких взглядов в очередной раз объясняется алчностью отдельных людей. Будь то национальные или общинные, интересы общества всегда терпят крах, и они всегда терпят крах под узурпацией неимущих меньшинств, в одно время из-за слабости государственной власти, которая не осмеливается противостоять их насилию, а в другое время из-за соучастия государственной власти, которая наделила их правами большинства.

IV.—Алчность арендаторов.

Третья и четвертая жакерия.—Бретань и другие провинции в 1790 и 1791 годах.—Сожжение замков.—Уничтожены документы о праве собственности.—Отказ в удовлетворении претензий.—Уничтожение резервуаров.—Основные характеристики, главный мотив и руководящая страсть революции

Когда не хватает общественной силы для защиты общественной собственности, ее также не хватает и для защиты частной собственности, поскольку одна и та же жадность и одни и те же потребности нападают и на то, и на другое. Пусть человек что-то должен государству или отдельному человеку, искушение не платить одинаково велико. В обоих случаях достаточно найти предлог для отказа от уплаты долга; в поиске этого предлога алчность арендатора столь же хороша, как и эгоизм налогоплательщика. Теперь, когда феодальная система упразднена, пусть от нее ничего не останется: пусть больше не будет сеньориальных притязаний. "Если Ассамблея сохранила некоторые из них там, в Париже, то сделала это непреднамеренно или из-за коррупции: вскоре мы услышим о том, что все они были подавлены. Тем временем мы справим нужду и сожжем соглашения в тех местах, где они хранятся".

Таким образом, жакерия вспыхивает с новой силой: по правде говоря, она постоянна и универсальна. Точно так же, как в организме, в котором некоторые элементы его жизненной субстанции поражены органическим заболеванием, зло проявляется в тех частях, которые кажутся здоровыми: даже там, где еще не произошло вспышки, она неизбежна; постоянная тревога, глубокое беспокойство, низкая температура указывают на ее присутствие. Здесь должник не платит, а кредитор боится привлечь его к ответственности. В других местах происходят отдельные извержения. В Оксоне, [3259](#) году, в поместье, пощаженном великой жакерией в июле 1789 года, леса разорены, и крестьяне, взбешенные доносом смотрителей, направляются к замку, в котором живут старик и ребенок; там находятся все жители деревни, мужчины и женщины; они вырубает топорами забаррикадированную дверь и стреляют по соседям, которые приходят на помощь его обитателям.— В других местах, в округах Сент-Этьен и Монбризон, "деревья, принадлежащие владельцам, безнаказанно сносятся, а стены их участков и террас разрушаются, заявителям угрожают смертью или зрелищем разрушения их жилищ". Недалеко от Парижа, в окрестностях Монтаржи, Немура и Фонтенбло, ряд приходов отказываются платить десятину и арендную плату за землю (*champart*), которые Ассамблея санкционировала во второй раз; устанавливаются виселицы, и сборщикам угрожают повешением, в то время как в окрестностях Тоннера толпа должников стреляет по отряду полиции, прибывшему для приведения требований в исполнение.— Недалеко от Амьена графиню де ла Мир, [проживающую в 3260](#) году в своем поместье Давенкорт, посещают муниципальные власти деревни, которые просят ее отказаться от своего права на аренду земли (*champart*) и третей (*tiers*). Она отказывается, и они настаивают, и она снова отказывается, когда они сообщают ей, что "с ней случится какое-то несчастье". По сути, двое муниципальных служащих звонят в набат, и вся деревня хватается за оружие. Одному из слуг пуля сломала руку, и в течение трех часов графиня и двое ее детей подвергаются грубейшим оскорблениям и

побоям: ее заставляют подписать бумагу, которую ей не разрешают читать, и, отражая удар сабли, ее рука рассечена от локтя до запястья; замок разграблен, и своим спасением она обязана усердию нескольких своих слуг. Крупные высыпания происходят в одно и то же время по целым провинциям; одно следует за другим почти без перерыва, лихорадка поражает части, которые предполагалось вылечить, и достигает такой степени, что опасные язвы в конце концов соединяются и образуют одну по всей поверхности общественного тела.

К концу декабря 1789 года хроническое брожение в Бретани достигает апогея. Воображение, как обычно, создало сюжет, и, как говорят люди, если они и нападают, то в свою защиту.— Распространяется сообщение³²⁶¹, что господин де Гойон, недалеко от Ламбаля, собрал в своем замке несколько дворян и шестьсот солдат. Мэр и национальная гвардия Ламбаля немедленно отбывают в полном составе; они находят, что там все спокойно, нет никого, кроме двух-трех друзей, и нет другого оружия, кроме нескольких охотничьих ружей. Импульс, однако, был дан, и 15 января великая федерация Понтиви вызвала самый дикий энтузиазм. Люди пьют, поют и кричат в честь новых декретов перед вооруженными крестьянами, которые не понимают французского языка, а тем более юридических терминов, и которые по возвращении домой, споря друг с другом на нижнебретонском, своеобразно толкуют закон. "Декрет Собрания, в их глазах, является декретом об аресте", и поскольку основные декреты Собрания издаются против дворян, они представляют собой множество декретов об аресте против них самих. — Через несколько дней после этого, примерно в конце января, в течение всего февраля и вплоть до апреля, исполнение этой теории бурно осуществляется толпами сельских жителей и бродяг вокруг Нанта, Оре, Редона, Динана, Плоэрмеля, Ренна, Генгана и других деревень. Повсюду, пишет мэр Нанта,³²⁶² "сельские жители верят, что, сжигая дела и контракты, они избавляются от своих долгов; самые лучшие из них разделяют эту веру" или пускают все на самотек; эксцессы огромны, потому что многие удовлетворяют "особую вражду, и все подогреваются вином". В Бевре: "крестьяне и вассалы поместья, сожгли документы о праве собственности, обосновались в замке и угрожают поджечь его, если другие бумаги, которые, как они утверждают, там спрятаны, не будут переданы". Недалеко от Редона аббатство Сен-Совер превращено в пепел. Редону угрожает опасность, а Плоэрмель почти осажден. В конце месяца тридцать семь замков числятся подвергшимися нападению: двадцать пять, в которых документы о праве собственности сожжены, и двенадцать, в которых владельцы вынуждены подписать отказ от своих прав. Два замка, которые начали гореть, спасены Национальной гвардией. Замок Буа-о-Вуайе полностью сгорел, а несколько были разграблены. В качестве дополнения, "более пятнадцати прокуроров, клерков, нотариусов и должностных лиц сеньориальных судов были разграблены или сожжены", в то время как владельцы находят убежище в городах, потому что местность теперь для них непригодна.

Вторая опухоль появляется в то же время в другом месте.³²⁶³ Она проявилась в Нижнем Лимузене в начале января. Оттуда гнойное воспаление распространяется на Керси, Верхний Лангедок, Перигор и Руэрг, а в феврале - из Тюля в Монтобан и из Ажена в Периге и Каор, охватывая три департамента.—Тогда, кроме того, ожидание является творцом, согласно правилу, своего собственного объекта. В силу стремления к принятию закона о пресечении всех притязаний представляется, что он принят, и заявление является актуальным, что "король и Национальное собрание приказали депутациям установить майское дерево³²⁶⁴ и "поджечь" замки". —Более того, и всегда в соответствии с текущей практикой, бандиты, люди без профессии, возглавляют разъяренную толпу и управляют всем по-своему. Как только формируется банда, она арестовывает всех мирных людей, которых может найти на дорогах, в

полях и в изолированных фермерских домах, и тщательно заботится о том, чтобы выставить их впереди на случай драки.— Эти негодяи добавляют террора к принуждению. Они возводят виселицы для любого, кто платит случайные пошлыны или ежегодные взносы, в то время как приходы Кверси угрожают своим соседям в Перигоре огнем и мечом через неделю, если те не поступят в Перигоре так же, как они поступили в Кверси.—Звонят в набат, бьют барабаны, и "церемония" совершается от коммуны к коммуне. У кюре насильно отбирают ключи от церкви, скамьи сжигают, и часто на деревянных изделиях нанесен герб сеньора. Они идут к особняку сеньора, срывают с него флюгеры и заставляют его поставить свое лучшее дерево вместе с перьями и лентами, которыми его украшают, не забывая о трех мерах, которые он использует при сборе своих взносов зерном или мукой. Майское дерево посажено на деревенской площади, и к его верхушке прикреплены флюгеры, ленты и перья, а также три размера и эта надпись: "По приказу короля и Национального собрания, окончательный отказ от всех арендных платежей". Когда это делается, становится очевидным, что сеньор, у которого больше нет флюгеров, или места в церкви, или мер для определения размера своих взносов, больше не является сеньором и больше не может предъявлять какие-либо претензии. Соответственно, раздаются возгласы "Ура" и одобрительные возгласы, и на общественной площади начинается веселье и оргия. Все, кто может заплатить — сеньор, кюре и богачи — получают пожертвования на проведение фестиваля, в то время как люди едят и пьют "без всякого перерыва в трезвости". — В таких условиях, будучи вооруженными, они наносят удары, а когда оказывается сопротивление, сжигают. В Аженуа сожжен замок, принадлежащий г-ну де Ламету, и еще один замок г-на д'Эгийона; в Верхнем Лангедоке замок г-на де Бурназеля и в Перигоре замок г-на де Бара:

Месье де Бар забит почти до смерти, в то время как еще шестеро убиты в Керси. Ряд замков в окрестностях Монтобана и Лимузена подверглись нападению с применением огнестрельного оружия, а некоторые были разграблены.—Банды из тысячи двухсот человек кишат по стране; "у них злоба ко всем сословиям"; они исправляют несправедливость; "они снова рассматривают дела, рассмотренные тридцать лет назад, и выносят решения, которые приводят в исполнение".—Если кто-либо не подчиняется новому кодексу, он подвергается наказанию, и к выгоде новых монархов. В Аженуа дворянин заплатил арендную плату, которая была связана с его поместьем, люди берут у него квитанцию, пересчитывают ее на сумму, равную той, которую он заплатил, и приходят к нему под окна, чтобы потратить деньги на хорошее развлечение, с триумфом и насмешками.

Многие из национальных гвардейцев, которые все еще обладают некоторой долей энергии, несколько муниципалитетов, которые все еще сохраняют некоторую любовь к порядку, и некоторое количество местного дворянства применяют свое оружие против этих возбужденных толп жестоких узурпаторов. Некоторых хулиганов, взятых с поличным, судят примерно так же, как военный трибунал "барабанная дробь", и немедленно казнят в качестве примера. Каждый в стране видит, что опасность для общества велика и неотложна, и что если подобные действия останутся безнаказанными, во Франции не будет таких понятий, как закон и собственность. Более того, парламент Бордо настаивает на судебном преследовании. Восемьдесят три района и города подписывают обращения и отправляют специальную депутацию в Национальное собрание, чтобы призвать к уже начатому судебному преследованию, наказанию преступников, находящихся под арестом, и, прежде всего, к сохранению префектуры.³²⁶⁵ В ответ на это Ассамблея самым грубым образом высказывает парламенту Бордо свое неодобрение и приступает к ликвидации всех судебных учреждений.³²⁶⁶ После этого исполнение всех

решений префектуры откладывается. Несколько месяцев спустя Ассамблея обяжет короля объявить, что судебное разбирательство, начатое против жакерии Бретани, считается недействительным и что арестованные повстанцы должны быть освобождены. В репрессивных целях он направляет французскому народу сентиментальное увещание, состоящее из двенадцати страниц литературной безвкусицы, которые Флориан мог бы сочинить для своих Estilles и Nemorins.³²⁶⁷—Новые пожары, как неизбежное следствие, разгораются вокруг тлеющих углей, которые были недостаточно тщательно потушены. В округе Сент,³²⁶⁸ г. Дюпати, советник парламента Бордо, исчерпав незначительные ресурсы и завершив выдачей судебных исков против тех из его арендаторов, кто не хотел платить арендную плату, приход Сен-Тома де Коснак, объединенный с пятью или шестью другими, приходит в движение и нападает на два его замка Буа-Рош и Сен-Жорж-де-Агу; они разграблены, а затем подожжены, его сын спасается от залпа мушкетных пуль. Они навещают Мартина, нотариуса и управляющего, таким же образом; его мебель разграблена, деньги забраны, а "его дочь подвергается самым ужасным надругательствам". Другой отряд продвигается к дому маркиза де Кумона и заставляет его, под страхом того, что его дом будет сожжен дотла, отказаться от всех претензий, которые он имеет к ним. Во главе этих поджигателей стоят муниципальные служащие Сент-Тома, за исключением мэра, который обратился в бегство.

Избирательная система, организованная Учредительным собранием, начинает вступать в силу. "Почти везде, - пишет королевский комиссар, - крупные собственники были ликвидированы, а должности были заполнены людьми, которые строго выполняют условия отбора. Результатом является своего рода ярость мелких богачей, стремящихся досадить тем, кто владеет большим наследием". — Шесть месяцев спустя Национальная гвардия и деревенские власти в том же департаменте, в Ожане, Мигроне и Варезе, решают, что больше не будут выплачиваться десятина, сельскохозяйственные угодья или шампанское, а также какие-либо из удерживаемых взносов. Напрасно департамент отменяет это решение и присылает своих комиссаров, жандармов и сотрудников правоохранительных органов. Комиссаров прогоняют, в офицеров и жандармов стреляют; вице-президента округа, который направлялся с докладом в департамент, хватают по дороге и заставляют подать в отставку. Семь приходов объединились с Ожаном и десять - с Мигроном; Варез ударил в набат, и деревни на четыре лиги вокруг восстали; полторы тысячи человек, вооруженных ружьями, косами, топорами и вилами, пришли на помощь. Цель состоит в том, чтобы освободить главного лидера в Варезе, некоего Планша, который был арестован, и наказать мэра Вареза Латьерса, который подозревается в доносе на Планша. Латьерса безжалостно избивают и "заставляют претерпевать тысячу пыток в течение тридцати часов"; затем они отправляются с ним в Сен-Жан-д'Анжели и требуют освобождения Планша. Муниципалитет сначала отказывается, но в конце концов соглашается при условии, что Латьерс будет выдан в обмен на него. В результате Планш оказывается на свободе и приветствуется торжествующими криками. Латьерс, однако, не сдается; напротив, его мучают в течение часа, а затем убивают, в то время как директория округа, которая менее покорна, чем муниципальный орган, вынуждена бежать. — Симптомы такого рода нельзя перепутать, и подобные они существуют в Бретани. Очевидно, что умы людей постоянно находятся в состоянии бунта. Вместо того, чтобы социальный нарыв был облегчен разрядкой, он постоянно наполняется и становится все более воспаленным. Он разразится во второй раз в тех же местах; в 1791 году, как и в 1790 году, жакерия распространяется по всей Бретани, как она распространилась по Лимузену.

Это происходит потому, что решимость крестьянина имеет иную природу, чем у нас, его воля более твердая и цепкая. Когда идея овладевает им, она пускает корни в неясном и глубоком убеждении, на которое ни дискуссии, ни аргументы не оказывают никакого влияния; однажды посеянная, она прорастает в соответствии с его представлениями, а не с нашими, и никакой законодательный текст, никакой судебный вердикт, никакое административное предупреждение ни в каком отношении не могут изменить плодов, которые она приносит. Этот плод, выработанный веками, — ощущение чрезмерного грабежа и, следовательно, потребность в абсолютном освобождении. Слишком много заплатив всем, крестьянин теперь не расположен никому ничего платить, и эта идея, тщетно подавляемая, всегда восстает в виде инстинкта.—В январе месяце 1791 года в Бретани снова образовалось 3269 банд, поскольку владельцы старинных феодальных владений настояли на уплате арендной платы. Сначала объединившиеся приходы отказываются платить управляющим, а после этого деревенские национальные гвардейцы входят в замки, чтобы сдерживать владельцев. Как правило, именно командующий Национальной гвардией, а иногда и общественный поверенный диктуют хозяину поместья отказ от его притязаний; более того, они обязывают его подписывать расписки в пользу прихода или в пользу различных частных лиц. Они рассматривают это как компенсацию за ущерб; поскольку все феодальные повинности отменены, он должен вернуть то, что получил от них за прошедший год, и поскольку они были доставлены в неудобства, он должен возместить им ущерб, "заплатив им за их время и дорогу". Таковы действия двух основных банд, одна из которых насчитывает полторы тысячи человек, вокруг Динана и Сен-Мало; для большей безопасности они сжигают документы о праве собственности в замках Сен-Туаль, Бессо, Бомануар, Ла Ривьер, Ла Бельер, Шатонеф, Шене, Шозавуар, Турделон и Шалонж; и в качестве кульминации они поджигают Шатонеф как раз перед прибытием регулярных войск. Вначале в их мозгах, по—видимому, витает смутное представление о правовом и социальном порядке; в Сен-Туале, прежде чем взять 2000 ливров у управляющего, они обязывают мэра дать им свое согласие в письменной форме; в Ивиньяке их начальник, призванный продемонстрировать власть, под которой он действовал, заявляет, что "он уполномочен общей волей населения страны". 3270— Но когда в конце месяца их избивают регулярные войска, они приходят в ярость от нанесенных и принятых ударов и возбуждаются от того, что из-за слабости муниципальных властей, которые освобождают своих заключенных, они превращаются в бандитов самого худшего вида. Ночью 22 февраля замок Вильфранш, расположенный в трех лье от Малеструа, подвергается нападению. Тридцать два негодяя с закрытыми лицами во главе с вождем в национальной форме взламывают дверь. Слуги задушены. Владелец, мсье де ла Бурдонне, старик, и его шестидесятилетняя жена наполовину убиты ударами и крепко привязаны к кровати, после чего к их ногам прикладывают огонь и они согреваются (chauffé). Тем временем посуда, белье, ткани, драгоценности, две тысячи франков серебром и даже часы, пряжки и кольца — все разграблено, навалено на спины одиннадцати лошадей в конюшнях и увезено. Когда речь заходит о собственности, один вид насилия провоцирует другой, ограниченная алчность арендатора дополняется безграничной алчностью разбойника.

Тем временем в юго-западных провинциях те же причины привели к тем же результатам; и к концу осени, когда урожай собран и собственники требуют уплаты своих взносов деньгами или продуктами, крестьянин, непоколебимо убежденный в своей идее, снова отказывается. 3271 В его глазах любой закон, который может быть направлен против него, является законом не Национального собрания, а так называемых сеньоров, которые вымогали или сфабриковали его; и поэтому он недействителен. Администрация департамента и округа может

распространять это столько, сколько им заблагорассудится: его это не касается, и, если представится такая возможность, он знает, как заставить их поумнеть. Деревенские национальные гвардейцы, которые, как и он сам, являются арендаторами, встают на его сторону и вместо того, чтобы репрессировать его, оказывают ему свою поддержку. В качестве начала он пересаживает майские шесты, в знак освобождения, и в качестве угрозы воздвигает виселицу. В округе Гурдон, куда были посланы регулярные войска и полиция, чтобы усмирить их, сразу же бьют в набат: толпа крестьян численностью в четыре или пять тысяч человек прибывает из всех окрестных приходов, вооруженных косами и ружьями; солдаты, образовав отряд в сто человек, удаляются в церковь, где они капитулируют после двадцатичетырехчасовой осады, будучи вынужденными назвать имена владельцев, которые требовали их вмешательства в округе, и которые являются господами Дж. Эбре, де Фонтанж и многие другие. Все их дома разрушены сверху донизу, и они совершают побег, чтобы не быть повешенными. Замки Репер и Сальвиа сожжены. По истечении восьми дней Кверси охвачен пламенем, и тридцать замков разрушены. Предводитель отряда деревенских национальных гвардейцев Жозеф Линар во главе деревенской армии проникает в Гурдон, обосновывается в ратуше, объявляет себя народным защитником от директории округа, пишет в департамент от имени своих "товарищей по оружию" и превозносит свой патриотизм. Тем временем он командует как завоеватель, распахивает двери тюрем и обещает, что, если регулярные войска и полиция будут отправлены, он и его товарищи уйдут в полном порядке.—Однако этот вид буйной власти, учрежденный одобрением для нападения, бессилен для сопротивления. Едва Линард удалился, как дикость вырвалась на свободу. "Назначена награда за головы администраторов; их дома опустошаются в первую очередь; все дома богатых граждан разграблены; и то же самое относится ко всем замкам и загородным домам, которые демонстрируют какие—либо признаки роскоши". - Пятнадцать джентльменов, собравшихся в доме мсье д'Эскайрака в Кастеле, призывают всех добропорядочных граждан выступить на помощь владельцам, которые могут подвергнуться нападению в этой жакерии, которая распространяется повсюду;³²⁷² но в стране слишком мало владельцев, и ни в одном из городов нет ни одного города, где можно было бы жить. Г-н д'Эскайрак, после нескольких стычек, брошенный муниципальными служащими своей деревни и раненый, отступает в дом графа де Кларака, генерал-майора, в Лангедоке. Здесь замок также окружен,³²⁷³ блокирован и осажден местной национальной гвардией. Месье де Кларак спускается и пытается провести переговоры с атакующей стороной, но подвергается обстрелу. Он возвращается в дом и выбрасывает деньги из окна; деньги собраны, и в него снова стреляют. Замок подожжен, и мсье д'Эскайрак получает пять выстрелов и погибает. Мсье де Кларак и еще один человек, укрывшиеся в подземном склепе, на следующее утро почти задушенные, кроме одного, выводятся местной национальной гвардией, которая препровождает их в Тулузу, где они содержатся в тюрьме и где государственный обвинитель возбуждает против них дело. В то же время снесен замок Багат, недалеко от Монтука. Аббатство Эспаньяк, недалеко от Фигака, подвергается нападению с применением огнестрельного оружия; настоятельница вынуждена возместить всю арендную плату, которую она собрала, и вернуть четыре тысячи ливров на судебные расходы, которые монастырь выиграл двадцать лет назад.

После таких успехов распространение восстания неизбежно; и по истечении нескольких недель и месяцев оно становится постоянным в трех соседних департаментах.—В Крезе,³²⁷⁴ судьям угрожают смертью, если они прикажут уплатить сеньориальные взносы, и такая же участь ожидает всех собственников, которые требуют свою арендную плату. Во многих местах, и

особенно в горах, крестьяне, "считая, что они составляют нацию и что имущество духовенства является национальным", хотят разделить его между собой, а не продавать. Пятьдесят приходов вокруг Ла-Сутеррена получают зажигательные письма с приглашением прийти в город с оружием в руках, чтобы силой и ценой своей жизни добиться выдачи всех прав на аренду жилья. Крестьяне, расположенные в окрестности в восемь лье, востребовались при звуке набата, и впереди них идут муниципальные чиновники в шарфах; их четыре тысячи, и они тащат за собой фургон, набитый оружием: это для пересмотра и реорганизации права собственности на землю. - В Дордони, [3275](#) самозванные арбитры властно встают между собственником и мелким фермером во время сбора урожая, чтобы помешать собственнику требовать, а фермеру платить десятину или земельный налог. [3276](#) любое соглашение с этой целью запрещено; всякий, кто нарушит новый порядок вещей, собственник или фермер, будет повешен. Соответственно, сельская милиция в округах Бержерак, Эксида, Риберак, Мюсидан, Монтиньяк и Периге, возглавляемая муниципальными чиновниками, ходит от коммуны к коммуне, чтобы заставить владельцев подписать акт об уходе; и эти визиты "всегда сопровождаются грабежами, бесчинствами и жестоким обращением, от которых нет спасения, кроме как в абсолютном подчинении". Более того, "они требуют отмены всех видов налогов и раздела земли. —Для "умеренно богатых собственников" невозможно оставаться в деревне; они со всех сторон укрываются в Периге и там, объединяясь в отряды, вместе с городской жандармерией и Национальной гвардией наводят порядок, чтобы восстановить порядок. Но нет никакого способа убедить крестьянство в том, что это порядок, который они хотят восстановить. С тем упрямством воображения, которое не останавливают никакие препятствия и которое, подобно мощной пружине, всегда находит какой-нибудь выход, люди заявляют, что "жандармы и национальная гвардия", которые приходят, чтобы обуздать их, "являются переодетыми священниками и джентльменами". — Более того, новые теории поразили до самых глубин; и нет ничего легче, как добиться от них отмены долгов и даже аграрного закона. В Рибераке, который захвачен жителями соседних приходов, деревенский портной, достав из кармана катехизис Конституции, спорит с прокуратурой и доказывает ему, что повстанцы всего лишь осуществляют права человека. В книге, во-первых, говорится, "что французы - равные и братья, и что они должны оказывать друг другу помощь"; и что "хозяева должны делиться со своими товарищами, особенно в этом году, который выдался скудным". Далее написано, что "вся собственность принадлежит нации", и это причина, по которой "она присвоила имущество Церкви". Итак, все французы составляют нацию, и вывод совершенно очевиден. Поскольку, в глазах портного, собственность отдельных французов принадлежит всем французам, он, портной, имеет право по крайней мере на ту долю, которая принадлежит ему.—По этой дороге под гору едешь быстро и далеко, ибо каждая толпа считает, что это означает немедленное наслаждение, причем наслаждение в соответствии со своими собственными представлениями. Нет никакой заботы о соседях или о последствиях, даже когда они неизбежны и физичны, и в двадцати местах конфискованная собственность погибает в руках узурпаторов.

Это добровольное уничтожение собственности лучше всего прослеживается в третьем департаменте, департаменте Коррез. [3277](#) Здесь крестьяне не только отказывались платить арендную плату с самого начала революции; не только они "сажали майские деревья, снабженные железными крюками, чтобы повесить первого, кто осмелился потребовать их или заплатить"; не только всевозможные насильственные действия совершаются "целыми коммунами", "национальной гвардией небольших коммун, участвующих в них"; не только виновные, арест которых санкционирован, остаются на свободе, в то время как "ни о чем не

говорится, кроме как о повешении констеблей, которые исполняют судебные приказы", но далее, вместе с правом собственности на источники воды, власть по сбору, направлению и распределению воды ниспровергается, и в стране с крутыми склонами последствия такой операции можно себе представить. В трех лье от Тюля, образуя полукруг, находился пруд глубиной в двадцать футов, занимавший площадь в триста акров и окруженный широкой насыпью со стороны очень глубокого ущелья, которое было сплошь застроено домами, мельницами и пашнями. 17 апреля 1791 года отряд из пятисот вооруженных людей, собранных под бой барабана из трех близлежащих деревень, приступил к разрушению плотины. Владельцу, господину де Седьеру, заместителю депутата Национального собрания, сообщат об этом только в одиннадцать часов вечера. Вскочив на коня вместе со своими гостями и слугами, он бросается в атаку на безумных негодяев и с помощью пистолетных и ружейных выстрелов рассеивает их. Пришло время, потому что траншея, которую они вырыли, была уже глубиной восемь футов, и вода была почти на одном уровне с ней: еще полчаса, и ужасная катящаяся масса воды хлынула бы на обитателей ущелья.—Но такие энергичные удары, которые редки и вряд ли когда-либо увенчаются успехом, не являются защитой от универсальных и непрерывных атак. Регулярные войска и жандармерия, которые находятся на пути реорганизации или роспуска, не заслуживают доверия или слишком слабы. В Крезе осталось не более тридцати кавалеристов, и столько же в Коррезе. Городская национальная гвардия истощена экспедициями в глубь страны, и у нее нет денег, чтобы обеспечить им переезд. И, наконец, поскольку выборы находятся в руках народа, это приводит к власти людей, склонных терпеть народные эксцессы. В Тюле выборщики второго разряда, почти все выбранные из числа земледельцев и, более того, катехизированные клубом, выдвигают в депутаты и в государственные прокуроры только тех кандидатов, которые поклялись отказаться от арендной платы и привилегий на воду.—Соответственно, общий снос дамб начинается с приближением мая месяца. Эта операция продолжается без сопротивления на обширном пруду, в полутора лигах от города, и длится целую неделю; в других местах по прибытии охраны или жандармерии в них стреляют. К концу сентября все насыпи в департаменте разрушаются: на месте прудов не остается ничего, кроме зловонных болот; колеса мельниц больше не вращаются, а поля больше не поливают. Но те, кто их сносит, уносят корзины, полные рыбы, и почва прудов снова становится общей. —Ими движет не ненависть, а инстинкт приобретения: все эти жестокие протянутые руки, которые жестко сопротивляются закону, направлены против собственности, но не против собственника; они скорее жадны, чем враждебны. Один из дворян Корреза, [3278 г.](#) де Сен-Виктур, отсутствовал в течение пяти лет. С начала революции, хотя его феодальные взносы составляют половину дохода его поместья, он отдал приказ о том, чтобы при их взимании не применялись никакие строгие меры, и в результате с 1789 года ни один из них не был собран. Более того, имея под рукой резервный запас пшеницы, он ссудил зерно на сумму в четыре тысячи франков тем из своих арендаторов, у которых его не было. Короче говоря, он либерал, и в соседнем городке, в Усселе, его даже принимают за якобинца. Несмотря на все это, с ним обращаются так же, как со всеми остальными. Это потому, что приходы в его владениях являются "клубными", управляемыми ассоциациями моральных и практических уравнилелей; в одном из них "разбойники организовались в муниципальную организацию" и выбрали своего лидера в качестве прокурорского синдика. Следовательно, 22 августа восемьдесят вооруженных крестьян открыли плотину его большого пруда, рискуя затопить деревню по соседству, жители которой пришли и закрыли его. В течение двух следующих недель разрушаются еще пять принадлежащих ему прудов; крадется рыба стоимостью от четырех до пяти тысяч франков, а остальная гибнет в сорняках. Чтобы удостовериться в этой

экспроприации, предпринимаются попытки сжечь его документы о праве собственности; его замок, дважды атакованный ночью, спасает только Национальная гвардия Усселя. Его фермеры и слуги какое-то время колеблются, обрабатывать землю или нет, и приходят спросить управляющего, можно ли им посеять семена. Нет возможности обратиться к надлежащим властям: администраторы и судьи, даже когда речь идет об их собственной собственности, "не осмеливаются открыто показаться", потому что "они не чувствуют себя защищенными щитом закона." — Народная воля, преодолевая как старый, так и новый закон, упрямо продолжает свою работу и насильно достигает своих целей. Таким образом, какими бы грандиозными ни были понятия свободы, равенства и братства, которыми украшает себя Революция, по своей сути это передача собственности; только в этом заключается ее главная опора, ее непреходящая энергия, ее первичный импульс и ее историческое значение. — Раньше, в древности, совершались подобные движения, долги отменялись или уменьшались, имущество богатых конфисковывалось, а общественные земли делились; но эта операция была ограничена городом и небольшой территорией. Впервые это проходит в большом масштабе и в современном государстве. — До сих пор в этих обширных государствах, когда были нарушены более глубокие основы, это всегда происходило из-за иностранного господства или из-за угнетения совести. Во Франции в пятнадцатом веке, в Голландии в шестнадцатом и в Англии в семнадцатом веках крестьянин, механик и рабочий брали в руки оружие против врага или во имя своей веры. На смену религиозному или патриотическому рвению пришло стремление к процветанию и комфорту, и новый мотив столь же силен, как и другие; ибо в наших индустриальных, демократических и утилитарных обществах именно он управляет почти всеми жизнями и стимулирует почти все усилия. Подавляемая веками страсть восстанавливает себя, сбрасывая правительство и привилегии, два великих груза, которые ее подавляли. В настоящее время эта страсть безудержно проявляет себя со всей своей силой, с жестокой бесчувственностью, перечеркивая все виды собственности, которые являются законными, будь то государственная или частная. Препятствия, с которыми он сталкивается, только делают его более разрушительным, помимо собственности, он нападает на собственников и завершает грабеж запретами.

3201 (возврат)

[Это высказывание Жана Бон Сент-Андре Матье Дюма, посланного восстановить спокойствие в Монтобан (1790): "День возмездия, которого мы ждали сто лет, настал!"]

3202 (возвращение)

[Де Дампмартен, I. 187 (очевидец).]

3203 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3223 и 3216. Письма г-на де Бузоля, генерал-майора, проживавшего в Монпелье, 21, 25, 28 мая 1790 г.]

3204 (возвращение)

[Мэри Лафон, "История одного протестанта". (с оригинальными документами, полученными из архивов Монтобана).]

3205 (возвращение)

[Национальный архив", F7, 2216. Протокол-устный от муниципалитета Нима и отчет аббата де Бельмона.—Отчет административных комиссаров, 28 июня 1790 г.—Петиция католиков, 20 апреля.—Письма муниципалитета, комиссаров и М. де Науселя о событиях 2 и 3 мая.—Письмо М. Рабо Сент-Этьена, 12 мая—Петиция вдовы Газ, 30 июля.—Отчет (напечатанный) М. Алькье, 19 февраля 1791 г.—Мемуары (напечатанные) о резне католиков в Ниме, написанные Фроманом (1790).—Новый адрес муниципалитета Нима, представленный М. де Маргерит, мэром и заместителем (1790), напечатан. Отель "Меркюр де Франс", 23 февраля 1791 года.]

3206 (возврат)

[Петицию подписали 3127 человек, помимо 1560, которые поставили крест, заявив, что не умеют писать. Встречную петицию клуба подписали 262 человека.]

3207 (возврат)

[Этот последний пункт, указанный в отчете М. Алькье, отвергается муниципалитетом. Согласно ему, у красных розетт, собравшихся вокруг покоев епископа, не было оружия.]

3208 (возврат)

[Восстание в шестнадцатом веке, когда протестанты стреляли в католиков в День Святого Михаила. — 320ТР.]

3209 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3216. Письмо г-на де Леспена, майора в Ниме, коменданту Прованса г-ну де Перигору, 27 июля 1790 г.: "Заговоры, которые приписывались побежденной партии и которые, как считалось, будут обнаружены в показаниях четырехсот человек, находящихся в тюрьме, исчезают по мере продвижения процесса. Истинных преступников следует искать среди доносчиков".]

3210 (возвращение)

[Бюшез и Ру, III. 240 (Меморандум министров, 28 октября 1789 г.). — "Национальные архивы", D, XXIX. 3. Обсуждение в муниципальном совете Вернона (4 ноября 1789 г.)]

3211 (возвращение)

["Национальный архив", КК, 1105. переписка М. де Тьяра, 4 ноября 1789 г. —См. Аналогичные события, 4 сентября, 23 октября, 4 и 19 ноября 1789 г., 27 января и 27 марта 1790 г.]

3212 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3257. Письмо от Гекса, 29 мая 1790 г. —Бюшез и Ру, VII. 198, 369 (сентябрь, октябрь 1790 г.).]

3213 (возвращение)

["Национальный архив", X. 1453. переписка М. де Берчени, коменданта четырех центральных провинций. Письма от 25 мая, 11, 19 и 27 июня 1790 г. — "Национальный архив", D. XXIX. 4. Обсуждение окружных администраторов Бурбон-Ланси, 26 мая.]

3214 (возврат)

["Национальные архивы", Н. 2453. Протокол собрания дюжины приходов в Ниверне, 4 июня. "Белый хлеб должен стоить 2 су, а черный - 11/2 су. Земледельцы должны получать по 30 су, жнецы - по 10 су, колесники - по 10 су, судебные приставы - по 6 су за лигу. Сливочное масло должно стоить 8 су, мясо - 5 су, свинина - 8 су, масло - 8 су за пинту, квадратный фут каменной кладки - 40 су, пара больших сабо - 3 су. Все права на пастбища и леса должны быть возвращены. Дороги должны быть везде бесплатными, как и раньше. Все сеньориальные ренты должны быть отменены. Мельники должны получать только одну тридцатую часть бушеля. Сеньоры нашего департамента должны отказаться от всех рабских отпусков и несправедливо нажитой собственности. Кюре из Биза должен просто служить мессу в девять часов утра и вечерню в два часа дня, летом и зимой; он должен жениться и хоронить бесплатно, а мы должны выплачивать ему жалованье. Ему следует платить 6 су за мессы, и он не должен покидать своего кюре, кроме как для того, чтобы повторить свой требник и нанести надлежащие визиты мужчинам и женщинам своего прихода. Шляпки должны стоить от 3 ливров до 30 су. Гвозди - 3 ливра брутто. Кюре не должны нанимать в прислугу никого, кроме осмотрительных женщин в возрасте пятидесяти лет. Кюре не должны ходить ни на ярмарки, ни на рынки. Все кюре должны находиться на том же положении, что и кюре в Бьезе. Оптовых торговцев пшеницей больше быть не должно. Сотрудники правоохранительных органов, производящие неправомерные изъятия, должны вернуть деньги. Срок аренды фермы истекает в День Святого Мартина. Господин граф, хотя и не присутствует, господин де Тонтенель и господин де комендант должны подписать этот документ без труда. Господин де Минго официально должен письменно сложить с себя полномочия: он ушел со своей служанкой - он даже пропустил мессу в первую пятницу Праздника, и предполагается, что он ночевал в лесу. Заработная плата столяров устанавливается в том же размере, что и у колесных мастеров. Бычьи ремни не должны стоить более 40 су, хомуты - 10 су. Магистры должны платить половину налогов. Нотариусы должны брать только половину того, что у них было раньше, так же как и контролеры. Коммуна заявляет о своем праве на протест против всего, что она, возможно, забыла в настоящей статье, фактически или по закону". (Документ подписан примерно двадцатью лицами, некоторые из которых являются мэрами и муниципальными служащими.)]

3215 (возврат)

["Национальные архивы", Н. 1453. Та же корреспонденция, 29 мая, 11 июня и 17, 15 сентября 1790 г. —там же, F7, 3257. Письмо муниципальных властей Марсиньи от 3 мая; муниципальных служащих Бурбон-Ланси от 5 июня. Выдержки из писем, написанных М. Амелот, 1 июня.]

3216 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3185, 3186. Письмо председателя трибунала округа Лан, 8 февраля 1792 г.]

3217 (возврат)

["Национальный архив F7, 3268. Протоколы -устные замечания двух комиссаров, отправленные в Этамп 22-25 сентября 1791 г.]

3218 (возврат)

["Национальный архив F7, 3265. Следующий документ, среди многих других, демонстрирует способы и концепции народного воображения. Петиция нескольких жителей коммуны Форжес (Нижняя Сена) "доброму и неподкупному министру внутренних дел" (16 октября 1792 г.). После трех хороших урожаев подряд голод все еще продолжается. При старом режиме пшеницы было в избытке; ею кормили свиней, а телят откармливали хлебом. Следовательно, несомненно, что пшеница отвлекается монополистами и врагами нового режима. Фермы слишком велики; пусть их разделят. Пастбищ слишком много: засейте их пшеницей. Заставьте каждого фермера и землевладельца сообщить о своем урожае: пусть количество будет опубликовано на церковной службе, и в случае лжи пусть человек будет предан смерти или заключен в тюрьму, а его зерно конфисковано. Обязать всех земледельцев по соседству продавать свою пшеницу только в кузницах и т.д."]

3219 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268. Отчет комиссаров, отправленных департаментом, 11 марта 1792 г. (по поводу восстания 4 марта).—Мортимер-Терно, I. 381.]

3220 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268. Письма нескольких мэров, районных администраторов, земледельцев Велизи, Виллакубле, Ла-сель-Сен-Клу, Монтиньи и др. 12 ноября 1791 г. —Письмо М. де Нарбонна от 13 января 1792 г.; от М. Суро, мирового судьи кантона Этамп, 17 сентября 1791 г. —Письмо из Брюйер-ле-Шатля от 28 января 1792 г.]

3221 (возвращение)

[Термин, применяемый к разбойникам в ту эпоху, которые требуют деньги и ценные предметы и заставляют их отдать, подвергая подошвы ног своих жертв огню.— 32ТР.]

3222 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3203. Письмо Директории Шера от 25 августа 1791 г.—F7, 3240. Письмо директории Верхней Марны от 6 ноября 1791 г.—F7, 3248. Протокол собрания членов Северного департамента, 18 марта 1791 г.—F7, 3250. Протокол собрания муниципальных служащих Монтрей-сюр-Мер, 16 октября 1791 г.—F7, 3265. Письмо директории Нижней Сены от 22 июля 1791 г. —D, XXIX. 4. Протесты муниципалитетов, собравшихся в Тостесе, 21 июля 1791 г. — Петиция муниципальных чиновников округов Дьепп, Кани и Кодебек, 22 июля 1791 г.]

3223 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268 и 3269, *passim*.]

3224 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268 и 3269, *passim*. Обсуждения директории Сены и Уазы, 20 сентября 1791 г. (по поводу восстания. 16 сентября в Этампе).—Письмо Шарпантье, президента округа, 19 сентября.—Отчет комиссаров департамента, 11 марта 1792 г. (о восстании в Брюнуа, 4 марта).—Отчет комиссаров департамента, 4 марта 1792 г. (о восстании в Монлери, с 13 по 20 февраля).—Обсуждение Директории Сены и Уазы, 16 сентября 1791 г. (о восстании в Корбей).Письма мэров Лимура, Лонжюмо и др.]

3225 (возврат)

["Национальный архив", F7, 3268 и 3269, *passim*.—Протокол заседания муниципалитета Монлери, 28 февраля 1792 г.: "Мы не можем вдаваться в подробности, не подвергая себя крайностям, которые были бы для нас только катастрофическими". —Письмо мирового судьи кантона, 25 февраля: "Общественный резонанс показывает мне, что, если я издам приказы об аресте тех, кто убил Тибо, народ восстанет".]

3226 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268 и 3269, *passim*. Отчеты жандармерии от 24 февраля 1792 года и в последующие дни.Письмо сержанта из Лимура, 2 марта; письмо управляющего фермой Плесси-ле-Конт, 23 февраля.]

3227 (возвращение)

["Национальные архивы", F7, 3268 и 3269, *passim*.—Меморандум граждан Рамбуйе Национальному собранию, 17 сентября 1792 г.]

3228 (возврат)

["Национальные архивы", F7 3268 и 3269, Passim. Протокол заседания муниципалитета Монлери, 27 февраля 1792 г. —Бюшез и Ру, XIII. 421, (март 1792 г.); и XIII., 317.—Меркюр де Франс, 25 февраля 1792 г. (Письма г—на Даши, президента директории департамента; г-на де Гуи, посланника, посланного министром, и т.д.) - Moniteur, заседание от 15 февраля 1792 г.]

3229 (возвращение)

[Указ от 3 сентября 1792 г.]

3230 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268 и 3269. Петиция граждан Монфор-л'Амори, Сен-Леже, Гро-Рувра, Желена, Лаке и Мера к гражданам Рамбуйе.]

3231 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3230. Письмо администратора Вандомского округа с одобрением Вандомской коммуны, 24 ноября 1792 г.]

3232 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3255. Письмо администраторов департамента Сена-Нижняя, 23 октября 1792 г. — Письма Специального комитета Руана, 22 и 23 октября 1792 г.: "Чем больше стимулируется рвение и патриотизм земледельцев, тем больше они, по-видимому, полны решимости избегать рынков, которые всегда находятся в состоянии абсолютной нищеты".]

3233 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3265. Письмо Давида, земледельца, 20 октября 1792 г.—Письмо администраторов департамента, 13 октября 1792 г. и т.д. -Письмо (напечатанное) министра конвенту, 4 ноября.—Провозглашение Временного исполнительного совета, 31 октября 1792 г. (Партия зерна в двести сорок фунтов продается за 60 франков на юге и за половину этой суммы на севере.)]

3234 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3255. Письма Боннемана от 11 сентября 1792 г.; Лаусселя от 22 сентября 1792 г.]

3235 (возвращение)

["Национальный архив", Н, 1453. Переписка г-на де Бершени от 28 июля, 24 и 26 октября 1790 г.

— Продолжалась в том же духе. После трех июльских дней 1830 года в Иссудене произошло восстание против объединенных войск. Семь или восемь тысяч виноградарей сожгли архивы и налоговые инспекции и протаскивали служащего по улицам, выкрикивая у каждого уличного фонаря: "Пусть его повесят!" Генерал, посланный для подавления мятежа, вошел в город только после капитуляции; в тот момент, когда он добрался до Ратуши, житель Римского предместья повесил ему на шею свой ежедневник и воскликнул: "Хватит клеркам там, где нечего делать!"]

3236 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3203. Письмо директории Шера от 9 апреля 1790 г. — Там же, F7, 3255. Письмо от 4 августа 1790 г. Вердикт президента, 4 ноября 1790 г. — Письмо муниципалитета Сент-Этьена, 5 августа 1790 г.]

3237 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3248. Письмо мсье Сенака де Меджлана, 10 апреля 1790 г. — Письмо гранда Байли, 30 июня 1790 г.]

3238 (возвращение)

[Бюшез и Ру, VI. 403. Отчет Шабру о восстании в Лионе, 9 и 10 июля 1790 г. — Дювержье, "Собрание декретов". Указы от 4 и 15 августа 1790 г.]

3239 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3255. Письмо министра от 2 июля 1790 года Директории Роны и Луары. "Король проинформирован о том, что во всем вашем департаменте, и особенно в округах Сент-Этьен и Монбризон, вседозволенность доведена до крайности; что судьи не осмеливаются возбуждать уголовное дело; что во многих местах муниципальные чиновники стоят во главе беспорядков; и что в других местах Национальная гвардия не подчиняется реквизициям". — Письмо от 5 сентября 1790 г. "В бург Тизи разбойники вторглись на несколько хлопкопрядильных предприятий и частично разрушили их, а после разграбления продали товары с публичных торгов".]

3240 (возвращение)

[Бюшез и Ру, VI. 345. Отчет г-на Мюге от 1 июля 1790 г.]

3241 (ответ)

[Протокол заседания Национального собрания. (Заседание от 24 октября 1789 г.) — Указ от 27 сентября 1789 г., действующий с 1 октября. Существуют и другие послабления, действующие с 1 января 1790 года.]

3242 ([возвращение](#))

[Отель "Меркюр де Франс", 27 февраля 1790 года. (Меморандум гвардии Востока, 16 января.) — Замечания М. Неккера по докладу, сделанному Финансовым комитетом на заседании 12 марта 1790 г.]

3243 ([возвращение](#))

["Национальный архив", Н, 1453. Корреспонденция М. де Бершени, 24 апреля, 4 и 6 мая 1790 г.: "Следует сильно опасаться, что налог на табак разделит судьбу налога на соль".]

3244 ([возвращение](#))

[Меркюр де Франс, 31 июля 1790 г. (заседание от 10 июля.) М. Ламбер, генеральный контролер финансов, информирует Ассамблею о "препятствиях, которые постоянные вспышки, разбой и принципы анархической свободы налагают на сбор налогов от одного конца Франции до другого. С одной стороны, людям внушают, что, если они будут упрямо отказываться от налога, противоречащего их правам, его отмена будет обеспечена. В других странах контрабанда открыто осуществляется силой; народ одобряет это, в то время как Национальная гвардия отказывается действовать против нации. В других местах возбуждается ненависть и возникают разногласия между войсками и надзирателями на сборных пунктах: последние убиты, конторы разграблены, а тюрьмы взломаны". - Меморандум Неккера Национальному собранию, 21 июля 1790 г.]

3245 ([возвращение](#))

[Указы от 21 и 22 марта 1790 г., вступающие в силу 21 апреля следующего года.— Указы от 19 февраля и 2 марта 1791 г., вступающие в силу с 1 мая следующего года.]

3246 ([return](#))

[De Goncourt, "La Société Française pendant la Révolution," 204.—Maxime Du Camp, "Paris, sa vie et ses organes," VI. 11.]

3247 ([возвращение](#))

["Отчет о доходах и расходах до 1 мая 1789 года".—Меморандум М. Неккера, 21 июля 1790 г.— Меморандумы, представленные М. де Монтескью, 9 сентября 1791 г.—Отчет министра Клавьера, 5 октября 1792 г., 1 февраля 1792 г. -Отчет Камбона, февраль 1793 г.]

3248 ([возвращение](#))

[Буавен-Шампо, 231.]

3249 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 28 мая 1791 года. (Заседание от 22 мая.) — Речь г-на д'Алларда: "Бургундия ничего не выплатила, относящегося к 1790 году".]

3250 (ответ)

[Moniteur, заседание от 1 июня 1790 г. Речь М. Фрето.—Меркюр де Франс. 26 ноября 1791 г. Доклад Лафон-Ладеба.]

3251 (возвращение)

["Национальный архив", Н, 2453. переписка М. де Берчени, 5 июня 1790 г. и др.—F7, 3226. Письма Шенантена, земледельца, 7 ноября 1792 г., также прокурора, 6 ноября.—F7, 3269. Протокол заседания муниципалитета Ключьяка, 5 августа 1792 г.—F7, 3202. Письмо министра юстиции Дюпору, 3 января 1792 г. "Полное отсутствие общественной силы в округе Монтаржи делает невозможной любую деятельность правительства и любое исполнение законов. Задолженность по подлежащим взысканию налогам здесь очень значительна, в то время как все принудительные процедуры опасны и невозможны в исполнении из-за опасений судебных приставов, которые не осмеливаются выполнять свои обязанности, и насилия со стороны налогоплательщиков, на которых нет контроля".]

3252 (возврат)

[Отчет Комитета по финансам, автор Рамель, 19 Флореаля, год II (Учредительное собрание установило реальный налог на дом в размере одной шестой от его арендной стоимости.)]

3253 (возвращение)

[Меркюр де Франс, 12 декабря 1789 г. — "Национальный архив", F7, 3268. Меморандум офицеров, командовавших отрядом Парижской национальной гвардии, дислоцированным в Конфлан-Сент-Онорин (апрель 1790 г.). Удостоверение муниципальных служащих Пуасси, 31 марта.]

3254 (возвращение)

[Меркюр де Франс, 12 и 26 марта 1791 г. — "Национальный архив", Ч. 1453. Письмо лейтенанта полиции Блуа, 22 апреля 1790 г. -Меркюр де Франс, 24 июля 1790 г. Двое убийц воскликнули тем, кто пытался спасти одного из надзирателей: "В Париже хорошо вешают! Ба, вы аристократы! О нас будут писать в парижских газетах. (Показания свидетелей.) —Указы и прокламации, касающиеся защиты лесов, 3 ноября и 11 декабря 1789 г.—Еще один в октябре 1790 г.—Еще один 29 июня 1791 г.]

3255 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3219. Письмо Байи де Вирье, 26 января 1792 г.]

3256 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 3 декабря 1791 года. (Письмо из Саррелуи, 15 ноября 1791 г.). — "Национальный архив", F7, 3223. Письмо муниципальных служащих Монтаржи. 8 Января 1792 года.]

3257 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3268. Письмо смотрителя национальных владений в Рамбуйе, 31 октября 1792 г. —Отчет министра Клавьера, 1 февраля 1793 г.]

3258 (возврат)

[Указы от 14 августа 1792 г., 10 июня 1793 г. — "Национальные архивы", Представительства представителей, D, § 7. (Обсуждение округа Труа, 2 Вентоза, раздел III.) — В Тунельере розыгрыш состоялся 10 Фруктидора II года и был проведен заново от имени слуги Билли, влиятельного муниципального чиновника, который "был душой своих коллег". —Там же. Сводка операций в округе Арси-сюр-Об, 30 июня III года. "Две трети коммун владеют такого рода собственностью. Большинство из них проголосовали за раздел и осуществили его, или фактически занимаются им".]

3259 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 7 января 1790 года. (Замок Оксон в Верхней Соне.) — "Национальный архив", F7, 3255. (Письмо министра Директории Роны и Луары, 2 июля 1790 г.) — Меркюр де Франс, 17 июля 1790 г. (Отчет г-на де Бройля от 13 июля и декрет от 13-18 июля.) — "Национальный архив", H, 1453. (Переписка М. де Бершени, 21 июля 1790 г.)]

3260 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 19 марта 1790 года. Письмо из Амьена, 28 февраля. (Малле дю Пан публикует в "Меркюр" только письма, подписанные и подлинные.)]

3261 (возврат)

["Национальные архивы", KK, 1105. (Переписка М. де Тьяра; письма шевалье де Беви от 26 декабря 1789 г. и других до 5 апреля 1790 г.). — Moniteur, заседание от 9 февраля 1790 г.— Mercure de France, 6 февраля и 6 марта 1790 г. (список замков).]

3262 (возвращение)

["Национальные архивы", KK, 1105. (переписка М. де Тиара.) Письма мэра Нанта от 16 февраля 1790 г., муниципалитета Редона от 19 февраля и т.д.]

3263 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 6 и 27 февраля 1790 года. (Речь М. де Фуко, заседания 2 и 5 февраля) — Moniteur (те же даты). (Доклад Грегуара, 9 февраля; речи г—жи Салле де Шо и де Ноай, 9 февраля.) -Меморандум депутатов города Тюль, составленный аббатом Морелле (из обсуждений и обращений восьмидесяти трех районов и городов провинции).]

3264 (возврат)

[Намек на феодальный обычай платить сеньориальные взносы первого мая вокруг майского дерева. Смотри дальше. 32TR]

3265 (возвращение)

[Уголовные суды без апелляции.—32TP.]

3266 (возвращение)

[Moniteur, заседание от 4 марта 1790 г.—Дюверже, указы от 6 марта 1790 г. и 6-10 августа 1790 г.]

3267 (возврат)

[Адрес датирован 11 февраля 1793 года. Одного этого исключительно комического документа было бы достаточно, чтобы сделать историю Революции совершенно понятной.]

3268 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3203. (Письма королевского комиссара, 30 апреля и 9 мая 1790 г.).—Письмо герцога де Майе, 6 мая.—Отчет администраторов департамента, 12 ноября 1790 г.—Moniteur VI. 515.]

3269 (возвращение)

["Национальные архивы", F7, 3225. Письмо Директории из Иль-и-Вилена от 30 января 1791 года и письмо из Динана от 29 января—Меркюр де Франс, 2 и 16 апреля 1791 года. Письма из Ренна, 20 марта; из Редона, 12 марта.]

3270 (возврат)

[Так указано в протоколе заседания.]

3271 (ответ)

[Moniteur, заседание от 15 декабря 1790 г. (Обращение департамента Лот, 7 декабря.)—
Заседание 20 декабря (речь М. де Фуко.) —Меркюр де Франс, 18 декабря 1790 г. (Письмо из
Бельва, из Перигора, 7 декабря.) —Там же., 22, 29 января 1791 г. (Письмо М. де Кларака, 18
января.)]

3272 (возвращение)

[17 декабря 1790 г.]

3273 (возвращение)

[7 января 1791 г.]

3274 (возвращение)

[Революционный архив департамента Крез, автор Дюваль. (Письмо администраторов
департамента от 31 марта 1791 г.) — "Национальные архивы", F7, 3209. (Обсуждение
Директории департамента, 12 мая 1791 г. —Протокол заседания муниципалитета Ла-Сутеррена,
23 августа 1791 г.)]

3275 (возвращение)

["Национальные архивы", F7, 3269.—Приказ директории округа Риберак от 5 августа 1791 г. и
требования прокурора департамента от 24 августа и 11 сентября.—Письмо королевского
комиссара от 22 августа.]

3276 (возврат)

[Что—то вроде экспортной пошлины.-32ТР.]

3277 (возврат)

["Национальные архивы", Стр. 7, 3204.—Письмо Директории департамента, 2 июня 1791 г.; 8 и
22 сентября.—Письмо министра юстиции, 15 мая 1791 г.—Письмо М. де Лентильяка, 2
сентября.—Письмо М. Мелон-Падона, королевского комиссара, сентябрь.—Mercure de France,
14 мая 1791 г. (Письмо очевидца, М.де Лояку, 25 апреля 1791 г.)]

3278 (возврат)

["Национальные архивы", F7. 3204. Письма месье де Сен-Виктура, 25 сентября, 2 и 10 октября 1791 г. — Письмо управляющего его поместьем, 18 сентября.]

ГЛАВА III. Развитие господствующей страсти.

I.—Отношение знати. Их умеренное сопротивление.

Если народные страсти закончились убийством, то не потому, что сопротивление было большим или жестоким. Напротив, никогда еще аристократия не подвергалась лишению собственности с таким терпением и не применяла меньше силы для защиты своих прерогатив или даже своей собственности. Говоря точнее, данный класс получает удары, не отвечая на них, и когда он все же берется за оружие, то всегда на стороне буржуазии и Национальной гвардии, по просьбе магистратов, в соответствии с законом и для защиты людей и собственности. Дворяне стараются избежать того, чтобы их не убили или не ограбили, и ничего более: вот уже почти три года они не поднимают никакого политического знамени. В городах, где они оказывают наибольшее влияние и которые осуждаются как мятежные, например в Менде и Арле, их противодействие ограничивается подавлением беспорядков, обузданием простых людей и обеспечением уважения к закону, они замышляют заговор не против нового порядка вещей, а против жестоких беспорядков. - В Менде, — говорит муниципальный орган, [3301](#), - мы имели честь первыми внести пожертвования 1790 года. Мы предоставили место нашему епископу и назначили его преемника без помех и без помощи каких-либо иностранных сил Мы разогнали членов кафедрального собора, с которым были связаны узами крови и дружбы; мы уволили всех, от епископа до детей из хора. У нас было всего три общины нищенствующих монахов, и все три были подавлены. Мы продали все национальное имущество без исключения".— Командир их жандармерии на самом деле является старым членом личной гвардии, в то время как высшие офицеры Национальной гвардии являются джентльменами или принадлежат к ордену Святого Людовика. Совершенно очевидно, что, если они защищаются от якобинцев, они не восстают против Национального собрания. В Арле, [3302](#) году, который умиротворил свое население, который вооружился, который закрыл свои ворота и который считается средоточием роялистского заговора, комиссары, посланные королем и Национальным собранием, люди благоразумные и рассудительные, после месячного

расследования не находят ничего, кроме подчинения декретам и рвения к общественному благу.

"Таковы, - говорят они, - люди, которых оклеветали за то, что, дорожа Конституцией, они внушают ужас фанатизму, демагогии и анархии. Если бы горожане не поднялись, когда наступил момент опасности, они были бы перебиты, как их соседи (из Авиньона). Именно это восстание против преступности оклеветали разбойники". Если их ворота были закрыты, то это потому, что "Национальная гвардия Марсея, та самая, которая так плохо вела себя в графстве, стеклась туда под предлогом сохранения свободы и предотвращения контрреволюции, но на самом деле для того, чтобы заселить город".

Да здравствует Нация! Vive la Loi! "Да здравствует король!" - были единственные крики, которые раздавались на очень тихих и организованных выборах, которые только что состоялись.

"Говорилось о привязанности граждан к Конституции Послушание законам, готовность вносить общественные взносы были отмечены нами среди этих мнимых контрреволюционеров. Те, кто облагается лицензионным налогом, толпами приходили в Отель-де-Виль". Едва "открылось кассовое бюро, как оно наполнилось респектабельными людьми; те, напротив, кто называет себя добрыми патриотами, республиканцами или анархистами, не были заметны в этом случае; но очень небольшое число из них подали свои заявления. Остальные удивлены, что к ним обратились за деньгами; им давали совсем другие надежды".

Короче говоря, в течение более чем тридцати месяцев под постоянным огнем угроз, оскорблений и грабежей дворяне, оставшиеся во Франции, не совершают и не предпринимают никаких враждебных действий против правительства, которое их преследует. Никто из них, даже г-н де Буйе, не пытается осуществить какой-либо реальный план гражданской войны; в настоящее время я нахожу в их рядах только одного решительного человека, готового к действию и стремящегося сформировать одну воинствующую партию против другой воинствующей партии: на самом деле он политик и заговорщик; у него договоренность с графом д'Артуа; он подписывает петиции о свободе короля и Церкви; он организует вооруженные отряды; он вербует крестьян; он готовит Вандею для Лангедока и Прованса; и этот человек - буржуа. , Фромант из Нима.³³⁰³ Но в момент начала боевых действий он обнаруживает, что только три из восемнадцати рот, которые, по его предположению, были зачислены на его сторону, готовы выступить вместе с ним. Другие остаются в своих кварталах до тех пор, пока, будучи побежденными, их не находят там и не убивают; выжившие, которые бегут в Жалес, находят там не крепость, а временное убежище, где им так и не удается преобразовать свои склонности в решимость.³³⁰⁴— Дворяне тоже, как и другие французы, подвергались длительному давлению монархической централизации. Они больше не образуют единого тела; они утратили инстинкт объединения. Они больше не знают, как действовать самим; они - марионетки администрации, ожидающие импульса из центра, в то время как в центре король, их наследственный генерал, пленник в руках народа, приказывает им смириться и ничего не предпринимать.³³⁰⁵ Более того, как и другие французы, они были воспитаны на философии восемнадцатого века. "Свобода настолько драгоценна, - писал герцог де Бриссак в³³⁰⁶ году, - что ее вполне можно приобрести с некоторыми страданиями; разрушенный феодализм не помешает уважать и любить добро и истину".—Они долгое время упорствуют в этой иллюзии и остаются оптимистами. Поскольку они добры к людям, они не могут понять, что люди должны испытывать к ним другие чувства; они твердо верят, что беды преходящи. Сразу же после

провозглашения Конституции они толпами возвращаются из Испании, Бельгии и Германии; в Труа почтовых лошадей на много дней не хватит, чтобы снабдить возвращающихся эмигрантов.³³⁰⁷ Таким образом, они принимают не только отмену феодализма с гражданским равенством, но и политическое равенство и численный суверенитет.

Некоторое внимание к ним, некоторые внешние знаки уважения, несколько поклонов, по всей вероятности, искренне сплотили бы их вокруг демократических институтов. Вскоре они согласились бы смешаться с толпой, подчиниться общему уровню и жить как частные лица. Если бы к ним относились как к буржуа или крестьянину, к их соседям, если бы уважали их собственность и личность, они могли бы принять новый режим без всякой горечи. То, что ведущие дворяне-эмигранты и те, кто составляет часть старого двора, продолжают интриги в Кобленце или Турине, естественно, поскольку они потеряли все: власть, места, пенсии, синекуры, удовольствия и все остальное. Но для джентри и низшей знати провинций, кавалеров ордена Сен-Луи, младших офицеров и местных владельцев потеря незначительна. Закон отменил половину их сеньориальных сборов, но в силу того же закона их земли больше не обременены десятиной. Всенародные выборы не обеспечат им мест, но они и не пользовались ими при произвольном правлении министров. Для них не имеет большого значения, что власть, будь то министерская или народная, перешла из рук в руки: они не привыкли к ее благосклонности и будут заниматься своими обычными занятиями — охотой, прогулками, чтением, посещениями и беседами, — при условии, что они, подобно первому встречному, бакалейщику на углу или своему фермерскому слуге, найдут защиту, покой и защищенность на дороге общего пользования и в своих жилищах.³³⁰⁸

II.— Действия народного воображения по отношению к ним.

Мономания подозрительности.—Дворянам не доверяли и относились к ним как к врагам.— Положение дворянина в его владениях.—М. де Бюсси

Народная страсть, к сожалению, - это слепая сила, и из-за отсутствия просвещения она вынуждена руководствоваться призрачными иллюзиями. Воображаемые концепции работают, и работают в соответствии со структурой возбужденного мозга, который их породил:

Что, если Древний режим вернется?

Что, если бы мы были обязаны вернуть собственность духовенства!

Что, если нас снова заставят платить налог на соль, акцизы, шихту и другие сборы, которые благодаря закону мы больше не платим, помимо других налогов и сборов, которые мы не платим вопреки закону!

Что, если бы все дворяне, чьи замки сожжены и кто оправдался под угрозой меча, нашли какой-нибудь способ отомстить за себя и вернуть свои прежние привилегии!

Несомненно, они размышляют об этих вещах, заключают соглашения друг с другом и строят козни с чужаками; при первой же возможности они обрушатся на нас: мы должны наблюдать за ними, подавлять их и, если потребуется, уничтожить. Этот инстинктивный процесс рассуждения преобладал с самого начала и, по мере увеличения эксцессов, преобладает в гораздо большей степени. Дворянин всегда является прошлым, настоящим и будущим кредитором или, по крайней мере, возможным кредитором, что означает, что он худший и наиболее одиозный из врагов. Все его поступки подозрительны, даже когда он ничего не делает; что бы он ни делал, это делается с целью вооружиться.

Г-н де Жиллье, живущий со своей женой и сестрой в одном лье от Римлян, в Дофини, [3309 г.](#) развлекается тем, что сажает деревья и цветы; в нескольких шагах от его дома, в другом поместье, г-н де Моншорель, старый солдат, и г-н Осмонд, старый юрист из Парижа, со своими женами и детьми, проводят свой досуг примерно таким же образом. Г-н де Жиллье заказал и получил деревянные водопроводные трубы, и распространился слух, что это пушки. Его гость, мсье Серван, получает английский дорожный сундук, который, как говорят, набит пистолетами. Когда мсье Осмонд и мсье Серван прогуливаются по стране с карандашами и бумагой для рисования, утверждается, что они готовят топографические планы для испанцев и савояров. Четыре кареты, принадлежащие двум семьям, отправляются в Рим за гостями: вместо четырех их девятнадцать, и они отправляются за аристократами, которые собираются спрятаться в подземных переходах. Мсье де Сенневиль, украшенный кордон руж (красной лентой), наносит визит по возвращении из Алжира: украшение становится синим, а его владелец - граф д'Артуа [3310](#) собственной персоной. Несомненно, назревает заговор, и в пять часов утра восемнадцать коммун (две тысячи вооруженных человек) появляются перед дверями двух домов; крики и угрозы расправы длятся восемь часов; ружье, выпущенное в нескольких шагах от подозреваемых, дает осечку; крестьянин, целящийся в них, говорит своему соседу: "Дайте мне приличное ружье, и я всажу им в тела оба яйца!" Наконец, г-н де Жиллье, который отсутствовал, присутствуя на крещении, возвращается с королевскими егерями Дофини и Национальной гвардией римлян и с их помощью освобождает свою семью. Только в городах, то есть в немногих поселках, и то на очень короткое время, безобидный дворянин, подвергшийся нападению, получает какую-либо помощь; призраки, которые люди создают себе там, менее грубы; определенная степень просвещения и остатки здравого смысла предотвращают появление слишком абсурдных историй.— Но в темных закоулках деревенских мозгов ничто не может остановить мономанию подозрительности. Фантазии размножаются там, как сорняки в темной яме: они пускают корни и прорастают до тех пор, пока не станут верой, убежденностью и определенностью; они приносят плоды враждебности и ненависти, смертоносных и подстрекательских идей. Не сводя глаз с замка, деревня считает его Бастилией, которую необходимо взять, и, вместо того чтобы приветствовать владельца поместья, думает только о том, чтобы выстрелить в него.

Давайте подробнее рассмотрим одну из этих местных историй. [3311](#) В июле месяце 1789 года, во время жакерии в Масоне, приход Вилье обратился за помощью к своему сеньору мсье де Бюсси, бывшему полковнику драгунского полка. Он вернулся домой, угостил жителей своей деревни обедом и попытался сформировать из них отряд стражи, чтобы защитить себя от поджигателей и разбойников; вместе с доброжелательными местными жителями "он

патрулировал каждый вечер, чтобы восстановить спокойствие в приходе". В связи с распространившимся слухом о том, что "колодцы были отравлены", он расставил часовых у всех колодцев, кроме своего собственного, "чтобы доказать, что он действовал от имени прихода, а не от себя". Короче говоря, он сделал все, что мог, чтобы примирить жителей деревни и заинтересовать их в общей безопасности.— Но в силу того, что он дворянин и офицер, ему не доверяют, и именно к Перрону, синдик у коммуны, теперь прислушивается коммуна. Перрон объявляет, что король "отказался от данного им клятвенного слова" и, следовательно, не следует больше доверять ни ему, ни его офицерам, ни дворянству. Когда г-н де Бюсси предлагает Национальной гвардии отправиться на помощь охваченному пламенем замку Тиль, Перрон препятствует им, заявляя, что "эти пожары разжигают дворяне и духовенство". Г-н де Бюсси настаивает и умоляет их уйти, предлагая отказаться от "его терьера", то есть от всех его сеньориальных взносов, если они только составят ему компанию и предотвратят это разрушение. Они отказываются это делать. Он упорствует и, получив известие, что замок Жюльенас в опасности, после больших усилий собирает отряд из ста пятидесяти человек своего прихода и, выступив вместе с ними, прибывает вовремя, чтобы спасти замок, который толпа собиралась поджечь. Но народное волнение, которое ему только что удалось усмирить в Жюилленасе, взяло верх среди его собственного отряда: разбойники соблазнили его людей, "что вынуждает его вести их обратно, в то время как по дороге они, кажется, склонны стрелять в него". — Вернувшись, его преследуют с угрозами даже в его собственном доме: банда нападает на его замок; обнаружив, что он обороняется, они настаивают на том, чтобы их отвели в замок Курсель. Посреди всего этого насилия месье де Бюсси с примерно пятнадцатью друзьями и арендаторами преуспевает в самозащите и, благодаря терпению, энергии и хладнокровию, не убив и не ранив ни одного человека, в конечном итоге восстанавливает безопасность во всем кантоне. Жакерия утихает, и кажется, что недавно восстановленный порядок будет сохранен. Он посылает за мадам де Бюсси, чтобы та вернулась, и проходит несколько месяцев.— Однако народное воображение отравлено, и что бы ни делал джентльмен, его больше не терпят в его поместье. В нескольких лье оттуда, 29 апреля 1790 года, месье де Буа-д'Эзи, депутат Национального собрания, вернулся в свой приход, чтобы проголосовать на новых выборах.³³¹² "Едва он прибыл", как коммуна Буа-д'Эзи уведомляет его через своего мэра, "что не будет считать его имеющим на это право". Он посещает предвыборное собрание, которое проводится в тамошней церкви, муниципальный служащий с кафедры оскорбляет дворян и священников и заявляет, что они не должны участвовать в выборах. Все взоры обращены на господина де Буад'Эзи, который является единственным присутствующим дворянином. Тем не менее он приносит гражданскую присягу, которая едва не обходится ему дорого, поскольку вокруг него поднимается ропот, и крестьяне говорят, что его следовало повесить, как сеньора Сент-Коломба, чтобы помешать ему принести присягу. Действительно, накануне вечером последний, г-н де Витто, старик семидесяти четырех лет, был изгнан из первичного собрания, затем вырван из дома, в котором он искал убежища, наполовину убит ударами и выволок по улицам на открытую площадь; его рот был набит навозом, в уши воткнули палку, и "он скончался после трехчасового мученичества". В тот же день в церкви капуцинов в Семуре сельские приходы, собравшиеся вместе, таким же образом исключили своих священников и дворянство. Г-н де Дамас и г-н де Сен-Мор были избиты дубинками и камнями; кюре Масиньи скончался после шести ударов ножом, а г-н де Вирье спасался, как мог.— Имея перед глазами такие примеры, вполне вероятно, что многие дворяне больше не будут пользоваться своим избирательным правом. Господин де Бюсси не претендует на это. Он просто пытается доказать, что он лоялен нации и что он не замышляет ничего плохого ни Национальной гвардии, ни народу. На исходе

он предложил добровольцам Масона присоединиться к ним вместе со своим небольшим отрядом; они отказались принять его, и, таким образом, вина не на его стороне. 14 июля 1790 года, в день провозглашения Федерации в его владениях, он отправляет всех своих людей в Вилле, снабдив их трехцветной кокардой. Он сам с тремя своими друзьями присутствует на церемонии принесения присяги, все четверо в военной форме, с кокардами на шляпах, без какого-либо оружия, кроме шпаг и легкой трости в руках. Они отдают честь собравшимся национальным гвардейцам трех соседних приходов и держатся снаружи ограды, чтобы не обидеть их. Но они не приняли во внимание предрассудки и враждебность новых муниципальных органов. Перрон, бывший синдик, сейчас является мэром. Человек по имени Байи, деревенский сапожник, является еще одним муниципальным чиновником; их советник - старый драгун, вероятно, один из тех солдат, которые дезертировали или были демобилизованы и которые являются зачинщиками почти каждого происходящего бунта. Отряд из дюжины или пятнадцати человек покидает строй и марширует к четырем джентльменам, которые со шляпой в руке идут им навстречу. Внезапно мужчины целятся в них, и Байи с разъяренным видом требует: "Какого дьявола вы сюда пришли?" Г-н де Бюсси отвечает, что, будучи проинформированным о Федерации, он пришел принести присягу, как и остальные люди. Байи спрашивает, почему он пришел вооруженным. Месье де Бюсси замечает, что "будучи на службе, шпага была неотделима от формы", и если бы они пришли туда без этого значка, они были бы виноваты; кроме того, они должны были заметить, что у них нет другого оружия. Байи, все еще в ярости и, более того, выведенный из себя такими вескими причинами, поворачивается с пистолетом в руке к командиру отделения и спрашивает его три раза подряд: "Командир, я должен стрелять?" Комендант, не осмеливаясь взять на себя ответственность за столь беспричинное убийство, хранит молчание и в конце концов приказывает г-ну де Бюсси "убираться"; "что я и сделал", — говорит г-н де Бюсси. - Тем не менее, вернувшись домой, он пишет муниципальным властям, четко излагая мотив своего приезда, и требует объяснения обращения, которому он подвергся. Мэр Перрон отбрасывает письмо, не читая его, и на следующий день, после мессы, национальные гвардейцы приходят, угрожая, заряжать ружья на виду у г-на де Бюсси, окружив его сад. — Через несколько дней после этого, по наущению Байи, два других владельца по соседству были убиты в своих домах. Наконец, во время поездки в Лион г-н де Бюсси узнает, "что замки в Пуату снова охвачены пламенем и что работы должны начаться снова повсюду". Встревоженный всеми этими признаками, "он решает сформировать роту добровольцев, которые, разместившись в его замке, смогут обслуживать весь кантон по законной реквизиции". Он считает, что пятнадцати храбрецов будет достаточно. В октябре 1790 года с ним уже было шесть человек; для них заказаны зеленые мундиры и куплены пуговицы для мундира. К этому числу можно добавить семь или восемь домашних животных. Что касается оружия и амуниции, то в замке хранятся два бочонка пороха, которые были под рукой до 1789 года, семь мушкетонов и пять кавалерийских сабель, оставленных там по дороге старыми драгунами г-на де Бюсси; к этому следует добавить два дуствольных охотничьих ружья, три солдатских мушкета, пять пар пистолетов, два простых ружья, две старые шпаги и охотничий нож. Таков гарнизон, таков арсенал, и таковы приготовления, столь хорошо оправданные и столь незначительные, которые предубеждение вкупе со сплетнями вот-вот превратят в великий заговор.

Замок, по сути, с самого первого дня стал объектом подозрений в деревне. За всеми его посетителями, когда бы они ни выходили или ни входили, со всеми подробностями их действий наблюдали, осуждали, преувеличивали и неверно истолковывали. Если из-за неловкости или

беспечности стольких неопытных национальных гвардейцев однажды среди бела дня шальная пуля попадет в фермерский дом, она прилетит из замка; это аристократы стреляли в крестьян. — Такое же состояние подозрительности наблюдается и в соседних городах. Муниципальный орган Валенса, услышав, что двое молодых людей заказали пальто "подозрительного цвета", послал за портным; он признает этот факт и добавляет, что "они намеревались сами пришить пуговицы". Такая деталь вызывает тревогу. Начато расследование, и тревога усиливается; были замечены люди в странной форме, направлявшиеся к замку Вилье; оттуда, когда их число достигнет двухсот, они отправятся в гарнизон Безансона; они будут двигаться по четыре за раз, чтобы избежать обнаружения. В Безансоне они должны встретиться с корпусом в сорок тысяч человек под командованием г-на Отишана, который должен двинуться на Париж, чтобы свергнуть короля и разогнать Национальное собрание. Национальные гвардейцы на всем протяжении маршрута должны быть вытеснены в шеренги. На определенном расстоянии каждый человек должен получить 1200 франков, а по окончании экспедиции быть зачислен в гвардию Артуа или отправлен домой с вознаграждением в размере 12 000 франков. Тем временем принц де Конде с сорока тысячами человек пройдет через Пон Сент-Эспри в Лангедоке, соберет недовольных Карпантра и лагеря Жалес под свои знамена и займет Сетту и другие морские порты; и, наконец, граф д'Артуа, со своей стороны, войдет через Пон-Бовуазен с тридцатью тысячами человек. — Ужасное открытие! Муниципальные власти Валенса немедленно информируют власти Лиона, Безансона, Шалона, Масона и других городов. Исходя из этого, муниципальный орган Масона, "считая, что враги Революции постоянно прилагают самые энергичные усилия к уничтожению Конституции, которая обеспечивает счастье этой империи", и "что в высшей степени важно расстроить их планы", посылает двести человек своей национальной гвардии в замок Вилье, "уполномоченных применить вооруженную силу в случае сопротивления". Для большей безопасности к этому отряду присоединяются национальные гвардейцы трех соседних приходов. Месье де Бюсси, узнав, что они перелезают через стену в его сад, хватает ружье и прицеливается, но не стреляет, а затем, поскольку реквизиция законна, распахивает перед ними все двери. В доме найдены шесть зеленых пальто, семь десятков больших пуговиц и пятнадцать десятков маленьких. Доказательство налицо. Он объясняет, в чем заключался его проект, и излагает свои мотивы — это всего лишь предлог. Он делает знак своему камердинеру в качестве приказа — налицо явное соучастие. Месье де Бюсси, шестеро его гостей и камердинер арестованы и доставлены в Масон. Происходит судебный процесс с показаниями и допросами, в ходе которого выясняется правда, несмотря на самые неблагоприятные показания; ясно, что г-н де Бюсси никогда не намеревался делать ничего, кроме защиты самого себя. — Но предубеждение — это повязка на глазах у враждебных глаз. Нельзя допустить, чтобы при совершенной конституции невиновный человек мог подвергнуться опасности; ему возражают, что "неестественно формировать вооруженную роту для сопротивления войне, которой это не угрожает"; они заранее убеждены, что он виновен. По указу Национального собрания министр приказал полиции и гусарам доставить всех обвиняемых в Париж; Национальная гвардия Масона, "находящаяся в состоянии величайшего волнения", заявляет, что, "поскольку она арестовала господина де Бюсси, она не согласится на его транспортировку никаким другим органом ... Несомненно, цель состоит в том, чтобы позволить ему сбежать по дороге", но она знает, как обеспечить безопасность своего пленника. Охрана, руководствуясь собственными полномочиями, сопровождает месье де Бюсси в Париж, в тюрьму Аббай, где его держат взаперти несколько месяцев — на самом деле так долго, что после нового судебного разбирательства абсурдность обвинения стала слишком очевидной, и они вынуждены были выпустить его на свободу. — Таково положение большинства дворян в их

собственных поместьях, и господин де Бюсси, даже оправданный, поступит мудро, не вернувшись домой.

III. —Посещения по месту жительства.

Пятая жакерия.—Бургундия и Лион в 1791 году.—М. де Шапоне и М. Гийен-Дюмуте

Там он был бы всего лишь заложником. Один против тысяч, единственный выживший и представитель свергнутого режима, который все ненавидят, это дворянин, против которого все оборачиваются всякий раз, когда кажется, что политический шок сотрясает новый режим. Он, по крайней мере, обезоружен, поскольку может быть опасен, и во время этих народных казней зверские инстинкты и аппетиты вырываются на свободу, подобно быку, который врывается в дверь и в ярости врывается в жилой дом. В том же департаменте, несколько месяцев спустя, после получения известия об аресте короля в Варенне, "все не пострадавшие **3313** священников и знатных людей подвергаются ужасам преследования". Банды силой проникают в дома, чтобы захватить оружие: таким образом, они посещают Коммарен, Гросбуа, Монкюло, Шодене, Креансе, Туази, Шательнот и другие дома, и несколько из них разграблены. В ночь с 26 на 27 июня 1791 года в замке Кренсе "повсюду разграбление; зеркала разбиты, картины разорваны, двери выломаны". Хозяина дома "месье де Комо-Кренсе, рыцаря Людовика Святого, подвергшегося ужасному жестокому обращению, волокут к подножию лестницы, где он лежит как мертвый: " до этого " его заставили внести значительный взнос и возместить все штрафы, взысканные им до революции как местным сеньором поместья. "—С двумя другими владельцами по соседству, оба рыцари Святого Людовика, обращаются точно так же. "Вот каким образом трое старых и храбрых солдат получают вознаграждение за свои услуги!" Четвертый, миролюбивый человек, заранее сбегает, оставляя свои ключи в замках, а своего садовника в доме. Несмотря на это, двери и шкафы для одежды были взломаны, грабеж продолжался пять с половиной часов; сопровождался угрозами поджечь дом, если сеньор не появится. Были заданы вопросы, "посещал ли он мессу нового кюре, взимал ли он ранее штрафы и, наконец, имел ли кто-либо из жителей какие-либо жалобы на него". Жалоб не поступало; напротив, его довольно любили.— Но в подобных беспорядках сто безумцев и пятьдесят негодяев предписывают закон робким и равнодушным. Эти преступники заявили, что "они действовали по приказу; они вынудили мэра и прокурора принять участие в их ограблениях; они также приняли меры предосторожности, чтобы заставить нескольких честных граждан, используя самые суровые угрозы, идти вместе с ними". Эти люди приходят на следующий день, чтобы извиниться перед разграбленным владельцем, в то время как муниципальные служащие составляют заявление о примененном к ним насилии. Насилие, тем не менее, совершено, и, поскольку оно останется безнаказанным, вскоре оно повторится.

Начало и конец уже сделаны в двух соседних отделах. Там, особенно на юге, нет ничего более поучительного, чем видеть, как вспышка, вызванная энтузиазмом к общественному благу, немедленно перерастает в порыв частного интереса и заканчивается преступлением. — В окрестностях Лиона, ³³¹⁴ под тем же предлогом и в тот же день похожие толпы совершают похожие визиты, и во всех этих случаях "сжигаются списки арендной платы, а дома грабятся и поджигаются. Муниципальная власть, созданная для охраны собственности, находится во многих руках, но одним средством для ее нарушения больше. Национальная гвардия, похоже, вооружена только для защиты от грабежей и беспорядков". — Более тридцати лет г-н де Шапоне, отец шестерых детей, трое из которых находятся на службе, тратил свой огромный доход на свое поместье Болье, давая работу множеству людей, мужчинам, женщинам, и детям. После града 1761 года, который почти уничтожил деревню Моране, он перестроил тридцать три дома, снабдил другие дома древесиной для каркаса, снабжал общину пшеницей и в течение нескольких лет добивался для жителей уменьшения их налогов. В 1790 году он с великолепным размахом отпраздновал Фестиваль Федерации, устроив два банкета: один на сто тридцать мест для муниципальных органов и офицеров Национальной гвардии поблизости, а другой на тысячу мест для рядовых. Если у кого-то из дворянства и были основания считать себя популярным и в безопасности, то, несомненно, у этого человека. — 24 июня 1791 года муниципальные власти Моране, Люсене и Шазелаи со своими мэрами и национальной гвардией, всего около двух тысяч человек, прибывают в замок под бой барабанов и развевающиеся флаги. Господин де Шапоне выходит им навстречу и спрашивает, чему он обязан "удовольствием" их визита. Они отвечают, что пришли не для того, чтобы оскорбить его, а для того, чтобы выполнить приказ округа, который обязывает их вступить во владение замком и выставить в нем охрану из шестидесяти человек: на следующий день "округ" и Национальная гвардия Вильфранша должны прибыть и осмотреть его. — Имейте в виду, что эти приказы вымышлены, ибо господин де Шапоне тщетно просит показать их; они не могут быть предъявлены. Причиной их отъезда, вероятно, является ложный слух о том, что Национальная гвардия Вильфранша идет, чтобы лишить их добычи, на которую они рассчитывали. — Тем не менее мсье де Шапоне подчиняется; он просто просит муниципальных служащих произвести обыск самостоятельно и упорядоченным образом. В ответ на это командующий национальной гвардией Люсене с некоторым раздражением восклицает, что "все равны и все должны войти", и в тот же момент все бросаются вперед. "Господин де Шапоне приказывает открыть квартиры; они немедленно запирают их, нарочно чтобы саперы проломили двери своими топорами". — Все разграблено, "посуда, ассигнации, запасы белья, кружев и других предметов; деревья на аллеях изрублены и изуродованы; подвалы опустошены, бочки выкатаны на террасу". вино заканчивается, а замок разрушен ... Офицеры подгоняют тех, кто отстает". Около девяти часов вечера г-ну де Шапоне сообщают от его слуг, что муниципальные власти решили заставить его подписать отказ от феодальных повинностей, а затем обезглавить его. Он сбегает со своей женой через единственную дверь, которая осталась без охраны, бродит всю ночь, подставляясь под ружейные выстрелы идущих по его следу отрядов, и достигает Лиона только на следующий день. — Тем временем грабители присылают ему уведомление, что, если он не откажется от арендной платы, они вырубят его леса и сожгут все в его поместье. Замок, действительно, обстреливается трижды, в то время как в промежутке банда грабит другой замок в Байере и, снова проходя мимо замка г-на де Шапоне, разрушает плотину, которая обошлась в 10 000 ливров. Государственный обвинитель, со своей стороны, сохраняет спокойствие, несмотря на обращения к нему: он, несомненно, говорит себе, что джентльмену, в доме которого был

произведен обыск, повезло, что ему спасли жизнь, а другим, как, например, г-ну Гильен-Дюмуте, повезло меньше.

Последний джентльмен, в прошлом капитан судна, принадлежащего Индийской компании, впоследствии комендант в Сенегале, ныне отошедший от активной жизни, поселился в своем замке Полеймье со своей молодой женой и двумя малолетними детьми, своими сестрами, племянницами и свояченицей - всего десятью женщинами, принадлежащими к его семье и домашней прислуге, одним слугой-негритянкой и им самим; старик шестидесяти лет; здесь находится логово воинствующих заговорщиков, которые должны быть разоружены как можно скорее.³³¹⁵ К сожалению, брат г-на Гильена, обвиняемый в за измену нации был арестован десятью месяцами ранее, чего было вполне достаточно для клубов по соседству. В декабре 1790 года замок уже был разграблен жителями близлежащих приходов: ничего найдено не было, и департамент сначала осудил, а затем запретил эти произвольные обыски. В этом случае у них все получится лучше. 26 июня 1791 года, в десять часов утра, муниципальный корпус Полимикукса, вместе с двумя другими отрядами в шарфах и тремя сотнями национальных гвардейцев, приближается под обычным предлогом поиска оружия. Мадам Гильен является сама; напоминает им об интердикте Департамента и требует соблюдения законного порядка, в соответствии с которым они действуют. Они отказываются его давать. Мсье Гильен, в свою очередь, спускается и предлагает открыть им двери, если они предъявят приказ. У них нет приказа, чтобы показать ему. Во время беседы некий человек по имени Розье, бывший солдат, дважды дезертировавший и ныне командующий Национальной гвардией, хватает господина Жильена за горло; старый капитан защищается; направляет на него пистолет, который промахивается, а затем, отшвырнув парня, уходит в дом, закрыв за собой дверь. —Вскоре после этого по соседству звучит набат, встают тридцать приходов, и прибывают две тысячи человек. Мадам Гильен своими мольбами добивается назначения делегатов, выбранных толпой, для осмотра замка. Эти делегаты осматривают квартиры и заявляют, что не могут найти ничего, кроме оружия, которое обычно держат под рукой. Это заявление не возымело действия: толпа, возбуждение которой усилилось от ожидания, почувствовала свою силу и не собирается возвращаться с пустыми руками. Раздается залп, и окна замка изрешечены пулями. В качестве последнего усилия мадам Гильен с двумя детьми на руках выходит и, подойдя к муниципальным служащим, призывает их исполнить свой долг. Отнюдь не делая этого, они удерживают ее в качестве заложницы и ставят в такое положение, что, если из замка начнется стрельба, в нее могут попасть пули. Тем временем двери взломаны, дом разграблен сверху донизу, а затем подожжен; мсье Гильен, который ищет убежища в замке, почти охвачен пламенем. В этот момент некоторые из нападавших, менее свирепые, чем остальные, уговаривают его спуститься, и они отвечают за его жизнь. Едва он показывается, как другие набрасываются на него; они кричат, что он должен быть убит, что государство выплачивает ему пожизненную ренту в 36 000 франков и "это будет сэкономлено для нации". "Его заживо разрубает на куски"; ему отрубают голову и насаживают на пику; его тело расчлениют и рассылают по частям в каждый приход; некоторые омывают руки в его крови и пачкают ею свои лица. Создается впечатление, что беспорядки, шум, поджоги, грабежи и убийства пробудили в них не только жестокие инстинкты дикарей, но и хищнические аппетиты животных; некоторые из них, схваченные жандармерией в Шасселе, поджарили руку убитого и поужинали ею.³³¹⁶—Мадам Гильен, спасенная благодаря состраданию двух местных жителей, после многих опасностей добирается до Лиона; она и ее дети потеряли все, что могли., - замок, его владения, урожай предыдущего года, вино, зерно, мебель, столовое серебро, наличные деньги, ассигнации,

векселя и контракты. Десять дней спустя департамент уведомляет Национальное собрание о том, что "подобные проекты все еще замышляются и организуются, и что (всегда) существуют угрозы поджога замков и сдаваемых в аренду квартир"; что в этом не может быть никаких сомнений: "жители страны только ждут возможности возобновить эти сцены ужаса".³³¹⁷

IV.—Дворяне, обязанные покинуть сельские округа.

Они находят убежище в городах.—Опасности, которым они подвергаются.—Восемьдесят два джентльмена из Кана

Среди этих множащихся и возрождающихся Жакерий не остается ничего, кроме бегства, и дворяне, изгнанные из сельских округов, ищут убежища в городах. Но и здесь их ждет жакерия. По мере развития последствий Конституции сменяющие друг друга администрации становятся все более слабыми и пристрастными; необузданное население становится все более возбудимым и более жестоким; правящий клуб становится все более подозрительным и более деспотичным. Отныне клуб, через административные органы или в оппозиции к ним, руководит населением, и дворяне будут относиться к нему так же враждебно, как и крестьяне. Все их собрания, даже либеральные, закрываются, как это было в Париже, из-за незаконного вмешательства толпы или из-за незаконных действий народных магистратов. Все их объединения, даже если они законны и полезны, разрушаются грубой силой или муниципальной нетерпимостью, их наказывают за то, что они думали о самозащите, и уничтожают за то, что они пытаются избежать убийства.—Три или четыреста джентльменов, которым угрожали в их поместьях, искали убежища со своими семьями в Кане;³³¹⁸ и они надеялись найти его там, поскольку тремя различными постановлениями муниципальный орган обещал им помощь и защиту. К сожалению, клуб думает иначе, и 23 августа 1791 года печатает и вывешивает список их имен и местожительства, заявляя, что, поскольку "их подозрительные взгляды вынудили их покинуть сельские округа", они являются эмигрантами во внутренних районах"; из чего следует, что "за их поведением следует тщательно следить", потому что "это может быть результатом какого-то опасного заговора против страны". Особо выделены пятнадцать; среди прочих "бывший кюре Сен-Лу, великая ищейка аристократов, и все они очень подозрительные личности, вынашивающие наихудшие намерения". — Таким образом осужденные и выделенные, очевидно, что они больше не могут спать спокойно: более того, теперь, когда их адреса опубликованы, им открыто угрожают посещениями по месту жительства и насилием. Что касается административных властей, то их вмешательства ожидать не приходится; департамент сам уведомляет министра, что, согласно действующему закону, он не может передать замок в руки постоянных жителей,³³¹⁹ поскольку это, как говорят, возбудило бы Национальную гвардию. Кроме того, как без армии вырвать этот пост из рук тех, кто его занимает? Это невозможно только с теми ресурсами, которые предоставляет нам Конституция".

Таким образом, в защиту угнетенных Конституция является мертвой буквой.—Следовательно, беженцы, находя защиту только в себе, обязуются помогать друг другу. Никакая ассоциация не может быть более оправданной, более миролюбивой, более невинной. Ее цель - "требовать исполнения законов, которые постоянно нарушаются, и защищать людей и собственность". В каждом квартале они будут пытаться объединить "всех добропорядочных граждан"; они сформируют комитет из восьми членов, и в каждом комитете всегда будет "сотрудник юстиции или член административного органа с офицером или младшим офицером Национальной гвардии". Если какой-либо гражданин подвергнется нападению лично или на имущество, ассоциация составит петицию в его пользу. Если какой-либо конкретный акт насилия потребует применения общественной силы, члены округа соберутся по приказу офицера юстиции и Национальной гвардии для обеспечения повиновения. "Во всех возможных случаях" они "будут с величайшей осторожностью избегать любого оскорбления отдельных лиц; они будут считать, что целью собрания является исключительно обеспечение общественного спокойствия, и той защиты со стороны закона, на которую имеет право каждый гражданин". — Короче говоря, они - добровольные констебли. Поворачивайте расследование, как им заблагорассудится, враждебный муниципалитет и предвзятый суд не могут придавать этому никакого другого значения; они ничего другого не находят. Единственной уликой против одного из лидеров является письмо, в котором он пытается помешать джентльмену отправиться в Кобленц, стремясь доказать ему, что он будет более полезен в Кане. Главным доказательством против ассоциации является заявление горожанина, которого они хотели зачислить и от которого требовали его мнения. Он заявил, что выступает за исполнение законов, на что они сказали ему: "В данном случае вы принадлежите к нам и являетесь большим аристократом, чем вы думаете. Их аристократия, в сущности, всецело состоит в пресечении разбоя. Нет более неприятного требования, потому что оно создает препятствие для произвольных действий стороны, которая считает, что имеет право поступать так, как ей заблагорассудится. 4 октября полк Ауниса покинул город, и все добропорядочные граждане были переданы ополчению, "в форме или без", только они были вооружены. В этот день, впервые за долгое время, месье Бунель, бывший кюре Сен-Жан, с согласия и при содействии своего названного преемника совершает богослужение. Там собирается большое количество православных, что вызывает беспокойство у патриотов. На следующий день г-н Бунель снова должен отслужить мессу; после чего патриоты через муниципальные власти запрещают ему совершать богослужение, чему он подчиняется. Тем не менее, из-за отсутствия должного уведомления, прибыла толпа верующих, и церковь заполнена. Опасная толпа! Патриоты и Национальная гвардия прибывают "для поддержания порядка", который не был нарушен и который нарушают только они. Слуги знати и Национальная гвардия обмениваются угрожающими словами. Последние обнажают шпаги, и молодой человек зарублен и растоптан; г-н де Саффри, который приходит к нему на помощь безоружный, сам зарублен и пронзен штыками, а двое других ранены. —Тем временем на соседней улице г-н Ашар де Вагонь, увидев, что вооруженные люди жестоко обращаются с человеком, подходит, чтобы заключить мир. Мужчина застрелен, а мсье Ашар покрыт порезами от сабель и штыков: "на нем нет ни одной нитки, которая не была бы окрашена кровью, которая стекала даже на его ботинки". В таком состоянии его приводят в замок вместе с месье де Сайфреем. Другие ломают дверь дома господина дю Розеля, старого офицера семидесяти пяти лет, из которых пятьдесят девять прошли на службе, и преследуют его даже через стену его сада. Четвертый отряд захватывает г-на д'Эриси, еще одного почтенного офицера, который, как и г-н дю Розель, не знал обо всем, что происходило, и спокойно уезжал в свою загородную

резиденцию.— В городе неспокойно, и по приказу муниципальных властей объявлена общая тревога.

Пришло время действовать специальным констеблям; около шестидесяти джентльменов вместе с несколькими торговцами и ремесленниками отправились в путь. Согласно правилам своего общества и с немалыми угрызениями совести, они умоляют случайно проходящего мимо офицера Национальной гвардии встать во главе их; они доходят до площади Сен-Совер, встречают вышестоящего офицера, посланного за ними муниципальными властями, и по первому его приказу следуют за ним в Отель-де-Виль. Достигнув этого, без какого-либо сопротивления с их стороны, они арестованы, разоружены и подвергнуты обыску. При них обнаружены правила и предписания их лиги; они, очевидно, замышляют контрреволюцию. Шум против них ужасен. "Для их безопасности" их ведут в замок, в то время как со многими из них по дороге жестоко обращается толпа. Других хватают в их домах — М. Левайана и слугу месье д'Эриси уносят, истекающих кровью и пронзенных штыками. Таким образом, собраны восемьдесят два заключенных, в то время как постоянно высказываются опасения, что они могут сбежать. "Их хлеб и мясо нарезают на маленькие кусочки, чтобы убедиться, что в них ничего не спрятано; хирургам, с которыми также обращаются как с аристократами, отказано в доступе к ним". В то же время в их дома наносятся ночные визиты; каждому приезжему приказано явиться в Отель-де-Виль, сообщить, зачем он приехал в город, и сдать оружие; каждому священнику, не являющемуся военнослужащим, запрещено служить мессу. Департамент, склонный к сопротивлению, имеет связанные руки и признает свое бессилие. "Люди, - говорится в нем, - знают свою силу: они знают, что у нас нет власти; возбуждаемые гражданами с дурной репутацией, они позволяют все, что служит их страстям или интересам; они влияют на наши обсуждения и вынуждают нас к тому, чего при других обстоятельствах мы бы тщательно избегали". — Три дня спустя победители празднуют свой триумф "с барабанами, музыкой и зажженными факелами; люди молотками уничтожают на особняках гербы, которые ранее были покрыты штукатуркой"; поражение аристократов совершено.— И все же их невиновность настолько очевидна, что само Законодательное собрание не может не признать этого. После одиннадцати недель заключения отдается приказ освободить их, за исключением двоих, юноши моложе восемнадцати лет и старика, почти восьмидесятилетнего, на которого два неправильно понятых письма все еще оставляют тень подозрения.— Но нет уверенности, что люди расположены отказаться от них. Национальная гвардия отказывается выгружать их при свете дня и выполнять функции их сопровождения. Даже накануне вечером многочисленные группы женщин и несколько мужчин, смешавшихся с ними, говорили о том, чтобы убить всех этих парней, как только они выйдут за пределы замка ". Их нужно выпустить в два часа ночи, тайно, под сильной охраной, и они должны немедленно покинуть город, как за шесть месяцев до того, как они покинули сельские районы.—Ни в деревне, ни в городе ³³²⁰ они не находятся под защитой гражданского или религиозного закона; джентльмен, который не скомпрометирован в этом деле, замечает, что их положение хуже, чем у протестантов и бродяг в худшие годы Древнего режима, и кто злоупотребляет их использованием? Почему кто-то должен быть равен в целях оплаты и выделяться?

"Разве закон не разрешает священникам (невиновным) свободно служить мессу? Почему же тогда мы не можем слушать их мессу, кроме как рискуя своей жизнью? Разве закон не предписывает всем гражданам сохранять общественный порядок? Почему же тогда на тех, кого призывают к оружию для поддержания общественного порядка, нападают как на аристократов? Почему убежище граждан, которое законы объявили священным, нарушается

без приказов, без обвинений, без каких-либо видимых нарушений? Почему все видные граждане и те, кто состоятельны, разоружаются в отличие от других? Неужели оружие производится исключительно для тех, кого в последнее время лишили его только для того, чтобы досадить и оскорбить?"

Он говорил правильно. Те, кто сейчас правит, образуют аристократию в обратном смысле, вопреки закону и еще больше вопреки природе.³³²¹ Ибо, в результате насильственной инверсии, низшие ступени на ступенчатой шкале цивилизации и культуры теперь находятся наверху, в то время как высшие ступени находятся в униформе. Конституция подавила неравенство, но оно снова возникло в обратном смысле. Население, как города, так и деревни, взимает налоги, заключает в тюрьмы, грабит и убивает более произвольно, более жестоко, более несправедливо, чем феодальные бароны, а в качестве своих крепостных или злодеев у него есть свои древние вожди.

V.—Преследования в частной жизни.

Предположим, что, чтобы не возбуждать подозрений, они довольствуются отсутствием оружия, не создают больше ассоциаций, не посещают выборы, запираются дома, строго ограничивают себя безопасными рамками домашней жизни. То же недоверие, та же враждебность все еще преследуют их там. В Каоре,³³²² где муниципальные власти, вопреки закону, только что изгнали картезианцев, которые, согласно закону, предпочли остаться и жить сообща, два монаха перед своим отъездом подарили месье де Бомону, своему другу и соседу, четыре карликовых грушевых дерева и несколько луковиц, цветущих в их саду. Исходя из этого, муниципальный орган постановил, что

"сьер Луи де Бомон, бывший граф, виновен в дерзком и злонамеренном нанесении ущерба национальному достоянию", приговаривает его к уплате штрафа в размере трехсот ливров и приказывает, "чтобы четыре грушевых дерева, вырубленных в так называемом картезианском саду, были доставлены на следующий день, в среду, к дверям упомянутого сьера де Бомона и оставались там четыре дня подряд под охраной, днем и ночью, двух стрелков, за счет упомянутого сьера де Бомона; и на упомянутых деревьях". должна быть помещена следующая надпись, а именно: Луи де Бомон, разрушитель национального достояния. И вынесенное настоящим решением должно быть отпечатано тиражом в тысячу экземпляров, прочитано, опубликовано и разослано за счет упомянутого сьера де Бомона и должным образом разослано по всему департаменту Лот, в его округа и муниципалитеты, а также во все общества друзей Конституции и свободы".

Каждая строка этого юридического оскорбления раскрывает злобную зависть местного регистратора, который мстит себе за то, что раньше кланялся слишком низко. В следующем году

господин де Бомон, официально и с нотариальной санкции купив церковь, которая была продана округом вместе с находящимися в ней украшениями и предметами культа, мэр и муниципальные чиновники, сопровождаемые множеством рабочих, приходят и уносят и уничтожают все — исповедальни, алтари и даже канонизированное тело святого, которое пролежало в земле сто пятьдесят лет: так что после их отъезда "здание напоминало огромный сарай, заполненный руинами и мусором".³³²³ Следует отметить, что в это самое время господин де Бомон является военным комендантом Перигора. Обращение, которому он подвергается, показывает, что уготовано обычным дворянам. Я не рекомендую им посещать официальные распродажи недвижимости.³³²⁴— Будут ли они вообще свободны в своих домашних развлечениях, и, войдя в гостиную, уверены ли они, что спокойно проведут там вечер? Даже в Париже несколько высокопоставленных лиц, среди них послы Дании и Венеции, слушают концерт в особняке в предместье Сент-Оноре, который дает иностранный виртуоз, когда ко двору въезжает повозка, нагруженная пятьюдесятью вязанками сена - месячный запас для лошадей. Патриот, который видит въезжающую телегу, воображает, что король спрятан под сеном и что он пришел туда с целью сговора с аристократами о своем бегстве. Собирается толпа, и прибывает Национальная гвардия вместе с комиссаром, в то время как четыре гренадера стоят на страже вокруг повозки. Комиссар тем временем осматривает отель; он видит пюпитры и приготовления к ужину; возвращается, разгружает тележку и заявляет людям, что не нашел ничего подозрительного. Народ ему не верит и требует повторной проверки. Это делают двадцать четыре делегата; кроме того, снопы сена пересчитаны, и несколько из них развязаны, но все напрасно. Разочарованная и раздраженная, предвкушающая зрелище толпа настаивает на том, чтобы все приглашенные гости, мужчины и женщины, покинули дом пешком и сели в свои экипажи только в конце улицы. "Сначала идет вереница пустых экипажей"; затем "все гости в вечерних нарядах и дамы в парадных платьях, дрожащие от страха, с опущенными глазами, между двумя рядами мужчин, женщин и детей, которые пристально смотрят им в лицо и осыпают оскорблениями".³³²⁵

Подозреваемый в проведении тайных собраний и привлеченный к ответственности в собственном доме, имеет ли дворянин, по крайней мере, право посещать публичный салун, обедать в ресторане и подышать свежим воздухом на балконе? Виконт де Мирабо, который только что пообедал в Пале—Рояль, стоит у окна подышать свежим воздухом, и его узнают; собирается толпа, и вскоре раздается крик: "Долой Мирабо-Тонно (бочонок-Мирабо)!"³³²⁶ "Со всех сторон в него летят гравием, а иногда и камнями. Одно из оконных стекол разбито камнем. Немедленно взяв камень, он показывает его толпе и в то же время спокойно кладет его на подоконник окна в знак умеренности". Раздается громкий крик; друзья заставляют его уйти в дом, и мэр Байи лично приезжает, чтобы утихомирить агрессоров. В данном случае для их ненависти есть веские причины. Джентльмен, в которого они бросают камни, - бонвиван, крупный и толстый, любящий сытные эпикурейские ужины; и по этой причине чернь воображает его чудовищем и, что еще хуже, людоедом. Что касается этих дворян, чье величайшее несчастье - быть излишне лощеными и слишком светскими, то перевозбужденное воображение оживляет свои старые детские сказки. —Мсье де Монлозье, живущий на улице Ришелье, обнаруживает, что за ним следят по пути в Национальное собрание. Особенно одна женщина в возрасте от тридцати до тридцати двух лет, продававшая мясо в ларьке в пассаже Сен-Гийом, "отнеслась к нему с особым вниманием. Как только она увидела, что он приближается, она взяла длинный, широкий нож, который точила перед ним, бросая на него яростные взгляды. " Он спрашивает свою экономку, что это значит. Двое детей из этого

квартала исчезли, их унесли цыгане, и ходят слухи, что господин де Монлозье, маркиз де Мирабо и другие депутаты "правых" собираются вместе, "чтобы устраивать оргии, во время которых они поедают маленьких детей".

При таком состоянии общественного мнения нет ни одного преступления, которое не было бы им вменено, ни одного оскорбления, которое не было бы нанесено им добровольно. "Предатели, тираны, заговорщики, убийцы" - таков нынешний словарный запас клубов и газет по отношению к ним. "Аристократ" означает все это, и тот, кто осмеливается опровергнуть клевету, сам является аристократом. В Пале—Рояле постоянно повторяют, что месье де Кастри во время своей последней дуэли воспользовался отравленной шпагой, и офицер военно-морского флота, который протестует против этого ложного сообщения, сам обвиняется, предстает перед судом на месте и приговаривается "быть запертым на гауптвахте или брошенным в фонтан".³³²⁷— Дворяне должны остерегаться защищать свою честь обычным способом и отвечать на оскорбление вызовом! В Кастельно, близ Каора,³³²⁸ одного из тех, кто годом ранее выступил против поджигателей, г-на де Беллюда, рыцаря Людовика Святого, когда он спускался по площади со своим братом, гвардейцем, приветствовали криками "Аристократ! к фонарному столбу!" Его брат в утреннем халате и тапочках, и, не желая попадать в неприятности, они не отвечают. Отряд Национальной гвардии, проходящий мимо, повторяет этот крик, но они по-прежнему хранят молчание. Крик продолжается, и месье де Беллюд по прошествии некоторого времени умоляет капитана приказать своим людям замолчать. Он отказывается, и г-н де Беллюд требует удовлетворения за пределами города. При этих словах национальные гвардейцы бросаются на г-на де Беллюда с примкнутыми штыками. Его брат получает удар саблей по шее, в то время как он, защищаясь мечом, слегка ранит капитана и одного из матросов. Два брата, одни против всего корпуса, продолжают сражаться, отступая к своему дому, в котором они блокированы. Ближе к семи часам вечера на подкрепление осаждающим прибывают двести или триста национальных гвардейцев из Каора. Дом взят, и гвардеец, убегая через поля, вывихивает лодыжку и попадает в плен. Господин де Беллюд, который пробрался в другой дом, продолжает там защищаться: дом подожжен и сгорел вместе с двумя другими рядом с ним. Укрывшись в подвале, он все еще продолжает стрелять. В вентиляционные отверстия забрасываются пучки горящей соломы. Почти задохнувшись, он выскакивает, убивает первого нападавшего выстрелом из одного пистолета, а себя - из другого. Ему отрубают голову вместе с головой его слуги. Гвардейца заставляют поцеловать обе головы, и, когда он требует стакан воды, они наполняют его рот кровью, которая капает из отрубленной головы его брата. Затем победоносная банда отправилась в Каор, причем две головы были насажены на штыки, а гвардеец запряжен в повозку. Она останавливается перед домом, в котором собирается литературный кружок, подозреваемый якобинским клубом. Раненого заставляют спуститься с повозки и вешают: его тело пронзают пулями, и все, что есть в доме, разбивается вдребезги, "мебель выбрасывается из окон, а дом сносится". — Каждая народная казнь носит такой характер, одновременно быстрый и заверченный, подобный казни восточного монарха, который мгновенно, без расследования или суда, мстит за свое оскорбленное величество и за каждый проступок не знает иного наказания, кроме смерти. В Тюле месье де Масси,³³²⁹ лейтенант "Королевского Наваррского полка", ударив оскорбившего его человека, схвачен в доме, в котором он укрылся, и, несмотря на три административных органа, немедленно убит. В Бресте на стенах военной кофейни были нарисованы углем две контрреволюционные карикатуры, возбужденная толпа возлагает вину за это на офицеров; один из них, мсье Патри, берет это на себя и, находясь на грани того, чтобы быть разорванным на куски, пытается

покончить с собой. Он обезоружен, но, когда муниципальные власти приходят к нему на помощь, они находят его "уже мертвым от бесконечного количества ран", а его голова насажена на конец пики.[3330](#)—

VI.—Поведение должностных лиц.

Их самопожертвование.—Настрой солдат. —Военные вспышки.—Распространение и усиление неповиновения.—Отставка офицеров.

Гораздо лучше было бы жить при восточном короле, ибо его можно встретить не везде и не всегда в ярости и безумии, как простых людей. Нигде дворяне не находятся в безопасности, ни в общественной, ни в частной жизни, ни в деревне, ни в городах, ни связанные вместе, ни по отдельности. Народная враждебность нависает над ними, как темная и угрожающая туча, от одного конца территории до другого, и буря обрушивается на них непрерывным штормом досады, оскорблений, клеветы, грабежей и актов насилия; то тут, то там, и почти ежедневно кровавые молнии бессистемно падают на самые безобидные головы, на спящего старика, на прогуливающегося рыцаря Людовика Святого, на семью, молящуюся в церкви. Но в этой аристократии, кое-где подавленной и атакованной повсюду, молния находит одну predetermined group, которая привлекает ее и на которую она постоянно обрушивается, и это офицерский корпус.

VI.—Поведение должностных лиц.

Их самопожертвование.—Настрой солдат. —Военные вспышки.—Распространение и усиление неповиновения.—Отставка офицеров.

За исключением нескольких щеголей, завсегдаев гостиных и придворных фаворитов, достигших высокого положения благодаря интригам в приемной, именно в этой группе, особенно среднего звена, было тогда обнаружено истинное моральное благородство. Нигде во Франции не было столько испытанных, существенных достижений. Гениальный человек, общавшийся с ними в юности, оказал им такое почтение: многие из них - люди, обладающие

"самыми приятными характерами и умами высшего порядка".³³³¹ Действительно, для большинства из них военная служба была не честолюбивой карьерой, а обязанностью по рождению. В каждой знатной семье было правилом, чтобы старший сын служил в армии, и продвижение по службе не имело большого значения. Он выполнил долг своего звания; этого ему было достаточно, и после двадцати или тридцати лет службы орден Святого Людовика, а иногда и скудная пенсия - вот все, на что он имел право рассчитывать. Среди девяти или десяти тысяч офицеров, подавляющее большинство которых происходит из низшего и беднейшего класса провинциальной знати, телохранители, лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники и даже полковники, не имеют никаких других притязаний. Удовлетворенные благосклонностью³³³², ограниченной их низестоящим званием, они оставляют высшие звания на службе наследникам знатных семейств, придворным или парвеню в Версале, а сами довольствуются тем, что остаются стражами общественного порядка и храбрыми защитниками государства. При этой системе, когда сердце не развращено, оно становится возвышенным; служить безвозмездно считается делом чести; речь идет только об общественном благе, и тем более потому, что в данный момент это поглощающая тема всех умов и всей литературы. Нигде практическая философия, заключающаяся в духе отречения, не проникла так глубоко, как среди этой непризнанной знати. Под лощеной, блестящей, а иногда и легкомысленной внешностью у них серьезная душа; старое чувство чести превращается в чувство патриотизма. Призванные исполнять законы, с силой в руках поддерживать мир с помощью страха, они чувствуют важность своей миссии и в течение двух лет выполняют свои обязанности с необычайной умеренностью, мягкостью и терпением, не только рискуя своей жизнью, но и среди больших и умножающихся унижений, жертвуя своим авторитетом и самоуважением, подчиняя свою разумную волю диктату и неспособности навязанных им хозяев. Для благородного офицера отвечать на требования импровизированного буржуазного муниципального органа,³³³³ подчинять свою компетентность, мужество и осмотрительность промахам и тревогам пяти или шести неопытных, напуганных и робких адвокатов, ставить свою энергию и отвагу на службу их самонадеянности, слабости и нерешительности, даже когда их приказы или отказ от приказов явно абсурдны или вредны, даже когда они противоречат предыдущим инструкциям его генерала или его министра, даже когда они заканчиваются разграблением целого города. рынок, поджог замка, убийство невинного человека, даже когда на него возлагают обязанность свидетельствовать о преступлении с вложенным в ножны мечом и скрещенными руками,³³³⁴ — это трудная задача. Благородному офицеру тяжело видеть независимые, народные и буржуазные войска, организованные перед лицом его собственных войск, соперничающих и даже враждебных, в любом случае в десять раз более многочисленных и не менее требовательных, чем чувствительных, — трудно ожидать от них почтения и любезности, уступки им постов, арсеналов и цитаделей, обращения со своими начальниками как с равными, какими бы невежественными или недостойными они ни были — здесь юристом, там капуцином, в другом месте пивоваром или сапожником, чаще всего каким-нибудь демагогом, а во многих случаях и с другими людьми. город или деревня, какой-нибудь дезертир или солдат, изгнанный из своего полка за плохое поведение, возможно, один из приближенных дворянина, негодяй, которого он ранее уволил желтым патроном, сказав ему, чтобы он шел и был повешен в другом месте. Благородному офицеру тяжело быть публично и ежедневно оклеветанным из—за его ранга, быть охарактеризованным как предатель в клубе и газетах, быть названным по имени объектом народного подозрения и ярости, быть освиственным на улицах и в театре, подчиниться неповиновению своих людей, быть осужденным, оскорбленным, арестованным, ограбленным, преследуемым и зарезанным ими и населением,

видеть перед собой жестокую, позорную и неотмщенную смерть — смерть М. де Лоне, убитый в Париже, — г—на де Бельзюна, убитого в Кане, —г-на де Боссе, убитого в Марселе, -г-на де Вуазена, убитого в Валенсе, - г-на де Рюлли, убитого в Бастии, или г-на де Роштайера, убитого в Порт-о-Пренсе.³³³⁵ Все это терпят офицеры из числа дворян. Ни один муниципалитет, даже якобинский, не может найти предлога, который оправдал бы обвинение в неподчинении приказам. Благодаря такту и почтительности они избегают любых конфликтов с Национальной гвардией. Они никогда не поддаются на провокацию и, даже когда их оскорбляют, редко защищаются. Их самые серьезные недостатки заключаются в неосторожных разговорах, живых выражениях и остротах. Подобно хорошим сторожевым собакам среди испуганного стада, которое топчет их ногами или протыкает рогами, они позволяют пронзать себя и топтать, не кусая, и оставались бы на своем посту до конца, если бы их не прогнали с него.

Все напрасно: вдвойне подозрительные как представители запрещенного класса и как главы армии, именно против них общественное недоверие вызывает наиболее частые взрывы, и тем более что инструмент, с которым они обращаются, исключительно взрывоопасен. Набранная добровольцами "среди страстных, буйных и несколько развращенных людей", армия состоит из "всех самых вспыльчивых, самых буйных и самых развращенных в стране".³³³⁶ Добавьте к этому обыски в богадельнях, и вы обнаружите немало мерзавцев в военной форме! Если учесть, что жалованье маленькое, еда плохая, дисциплина суровая, продвижения по службе нет, а дезертирство повсеместное, нас больше не удивляет всеобщий беспорядок: для таких людей вседозволенность - слишком сильное искушение. Благодаря вину, женщинам и деньгам они с самого начала превратились в перебежчиков, и из Парижа зараза распространилась по провинциям. В Бретани,³³³⁷ гренадеры и егеря Иль-де-Франса "продают свои мундиры, ружья и обувь, требуя авансы, чтобы съесть это в таверне"; пятьдесят шесть солдат Пентьевра "хотели убить своих офицеров", и предполагается, что, предоставленные самим себе, они вскоре из-за отсутствия жалованья "отправятся на большие дороги грабить и убивать". В Эуре и Луаре драгуны,³³³⁸ человек с саблей и пистолетами в руках, посещают дома фермеров и забирают хлеб и деньги, в то время как пехотинцы "Королевского графства" и драгуны "полковника-генерала" дезертируют группами, чтобы отправиться в Париж, где их ждут развлечения. Главное с ними - "весело провести время". Фактически, масштабные военные восстания самого раннего времени - в Париже, Версале, Безансоне и Страсбурге - начинались или заканчивались кутежами.—Из этих глубин грубых желаний возникли естественные или законные амбиции. Некоторое количество солдат за последние двадцать лет научились читать и считают себя достойными быть офицерами. Более того, четверть завербованных - молодые люди, родившиеся в хороших условиях и по прихоти заброшенные в армию. Они задыхаются в этом узком, низком, темном, замкнутом проходе, где привилегированные по рождению закрывают проблему, и они будут маршировать через своих вождей, чтобы добиться продвижения. Это недовольные, спорщики, ораторы из столовой, и между этими казарменными политиками и политиками улицы сразу же образуется союз. - Начиная с одной и той же точки, они идут к одной и той же цели, и воображение, которое потрудились очернить правительство в умах людей, очерняет офицеров в умах солдат.

Казна пуста, и есть задолженность по жалованью. Города, обремененные долгами, больше не поставляют свои нормы припасов; и в Орлеане, ввиду бедственного положения муниципалитета, швейцарцы из Шатовье были вынуждены наложить на себя ограничение в размере одного су в день на человека, чтобы иметь дрова зимой.³³³⁹ Зерна не хватает, мука портится, а армейский хлеб, который был плохим, стал еще хуже. Администрация, изъеденная

старыми злоупотреблениями, обезумела из-за нового беспорядка, солдаты страдают как от его распада, так и от своей расточительности.—Они считают себя ограбленными и жалуются, поначалу сдержанно; и их вполне обоснованные претензии оправдываются. Вскоре они требуют отчета, и он составляется для них. В Страсбурге, когда они были проверены Келлерманом и комиссаром Национального собрания, было доказано, что с ними не было обижено ни единого су; тем не менее им назначено вознаграждение в шесть франков с человека, и они кричат, что они довольны и им больше нечего просить. Через несколько месяцев после этого возникают новые жалобы, и проводится новая проверка: прапорщика, обвиняемого в растрате, которого они хотели повесить, судят в их присутствии; его бухгалтерия аккуратна; никто из них не может выдвинуть против него доказанное обвинение, и, опять же, они хранят молчание. В других случаях, послушав чтение регистров в течение нескольких часов, они зевают, перестают слушать и выходят на улицу, чтобы чего-нибудь выпить.—Но цифры их требований, как они были суммированы их калькуляторами в столовой, остаются внедренными в их мозги; они пустили там корни и постоянно возникают, и никакой отчет или опровержение не в состоянии искоренить их. Больше никаких писаний или речей — чего они хотят, так это денег: 11 000 ливров для полка Бон, 39 500 ливров для полка Фореза, 44 000 ливров для полка Сальма, 200 000 ливров для полка Шатовье и аналогично для остальных. Тем хуже для офицеров, если сундука с деньгами им не хватит; пусть они оценивают друг друга или берут займы под расписку в муниципалитете или у городских богачей.—Для большей безопасности в разных местах солдаты завладевают военным сундуком и устанавливают вокруг него охрану: он принадлежит им, поскольку они формируют полк, и, в любом случае, лучше, чтобы он был в их руках, чем в руках подозреваемых. Уже 4 июня 1790 года военный министр объявляет Собранию, что "военный корпус угрожает впасть в совершенное состояние анархии". В его отчете показаны "самые невероятные претензии, выдвинутые самым простым способом - приказы, не имеющие силы, вожди, лишённые авторитета, унесенные военные доспехи и знамена, приказы самого короля, которым открыто пренебрегают, офицеров осуждают, оскорбляют, им угрожают, их изгоняют; некоторые из них даже взяты в плен среди своих собственных войск, ведут опасную жизнь среди отвращения и унижений, и, как кульминация ужаса, командирам перерезают горло на глазах и чуть ли не на руках у их собственных солдат".

После июльской Федерации ситуация стала намного хуже. Развлекаемые, польщенные и воспитанные в клубах, их делегаты, низшие офицеры и рядовые, возвращаются в якобинский полк; и с этого момента они ведут переписку с якобинцами Парижа, "получая их инструкции и отчитываясь перед ними",³³⁴⁰— Три недели спустя военный министр уведомляет Национальное собрание, что вольности в армии не ограничены. "Курьеры, доставляющие свежие жалобы, прибывают постоянно". В одном месте "требуется отчет о фонде, и предлагается разделить его". В другом месте гарнизон под бой барабанов покидает город, смещает своих офицеров и возвращается с мечом в руке. Каждым полком управляет комитет солдат. "Именно в этом комитете дважды устраивалось задержание подполковника Пуату; именно здесь "Руаяль-Шампань" задумала восстание", в ходе которого она отказалась признать присланного к ней младшего лейтенанта. "Каждый день кабинет министра заполняется солдатами, которых направляют к нему в качестве представителей, и которые с гордостью приходят и излагают ему волю своих избирателей". Наконец, в Страсбурге семь полков, каждый из которых был представлен тремя делегатами, созвали военный съезд. В том же месяце вспыхивает ужасное восстание в Нанси — восстали три полка, население с ними, арсенал разграблен, три часа яростных боев на улицах, повстанцы стреляют из окон домов и из

подвалов, пятьсот убитых среди победителей и три тысячи среди побежденных. В следующем месяце и в течение шести недель, [3341](#) происходит другое восстание, менее кровавое, но более масштабное, лучше организованное и более упорное, восстание всей эскадры в Бресте, мятеж двадцати тысяч человек, сначала против своего адмирала и своих офицеров, затем против нового уголовного кодекса и против самого Национального собрания. Последняя, после тщетных увещаний, обязана не только не принимать строгих мер, но и снова пересмотреть свои законы. [3342](#)

С этого времени я не могу перечислить постоянные вспышки на флоте и в армии.—С разрешения министра солдат отправляется в клуб, где ему неоднократно говорят, что его офицеры, будучи аристократами, являются предателями. В Дюнкерке его дополнительно учат, как от них избавиться. Шум, доносы, оскорбления, мушкетные выстрелы — это естественные средства, и они применяются на практике; но есть другое, недавно открытое, с помощью которого энергичного офицера, которого они боятся, можно прогнать. Находится какой-нибудь патриотически настроенный хулиган, который приходит и оскорбляет его. Если офицер сражается и не погибает, муниципальные власти привлекают его к ответственности, а начальники отправляют его в отставку вместе с его секундантами, "чтобы не нарушать гармонию между солдатом и гражданином". Если он откажется от предложенной дуэли, презрение его людей вынудит его уволиться из полка. В любом случае его убирают с дороги. [3343](#)— У них нет никаких угрызений совести по отношению к нему. Присутствующий или отсутствующий, благородный офицер, несомненно, состоит в заговоре со своими товарищами-эмигрантами; и на этом строится история. Раньше, чтобы доказать, что мешки с мукой бросали в реку, солдаты утверждали, что эти мешки были перевязаны синими шнурами (*cordons bleus*). Теперь, чтобы подтвердить предположение о том, что офицер состоит в заговоре с Кобленцем, достаточно указать, что он ездит на белом коне; некий капитан в Страсбурге едва избежал того, чтобы его разрубили на куски за это преступление; "дьявол не мог выбить у них из головы, что он действовал как шпион и что маленькая серая гончая, "которая сопровождает его в поездках", используется для подачи сигналов. Год спустя, когда Национальное собрание завершает свою работу, г-н де Ламет, г-н Фрето и г-н Алькье заявляют перед ним, что Люкнер, Рошамбо и наиболее популярные генералы "больше ни за что не несут ответственности". Овернский полк прогнал своих офицеров и образует отдельное общество, которое никому не подчиняется. Второй батальон Бона собирается поджечь Аррас. Практически необходимо осадить Фальсбург, гарнизон которого взбунтовался. Здесь "неподчинение приказам генерала является формальным". Там "есть солдаты, которых приходится убеждать стоять на страже; которых они не осмеливаются посадить в карцер из соображений дисциплины; которые угрожают стрелять в своих офицеров; которые сбиваются с дороги, все грабят и целятся в капрала, который пытается вернуть их обратно". В Блуа часть полка "только что прибыла без одежды и оружия, солдаты продали все по дороге, чтобы обеспечить свой разврат". Один из них, делегированный своими товарищами, предлагает якобинцам в Париже "деаристократизировать" армию, уволив всех дворян. Другой заявляет под аплодисменты клуба, что "видя, как построены частоколы Живе, он собирается донести на военного министра в трибунале шестого округа Парижа".

Очевидно, что для благородных офицеров ситуация больше не выдерживает критики. После терпеливого ожидания в течение двадцати трех месяцев многие из них ушли из чувства совести, когда Национальное собрание, навязав им третью присягу, вычеркнуло из формулы имя короля, их прирожденного генерала. [3344](#)— Другие уходят в конце Учредительного собрания, "потому что они рискуют быть повешенными". Большое число людей уходит в отставку в конце 1791 года

и в течение первых месяцев 1792 года по мере того, как новый кодекс и новая система набора в армию дают свои результаты.³³⁴⁵ Фактически, с одной стороны, благодаря солдатам и младшим офицерам, имеющим право голоса при выборах своих начальников и место в военных судах, "больше нет и тени дисциплины; приговоры выносятся из чистого каприза; солдат приобретает привычку презирать своих начальников, наказаний которых он не боится и от которых не ожидает награды; офицеры перестают уважать своих начальников". парализованы до такой степени, что становятся совершенно лишними персонажами". С другой стороны, большинство национальных добровольцев состоят из "людей, купленных коммунами" и административными органами, никчемных персонажей на углах улиц, деревенских бродяг, вынужденных маршировать по жребию или подкупу",³³⁴⁶ и вместе с ними энтузиастов и фанатиков до такой степени, что с марта 1792 года, от места их вербовки до границы, их путь повсюду отмечен грабежом, разорением и убийствами. Естественно, в дороге и на границе они осуждают, изгоняют, сажают в тюрьму или убивают своих офицеров, и особенно дворян. 3/4 И все же, несмотря на эту крайность, многие благородные офицеры, особенно в артиллерии и инженерном корпусе, упорно остаются на своих постах, некоторые из-за либеральных идей, а другие из уважения к полученным инструкциям; даже после 10 августа, даже после 2 сентября, даже после 21 января, подобно их генералам Бирону, Кюстину, де Флеру, де Бройлю и де Монтескью, с постоянной перспективой гильотины, которая ожидает их после ухода с поля боя, и даже в министерских кабинетах Карно.

VII.—Эмиграция и ее причины.

Первые законы против эмигрантов.

Соответственно, необходимо, чтобы офицеры и дворяне уехали, уехали за границу; и не только они, но и их семьи. "Джентльмены, у которых едва ли есть шестьсот ливров дохода, отправляются в путь пешком",³³⁴⁷ и нет никаких сомнений относительно мотивов их отъезда. "Тот, кто беспристрастно рассмотрит единственные и истинные причины эмиграции, - говорит честный человек, - найдет их в анархии. Если бы свобода личности не подвергалась ежедневной угрозе, если бы " как в гражданском, так и в военном порядке вещей" бессмысленная догма, проповедуемая фракциями, что преступления, совершенные толпой, являются судом небес, не претворялась в жизнь, Франция сохранила бы три четверти своих беглецов. Подвергаясь в течение двух лет позорным опасностям, всевозможному насилию, бесчисленным преследованиям, оружию убийц, головням поджигателей, самым позорным обвинениям, "разоблачению" их коррумпированной прислуги, посещениям по месту жительства, "вызванным самыми обычными уличными слухами", произвольному тюремному заключению Следственной комиссией, "лишенные гражданских прав, изгнанные с собраний первичной организации", они привлекаются к ответственности за свой ропот и наказываются за

чувствительность, которая тронула бы сердце страдающего преступника. "— " Нигде не видно сопротивления; от трона принца до дома священника, буря повергла всех недовольных ниц в знак покорности". Брошенные "на растерзание неугомонной ярости дубинок, доносчикам, запуганным чиновникам, они находят палачей со всех сторон там, где благоразумие и безопасность государства предписывают им даже не видеть врагов. ... Тот, кто возненавидел чудовищность фанатизма и общественной жестокости, тот, кто проявил сострадание к жертвам, скопившимся под обломками стольких законных прав и отвратительных злоупотреблений, тот, кто, наконец, осмелился выразить сомнение или жалобу, был объявлен врагом нации. После такого представления недовольных как множества заговорщиков каждое преступление, совершенное против них, было узаконено в общественном мнении.³³⁴⁸ Общественное сознание, сформированное фракциями и той бандой политических корсаров, которые были бы позором варварской нации, рассматривало нападения на собственность и города просто как национальное правосудие, в то время как не раз известие об убийстве невинного человека или о приговоре, который угрожал ему смертью, приветствовалось криками радости. Соответственно были установлены две системы естественного права, два порядка правосудия, два стандарта морали. согласно одному из них, было допустимо совершать по отношению к своему ближнему, известному аристократу, то, что было бы преступлением, если бы он был патриотом. ... Можно ли было предвидеть, что по прошествии двух лет Франция, изобилующая законами, магистратами, судами, гражданской гвардией, связанными торжественными клятвами в защите порядка и общественной безопасности, все еще и постоянно будет арендой, на которой дикие звери будут пожирать безоружных людей " — Для всех, даже для стариков, вдов и детей, вырваться из их лап является преступлением. Не делая различия между теми, кто спасается бегством, чтобы не стать добычей, и теми, кто вооружается для нападения на границу, Учредительное и Законодательное собрания одинаково осуждают всех отсутствующих. Учредительное собрание³³⁴⁹ утроило их реальные и личные налоги и постановило, что должно быть тройное удержание их арендной платы и сборов. Законодательное собрание накладывает арест, конфискует и выставляет на рынок их имущество, реальное и личное, на сумму почти в полторы тысячи миллионов долларов наличными. Пусть они вернутся и подставят себя под ножи народа; в противном случае все они и их потомство станут нищими. При этом ударе возмущение переполняет, и либеральный буржуа и иностранец Малле дю Пан восклицает:³³⁵⁰ "Что! двадцать тысяч семей, абсолютно ничего не знающих о планах Кобленца и о его собраниях, двадцать тысяч семей, рассеянных по земле Европы яростью дубинок, преступлениями разбойников, постоянным отсутствием безопасности, тупой и трусливой инертностью окаменевших властей, разграблением поместий, наглостью когорты тиранов без хлеба и одежды, убийствами и поджогами, низменным раболепием молчаливых министров, целой серией революционных бедствий, — что "эти двадцать тысяч безутешных семей, женщин и стариков, рассеянных по всей Европе"? , должны видеть, как их наследство становится добычей национального грабежа! Что?! Мадам Гильен, которая была вынуждена в ужасе бежать из страны, где чудовища сожгли ее жилище, убили и съели ее мужа, и которые безнаказанно живут рядом с ее домом, — увидит ли мадам Гильен, как ее состояние конфискуют в пользу сообществ, которым она обязана своими ужасными несчастьями! Неужели господин де Кларак, под страхом такого же наказания, отправится восстанавливать руины своего замка, где армия негодяев не смогла его задушить?" — Тем хуже для них, если они не осмелятся вернуться! Они подлежат гражданской смерти, вечному изгнанию, и, в случае нарушения запрета, они будут преданы гильотине. В том же положении находятся и другие, которые с еще большей невинностью покинули территорию, - магистраты,

обычные богачи, горожане или крестьяне, католики, и особенно целый класс, невинное духовенство, от кардинала-архиепископа до простого деревенского vikария, все преследуемые, затем ограбленные, затем раздавленные одним и тем же народным гнетом и одним и тем же законодательным притеснением, каждое из этих двух преследований возбуждает и усугубляет другое до такой степени, что, наконец, население и закон, будучи сообщниками друг друга, больше не оставляют ни крова, ни куска земли. ни хлеба, ни часа безопасности джентльмену или священнику.³³⁵¹

VIII. Отношение священников, не являющихся юристами.

Как им начинают не доверять.— Незаконные аресты со стороны местных администраций.— Насилие или пособничество Национальной гвардии.— Возмущения населения.— Исполнительная власть на юге.— Шестая жакерия.— Две ее причины.— Отдельные вспышки на севере, востоке и западе, —Общее извержение на юге и в центре.

Правящая страсть преодолевает все препятствия, даже те, которые она сама расставила на своем пути. Посредством обширной узурпации меньшинство неверующих, безразличных или тепловатых, стремилось навязать свои церковные формы католическому большинству, и ситуация, тем самым созданная для католического священника, такова, что, если он не станет раскольников, он не может не выглядеть врагом. Напрасно он повиновался! Он позволил отобрать у него собственность, он покинул свой приходской дом, он передал ключи от церкви своему преемнику, он держался в стороне; он не нарушил, ни бездействием, ни совершением, ни одной статьи какого-либо указа. Напрасно он пользуется своим законным правом воздержаться от принесения клятвы, противной его совести. Уже одно это заставляет его казаться отказывающимся от гражданской присяги, в которую включена церковная присяга, отвергающим конституцию, которую он принимает полностью, за вычетом паразитической главы, вступающим в заговор против нового социального и политического порядка вещей, который он часто одобряет; и которому он почти всегда подчиняется.³³⁵² Напрасно он ограничивает себя своей особой и признанной областью - духовным направлением вещей. Только благодаря этому он противостоит новым законодателям, которые претендуют на духовное руководство, ибо, будучи православным, он должен верить, что священник, которого они избирают, отлучен от церкви, что его таинства тщетны; и в своей должности пастора он должен препятствовать тому, чтобы его овцы ходили пить к нечистому источнику. Тщетно мог бы он проповедовать им умеренность и уважение. Из-за самого факта совершения раскола его последствия проявляются сами собой, и крестьяне не всегда будут такими терпеливыми, как их пастор. Они знают его двадцать лет; он крестил их и венчал; они верят, что его месса - единственная настоящая; они недовольны тем, что вынуждены посещать ее еще в двух-трех лье отсюда и оставлять церковь, их церковь, которую построили их предки и где от отца к сыну они

молились веками, в руках незнакомца, незваного гостя и еретика, который совершает богослужение перед почти пустыми скамьями и которого установили жандармы с ружьями в руках. Несомненно, когда он проходит по улице, на него будут косо смотреть: неудивительно, что женщины и дети вскоре начинают улюлюкать в его сторону, что по ночам в его окна бросают камни, что в сильно католических департаментах Верхний и Нижний Рейн, Ду и Юра, Лозер, Де-Севр и Вандея, Финистер, Морбиан и Кот-дю-Нор его встречают всеобщим дезертирством, а затем изгоняют из-за общественного недовольства. Неудивительно, что его месса прервана и что его персона находится под угрозой;³³⁵³ это недовольство, которое до сих пор охватывало только высший класс, распространяется и на народные слои; что от одного конца Франции до другого преобладает угрюмая враждебность к новым институтам; ибо теперь политическая и социальная конституция соединена с церковной конституцией, как здание со своим шпилем, и через эту острую вершину можно встретить бурю даже в темнеющих небесных тучах. Все зло проистекает из этого неумелого, безвозмездного, принудительного слияния и, следовательно, от тех, кто его осуществил.

Но победившая сторона никогда не признает, что совершила ошибку. В его глазах виновны только невинные священники; он возмущен их мятежной совестью; и, чтобы подавить восстание даже в недоступном святилище личных убеждений, нет такого законного или жестокого акта насилия, который он не позволил бы себе совершить.

Смотрите, соответственно, открылся новый вид спорта; и дичи здесь безмерно много. Ибо в нее входят не только люди в черных или серых рясах, более сорока тысяч священников, более тридцати тысяч монахинь и несколько тысяч монахов, но и преданные православные, то есть женщины низшего или среднего класса, и, не считая провинциальной знати, большинство серьезной, уравновешенной буржуазии, большинство крестьянства - почти все население нескольких провинций, востока, запада и юга. Им, как недавно идворянам, даровано название "фанатик", что эквивалентно слову "аристократ", поскольку им обозначаются враги общества, также находящиеся вне рамок закона.

Не имеет большого значения, благоволит ли им закон, поскольку он толкуется против них, произвольно толкуется и открыто нарушается пристрастными или запуганными административными органами, которые Конституция вывела из-под контроля центральной власти и подчинила власти народных собраний. С первых месяцев 1791 года начинается травля; муниципалитеты, округа и департаменты сами часто берут на себя инициативу в избиении дичи. Шесть месяцев спустя Законодательное собрание своим декретом от 29 ноября³³⁵⁴ года объявляет счет, и, несмотря на королевское вето, гончие со всех сторон бросаются вперед. В течение апреля 1792 года сорок два департамента принимают против невинных священников "акты, которые не предписаны и не санкционированы Конституцией", и до конца работы Законодательного собрания за ними последуют сорок три других. —В результате этой серии незаконных действий, без правонарушений, без суда и следствия, лица, не являющиеся присяжными заседателями, повсюду во Франции изгоняются из своих приходов, переводятся в главный город департамента или округа, в некоторых местах заключаются в тюрьму, ставятся наравне с эмигрантами и лишаются их собственности, реальной и личной.³³⁵⁵ Им больше ничего не грозит, кроме общего указа о депортации, который должен выйти, как только Ассамблея сможет избавиться от короля.

Тем временем Национальные гвардейцы, которые навязывают законы, пытаются ужесточить их применение; и в их враждебности нет ничего странного. Торговля остановлена, промышленность чахнет, ремесленники и лавочники страдают, и, чтобы объяснить всеобщее недовольство, это приписывают неподчинению священника. Если бы не его упрямство, все было бы хорошо, поскольку Конституция совершенна, и он единственный, кто ее не принимает. Но, не принимая ее, он нападает на нее. Следовательно, он - последнее препятствие на пути к общественному счастью; он - козел отпущения, давайте прогоним это несносное существо прочь! И городское ополчение, иногда по собственной инициативе, иногда подстрекаемое муниципальным органом, своим сообщником; замечено, как оно нарушает общественное богослужение, разгоняет конгрегации, хватает священников за шиворот, выталкивает их за плечи из города и угрожает им повешением, если они посмеют вернуться. В Дуэ, [3356](#) с оружием в руках, они заставляют директорию департамента отдать приказ о закрытии всех ораторий и часовен в больницах и монастырях. В Кане, с заряженными ружьями и с пушкой, они выступили против соседнего прихода Версон, врываются в дома, собирают пятнадцать человек, подозреваемых в ортодоксальности, — каноников, торговцев, ремесленников, рабочих, женщин, девушек, стариков и немощных, — отрезают им волосы, бьют их прикладами мушкетов и ведут обратно в Кан, привязанными к пролому в пушке; и все это потому, что в Версоне все еще служил священник, не принимавший присягу, и многие благочестивые люди из Кана посещали его мессу; следовательно, Версон был убит. является центром контрреволюционных соборщ. Более того, в домах, в которые ворвались, была разбита мебель, бочки разогреты, а белье, деньги и посуда украдены, поскольку к экспедиции присоединился канский сброд.— Здесь, как и везде, ничего не остается, как позволить этому сброду поступать по-своему; и поскольку он действует против собственности, свободы, жизни и чувства приличия опасных личностей, Национальное ополчение старается не вмешиваться в это. Следовательно, православные, как священники, так и верующие, мужчины и женщины, теперь находятся в его власти, и, благодаря попустительству вооруженных сил, которые отказываются вмешиваться, чернь удовлетворяет на запрещенном классе свои обычные инстинкты жестокости, грабежа, распутства и разрушения.

Будь то общественное или частное богослужение, распорядок дня всегда состоит в том, чтобы препятствовать богослужению, в то время как используемые средства достойны тех, кто их осуществляет.—Здесь у невинного священника хватило смелости оказать помощь больному человеку, дом, в который он только что вошел, взят штурмом, а дверь и окна дома, занимаемого другим священником, разбиты.[3357](#) Там разграблены и почти разрушены жилища двух рабочих, которых обвиняют в том, что их младенцев крестил непокорный священник. В другом месте толпа отказывается впустить на кладбище тело старого кюре, умершего без принесения присяги. Далее во время вечерни нападают на церковь, и все разбивается вдребезги: на следующий день наступает очередь соседней церкви, и, кроме того, опустошен монастырь монахинь-урсулинок.В Лионе, в день Пасхи 1791 года, когда люди покидают шестичасовую мессу, отряд, вооруженный кнутах, набрасывается на женщин.[3358](#) Раздетых, в синяках, распростертых ниц, с головами в грязи, их не оставляют до тех пор, пока они не истекут кровью и не станут полумертвыми; одна молодая девушка фактически находится при смерти; и такого рода безобразия происходят так часто, что даже дамы, посещающие православную мессу в Париже, не осмеливаются выйти, не зашив на себе одежду в виде панталон.— Естественно, чтобы максимально использовать предлагаемую им добычу, создаются охотничьи ассоциации. Они существуют в Монпелье, Арле, Юзе, Але, Ниме, Карпантра и в большинстве городов или

бургов Гар, Воклюз и Леро, в большем или меньшем количестве, в зависимости от численности населения города: некоторые насчитывают от десяти до двенадцати, а другие от двухсот до трехсот решительных мужчин любого вида: среди них встречаются "страйкбарды" (tape-dur), бывшие разбойники и беглые каторжники, у которых клеймо все еще на спине. Некоторые из них обязывают своих членов носить медаль как видимый знак признания; все они присваивают себе титул исполнительной власти и заявляют, что действуют по собственному усмотрению и что необходимо "ускорить закон".³³⁵⁹ Их предлогом является защита присягнувших священников; и в течение двадцати месяцев, начиная с апреля 1791 года, они действуют с этой целью тяжелыми дубинками с узловатыми наконечниками, украшенными железными наконечниками", не считая сабель и штыков. Как правило, их экспедиции носят ночной характер. Внезапно в дома "граждан, подозреваемых в недостатке патриотизма", непатриотичных священнослужителей, монахов христианской школы вторгаются; все ломают или крадут, а владельцу приказывают покинуть это место в течение двадцати четырех часов; иногда, несомненно, из-за чрезмерной предосторожности, его забивают до смерти на месте. Помимо этого, группа также работает днем на улицах, избивает женщин плетью, входит в церкви с саблей в руке и изгоняет невинного священника из алтаря. Все это делается при попустительстве и на глазах у парализованных или покладистых властей, своего рода оккультным и комплементарным правительством, которое не только обеспечивает то, чего не хватает в церковном праве, но и обыскивает карманы частных лиц.— В Ниме, под руководством патриотически настроенного учителя танцев, не довольствующегося "постановлениями о проскрипциях, убийствах, бичевании и часто кровопролитии", эти новые поборники Галликанской церкви берутся возродить рвение тех, кто способен внести свой вклад. После того как была предложена подписка на поддержку семей добровольцев, собирающихся уезжать, исполнительная власть берет на себя пересмотр списка пожертвований: она произвольно облагает налогом тех, кто не пожертвовал или кто, по ее мнению, пожертвовал слишком мало: одних "бедных рабочих по пятьдесят ливров, других по двести, триста, девятьсот и тысячу, под страхом разрушения домов и жестокого обращения". В других местах добровольцы из Бо и других коммун близ Тараскона угощаются бесплатно и, "под предлогом того, что они должны выступить на защиту страны, взимают огромные взносы с владельцев", с одного четыре тысячи, а с другого пять тысяч ливров. В случае неуплаты они забирают все зерно с одной фермы, даже резервные семена, угрожая все разрушить и даже сжечь в случае жалобы, чтобы владельцы не посмели сказать ни слова, в то время как генеральный прокурор соседнего департамента, опасаясь за себя, умоляет сохранить его донос в тайне.— Из городских трущоб жакерия распространилась на сельские округа. Это шестой и самый масштабный случай за последние три года.³³⁶⁰

Крестьянина подстегивают две шпоры. С одной стороны, он напуган лязгом оружия и повторяющимися сообщениями о приближающемся вторжении. Клубы и газеты со времени провозглашения Пильницкой декларации и ораторы в Законодательном собрании в течение последних четырех месяцев не давали ему покоя своими трубными звуками, и он погонял своих волов в борозде криками "Вау, Пруссия!" одним, а другим: "Эй, Австрия!" Австрия и Пруссия, иностранные короли и знать в союзе с дворянами-эмигрантами, собираются вернуться с войсками, чтобы восстановить налог на соль, акцизы, феодальные сборы, десятину и вернуть национальную собственность, уже проданную и перепроданную, с помощью дворян, которые не уехали или которые вернулись, и при попустительстве священников, не являющихся юристами, которые объявляют продажу святотатственной и отказываются отпустить грехи

покупателям.-С другой стороны, приближается Страстная неделя, и в течение последнего года сомнения угрызения совести беспокоили покупателей. До 24 марта 1791 года объем продаж национальной собственности составил всего 180 миллионов; но, поскольку Ассамблея продлила срок платежа и в деталях облегчила дальнейшую продажу, соблазн оказывается слишком сильным для крестьян; чулки и зарытые в землю горшки лишаются всех своих сбережений. За семь месяцев крестьянин купил на сумму 1 346 миллионов³³⁶¹ и, наконец, получил в полную собственность клочок земли, о котором он мечтал столько лет, а иногда и неожиданный участок, лес, мельницу или луг. В настоящее время он должен рассчитаться с церковью, и, если денежный расчет откладывается, католический расчет приходит в назначенный день. Согласно незапамятной традиции, он обязан причаститься на Пасху,³³⁶² также его жена, а также его мать; и если он, в исключительных случаях, не считает это важным, то причащаются они. Более того, он требует, чтобы таинства были совершены для его старого больного отца, его новорожденного ребенка и для другого его совершеннолетнего ребенка для конфирмации. Итак, причастие, крещение, исповедь, все таинства, чтобы быть хорошего качества, должны поступать из надежного источника, точно так же, как в случае с мукой и монетами; сейчас в мире слишком много фальшивых денег, и присягнувшие священники ежедневно теряют кредит, подобно ассигнациям. Следовательно, нет другого выхода, кроме как прибегнуть к помощи лица, не являющегося присяжным заседателем, который единственный может дать действительное отпущение грехов. И так случилось, что он не только отказывается от этого, но и, как говорят, враждебно относится ко всему новому порядку вещей. В этой дилемме крестьянин прибегает к своему обычному средству, силе своего оружия; он хватается священника за горло, как некогда своего господина, и добивается оправдания за свои грехи, как некогда за свои феодальные подати. По крайней мере, он стремится принудить не присяжных заседателей к присяге, закрыть их сепаратистские церкви и привести весь кантон к единой вере. — Иногда он также мстит сторонникам не присяжных заседателей, замкам и домам богатых, знати и богачам, собственникам всех классов. Подобным же образом, поскольку после сентябрьской амнистии 1791 года тюрьмы опустели, поскольку половина судов еще не создана,³³⁶³ поскольку полиции нет уже тридцать месяцев, обычные грабители, бандиты и бродяги, которые бродят повсюду без репрессий или надзора, присоединяются к толпе и набивают свои карманы.

Здесь, в Па-де-Кале,³³⁶⁴ триста жителей деревни во главе с барабанщиком взламывают двери картезианского монастыря, крадут все: еду, напитки, белье, мебель и пожитки, в то время как в соседнем приходе другой оркестр действует таким же образом в домах мэра и старого кюре, угрожая "убить и сжечь все" и обещая вернуться в следующее воскресенье. — Там, в Бас-Рине, недалеко от форта Луи, разграблены двадцать домов аристократов. В других местах острова Иль-и-Вилен отряды сельского ополчения, объединившись, переходят из прихода в приход, и их численность увеличивается из-за самой их жестокости, пока они не образуют банды численностью в две тысячи человек. Они закрывают церкви, изгоняют неверующих священников, снимают колокола с колоколен, едят и пьют, что им заблагорассудится, за счет жителей и часто в домах мэра или налогового регистратора предаются удовольствию разбить все вдребезги. Если какой-либо государственный служащий возражает им, они кричат: "На аристократа!" Одного из этих незадачливых советников бьют по спине прикладом мушкета, а двое других нацелили на них ружья; начальники экспедиции находятся в не лучшем положении, и, по их собственному признанию, если они и стоят во главе толпы, то только для того, чтобы убедиться, что их самих не разграбят и не повесят. То же самое зрелище представляет собой

Майенна, Орн, Мозель и Ланды.³³⁶⁵— Это, однако, лишь отдельные вспышки, и очень незначительные; на юге и в центре чума проявляется в виде огромного очага проказы, который простирается от Авиньона до Периге и от Орийяка до Тулузы, внезапно охватывает, почти без каких-либо перерывов, десять департаментов: Воклюз, Ардеш, Гард, Канталь, Коррез, Лот, Дордонь, Жер, Верхний... Гаронна и Эро. Огромные сельские массы приходят в движение в одно и то же время, со всех сторон и по одним и тем же причинам: из-за приближения войны и наступления Пасхи.— В Кантале, на собрании кантона, проводимом в Орийяке для набора в армию,³³⁶⁶ командир деревенской национальной гвардии требует мести "против тех, кто не является патриотами", и распространяется сообщение, что из Парижа поступил приказ разрушить замки. Более того, повстанцы утверждают, что священники своим отказом принести присягу втягивают нацию в гражданскую войну: "мы устали от отсутствия мира из-за них; пусть они станут добропорядочными гражданами, чтобы каждый мог ходить на мессу". В силу этого повстанцы проникают в дома, требуют выкупа у жителей, не только у священников и бывших дворян, "но и у тех, кого подозревают в том, что они являются их сторонниками, у тех, кто не посещает мессу конституционного священника", и даже у бедняков, ремесленников и землепашцев, с которых они берут пять, десять, двадцать и сорок франков налога и чьи погребки и хлебницы они опустошают. Восемнадцать замков разграблены, сожжены или разрушены, в том числе замки нескольких джентльменов и леди, которые не покинули страну. Один из них, мсье д'Юмьер, восьмидесятилетний офицер; мадам де Пейроненк спасает своего сына, только переодев его крестьянином; мадам де Боклерк, перелетев через гору, видит, как ее больной ребенок умирает у нее на руках. В Орийяке перед главными домами установлены виселицы; г-на де Ниоссея, бывшего помощника уголовного суда, посаженного в тюрьму ради собственной безопасности, вытаскивают оттуда, и его отрубленная голова бросается на навозную кучу; г-на Коллине, только что прибывшего с Мальты и подозреваемого в принадлежности к аристократии, вспарывают, разрезают на куски, и его голову повсюду носят на конце пика. Наконец, когда муниципальные чиновники, судьи и королевский комиссар начинают судебное разбирательство против убийц, они оказываются в такой большой опасности, что вынуждены уйти в отставку или сбежать. Аналогичным образом, в Верхней Гаронне,³³⁶⁷ также началось восстание "против лиц, не являющихся присяжными заседателями, и их последователей". Этому способствует тот факт, что в различных приходах конституционный кюре принадлежит к клубу и требует избавления от своих противников. Один из них в Сен-Жан-Лорне, "восседающий на повозке, проповедует мародерство толпе из восьмисот человек". Следовательно, каждая банда начинает с изгнания непокорных священников и принуждения своих сторонников присутствовать на мессе приведенного к присяге священника.—Но такой успех, совершенно абстрактный и бесплодный, приносит мало пользы, и крестьян в состоянии бунта не так-то легко удовлетворить. Когда приходы выходят дюжинами и посвящают свой день служению обществу, они должны получить некоторую компенсацию в виде дров, пшеницы, вина или денег,³³⁶⁸ а расходы на экспедицию могут покрывать аристократы. Сторонники не только присяжных заседателей - аристократы, как, например, пожилая леди, "очень фанатичная, которая в течение сорока лет тратила все свои доходы на благотворительность", "но и зажиточные люди, крестьяне или джентльмены"; ибо, "сохраняя вино и зерно непроданными в своих погребах и амбарах и не выполняя больше работы, чем им нужно, чтобы лишить рабочих в стране средств к существованию", они намереваются "уморить голодом" бедный народ. Таким образом, чем больше грабеж, тем больше пользы для общества. По мнению повстанцев, важно "уменьшить доходы, которыми пользуются враги нации, чтобы они не могли отправлять свои доходы в Кобленц и другие места за пределами королевства".

Следовательно, банды численностью в шестьсот, восемьсот или тысячу человек наводняют районы Тулузы и Кастельсарражена. Все собственники, аристократы и патриоты облагаются контрибуцией. Здесь, в доме "филантропичной, но фанатичной старой девы, они все взламывают, крушат мебель, забирая восемьдесят два бушеля пшеницы и шестнадцать бочек вина". В другом месте, в Рокферьере, сожжены документы на феодальный титул и разграблен замок. Далее, в Лассере, требуют тридцать тысяч франков, и все наличные деньги уносят. Почти везде муниципальные чиновники, вольно или невольно, разрешают грабежи. Более того, "они сокращают расходы на провизию до цены в ассигнациях, намного меньшей, чем их текущий курс в серебре", и удваивают стоимость рабочего дня. Тем временем другие банды опустошают национальные леса, и жандармы, чтобы не прослыть аристократами, не имеют другой идеи, кроме как ухаживать за грабителями.

После всего этого становится очевидным, что собственность больше не существует ни для кого, кроме нищих и грабителей.— Фактически, в Дордони, [3369](#) под предлогом изгнания священников, не причинивших вреда, часто собираются толпы, чтобы грабить все, что попадает им на пути Все зерно, которое находится в домах с флюгерами, конфискуется ". Крестьяне эксплуатируют в качестве общественной собственности все леса, все имущество эмигрантов; и эта операция радикальна; например, банда, найдя новый сарай, материалы для которого кажутся им хорошими, сносит его, чтобы поделиться друг с другом черепицей и бревнами. В Коррезе пятнадцать тысяч вооруженных крестьян, которые пришли в Тюль, чтобы разоружить и прогнать сторонников несудебников, ломают все в домах подозреваемых, и очень трудно отпустить их с пустыми руками. Как только они возвращаются домой, они грабят замки Сен-Галь, Сейлак, Гурдон, Сен-Базиль и Ла-Рошет, а также ряд загородных домов, даже у отсутствующих плебеев. Они нашли каменоломню, и никогда еще вывоз имущества не был таким полным. Они бережно уносят, говорится в официальном заявлении, все, что можно унести — мебель, шторы, зеркала, прессы для одежды, картины, вина, провизию, даже полы и деревянные панели, "вплоть до мельчайших фрагментов железа и деревянных изделий", разбивая остальное, так что от дома "не остается ничего, кроме четырех стен, крыши и лестницы". В Лоте, где в течение двух лет продолжается восстание, ущерб гораздо больше. В ночь с 30 на 31 января "все лучшие дома Суйяка" взломаны, "разграблены сверху донизу", [3370](#) их владельцев вынуждены бежать, и в департаменте происходит так много беспорядков, что у директории нет времени отчитываться о них министру. Целые районы охвачены восстанием, поскольку "в каждой коммуне все жители являются соучастниками, невозможно привлечь свидетелей для поддержки уголовного преследования, и преступление остается безнаказанным". В кантоне Кабрере требуется возмещение ранее собранной арендной платы и возмещение сборов, уплаченных за последние двадцать лет. Маленький городок Лазерте захвачен окружающими отрядами ополчения, и его разоруженные жители находятся во власти якобинских пригородов. В течение трех месяцев в округе Фигак "разграбляются и сжигаются все особняки бывших дворян"; затем нападают на голубятни "и все загородные дома, которые имеют хороший внешний вид". Банды босоногих "врываються в дома зажиточных людей, врачей, юристов, торговцев, взламывают двери погребов, выпивают вино" и бесчинствуют, как пьяные победители. В нескольких коммунах подобные экспедиции стали обычным делом; "в них встречается большое количество людей, которые питаются только грабежом", и клуб подает им пример. В течение шести месяцев в главном городе группа национальной гвардии, называемая "Черная банда", изгоняет всех, кто им негоден, "грабя дома по своему желанию, избивая до смерти, раня или калеча ударами сабли всех, кто был запрещен на их собраниях", и ни один

чиновник или адвокат не осмеливается подать жалобу. Разбой, позаимствовавший маску патриотизма, и патриотизм, позаимствовавший методы разбоя, объединились против собственности одновременно с прежним режимом, и, чтобы освободиться от всего, что внушает им страх, они захватывают все, что может обеспечить их добычей.

И все же это всего лишь окраина бури; центр находится в другом месте, вокруг Нима, Авиньона, Арля и Марселя, в стране, где в течение длительного времени конфликт между городами и конфликт между религиями разжигали и накапливали злобные страсти.³³⁷¹ Глядя на три департамента - Гард, Буш-де-Рон и Воклюз, можно представить себя в эпицентре войны с дикарями. Фактически, это вторжение якобинцев и плебеев и, следовательно, завоевание, лишение собственности и истребление — в Гарде рой национальных гвардейцев копирует жакерию: отбросы графства выходят на поверхность и покрывают Воклюз своими отбросами; шеститысячная армия из Марселя обрушивается на Арль. В округах Ним, Соммьер, Юзес, Алэ, Жалэ и Сент-Ипполит документы о праве собственности сжигаются, владельцы требуют выкупа, а муниципальным чиновникам угрожают смертью, если они попытаются вмешаться; двадцать замков и сорок загородных домов разграблены, сожжены и снесены.— В том же месяце Арль и Авиньон,³³⁷² человека, отданные бандам Марселя и графства Конт, видят приближение конфискации и массовых убийств.— Вокруг коменданта, получившего приказ эвакуировать Арле,³³⁷³ "жители всех сторон" собираются как просители, "со слезами на глазах умоляя его не бросать их; женщины и дети цепляются за его сапоги", так что он не знает, как освободиться, не причинив им вреда; после его отъезда тысяча двести семей эмигрируют. После выступления марсельского оркестра мы видим, как тысяча восемьсот выборщиков объявлены вне закона, их загородные дома на двух берегах Роны разграблены, "как во времена сарацинских пиратов", налог в размере 1 400 000 ливров взимался со всех людей в хорошем положении, отсутствующих или присутствующих, женщин и девушек разгуливали полуголыми верхом на ослах и публично пороли плетью". "Сабельный комитет" распоряжается жизнями, объявляет вне закона и казнит: это правление матросов, носильщиков и отбросов общества. В Авиньоне,³³⁷⁴ речь идет о простых разбойниках, поджигателях и убийцах, которые шестью месяцами ранее превратили Ледник³³⁷⁵ в склеп. Они возвращаются с триумфом и заявляют, что "на этот раз Ледник будет полон". Пятьсот семей уже искали убежища во Франции до первой резни; теперь вся остальная честная буржуазия, тысяча двести человек, обращается в бегство, и террор настолько велик, что маленькие соседние городки не осмеливаются принимать эмигрантов. Фактически, с этого времени оба департамента Воклюз и Буш-де-Рона становятся добычей: банды из двух тысяч вооруженных мужчин с женщинами, детьми и другими добровольными последователями путешествуют от коммуны к коммуне, чтобы жить, как им заблагорассудится, за счет "фанатиков". Они грабят не только хорошо воспитанных людей. У земледельцев равнин, облагаемых налогом в 10 000 ливров, расквартировано шестьдесят человек; их скот забивают и съедают у них на глазах, а в их домах все разрушено; их выгоняют из жилищ и они скитаются как беглецы по тростниковым болотам Роны, ожидая минутной передышки, чтобы переправиться через реку и укрыться в соседнем департаменте.³³⁷⁶ Таким образом, с весны 1792 года, если какой-либо гражданин подозревается в недружелюбии или даже в безразличии к правящей фракции, если, по одному мнению, добросовестный, он рискует смутной возможностью недоверия или подозрительности, он подвергается народной вражде, грабежу, изгнанию и тому худшему; неважно, насколько лояльным может быть его поведение, насколько он лоялен в глубине души, неважно, что он безоружен и безобиден; все равно, будь то дворянин, буржуа, крестьянин, престарелый священник или женщина; и хотя

общественная опасность все же не велика, не присутствует и не видна, поскольку Франция находится в мире с Европой, и правительство все еще существует в полном составе.

IX.—Общее общественное мнение.

Три колонны священников, не являющихся юристами, на берегу Сены.— Психологические аспекты революции.

Что же это будет тогда, теперь, когда опасность, уже ставшая ощутимой и серьезной, с каждым днем возрастает, теперь, когда началась война, когда армия Лафайета в замешательстве отступает, когда Ассамблея объявляет страну в опасности, когда король свергнут, когда Лафайет дезертирует и уезжает за границу, когда земля Франции захвачена, когда пограничные крепости сдаются без сопротивления, когда пруссаки вступают в Шампань, когда восстание в Вандее добавляет язвы гражданской войны к угрозам внешней войны, и когда раздается крик о предательстве, возникающем со всех сторон? Уже 14 мая в Меце, [3377](#) г. де Фикельмон, бывший каноник, замеченный беседующим с гусаром на площади Сен-Жак, был обвинен в измене народу от имени принцев, его увезли, несмотря на тройной строй охраны, избили, пронзили и изрезали палками, штыками и саблями, в то время как обезумевшая толпа вокруг убийц издавала крики ярости: и из месяца в месяц, по мере того как возрастают народные страхи, народное воображение становится все более разгоряченным и его бред растет.— Вы сами можете убедиться в этом на одном примере. 31 августа 1792 года, [3378](#) восемь тысяч священников, не являющихся юристами, изгнанные из своих приходов, находятся в Руане, городе менее нетерпимом, чем другие, и, в соответствии с указом, который изгоняет их, готовятся покинуть Францию. Два судна только что увезли около сотни из них; еще сто двадцать человек отправляются в Остенде на более крупном судне. Они ничего не берут с собой, кроме небольшого количества денег, кое-какой одежды и одной или, самое большее, двух частей своего требника, потому что намерены скоро вернуться. У каждого есть обычный паспорт, и непосредственно в момент отъезда Национальная гвардия провела тщательную проверку, чтобы не дать подозреваемому скрыться. Это не имеет значения. По прибытии в Куильбеф первые два конвоя останавливаются. Действительно, распространился слух, что священники собираются присоединиться к врагу и записаться в армию, и люди, живущие поблизости, прыгают в свои лодки и окружают суда. Священники вынуждены сойти на берег под шквал "воплей, богохульств, оскорблений и брани": один из них, седовласый старик, упал в грязь, крики удваиваются; если он утонет, тем лучше, одним будет меньше! По прибытии всех сажают в тюрьму, на голые камни, без соломы и хлеба, и в Париж посылают весточку, чтобы узнать, что нужно сделать с таким количеством ряс. Тем временем третье судно, испытывающее нехватку провизии, отправило двух священников в Куильбеф и Пон-Одемер, чтобы испечь тысячу двести

фунтов хлеба: по указанию деревенской милиции, их выгоняют, как диких зверей, они проводят ночь в лесу и с трудом находят дорогу обратно с пустыми руками. Само судно, которому подали сигнал, осаждено. "Во всех муниципалитетах на берегах реки непрерывно бьют барабаны, предупреждая население быть настороже. Появление алжирского или триполитанского корсара на берегах Адриатики вызвало бы меньший ажиотаж. Один из моряков судна опубликовал заявление о том, что сундуки перевозимых священников были набиты всевозможным оружием". и деревенским жителям постоянно кажется, что они собираются напасть на них с мечом и пистолетом в руках. Несколько долгих дней измученный голодом конвой остается пришвартованным в реке, за ним внимательно наблюдают. Лодки, наполненные добровольцами и крестьянами, гребут вокруг него, выкрикивая оскорбления и угрозы: на соседних лугах национальная гвардия выстраивается в боевую линию. Наконец, принято решение. Самые храбрые, хорошо вооруженные садятся в лодки, осторожно приближаются к судну, выбирают наиболее благоприятное время и место, врываются на борт и вступают во владение; и они совершенно удивлены, не обнаружив ни врагов, ни оружия.—Тем не менее, священники заперты на борту, а их заместители должны предстать перед мэром. Последний, бывший билетер и добрый якобинец, будучи самым напуганным, является самым жестоким. Он отказывается ставить штампы в паспортах и, увидев приближающихся двух священников, один из которых вооружен тростью-шпагой, а другой - палкой с железным наконечником, думает, что должно произойти внезапное нападение. "Вот еще два из них, - восклицает он с ужасом. - они все идут на посадку. Друзья мои, город в опасности!" — Услышав это, толпа встревоживается и угрожает депутатам; раздается крик "К фонарному столбу!", и, чтобы спасти их, национальные гвардейцы вынуждены вести их в тюрьму в центре круга штыков.— Следует отметить, что эти безумцы "в сущности, самые добрые люди в мире". После посадки на корабль один из самых свирепых, по профессии цирюльник, увидев длинные бороды этих бедных священников, мгновенно остывает, достает свои инструменты и добродушно принимается за работу, потратив на их бритье несколько часов. В обычное время священнослужители не получали ничего, кроме приветствий; три года назад их "уважали как отцов и наставников". Но в настоящий момент простак, человек низшего сословия, не в себе. Насильно и вопреки природе его сделали теологом, политиком, капитаном полиции, местным независимым монархом; и в таком положении у него кружится голова. Среди этих людей, которые, кажется, сошли с ума, только один, офицер Национальной гвардии, сохраняет хладнокровие; кроме того, он очень вежлив, хорошо воспитан и приятный собеседник; он приходит вечером утешать заключенных и пить с ними чай в тюрьме; на самом деле, он привык к трагедиям, и, благодаря своей профессии, его нервы в покое — этот человек палач. Остальные, "которых можно было бы принять за тигров", — сбитые с толку овцы; но от этого они не менее опасны; ибо, увлеченные своим бредом, они наваливаются всей своей массой на все, что их обижает. - По дороге из Парижа в Лион³³⁷⁹ Уполномоченные Ролана становятся свидетелями этого ужасного испуга. "Люди постоянно спрашивают, что делают наши генералы и армии; у них часто на устах мстительные выражения. Да, говорят они, мы отправимся в путь, но мы должны (сначала) очистить внутренние помещения".

Готовится нечто ужасное. Приближается седьмая жакерия, эта всеобщая и окончательная — сначала жестокая, а затем легальная и систематическая, предпринятая и осуществляемая на основе абстрактных принципов лидерами, достойными средств, которые они используют. Ничего подобного никогда не происходило в истории; впервые мы видим обезумевших зверей,

действующих в больших масштабах и в течение длительного времени под руководством обезумевших болванов.

Существует некая странная болезнь, обычно встречающаяся в кварталах бедноты. Рабочий, перегруженный работой, бедный и плохо накормленный, пристрастился к выпивке; с каждым днем он пьет все больше и больше, причем спиртных напитков самого крепкого сорта. Через несколько лет его нервная система, и без того ослабленная щадящим питанием, становится перевозбужденной и выходит из равновесия. Наступает час, когда мозг, пораженный внезапным инсультом, перестает управлять машиной; напрасно он командует, ибо ему больше не повинуются; каждая конечность, каждый сустав, каждая мышца, действуя отдельно и для себя, начинают конвульсивно выдавать диссонирующие импульсы. Между тем этот человек весел; он считает себя миллионером, королем, всеми любимым и вызывающим восхищение; он не осознает, какой вред причиняет сам себе, он не понимает данных ему советов, он отказывается от предлагаемых ему средств, он поет и кричит целыми днями и, главное, пьет больше, чем когда-либо. Наконец его лицо темнеет, а глаза наливаются кровью. Лучезарные видения сменяются черными и чудовищными фантомами; он не видит вокруг себя ничего, кроме угрожающих фигур, предателей в засаде, готовых напасть на него врасплох, убийц с поднятыми руками, готовых перерезать ему горло, палачей, готовящих для него пытки; и ему кажется, что он бредет по луже крови. Поэтому он выпадает в осадок, и, чтобы его самого не убили, он убивает. Никого больше не следует опасаться, ибо его бред поддерживает его; его сила огромна, его движения непредсказуемы, и он переносит, не обращая на них внимания, страдания и раны, от которых умер бы здоровый человек. Франция, подобно такому безумцу, измученная постом при монархии, опьяненная нездоровым наркотиком Общественного договора и бесчисленным количеством других фальсифицированных или жгучих напитков, внезапно поражена параличом мозга; сразу же у нее сотрясаются все конечности из-за бессвязной игры и противоречивых подергиваний ее нестройных органов. В это время она прошла период радостного безумия и вот-вот вступит в период мрачного бреда: узрите ее, способную на смелость, страдания и на все, способную на невероятные подвиги и отвратительное варварство, в тот момент, когда ее проводники, такие же непредсказуемые, как и она сама, укажут на врага или препятствие для ее ярости.

КОНЕЦ.

3301 (возвращение)

[Moniteur, XI. 763. (Заседание от 28 марта 1792 г.) — "Национальный архив", F7, 3235. (Обсуждение Директории департамента, 29 ноября 1791 г. и 27 января 1792 г. — Петиция муниципалитета Менде и сорока трех других, 30 ноября 1791 г.)]

3302 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3198. Протокол собрания муниципальных служащих Арля, 2 сентября 1791 г. — Письма королевских комиссаров и Национального собрания, 24 октября, 6, 14, 17, 21 ноября и 21 декабря 1791 г. - Комиссары, чтобы быть беспристрастными, посещают по

очереди мессу священника, не являющегося потерпевшим, и мессу священника противоположной стороны. "Церковь полна" первыми и всегда пуста вторыми.]

3303 (возвращение)

["Воспоминания" М. Мерильона для Фромана, *passim*.—Отчет М. Алькье, стр. 54.—Де Дампмартен, I. 208.]

3304 (возвращение)

[—Де Дампмартин, I. 208. Они восклицали крестьянам—католикам: "Allons, mes enfants, да здравствует король!" (возгласы энтузиазма): "Эти жалкие демократы, давайте покажем им пример и восстановим священные права трона и алтаря!" — "Как вам угодно, - отвечали крестьяне на своем наречии, - но мы должны крепко держаться за Революцию, ибо в ней есть кое-что хорошее". - Они сохраняют спокойствие, отказываются идти на помощь Юзесу и уходят в свои горы при первых признаках приближения из Национальной гвардии.]

3305 (возвращение)

[Это то, что автор Солженицын заметил о своих русских соотечественниках в интервью М. Пивоту на французском телевидении в 1998 году. (СТАРШИЙ.)]

3306 (возвращение)

[Добан, "Демагогия в Париже", стр.598; Письмо М. де Бриссака, 25 августа 1789 г.]

3307 (возвращение)

[Moniteur, X. 339. ("Дневник де Труа" и письмо из Перпиньяна, ноябрь 1791 г.)]

3308 (возврат)

[Меркюр де Франс, № от 3 сентября 1791 года. "Пусть Свобода будет дарована нам, и вся Франция преклонит перед ней колени; но благородные и гордые сердца будут вечно сопротивляться угнетению, которое носит ее священную маску. Они будут призывать к свободе, но свободе без преступлений, свободе, которая сохраняется без темниц, без инквизиторов, без поджигателей, без разбойников, без принудительных клятв, без незаконных коалиций, без бесчинств толпы; той свободе, наконец, которая не позволяет ни одному угнетателю остаться безнаказанным и которая не сокрушает мирных граждан тяжестью цепей, которые она разорвала".]

3309 (return)

[Rivarol, "Mémoires," p.367. (Письмо М. Сервана, опубликованное в "Актах об апокалипсисе".)]

3310 (возврат)

[Брат короля, позже ставший королем Франции под именем Людовика XVIII. (старший)]

3311 (возврат)

["Национальные архивы", F7. 3257. Официальные отчеты, расследования и переписка в связи с делом М. Бюсси (октябрь 1790 г.).]

3312 (возвращение)

[Отель Mercure de France, 15 мая 1790 года. (Письмо барона де Буа-д'Эзи от 29 апреля, зачитанное в Национальном собрании.) —Moniteur, IV. 302. Заседание от 6 мая. (Официальное заявление мирового судьи Витто, 28 апреля.)]

3313 (возврат)

["Национальные архивы", DXXIX. 4. Письмо М. Белен-Шательнота (близ Ане-ле-Дюка) председателю Национального собрания, 1 июля 1791 г. "В царстве свободы мы живем при самой жестокой тирании и в состоянии самой полной анархии, в то время как административные органы и полиция, все еще находящиеся в зачаточном состоянии, кажется, действуют только в страхе и трепете. . . . До сих пор во всех преступлениях они больше озабочены смягчением обстоятельств, чем наказанием за правонарушение. В результате виновные не смогли сдержать себя ничем, кроме нескольких ласковых фраз вроде этой: "Дорогие братья и друзья, вы неправы, будьте осторожны" и т.д. — Там же, F7, 3229. Письмо Директории департамента Марна от 13 июля 1791 г. (Обыски Национальной гвардии в замках и разоружение бывших привилегированных лиц.) "Ни одно из наших предписаний не было выполнено". Например, в резиденции мсье Гинемона в Мерри происходят разгром и насилие, даже унесены ружье, дробь и порох егеря. "Мсье де Гинемон не имеет средств защитить себя от бешеной собаки или любого другого свирепого животного, которое может забраться в его лес или во двор". Мэр Мерри с Национальной гвардией, находящейся под принуждением, напрасно утверждает им, что они нарушают закон. —Петиция мадам д'Амбли, жены депутата, 28 июня 1791 г. Не имея оружия, от которого она уже отказалась, ее заставляют заплатить 150 франков.]

3314 (возврат)

["Национальные архивы", DXXIX. 4. Письма администраторов департамента Рона и Луара, 6 июля 1791 г. (М. Виле - один из подписантов.) - Mercure de France, 8 октября 1791 г.]

3315 (возвращение)

[Меркюр де Франс, 20 августа 1791 г., статья Малле дю Пана. - Все детали картины, которую я только что набросал, были предоставлены мне самой мадам Дюмуре. Я "уполномочен ее подписью гарантировать точность этого повествования".]

3316 (возвращение)

[Меркюр де Франс, 20 августа 1791 г., статья Малле дю Пана. "Судебное разбирательство, возбужденное в Лионе, подтвердило факт этого банкета каннибалов".]

3317 (возврат)

[Письмо Департамента заканчивается таким то ли наивным, то ли ироничным выражением: "Теперь вам осталось совершить только одно завоевание - заставить людей повиноваться закону".]

3318 (возврат)

["Национальные архивы", Стр. 7, 3200. Смотрите документы, относящиеся к делу от 5 ноября 1792 года и событиям, которые предшествовали ему или последовали за ним, и среди прочих "Письма директории и прокурорско-синдикального департамента"; "Петиция и памятные записки для детей"; "Письма Темина", М. де Моран.—Moniteur, X. 356. "Протоколы собрания муниципалитета Кана" и "Дирекции департамента", XI.1264, 206. "Взаимопонимание сторон" и документы судебного процесса. — "Национальный архив", там же. —"Письма М. Кайе", министра внутренних дел, 26 января 1792 г., от М. К. Д. де Понтекуланта, президента директории департамента, 3 февраля 1792 г. — Провозглашение Директории.]

3319 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3200. Письмо от 26 сентября 1791 г. — Письмо, найденное у одного из арестованных джентльменов. "Трусливая буржуазия, директора подвалов, клубный (якобинский) муниципалитет, ведущие против нас самую незаконную войну".]

3320 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3200. Письмо генерального прокурора Байе от 14 мая 1792 г. и Директории Байе от 21 мая 1792 г. — В Байе то же самое; беженцы разоблачены и находятся в опасности. Согласно их проверенным заявлениям, их едва ли насчитывалось сто. "Среди них действительно есть несколько священников, не причинивших вреда. (Но) остальные, по большей части, состоят из глав семей, которые, как известно, обычно проживают в соседних округах и которые были вынуждены покинуть свои дома после того, как стали или опасались стать жертвами религиозной нетерпимости или угроз группировок и разбойников".]

3321 (возвращение)

[Ленин, вероятно, прочитал это во время учебы в Париже и, возможно, получил подтверждение в своем плане создания новой элиты, элиты, которую он в конечном итоге начал использовать с 1917 года и далее, элиты, которая продолжает править Россией и большей частью мира сегодня. (СР.)]

3322 ([возврат](#))

[Отель "Меркюр де Франс", 4 июня 1790 г. (письмо из Каора от 17 мая и акт муниципалитета от 10 мая 1790 г.).]

3323 ([возврат](#))

["Национальные архивы", F7, 1223. Письмо графа Луи де Бомона, 9 ноября 1791 года. Его письмо, написанное в очень умеренном тоне, заканчивается так: "Вы должны признать, сэр, что очень неприятно и даже невероятно, что муниципальные чиновники являются зачинщиками беспорядков, которые происходят в этом городе".]

3324 ([возвращение](#))

[Меркюр де Франс, 7 января 1792 г. М. Граншье де Риом обращается в Директорию своего департамента с петицией в связи с покупкой кладбища, где четыре года назад был похоронен его отец; его цель - предотвратить его раскопки, что было предписано, и сохранить семейный склеп. В то же время он хочет купить церковь Сен-Поль, чтобы обеспечить продолжение месс во имя души своего отца. Директория отвечает (5 декабря 1791 г.): "принимая во внимание, что мотивы, которыми руководствовался заявитель в своем заявлении, являются притворством добрых чувств, под которым скрывается иллюзия, бессильная исказить здравый рассудок, Директория постановляет, что ходатайство сьера Граншье не может быть удовлетворено".]

3325 ([return](#))

[De Ferrières, II. 268 (April 19, 1791).]

3326 ([возвращение](#))

[Де Монлозье, II. 307, 309, 312.]

3327 ([возвращение](#))

[Moniteur, VI. 556. Письмо М. д'Эймара, коммодора, 18 ноября 1790 г.]

3328 ([возвращение](#))

[Меркюр де Франс, 28 мая и 16 июня 1791 г. (письма из Каора и Кастельно, 18 мая).]

3329 ([возврат](#))

[Меркюр де Франс, номер от 28 мая 1791 года. На празднике Федерации месье де Масси не приказал своей кавалерии надевать шапочки на острия мечей, что было трудным маневром. Из—за этого его обвинили в государственной измене и вынудили покинуть Тюль на несколько

месяцев. - "Национальные архивы", F7, 3204. Выдержка из протокола заседания трибунала Тюля от 10 мая 1791 г.]

3330 ([возврат](#))

["Национальный архив", F7, 3215, "Протокол собрания муниципальных служащих Бреста", 23 июня 1791 г.]

3331 ([return](#))

["Mémoires de Cuvier" ("Eloges Historiques," by Flourens), I, 177. Кювье, находившийся тогда в Гавре (1788), получил высшее образование в немецкой административной школе. "Господин де Сюрвиль, - говорит он, офицер полка Артуа, - обладает одним из самых утонченных умов и самыми дружелюбными характерами, которые я когда-либо встречал. Среди его товарищей было немало таких, и я всегда удивляюсь, как такие люди могли прозябать в малоизвестных рядах пехотного полка".]

3332 ([возвращение](#))

[Де Дампмартин, I. 133. В начале 1790 года "низшие офицеры сказали: "Мы должны чего-то требовать, ибо у нас по крайней мере столько же претензий, сколько и у наших солдат"", — г-н де Ларошжаклен после своего большого успеха в Вандее сказал: "Я надеюсь, что король, когда его восстановят в должности, даст мне полк". Он ни к чему большему не стремился ("Воспоминания мадам де Ларошжаклен"). — Ср. "Королевский офицер на службе Республике" М. де Безансене в "Письмах и биографии генерала де Домартена, убитого во время экспедиции в Египет.]

3333 ([возвращение](#))

[Переписка М. де Тиара, де Карамана, де Мирана, де Берчени и др., цитированная выше, passim.—Переписка М. де Тиара, 5 мая 1780 г.: "У города Ванн авторитетный стиль, который начинает вызывать у меня неудовольствие. Он хочет, чтобы король изготовил барабанные палочки. Первое бревно дерева дало бы их с большей легкостью и быстротой ".]

3334 ([возвращение](#))

["Национальные архивы", F7, 3248, 16 марта 1791 г. В Дуэ Николон, торговец зерном, повешен за то, что муниципальные власти не позаботились о введении военного положения. Комендант, господин де ла Нуэ, не имел права приказывать своим людям двигаться, и убийство произошло у него на глазах.]

3335 ([возврат](#))

[Последний из названных, в частности, погиб с героической кротостью (Меркюр де Франс, 18

июня 1791 г.). —Заседание от 9 июня, выступления двух офицеров полка Порт-о-Пренса, один из которых был очевидцем.]

3336 (возвращение)

["Де Дампмартин", II. 214. Дезертирство очень велико даже в обычные времена, обеспечивая иностранные армии "четвертой частью их боеспособных людей". —Ближе к концу 1789 года Дюбуа де Крансе, старый мушкетер и один из будущих "людей горы", заявил Национальному собранию, что старая система рекрутского набора обеспечивала армию "людьми без дома или занятий, которые часто становились солдатами, чтобы избежать гражданских наказаний" (Moniteur, II. 376, 381, заседание от 12 декабря 1789 г.).]

3337 (возвращение)

["Национальный архив", КК, 1105, Переписка М. де Тиара, 4 и 7 сентября 1789 г., 20 ноября 1789 г., 28 апреля и 29 мая 1790 г. "Дух неподчинения, который начинает проявляться в полку Бассиньи, - это эпидемическая болезнь, которая незаметно распространяется среди всех войск. ... Все войска находятся в состоянии гангрены, в то время как все муниципалитеты выступают против получаемых ими приказов относительно передвижения войск".]

3338 (возвращение)

["Национальный архив", Н, 1453. Переписка г-на де Бершени от 12 июля 1790 г.]

3339 (возвращение)

["Оправдывающая записка" (автор Грегуар) от имени двух солдат, Эмери и Делайля.—Де Буйе, "Воспоминания". —Де Дампмартен, I.128, 144.—"Национальный архив", К.К., 1105, Переписка М. де Тиара, 2 и 9 июля 1790 г. —Moniteur, заседания 3 сентября и 4 июня 1790 г.]

3340 (возвращение)

[Де Буйе, стр. 127.—Moniteur, заседания от 6 августа 1790 г. и от 27 мая 1790 г. —Полные подробности в подлинных документах дела в Нанси, *passim*.-Отчет М. Эммери от 16 августа 1790 г. и другие документы в Бюше и Ру, VII. 59-162.—Де Безансене, стр.35. Письма М. де Доммартена (Мец, 4 августа 1790 г.). "Тамошняя Федерация скончалась спокойно, только вскоре после этого некоторым солдатам полка пришло в голову разделить(военный) фонд, и они сразу же поставили часовых у двери офицера, отвечающего за сундук, заставив его открыть его (обезвреживание). С тех пор еще один полк отправил всех своих офицеров под арест. Третья подняла мятеж и хотела отвести всех своих лошадей на рыночную площадь и продать их ... Повсюду слышно, как солдаты говорят, что если им нужны деньги, они знают, где их найти".]

3341 (возврат)

["Национальный архив", F7, 3215, письма королевских уполномоченных, 27 сентября, октябрь 1, 4, 8, 11, 1790. начало революции было больше всего связано с восстаниями во внутренних районах. "Какие средства могут использовать четыре комиссара, чтобы убедить 20 000 человек, большинство из которых совращены настоящими врагами общественного благосостояния? Вследствие замены людей экипажи по большей части состоят из тех, кто почти ничего не смыслит в море, кто ничего не знает о правилах субординации и кто в начале Революции имел самое непосредственное отношение к восстаниям во внутренних районах страны".]

3342 (вернуться)

[Отель Mercure de France. 2 октября 1790 года. Письмо адмирала м. д'Альбера де Риома от 16 сентября. Солдаты "Величества" отказались от строевой подготовки, а матросы "Патриота" - от подчинения.— Я хотел заранее выяснить, есть ли у них какие-либо жалобы на своего капитана? — Нет.—Жаловались ли они на меня?— Нет.-Были ли у них какие-либо жалобы на своих офицеров?- Нет. — Это восстание одного класса против другого класса; их единственный клич - "Да здравствует нация и аристократы по-восточному!" Толпа установила виселицу перед домом господина де Мариньи, генерал-майора морской пехоты; он подал в отставку. Господин д'Альбер подает в отставку". — Там же, 18 июня 1791 г. (письмо из Дюнкерка, 3 июня).]

3343 (возвращение)

[Де Дампмартин, I. 222, 219. Mercure de France, September 3, 1791. (Заседание от 23 августа.) — Ср. Moniteur (та же дата). "Древний режим", стр.377.]

3344 (возвращение)

[Маршал Мармон, "Воспоминания", I. 24. "Чувство, которое я питал к личности короля, трудно определить ... (Это было) чувство преданности почти религиозного характера, глубокое уважение, как будто к существу высшего порядка. В то время слово "король" обладало магической силой во всех чистых и честных сердцах, в которых ничего не изменилось. Это тонкое чувство ... все еще существовало в массе нации, особенно среди знатных людей, которые, будучи достаточно далеки от власти, были скорее впечатлены ее блеском, чем ее несовершенством". Де Безансене, 27. Письмо месье де Доммартена, 24 августа 1790 года. "Мы только что возобновили нашу клятву. Я с трудом понимаю, что все это значит. Я, солдат, знаю только своего короля; на самом деле я повинуюсь двум господам, которые, как нам сказали, обеспечат мое счастье и счастье моих братьев, если они договорятся друг с другом".]

3345 (возвращение)

[Де Дампмартин, I. 179. Смотрите подробности его отставки (III. 185) после 20 июня 1792 г. — Меркюр де Франс, 14 апреля 1792 г. Письмо от офицеров батальона королевских егерей Прованса (9 марта). Солдаты запирают их в казармах, которые отказываются подчиняться их приказам, и они заявляют, что по этой причине они бросают службу и покидают Францию.]

3346 ([return](#))

[Rousset, "Les Volontaires de 1791 à 1794", p. 106. Письмо М. де Бирона министру (август 1792 г.); стр.225, письмо Везу, командира 3-го парижского батальона, в северную армию (24 июля 1793 г.).— "Резиденция во Франции с 1792 по 1795 год" (сентябрь 1792 г.). Аррас). Подробности этих жестоких разбирательств см. в примечаниях в конце тома II.]

3347 ([возвращение](#))

[Меркюр де Франс, 5 марта, 4 июня, 3 сентября, 22 октября 1791 года. (Статьи Малле дю Пэна.— Там же, 14 апреля 1792 г.). Более шестисот морских офицеров подали в отставку после мятежа эскадры в Бресте. "Двадцать два серьезных бунта в портах на борту кораблей остались безнаказанными, и несколько из них - по решениям военно-морского жюри". "Нет ни одного случая, чтобы какое-либо восстание в портах или на борту корабля, или какое-либо оскорбление морского офицера было наказано Нет необходимости искать где-либо причины оставления службы морскими офицерами. Согласно их письмам, все они отдают свои жизни Франции, но отказываются командовать теми, кто не желает подчиняться".]

3348 ([возвращение](#))

[Это было сделано Гитлером против евреев и коммунистами против их "врага" буржуа. (СР.)]

3349 ([возврат](#))

[Дювержье, "Указы от 1-6 августа 1791 г.; 9-11 февраля 1792 г.; с 30 марта по 8 апреля 1792 г.; 24-28 июля 1792 г.; с 28 марта по 5 апреля 1793 г.". — Отчет Ролана, 6 января 1793 г. Он оценивает это имущество в 4800 миллионов долларов, из которых 1800 миллионов должны быть вычтены для кредиторов эмигрантов; остается 3000 миллионов. Сейчас, на эту дату, ассигнации со скидкой в 55 процентов. от их номинальной стоимости.]

3350 ([возврат](#))

[Отель Mercure de France, 18 февраля 1792 г.]

3351 ([возвращение](#))

[Еще Тацит около 2000 лет назад отмечал, что "Ненавидеть человека, которому ты причинил боль, - часть человеческой природы". (СР.)]

3352 ([возвращение](#))

[Ср. об этом общем отношении духовенства, Саузой, V. I. и весь V. II. — Меркюр де Франс, 10 сентября 1791 г.: "Ни один беспристрастный человек не сможет не заметить, что посреди этого угнетения, среди стольких фанатичных обвинений, предлогом для которых является упрек в

фанатизме и бунте, еще не было проявлено ни одного акта сопротивления. Осведомители и муниципальные органы, управляемые клубами, привели к тому, что большое количество лиц, не являющихся присяжными заседателями, были брошены в застенки. Все они вышли из них или стонут там без суда, и ни один трибунал не признал никого из них виновным". — Отчет месье Кахье, министра внутренних дел, 18 февраля 1792 г. Он заявляет, что "ему ничего не было известно о каком-либо священнике, осужденном судом за нарушение общественного порядка, хотя несколькими из них были предъявлены обвинения". — Moniteur, 6 мая 1792 г. (Отчет Франсе де Нант) "За тридцать месяцев никто не был наказан".]

3353 (возврат)

[Об этих спонтанных жестоких действиях крестьян-католиков см. "Национальный архив", F7, 3236 (Лозер, июль-ноябрь 1791 г.). Обсуждение в округе Флорак, 6 июля 1791 года, и официальное заявление комиссара департамента о беспорядках в Испании. 5 июля Ришар, конституционный кюре, призывает муниципалитет приступить к его возведению в должность. "Церемония не могла состояться из-за улюлюканья женщин и детей и угроз различных лиц, которые восклицали: "Убейте его! задушите его, он протестант, женат и имеет детей"; и из-за невозможности войти в церковь, двери которой были заблокированы большим количеством женщин, стоящих перед ними: "— 6 июля он установлен, но с трудом. "Внутри церкви толпа женщин издавала громкие крики и оплакивала изгнание их старого кюре, когда они вернулись, на улицах большое количество женщин, выбитых из колеи видом конституционного кюре, отворачивали лица. ... и довольствовались тем, что произносили бессвязные слова. — не делая ничего большего, чем закрывали лица шляпами, бросаясь на землю". — 15 июля. Клерк больше не служит мессу и не звонит в колокола; кюре Ришар пытается позвонить в них сам, но люди угрожают ему жестоким обращением, если он рискнет. — 8 сентября 1791 г. Письмо от кюре из Фо, округ Сен-Шели. "В ту ночь я был на волосок от смерти из—за шайки бандитов, которые отобрали у меня дом священника, предварительно взломав двери и окна" (30 декабря 1791 г.). Другой кюре, который собирается вступить во владение своим приходским домом, подвергается нападению шестидесяти женщин, забрасываемых камнями, и, таким образом, преследуется за пределами прихода.— 5 августа 1791 года. Петиция конституционного епископа Менде и его четырех викариев. "Не проходит и дня, чтобы нас не оскорбляли при исполнении наших обязанностей. Мы не можем ступить и шага, не столкнувшись с улюлюканьем. Если мы выйдем, нам угрожают трусливым убийством и избиванием дубинками". —F7, 3235 (Нижний Рейн, письмо Директории Департамента, 9 апреля 1792 г.): "По крайней мере, десять из одиннадцати католиков отказываются признавать священников, приведенных к присяге".]

3354 (возвращение)

[Дювержье, указы (не санкционированные) от 29 ноября и 27 мая 1792 г. —Указ от 26 августа 1792 г., после падения трона.—Монитор, XII. 200 (заседание от 23 апреля 1793 г.). Доклад министра внутренних дел.]

3355 (возвращение)

[Лалье, "Округ Машкуль", стр.261, 263.— "Национальные архивы", F7, 3234. Требование прокурора коммуны Тоннен (21 декабря 1791 г.) об аресте или высылке восьми священников "при малейшем проявлении внутренней или внешней враждебности". — Там же, F7, 3264. Акт генерального совета Корреза (16, 17, 18 июля 1792 г.) о помещении под арест всех несудебных священников.—В период между этими двумя датами почти во всех департаментах в отношении лиц, не являющихся присяжными заседателями, совершаются акты различного характера и все большей строгости.]

3356 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3250. Официальное заявление директории департамента от 18 марта 1791 г. со всеми относящимися к нему документами.—F7, 3200. Письмо Директории Кальвадоса от 13 июня 1792 г. с допросами. Ущерб оценивается в 15 000 ливров.]

3357 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3234. Акт директории Лота от 24 февраля 1792 г. о беспорядках в Марманде.—F7, 3239, официальное заявление муниципального органа Реймса, 5, 6, 7 ноября 1791 г. Двое рабочих - штопальщик и чесальщик шерсти. Священник, совершавший крещение, посажен в тюрьму как нарушитель общественного спокойствия.—F7, 3219. Письмо королевского комиссара при трибунале Кагельсаррасина, 5 марта 1792 г.—F7, 3203. Письмо директории округа Ла-Рошель, 1 июня 1792 г. "Вооруженные силы, ставшие свидетелями этих преступлений и вызванные для ареста этих лиц с поличным, отказались подчиниться".]

3358 (возвращение)

[Меморандум Камиля Журдана (Сент-Бев, "Causeries du Lundi", XII. 250). Охранник отказывается оказывать какую-либо помощь, приходя слишком поздно и просто "чтобы стать свидетелем беспорядков, но никогда не подавлять их".]

3359 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3217. Письма кюре из Юзеса, 29 января 1792 г.; кюре из Але, 5 апреля 1792 г.; администраторов Гарда, 28 июля 1792 г.; прокурора г-на Гриоле, 2 июля 1792 г.; Кастанье, бывшего жандарма, 25 августа 1792 г.; г-на Гриоле, 28 сентября 1792 г. — Там же, F7, 3223. Петиция М.М. Тюри и Девеса от имени угнетенных Монпелье, 17 ноября 1791 г.; то же письмо министру, 28 октября 1791 г.; письмо М. Дюпена, прокурора, 23 августа 1791 г.; Акт Департамента, 9 августа 1791 г.; Петиция жителей Курмонтерраля, 25 августа 1791 г.]

3360 (возвращение)

[Moniteur, XII. 16, заседание от 1 апреля 1792 г. Выступление М. Лоро. "Смотрите, провинции охвачены пламенем, восстание в девятнадцати департаментах, и бунт повсюду заявляет о себе ... Единственная свобода - это свобода разбоя; у нас нет налогов, нет порядка, нет

правительства". *Mercure de France*, April 7, 1792. "Более двадцати департаментов сейчас участвуют в ужасах анархии и в более или менее разрушительном восстании".]

3361 (возвращение)

[*Moniteur*, XII. 30. Речь М. Кайлассона. Общая сумма имущества, проданного до 1 ноября 1791 года, составляет 1526 миллионов долларов; оставшаяся сумма для продажи составляет 669 миллионов.]

3362 (возврат)

[*"Национальные архивы"*, F7, 3225. Письмо директории Иль-и-Вилена от 24 марта 1792 года. "Национальная гвардия округа намеренно изгоняет всех неработающих священников, которые не были заменены, под предлогом неприятностей, которые они не преминули бы устроить на Пасху".]

3363 (возвращение)

[*Moniteur*, XI. 420. (Заседание от 18 февраля 1792 г.) Доклад М. Кахье, министра внутренних дел.]

3364 (возврат)

[*"Национальные архивы"*, F7, 3250. Низложение муниципальных служащих Госне и Хесдигуэля (округ Бетюн), 18 мая 1792 года. В этой экспедиции приняли участие шесть приходов; у жены мэра была веревка на шее, и ее чуть не повесили.—*Moniteur*, XII, 154, 15 апреля 1792 г. — *"Национальный архив"*, F7, 3225. Письмо Директории Иль-и-Вилена от 24 марта 1792 г. и официальное заявление уполномоченных от округа Витре; письмо той же директории от 21 апреля 1792 г. и отчет уполномоченных, отправленный в Ачинье 6 апреля.]

3365 (возвращение)

[*Moniteur*, XII. 200. Отчет М. Кахье, 23 апреля 1792 г. Директории этих четырех департаментов отказываются отменить свои незаконные действия, утверждая, что "их вооруженные национальные гвардейцы преследуют непокорных священников".]

3366 (возвращение)

[*Отель "Меркюр де Франс"*, 7 апреля 1792 года. Письма, написанные из Орильяка.— *"Национальный архив"*, F7, 3202.—Письмо директории округа Орильяк от 27 марта 1792 г. (с семью официальными заявлениями); директории округа Сен-Флур от 19 марта (с отчетом его уполномоченных); М. Дюрантона, министра юстиции, 22 апреля; петиция М. Лоруса, муниципальногочиновника Орильяка.—Письмо М. Дюрантона, 9 июня 1792 г. "Королевский комиссар округа Сен-Флур только что сообщил мне, что после ухода войск магистраты больше не осмеливаются выполнять свои функции среди окружающих их разбойников".]

3367 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3219. Письма М. Ниля, администратора департамента Верхняя Гаронна, 27 февраля 1792 г.; м. Сенфалья, 4 марта; директории департамента, 1 марта; королевского комиссара трибунала Кастельсаррасена, 13 марта.]

3368 (возврат)

[Ниже приведены некоторые примеры этих деревенских желаний: В Люнель 4000 крестьян и деревенских национальных гвардейцев стремятся войти, чтобы повесить аристократов. С ними их жены, ведущие ослов с "корзинами, которые они надеются унести полными".

("Национальный архив", F7, 3523. Письмо муниципального органа Люнеля от 4 ноября 1791 г.) В Юзесе с большим трудом удастся избавиться от крестьян, которые пришли, чтобы изгнать католических роялистов. Напрасно "им дали вдоволь еды и питья"; они уходят "в дурном расположении духа, особенно женщины, которые вели мулов и ослов, чтобы унести добычу, и которые не ожидали вернуться домой с пустыми руками". (Де Дампмартен, I. 195.) По поводу осады Нанта вандейцами: "Одна пожилая женщина сказала мне: "О, да, я была там, при осаде. Мы с сестрой захватили с собой свои сумки. Мы рассчитывали дойти по крайней мере до Рю де ла Кассери" (улица ювелирных лавок). (Мишле, V 211.)]

3369 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3209. Письма королевского комиссара при трибунале Муцидана, 7 марта 1792 г.; прокурора округа Сарлат, январь 1792 г. - Там же, F7, 3204. Письма администраторов округа Тюль от 15 апреля 1792 г.; директории департамента от 18 апреля; петиция Жака Лабрюка и его жены с официальным заявлением мирового судьи от 24 апреля. "Все эти акты насилия совершались на глазах у муниципальных властей. Они не предприняли никаких шагов, чтобы предотвратить их, хотя были своевременно уведомлены о них".]

3370 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3223. Письма М. Бриссона, комиссара военно-морских классов Суйяка, 2 февраля 1792 г.; директории департамента, 14 марта 1792 г. -Петиция братьев Барри (с подтверждающими документами), 11 октября 1791 г.—Письмо прокурора департамента, 4 апреля 1792 г. Отчет уполномоченных, отправленный в округ Фигак, 5 января 1792 г. Письмо администраторов департамента, 27 мая 1792 г.]

3371 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3217. Официальные отчеты комиссаров департамента Гард от 1, 2, 3 и 6 апреля 1792 года и письмо от 6 апреля. Один землевладелец облагается налогом в размере 100 000 франков.—Там же., F7, 3223. Письмо М. Дюпена, прокурора Леро, 17 и 26 февраля 1792 г. "В замке Пиньян у мадам де Лостанж не осталось ни одного целого предмета мебели. Причина этих беспорядков - религиозные страсти. Пять или шесть неверующих священников отступили в

замок" (Moniteur, заседание от 16 апреля 1792 г.). Письмо из директории департамента Гард.— Де Дампмартен, II, 85. В Юзе пятьдесят или шестьдесят человек в масках вторгаются в герцогский замок в десять часов вечера, поджигают архивы, и замок сгорает.]

3372 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3196. Официальные заявления Ожье и Фабра, администраторов Буш-де-Роны, отправленные в Авиньон 11 мая 1792 года. (Повторное появление Журдана, Мейнвиля и убийц из Ла-Гласиера произошло 29 апреля.)]

3373 (return)

[De Dampmartin, II. 63. Portalis, "Il est temps de parler" (pamphlet), passim. "Национальные архивы", F7, 7090. Меморандум уполномоченных муниципальной администрации Арля, IV год, Nivôse 22.]

3374 (возвращение)

[Отель "Меркюр де Франс", 19 мая 1792 года. (Заседание 4 мая.). Петиция сорока жителей Авиньона перед коллегией адвокатов Законодательного собрания. — "Национальный архив", F7, 3195. Письмо королевских комиссаров при трибунале Апт, 15 марта 1792 г.; официальный отчет муниципалитета, 22 марта; Письма Директории Апт, 23 и 28 марта 1792 г.]

3375 (возврат)

[Большой погреб, где хранился собранный за зиму лед для последующего использования. (SR.)]

3376 (возвращение)

["Национальные архивы", там же. Письмо Амьеля, президента бюро примирения в Авиньоне, 28 октября 1792 г., и другие письма министру Ролану.—F7, 3217, Письмо мирового судьи в Рок-Мор, 31 октября 1792 г.]

3377 (возврат)

["Национальные архивы", F7, 3246. Официальный отчет муниципалитета Меца (с подтверждающими документами), 15 мая 1792 г.]

3378 (возвращение)

["Воспоминания аббата Батона", одного из священников третьего конвоя (епископ назначен из Сез), стр. 233.]

3379 ([возврат](#))

["Национальные архивы" F7, 3225. Письмо гражданина Боннемана, комиссара министру Ролану, 11 сентября 1792 г.]

Конец Французской революции, том 1.